
ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ
Святослав ЛОГИНОВ
Святослав
ЛОГИНОВ

ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ

Святослав
ЛОГИНОВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Святослав ЛОГИНОВ

Том 1

МНОГОРУКИЙ БОГ ДАЛАЙНА

Фантастический роман

НИЖНИЙ НОВГОРОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ФЛОКС»
1994

ББК 84. Р 7
Л 69

Художник А. Морозов

Логинов С.

Л 69 Избранные произведения. Т. 1. Многорукий бог далайна: Роман. — Нижний Новгород: Флокс, 1994. — 381 с.: ил.

ISBN 5-87198-077-5

Российский автор Святослав Логинов, уже сделавший себе имя в жанре «фэнтези», впервые предлагает вниманию читателя свой роман «Многорукий бог далайна».

Невероятный мир, изначально предназначенный не для существования человека, но против него, населенный чудовищами, над которыми царит самое страшное и безжалостное — Многорукий Ёроол-Гуй. Но человек не только живет, он и борется... Можно сказать, что роман — о борьбе добра со злом. Однако кто может точно знать, что есть добро, а что — зло?

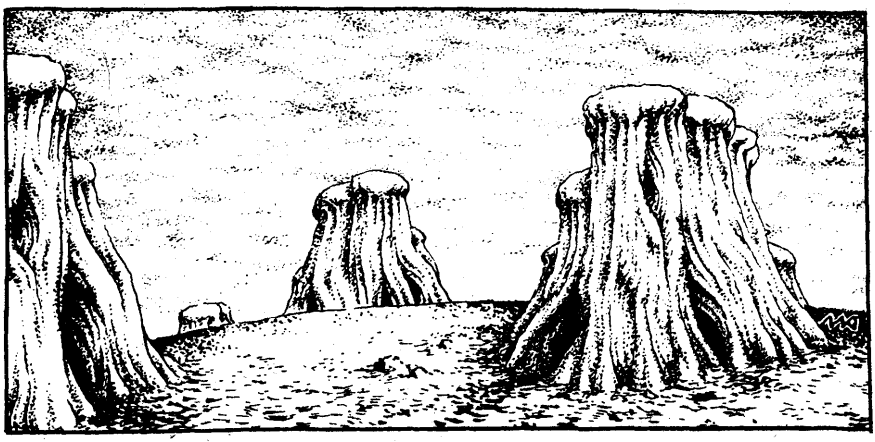
Л $\frac{4702010201—024}{Д\ 40(03) — 94}$ без объявл. ББК 84. Р 7

ISBN 5-87198-077-5

© Оформление. Издательство «Флокс». 1994

МНОГОРУКИЙ БОГ ДАЛАЙНА

НАСТЫРНОМУ АНДРЕЮ НИКОЛАЕВУ, КОТОРЫЙ ЗАСТАВИЛ МЕНЯ НАПИСАТЬ ЭТО.

Прежде начала времён в мире не было ничего, лишь посреди пространства стоял алдан-тэсэг, а на нём сидел старик Тэнгэр, который уже тогда был стар. Тэнгэр сидел на алдан-тэсэге и думал о вечном. И чем больше он думал, тем яснее ему становилось, что вечность длится долго и конца ей не видно. Тогда Тэнгэр сказал:

— Это правильно, что у вечности нет конца, а я — бессмертен, потому что для мыслей о вечном нужна вечность. В этом есть смысл, и мир всегда будет таким.

И тут он услышал голос:

— Ты ошибаешься, мудрый Тэнгэр!

Тэнгэр глянул вниз и увидел, как из тёмной дыры в подножии алдан-тэсэга выползло существо скверного вида.

— Я Ёроол-Гуй — обитатель бездны, — сказало существо. — Я родился из твоих отбросов и за это ненавижу тебя. Теперь я буду сидеть на твоём месте и думать о вечном, а ты пойдёшь вниз.

Тэнгэр, разгневанный такими словами, встал и схватил существо, чтобы запихать его обратно в дыру, из которой оно выползло, но Ёроол-Гуй обхватил Тэнгэра бесчисленными дюжинами цепких рук и начал биться с ним за право сидеть на тэсэге. Тэнгэр был сильнее, но Ёроол-Гуй прильнул к нему дюжиной дюжин жадных ртов и пил его кровь, поэтому Тэнгэр не мог сокрушить врага,

а тэсэг стоял пустой, и в мире не было порядка. Битва продолжалась долго, и, когда у вечности кончились древние века, Тэнгэр сказал:

— Ты видишь, что никто из нас не может победить, ибо мы оба бессмертны. Скажи, что хочешь ты теперь? Обещаю исполнить это ради тишины и моего спокойствия.

— Я хочу иметь место, где я мог бы жить, — ответил Ёроол-Гуй.

— Хорошо, я построю для тебя четырёхугольный далайн — обширный и не имеющий дна, я наполню его водой, чтобы ты мог плавать, населю всякими тварями, мерзкими и отвратительными на вид, а ты будешь владычествовать над ними.

— Ещё я хочу, чтобы там тоже был тэсэг, потому что и я люблю думать о вечном, — сказал Ёроол-Гуй.

— Пусть будет так, — согласился Тэнгэр. — Я поставлю в далайне квадратный остров — оройхон. Он будет опираться на восемь столбов, и на верхушке каждого из них встанет суурь-тэсэг, что значит: место, откуда далеко видно.

— Но пусть и на оройхоне водятся твари, годные мне в пищу: я буду их убивать, потому что ненавижу всех, умеющих ходить.

— Ты хочешь многого, — сказал Тэнгэр, — хотя я согласен и на это. Но тогда я построю не один, а пять оройхонов, чтобы ты не мог убить всех разом, потому что ты умеешь лишь ползать, и те, кто успеют убежать от тебя на соседний оройхон — будут в безопасности. Надеюсь, теперь ты доволен?

— Нет, — сказал Ёроол-Гуй. — Мне надо, чтобы среди этих тварей была одна — похожая на тебя, как схожи капли воды, чтобы у неё были две руки и две ноги, чтобы она умела разговаривать и думать о вечном. Я буду убивать эту тварь в память о нашей битве и смеяться над тобой.

Нахмурился Тэнгэр.

— Ты зря просишь это, — сказал он, — но раз я обещал, то я создам для тебя человека. Только знай, что раз в поколение — а люди по твоей просьбе будут смертны — среди них станет рождаться илбэч — строитель оройхона. Он начнёт делать новые острова для себя и своих детей, островов будет становиться всё больше, вскоре появятся и такие, до которых ты не сможешь дотянуться, поскольку их со всех сторон закроют соседние острова, а твой путь — лишь один оройхон. И я не знаю, кто над кем будет смеяться в конце концов.

— Я проклинаю твоего илбэча! — вскричал Ёроол-Гуй. — Он нигде не найдёт покоя и не встретит счастья. У него не будет друзей, и даже родня станет издеваться над ним. А если он хоть кому-нибудь скажет о своём даре, то проживёт не больше дня. Я буду охотиться за ним неутомимо, он не уйдёт от моей мести,

даже если выстроит оройхон на краю мира. Граница встретит его жаром и пламенем, и он не сможет ни жить там, ни убежать из далайна. Так я сказал!

— Ты сказал всё? — спросил Тэнгэр.

— Нет, но моё последнее слово я скажу потом.

Промолвив так, Ёроол-Гуй уполз в тёмную дыру, а Тэнгэр пошёл строить далайн. Алдан-тэсэг остался пустым, и никто не думал о вечном.

Долго продолжалась работа, лишь на исходе срединных веков вернулся Тэнгэр, ударил по основанию алдан-тэсэга и, когда Ёроол-Гуй выполз, сказал ему:

— Я всё сделал по твоему слову.

Они вместе отправились к далайну, и Ёроол-Гуй, увидав, что всё исполнено, усмехнулся и произнёс:

— Я отравлю воду далайна своим ядом, так что это уже будет не вода, и когда-нибудь яд разъест стены далайна и растечётся по всему пространству, и нигде не останется места для глупого Тэнгэра.

— Что ж, — сказал Тэнгэр. — Это было твоё последнее слово, и пусть будет по-твоему. Но берегись, если прежде в далайне не останется места для тебя!

И поскольку это действительно были последние слова, то Ёроол-Гуй молча канул в глубине далайна, а Тэнгэр вернулся на алдан-тэсэг, думать о вечности, у которой кончились срединные века и начались новые.

ГЛАВА 1

Большущая тукка, не прячась, сидела на самом видном месте — на верхушке суурь-тэсэга. Не заметить её казалось просто невозможно. То есть, конечно, тукку всегда можно не заметить, её шкура сливается со скользким белесым нойтом, покрывающим в оройхоне каждый камень и каждую пядь. Тукка и сама похожа на камень, так что не мудрено пройти мимо, едва не наступив на неё. Рассказывают, что хромой Хулгал однажды, не разобрав, сел на тукку, и что именно с тех пор он хромает. Этому Шооран не верил — какая же тукка позволит сесть на себя? Хотя при опасности тукка предпочитает затаиться. Но на этот раз она пошевелилась, и Шооран заметил её. Такое случилось с ним впервые, обычно он лишь наблюдал, как большие мальчишки гоняют тукку, вздумавшую среди дня высунуться наружу. Чаще всего тукке удавалось улизнуть, но чем бы ни завершилось дело, венчала его всеобщая драка — мальчишки делили пойманную добычу или выясняли, кто виноват в неудаче. В любом случае, Шооран был слишком мал — и чтобы охотиться, и

чтобы драться. Он лишь следил за другими, восхищаясь ими и ненавидя, в предвкушении той минуты, когда сам вмешается в эту жизнь и, разумеется, для начала будет побит.

Но сейчас рядом никого не было, а тукка была. Шооран проворно снял старый истрёпанный жанч и, пригнувшись, начал подкрадываться к тукке. Он кинул жанч с пяти шагов и попал. Одежда накрыла тукку с головой, так что зверёк уже ничего не видел и не мог нырнуть в тёмные пещеры у подножия суурь-тэсэга. Эти дыры были так велики, что в них мог пройти взрослый мужчина, но в мокром оройхоне на такое в одиночку не решился бы ни один безумец. Дыры вели в шавар — подземные пещеры, до половины залитые едким нойтом, кишащие хищной и ядовитой мерзостью. Если бы тукка ушла в шавар, достать её оттуда стало бы невозможно. Но ослепшая тукка помчалась вперёд, волоча по слизи полы жанча. Шооран побежал следом. Он забыл об опасности, о том, что мама запрещала отходить далеко от границы, а видел лишь тукку, которую надо догнать. Дважды он падал, вымазав в нойте ладони и чуть было не потеряв из виду беглянку. Потом он догнал тукку и попытался схватить её, но тукка ударила иглами, пробившими жанч разом в дюжине мест, и сумела вырваться. Но всё же это была удача, потому что проколотый жанч не мог слететь с головы зверя, и победа Шооранa становилась лишь вопросом времени. Об испорченной одежде и саднящих ладонях Шооран не думал — шкура большой тукки стоит дороже старого жанча, к тому же мама, конечно, сможет прокалить жанч на огненном аваре, а потом как-нибудь починить его.

Шооран схватил обломок камня и кинул. Делать так не полагалось — камень мог испортить иглы, но Шооран устал и обозлился. Он и так с утра забрёл чересчур далеко — много дальше, чем дозволялось ему, а теперь ещё бежал вслед за туккой, которая, казалось, и не думала уставать и, каждый раз, когда Шооран настигал её, выпускала всё новые иглы, безжалостно калеча кожу жанча, шипела и металась из стороны в сторону. Камень, впрочем, в тукку не попал, а, ударившись об один из мелких тэсэгов, поднимавшихся повсюду, разлетелся на хрупкие осколки. Тукка на мгновение остановилась, вертя замотанной головой и, видимо, ничего уже не соображая от страха, и тут Шооран схватил её. Он наступил на край жанча, рукой, пачкаясь в нойте, ухватил другой край и поднял жанч с запутавшейся в нём туккой на воздух. Тукка завертелась и зашипела отчаянно, но это не помогло ей. Шооран свёл полы вместе, крепко стянул их рукавами, и тукка оказалась упакованной в узел. Она могла шипеть и бить иглами, но освободиться не умела. Правда нести её придётся на вытянутой руке, чтобы не напороться на иглу.

Шооран гордо распрямился, подняв вверх узел, и вздрогнул, лишь теперь увидев, куда забежал, увлечённый погоней. Впереди не

было ни одного тэсэга, оройхон там кончался, а дальше, насколько хватало глаз, расстилалась бледная гладь далайна. Далайн казался живым, он дышал, по липкой тягучей влаге медленно пробегала дрожь. Временами на поверхности вздувался бугор, он бесцельно двигался, пока не опадал или не ударялся о край оройхона. Тогда на камне оставалась шевелящаяся груда поделённых на сегменты тел, извивающихся щупалец, каких-то спутанных волос. Влага растекалась по сторонам, загустевала, превращаясь в нойт.

Секунду Шооран обалдело смотрел на эту картину, о которой так много слышал, потом повернулся и бегом бросился назад. Он, никогда прежде не видавший далайна, отлично знал, что его глубины могут выпустить смерть. Житель далайна, страшный Ёроол-Гуй выбрасывался на берег и цепкими руками тащил к себе всех, до кого успевал дотянуться. А рук Ёроол-Гуй имел много и мог дотянуться до любого места в оройхоне. В такую минуту люди бежали к границе и, вжавшись между палящими аварами, пережидали беду. Последний раз такое случилось два года назад, когда Шооран был совсем маленьким. Он запомнил лишь темноту и отчаянный шёпот матери: «Не смотри! Не смотри!..» А что он мог видеть, если мама с головой укутала его в свой жанч и так крепко держала, что при одном воспоминании о том дне у него начинают болеть кости? И всё же именно тогда он понял, почему мама требует, чтобы он не отходил далеко от границы. Ведь только на узкой полоске между всесжигающими аварами и кромкой оройхона удавалось быть в безопасности. Жаль, что прокормиться на этой полосе не смогла бы и тукка, поэтому всем, даже детям, каждый день приходилось отправляться на загаженный нойтом оройхон, и Шооран, несмотря на предупреждения матери, постепенно уходил всё дальше от безопасной границы, пока, наконец, не достиг далайна.

Большие мальчишки хвастались, что ходят сюда чуть не ежедневно, но Шооран знал, что это неправда, и потому бежал, не пытаясь скрыть страх. Но через пару минут начало болеть под ложечкой, Шооран задохнулся и перешёл на шаг. Далайн был уже не виден, страх отпустил, и вновь стала радовать тукка, затянутая в узел и даже не пытающаяся выбраться на волю. Такая огромная тукка! За её шкуру можно получить всё, что угодно. Из шкуры тукки шьют башмаки, которые носят знатные цэрэги, живущие на сухих оройхонах, и даже сам царственный ван. Там, в сухих краях, есть много чудесных вещей, но тукки там нет... тем более такой большой. Из неё одной получится целый башмак. А если шить башмаки поменьше, то можно выкроить и два. Шооран представил свои ноги не в бесформенных буйях, а в башмаках из кожи тукки с иглами в носке и на пятке, чтобы удобнее было драться, и проникся гордостью за свой подвиг. А мясо тукки, говорят, очень вкусное... он никогда не пробовал его.

Шооран миновал уже два суурь-тэсэга и знал, что скоро окажется в знакомых местах. В отличие от простых, мелких тэсэгов, разбросанных повсюду словно бородавки, восемь суурь-тэсэгов располагались квадратами, они были высоки, и по ним удавалось легко найти дорогу. Шооран снова припустил бегом, но вдруг остановился. Навстречу ему из-за кривобокого тэсэга вышел Бутач.

Бутач был самым большим и отчаянным из мальчишек, он часто отнимал еду даже у взрослых женщин. Просто так он никого не трогал, но пройти мимо маленького мальчика да ещё с тугим узлом в руках не мог.

— Что промыслил? — ласково спросил Бутач.

— Ничего, — Шооран попятился.

— Ну, коли ничего, так давай сюда, — заключил Бутач. — Ведь если это «ничего», то тебе его не жалко. Так ведь?

— Не дам, — внутренне похолодев, сказал Шооран.

После таких слов немедленно должна была последовать взбучка, Шооран внутренне был готов к ней и даже согласен, что так и должно быть, но... только не сейчас. То есть пусть будет какая угодно взбучка, но тукку он не отдаст. Он поймал тукку сам... это его тукка...

— Это мама сказала отнести Боройгалу, — принялся врать он, отчаянно надеясь, что упоминание самого сильного из мужчин остановит грабителя. Однако на Бутача слова действовали слабо. Он протянул руку, намереваясь вырвать узел из ослабевших пальцев, но Шооран дёрнулся назад и резко, без размаха хлестнул Бутача узлом по лицу. Очнувшаяся тукка разом выпустила все свои иглы, щека Бутача мгновенно вспухла и окрасилась кровью. Узел развязался, тукка выпала. Ещё в воздухе она извернулась, чтобы приземлиться на ноги, и, ни секунды не мешкая, кинулась наутёк. Шооран метнул вслед жанч, но промахнулся. Может быть, он попал бы и на этот раз, если бы не Бутач. В первый миг тот замер, захлебнувшись криком — ядовитые иглы обожгли нестерпимой болью — но потом, увидев тукку, пересилил себя и, сбив с ног Шоорана, ринулся вдогонку.

Шооран поднялся, поднял окончательно изгаженный жанч. Тряслись руки, дрожали губы. Жизнь, только что казавшаяся замечательной, погибла безвозвратно. Тукка сбежала, и неважно, поймает её Бутач или нет: он теперь раздет, и руки болят, и неясно, что сказать маме, а Бутач, когда вернётся, попросту убьёт его. Такого не прощают никому и никогда — рубцы от игл останутся на лице Бутача на всю жизнь, так что Шоорану теперь лучше сразу и самому прыгать в далайн.

— Жирх вонючий! — выкрикнул Шооран самое страшное оскорбление, какое только знал.

Скорее всего, Бутач не услышал его, да и что мог добавить крик

к тому, что он уже сделал? Ничто не могло ни исправить беды, ни сделать ему ещё хуже. Шооран медленно поплёлся к дому. Здесь уже было много людей: женщины тонкими палочками разгребали жидкую грязь, выискивая съедобную чавгу, малыши играли в кашу-малашу, а те, кто постарше — в запретную, но вечную игру «Мышка, мышка, засоси!». Шооран не видел никого. Больше всего ему хотелось, чтобы весь оройхон провалился сейчас в глубины, и пусть, раз мир так несправедлив, не останется вообще ничего, лишь тягучая влага и безмолвные твари далайна, скверные на вид.

Шооран всхлипнул, дождавшись, наконец, слёз, и словно тяжёлое эхо донеслось в ответ на его судорожный всхлип. Сосущий чмокающий звук прокатился над приземистыми тэсэгами, заглянул в беспросветные недра шавара, вернувшись оттуда усиленным, и завершился бесконечно сильным мокрым шлепком, гулко отдавшимся в раскалённом аду приграничных аваров.

Долгий миг в воздухе висела оторопелая тишина, затем все разом закричали, началась паника. Испугались даже те, кто по малолетству не мог помнить этого звука: страх был безусловен, его воспитала память предков, погибавших под шумный хлюпающий вздох. Люди похватали кто что мог: грудных детей, оставленных на верхушке тэсэга, где посуше, мешки с чавгой и сырым харвахом, палки из хохиура и настоящего дерева, ещё какой-то скарб — бросать нельзя ничего! — и кинулись к огненной границе на узкую полосу, свободную и от огня и от влаги. Дети бежали вместе со взрослыми — кто-то сбивал их с ног и, не оглянувшись, бежал дальше, кто-то задерживал шаг и подхватывал на руки. Бежали трёхлетки, размешивавшие «кашу-малашу», сдуло игроков в «мышку»: лишь один — чемпион, кого неведомая «мышка» засосала особенно глубоко, бессильно дёргался, пытаясь освободить увязшие ноги, и отрывисто, вскриками плакал.

Шооран бежал вместе со всеми, не разбирая дороги, разбрызгивая вонючую грязь и перепрыгивая через камни. В усталые ноги словно вошла новая жизнь, иначе бы он ни за что не сумел добежать. Перебираясь через россыпь рыхлых камней, он оглянулся и увидел, как за ближними тэсэгами бугрится, отблёскивая, полупрозрачная студенистая масса, она ползёт, разрастаясь, настигая бегущих. Оттуда в воздух взлетали плети щупалец с присосками, роговыми когтями или смертельно-жгучей бахромой; щупальца отсекали дорогу и тащили извивающихся, кричащих людей. Другие руки — тонкие и гибкие — ныряли в шавар, выволакивали на свет то, что пряталось там. Тысячи отростков ощупывали каждую пядь суши, не пропуская и не щадя никого — великий Ёроол-Гуй хотел есть.

Одна из рук шумно упала впереди, преградила путь, растопырив пальцы, каждый из которых был похож на многоногого жирха, но

Шооран, взбежав на полуразрушенный тэсэг, сумел перепрыгнуть её, не коснувшись отростков. Кто-то мчался впереди, кто-то кричал сзади, Шооран ничего не разбирал и лишь вскрикнул, почувствовав, как его крепко ухватило за плечо, разом остановив. Шооран завизжал, повалился на землю, пытаясь высвободиться и бежать дальше, но неожиданно услышал негромкий и оттого особенно невозможный в эту минуту человеческий голос:

— Да остановись ты! Куда рвёшься? Тебе так необходимо изжариться поскорей?

Шооран открыл глаза и понял, что остался жив. Он сам не заметил, когда перескочил невысокий каменный поребрик, ограничивающий мокрый оройхон, и теперь у него под ногами была сухая твёрдая земля пограничного оройхона. Противоположный, огненный конец этого острова упирался в край мира, но здесь было даже не очень жарко и, главное, совершенно безопасно. За плечо Шоорана держал хромой Хулгал, на которого Шооран налетел сослепу, когда, не разбирая дороги, нёсся к огненным грудам аваров. Те из людей, кто успел скрыться в пограничном оройхоне, подобно Шоорану не могли остановиться и рвались вглубь, в самое пекло. Огонь, боль от ожогов, казались не так страшны, как тяжело ворочающийся всего в нескольких шагах Ёроол-Гуй. Было невозможно представить, что узенький поребрик, разделяющий оройхоны, неодолим для могучего гиганта. Ведь сами люди каждый день, не замечая, переступали эту преграду. Только Хулгал и остановленный им Шооран остались на краю, в нескольких шагах от смертельной зоны.

— Не тронет, кишка тонка нас здесь достать, — злорадно проговорил Хулгал.

Неловко переваливаясь, старик подошёл ближе и плюнул на ползущий совсем рядом щупалец: бесконечно длинный и тонкий, как нитка.

— Вот ведь пакость какая, там ему только попадись, а здесь ничего не может. Я его хорошо знаю — везёт мне на встречи. Раньше тоже бегал от него, отворачивался, а теперь — не боюсь. Но-но, место знай, тварь! — крикнул он и ударил палкой по кончику даже не щупальца, а словно бы уса или волоса, который слепо шарил по краю поребрика, безуспешно пытаясь перелезть через него.

Ус мгновенно обвился вокруг палки, натянулся струной и с лёгкостью вырвал её из старческой руки.

— Вот скотина! — огорчённо сказал Хулгал. — Палку слопал. Как же я теперь ходить буду?

Шооран не слушал болтовни старика, вызванной тем же нервным потрясением, что заставляло других лезть в огонь или лежать ничком, закрыв руками голову. Самого Шоорана тоже трясло, и он

следовал за Хулгалом словно сомнамбула, и если бы Хулгал перешёл сейчас роковую черту, то и Шооран, даже не поняв, что делает, тоже отправился бы на гибель.

Чудовище, взгромоздившееся на оройхон, на восемь суурь-тэсэгов разом, молчало, смолкли и крики погибавших; кроме громады Ёроол-Гуя на опустошённом оройхоне не осталось ничего живого. Лишь полчища рук Ёроол-Гуя продолжали жить своей жизнью: бесцельно крошили камень, с жирными шлепками окунались в грязь, резко разворачивались, будто стремились отбросить что-то. Потом студенистое тело раздалось в стороны, словно по нему провели глубокий разрез небывало огромной бритвой, и изнутри выдавился глаз — круглый и немигающий, большой, словно чан для харваха. Глаз жутко вращался, взблескивая чёрной глубиной расплывшегося зрачка, и вдруг остановился, вперившись почти осмысленным взглядом в лицо Шоорану. Взгляд тянул к себе, требовательно звал, и Шооран, шумно выдохнув воздух, шагнул навстречу, но костлявые пальцы Хулгала сомкнулись на плече, а дребезжащий голос разрушил наваждение:

— Ишь ты, голову дурит. Ты, малец, лучше не смотри, такое не каждому взрослому вынести можно, того и гляди сам к этому бурдюку на обед отправишься. Пойдём отсюда, он, похоже, надолго на наших тэсэгах расселся.

И, словно опровергая слова старика, заструились, укорачиваясь, щупальца, захлопнулись десятки ротовых отверстий с тёрками мелких зубов, скрылся глаз, и вся скользкая туша, вздрагивая и сокращаясь, поползла прочь. Ёроол-Гуй уходил.

Едва он скрылся из виду, как пограничная полоса ожила: раздались голоса, стоны, плач — ошпаренные люди полезли из-под защиты аваров. Они бегали, искали друг друга, звали погибших.

Шооран молча опустился на камень. Он смотрел туда, где только что копошились конечности хищной бестии, и медленные слёзы, не принося облегчения, текли по его щекам. Хулгал что-то говорил, потом поковылял прочь, должно быть, искать новую палку — Шооран ничего не слышал и не замечал. И лишь когда из сгущающейся вечерней темноты появилась мама, по всему оройхону ищущая пропавшего сына, схватила его на руки, принялась целовать, повторяя: «Живой! Живой!..» — лишь тогда Шооран с трудом выговорил:

— Мама, он всех съел: и того мальчика, и Бутача, и мою тукку. У меня всё было, а он пришёл и съел. Всё — даже палку Хулгала...

— Нет, нет! — смеясь и плача отвечала мама. — Он нас с тобой не съел, мы убежали...

— Всех съел, — не слыша повторял Шооран.

* * *

На следующий день те, кто остался жив, задумались, как существовать дальше. Округа была опустошена подчистую, пройдёт ещё не одна неделя, прежде чем в грязи зашевелятся жирхи с тошнотворной, но всё же съедобной плотью, созреет под чешуйчатой скорлупой водянистая чавга, а шавар заселят всевозможные существа, и среди них вожделенная тукка. Сейчас на оройхоне были истреблены даже заросли хохиура — вполне бесполезной травы, из которой только и можно сделать, что палочку для разгребания грязи. Короче — не осталось ничего, кормиться предстояло на соседних оройхонах, что, несомненно, не могло понравиться жителям тех мест.

Соседи жили с двух сторон, но стороны были явно неравноценны. На востоке простиралась обширная страна, состоящая из множества оройхонов, выстроенных Ваном — илбэчем, жившим много лет назад и оставившим следы своих трудов во всех землях. Правители восточных земель называли себя ванами и возводили свой род к знаменитому илбэчу, хотя всякий знал, что древнее проклятие обрекало строителя оройхона на одиночество. Но противоречить царственному мнению никто не смел, тем более, что удачливый Ван умер неразгаданным, и теперь на его счёт можно было строить какие угодно домыслы. Ближайший восточный оройхон выходил на далайн лишь одним углом, и хотя жизнь на нём, казалось, была такой же, что и на пострадавшем острове, но считался он особым, ибо прикрывал сухие земли царствующего вана. Соваться туда — значит столкнуться с хорошо вооружёнными и безжалостными цэрэгами, охраняющими от вторжения чужаков перенаселённые земли. Ясно, что на восток пути не было, в добрые времена цэрэги могли торговать, но никакой помощи не оказывали ни прежде, ни тем более сейчас.

На запад от того места, которое посетил Ёроол-Гуй, находился край вовсе безнадёжный. Пограничный оройхон там касался далайна, так что воздух, и без того нечистый, наполняли тягостные испарения от кипящего и сгорающего на аварах нойта. Там не было полностью безопасного места, такого, как здесь, и единственный мокрый остров, расположенный на западе, давал убежище самому жалкому отребью, которому не нашлось никакого иного клочка земли. Даже на ночь западные не могли уйти на сухое, смерть и болезни косили их беспощадней всего, западные изгои презирались всеми и всему миру платили ненавистью. Ждать помощи оттуда было так же наивно, как и с востока. Но больше идти было некуда — на юге пылала граница, на севере колыхал влагу далайн.

День поисков на разграбленном оройхоне не принёс добычи никому, и к вечеру уцелевшие люди собрались на совет. Говорили только мужчины, ведь именно им предстояло искать выход. Выход

оставался единственный — идти на запад, но делать это можно было по-разному. Ещё день назад, возникни такая нужда, мужчины собрались бы в отряд, и западным изгоям пришлось бы немедленно сдаваться на милость сильнейшего. Но теперь, когда больше половины обитателей оройхона погибли, такой путь становился опасным. Изгои могли не только дать отпор, но и попросту перебить ослабевших соседей, чтобы захватить их земли. Опустошённый оройхон пока не представлял ценности, а вот приграничная полоса — сухая и безопасная — привлекала многих.

Дело решил Боройгал — жилистый, неимоверной силы мужчина, холодно-жестокий и равнодушный ко всему на свете, кроме собственного удобства. Всё своё время Боройгал проводил на приграничной полосе, на мокрое старался не выходить, жил поборами, а также тем, что добывали две его жены, целый день копавшие чавгу в самых кормных, но зато и самых опасных местах. Вчера одна из них погибла, но это слабо огорчило Боройгала. К детям он был равнодушен, а жён всегда можно найти новых. В жизни Боройгал ценил лишь обильную жратву, возможность ничего не делать, да еще крепко заквашенную хмельную брагу, что готовят из перезревшей чавги.

— Воевать не станем, — сообщил Боройгал. — Людей осталось мало, так что завтра отправим к западным послов. Мы будем кормиться на их оройхоне, а потом примем у себя их людей. Но только крепкие семьи — те, где есть мужчины. Таких там немного, но они сила и заставят заткнуться остальную шушеру. Зато мы обойдёмся без войны.

— Так ведь и они станут кормить только крепкие семьи!.. — выкрикнул женский голос.

— Правильно, — согласился Боройгал. — Так и должно быть.

— А как же мы?

Боройгал повернулся на голос, колючий взгляд царапнул Шоорана, прижавшегося к матери, которая задала этот вопрос.

— Тебе надо было думать раньше, — язвительно сказал Боройгал, обнажив в улыбке чёрные пеньки сгнивших зубов. — Я тебя предупреждал.

Мама взяла Шоорана за руку, молча развернулась и пошла прочь. Шооран ничего не понял из короткого разговора между матерью и предводителем уцелевших, но почувствовал угрозу в словах Боройгала, и теперь был рад, что они с мамой уходят гордые и непобеждённые. Лишь когда они отошли так, чтобы их стало не видно, Шооран дёрнул маму за рукав и спросил:

— А что он тебя предупреждал? Он знал, когда Ёроол-Гуй придёт?

— Нет, он ничего не знал, — ответила мама. — Он просто мстит.

— За что? — удивился Шооран.

Он знал, как мстят мальчишки, избивая и вываливая в нойте противника, и знал, за что они могут мстить. Но какова месть взрослых, Шооран представить не мог и потому, не дождавшись ответа, снова дёрнул маму за рукав и переспросил:

— Как это мстит? За что?

— Когда-то он хотел, чтобы я пришла к нему третьей женой, — сказала мама, — а я отказалась. Вот он и зол на меня.

— Правильно отказалась! — поддержал Шооран. — Этот Боройгал здоровущий, а бездельник. Я и то лучше промышляю. Согласилась бы, так тебе же его и кормить пришлось бы.

— Не в этом дело, — сказала мама. — Он свою долю и так отбирал. Просто я не хотела с ним жить. Ты отца не помнишь, а ведь этот Боройгал по сравнению с ним словно мелкий жирх. Потому он и звал меня в жёны, что отцу завидовал... даже после смерти. А я отказала.

— Мама, а правда, что мой отец был илбэч, и что наш оройхон построен им? — спросил Шооран, на секунду вдруг поверивший в утешительную сказку всех одиноких мальчишек.

— Нет, что ты... — Мама опустилась на землю, притянула к себе Шоорана, словно младенца укутала его своим жанчем, и Шооран не возмутился, покорно приник к матери, затих, слушая. — Я жила с отцом очень долго, а илбэч не может сидеть на одном месте, он должен бродить по всем краям, выбирая место для нового оройхона. Когда проходит слух, что родился илбэч, люди, прежде недоверчивые, соглашаются пропускать через свои острова бродяг. Это тяжёлое, дурное время. Никто не хочет работать, все снимаются с мест в поисках новых земель или ждут, что их болотина станет вдруг сухим оройхоном, а они сами из грязекопателей превратятся в знатных цэрэгов. Бродяги воруют и грабят, опустошают оройхоны не хуже Многорукого. В конце концов, жители начинают бить их, забыв, что среди бандитов бродит и их спаситель. Постепенно слухи затихают, и люди остаются такими же нищими, как были. А когда и вправду начинают возникать новые острова, то получается ещё хуже. Кому-то везёт, а остальные пропадают, потому что Многорукий в такие годы приходит чуть не каждую неделю. Он ищет илбэча, но гибнут-то простые люди. Я хорошо помню, как это происходило больше дюжины лет назад, и не хочу второй раз пережить подобное, хотя именно тогда был построен наш оройхон. К тому времени многие из людей думали, что истории, которые рассказывают об илбэче Ване — сплошная выдумка. Со времён Вана прошло больше двойной дюжины лет. Ты представить себе не можешь, как это много — дюжина дюжин. С тех пор в мире не рождалось илбэчей, или они не желали строить оройхоны. Хулгал даже рассказывает, что сам Ван на двойную дюжину лет отдал дар илбэча Многорукому. Не знаю, кто прав, но только люди отвыкли от чудес. И вдруг оройхоны стали

появляться один за другим. Они возникали каждый месяц, иногда по нескольку штук. Тогда и начались беды, о которых я говорила. Все бросились искать лучшей доли, все мечтали о несбыточном, многие погибли, и никто не стал счастливее. Это продолжалось почти два года, и когда люди поняли, что илбэч исчез — скорее всего, Многорукий дотянулся к нему, — то оказалось, что в стране не стало ни единым сухим оройхоном больше, илбэч натыркал свои острова как попало, все они непригодны для жизни, лишь изгои обитают там, и банды ночных пархов прячутся от войск вана. С тех пор последнего илбэча называют безумным, да, наверное, он и был не в себе. Дар илбэча слишком тяжёл для нормального человека, так что не стоит верить всему, что рассказывают о Ване. Впрочем, наш оройхон безумный илбэч поставил так, что у нас появилась сухая полоса вдоль аваров. Поэтому здесь не принято ругать безумного илбэча. Но и вспоминать о нём лишний раз — не стоит. Пусть старик Тэнгэр думает о героях, мы с тобой их ждать не будем. Я бы никогда не согласилась стать женой илбэча. Через два поколения его дела покажутся прекрасными, но не допусти мудрый Тэнгэр жить с ним рядом. Человек не должен мешаться в дела бессмертных и лишний раз будить Многорукого. Твой отец был обычным человеком, но самым лучшим из всех, кто ходил по оройхону. Если бы он захотел, он поселился бы в сухих краях и стал цэрэгом, но он говорил, что там правды ещё меньше, чем здесь. Поэтому он жил с нами. Он был добр и не только кормил семью, но и помогал слабым и одиноким. Пока он не умер, мы жили богаче вана. У отца были доспехи из панциря огромного гвааранза. В них он в одиночку спускался в шавар и приносил оттуда таких зверей, что посмотреть на них сбегался весь оройхон...

— Когда я вырасту, я тоже буду таким, — перебил Шооран. — Я уже поймал одну тукку, но она убежала.

— Ну, конечно, — согласилась мама. — Ты обязательно вырастешь и добудешь ещё не одну тукку, ведь ты очень похож на отца. Я была у него второй женой, люди говорят, что это плохо — первая жена чувствует себя забытой и обижается. Но у отца хватало любви на всех. Мы жили дружно, даже после того, как отец погиб. В шаваре не было зверя, способного победить его, но крошечный зогг сумел проползти под панцирь и ужалить в грудь. Три дня отец мучился, потом почернел и умер. И я теперь даже не могу назвать его по имени. Но с его первой женой мы продолжали жить дружно. Обычно жёны кличут друг друга сёстрами, но мы и в самом деле жили как сёстры. Любви твоего отца хватало нам даже после его смерти. Наверное, мы и сейчас жили бы вместе, но два года назад её взял Многорукий. У неё остался сын, он уже совсем взрослый и живёт сам, ты должен его знать, его зовут Бутач.

— Что?.. — спросил Шооран. — Бутач — мой брат?

— Ну, конечно, — сказала мама. — Ты разве не знал?

— Нет... — прошептал Шооран и, помолчав, добавил совсем тихо: — Лучше бы я отдал ему мою тукку. Тогда мы оба сумели бы убежать. Я же говорил, что Бутач остался на оройхоне.

— Тихо! — сказала мама. — Если он погиб, то называть его по имени нельзя. Имена всех умерших принадлежат Многорукому.

— Мама! — укоризненно сказал Шооран. — В это верят только женщины, а я — мужчина. Даже Многорукого я не боюсь называть по имени. Его зовут Ёроол-Гуй. Вот видишь — ничего не случилось.

— Всё равно — не надо, — сказала мама. — Не зови беду. Вот, поешь чавги и давай спать. Завтра мы уходим отсюда.

Они поужинали остатками старых запасов, легли на жаркую от близких аваров землю, прижавшись друг к другу и укрывшись одним жанчем. И, уже засыпая, Шооран повторил:

— Всё-таки лучше бы я отдал мою тукку...

* * *

Наутро, едва туман, плывущий по небу, окрасился в жёлтый цвет, мама подняла Шоорана, и они отправились на восток. Там, разумеется, знали о беде, постигшей соседей, и давно приготовились гнать прочь ищущих пристанища людей. Несколько дюжин воинов в роговых панцирях, в высоких утыканных иглами башмаках, в шлемах с прозрачными забралами, сделанными из выскобленной чешуи, ходили вдоль поребрика или сидели, положив на колени короткие копья. Поскольку положение было чрезвычайное, то командовал отрядом одонт — наместник вана. Это был грузный и уже немолодой мужчина, чрезвычайно страдающий от необходимости таскать на себе доспехи из кости и грубой кожи водяных гадов. Одонт сидел, сняв шлем и обмахиваясь пропитанной благовониями губкой. Пот каплями выступал на его лице и лысине. Вид у одонта был совершенно невоинственный, и Шооран немало удивился, когда мама направилась прямо к этому, никакого уважения не вызывающему толстяку.

Один из стражников, не поднимаясь с места, потянулся за камнем, лениво швырнул его в женщину.

— Эгей, гнилоедка, уползай в свой шавар, ты здесь никому не нужна!

— Доблестный одонт, — не глядя на стражника и не обращая внимания на удар, произнесла мать, — да пребудут вечно сухими твои ноги! Я пришла торговать, и у меня есть, что предложить тебе.

— Что у тебя может быть?! — оскорблённый невниманием цэрэг замахнулся копьём. — Убирайся вон!

— Я принесла харвах.

— Мокрая грязь!

— Мой харвах сухой, — возразила мать.

— Покажи, — впервые заинтересовался разговором одонт.

Мама достала из заплечной сумы пакетик из выдубленной кожи безногой тайзы, протянула его одонту. Начальник развернул свёрток, добыл из него щепотку коричневого порошка, понюхал, положил на камень и, повернувшись к цэрэгу, приказал:

— Проверь.

Цэрэг недовольно опустил копьё и склонился над крошечной щепотью порошка.

Шооран во все глаза следил за воином. Он не понимал, откуда у мамы харвах. На всём оройхоне один Хулгал осмеливался сушить это зелье, да и то лишь потому, что был калекой и не мог иначе прокормить себя. «Недолгий, как жизнь сушильщика», — говорила поговорка. Хулгал уже лишился глаза и двух пальцев на левой руке. Сушить харвах — всё равно, что дразнить Многорукого, так неужели Хулгал запросто подарил маме столько зелья? Такого не может быть.

Цэрэг ударил по концу копья кремнем, раздался громкий хлопок, яркая вспышка заставила воина отшатнуться.

— Хороший харвах, — похвалил одонт, наблюдая, как стражник утирает опалённую физиономию. — Что ты за него хочешь?

— Нам с сыном негде жить.

— И ты полагаешь, что я позволю тебе войти на острова сияющего вана только потому, что ты умудрилась украсть где-то немного харваха? — возмутился одонт. — Может быть, ты желаешь к тому же поселиться в моём доме и каждый день есть горячее?

— Я никогда и ничего не воровала, — возразила мать. — Этот харвах я собрала и высушила сама.

— Сушильщики всегда нужны, — задумчиво произнёс одонт. — Если бы ты была одна, я, пожалуй, пропустил бы тебя...

— Мама, не бросай меня! — отчаянно зашептал Шооран. — Я буду тебе помогать, я тоже стану сушильщиком...

Мама крепче сжала руку Шоорана и твёрдо ответила:

— Я пошла на это только ради сына. Вы должны пустить нас обоих или обоих прогнать.

— Ты говоришь так дерзко, словно Ёроол-Гуй отличает тебя от других людей. Гнилоеды, разговаривающие со мной таким тоном, очень скоро узнают, кто живёт в шаваре. Но сегодня я добр и пропущу вас обоих. Ты будешь готовить харвах для войск царственного вана, да не узнают его ноги сырости. Каждую неделю ты должна сдавать по два ямха хорошо высушенного харваха. Всё остальное, что ты изготовишь, пойдёт в твою пользу.

— Кроме праздника мягмара, — возразила мать. — Эта неделя принадлежит Многорукому, сушильщики в это время не работают.

— Ладно, ладно, — согласился одонт. — Мунаг, проводи её и покажи, где они будут жить.

Опалённый взрывом цэрэг сделал знак рукой, и Шооран вместе с мамой ступил на землю царственного вана.

Ничего вокруг не изменилось. Так же справа курились раскалённые авары, а слева тянулся мокрый оройхон, на котором копошились грязные оборванные люди. Правда, Шоорану показалось, что эти люди чересчур грязны и слишком оборваны. Но скорее всего, это действительно всего лишь показалось из-за того, что жители спешили раболепно поклониться идущему цэрэгу. На родном оройхоне Шоорана никто так низко не сгибался даже перед могучим Боройгалом. И было ещё одно отличие: всё пространство на сухой полосе почти вплотную к аварам было поделено на маленькие квадратики. На каждом квадратике кто-то жил, на колышках была натянута кожа водяных гадов, защищающая от огня аваров и мозглых туманов, несущих с далайна лихорадку. Под тентами хранились какие-то вещи, хотя хозяина порой не было видно рядом — значит, воровство процветало здесь не так пышно, как на свободном оройхоне.

Мунаг свернул к одному из закутков, отдёрнул шуршащий полог. Сначала Шооран не понял, что лежит перед ними на драной подстилке. Почудилось, что это кукла вроде тех, что лепят из грязи во время праздника мягмара, принося жертву Ёроол-Гую. И лишь потом он понял, что перед ним человек. Обмотанные тряпками руки, вздувшееся лицо, сквозь трещины обугленной кожи сочится сукровица. Закатившиеся глаза слепо поблёскивают сквозь щёлки опухших век, и лишь прерывистое дыхание указывает, что лежащий жив.

— Это наш сушильщик, — сказал Мунаг. — Ты могла выторговать гораздо больше, чем получила. Но всё равно, — стражник тряхнул бородой в мелких колечках сгоревшего волоса, — ты шальная баба. Не думал, что такие бывают. Будете жить здесь. Сегодня или завтра этого стащат в шавар, и всё добро станет вашим. Клянусь алдан-тэсэгом и вечными мыслями Тэнгэра, в первый раз вижу женщину-сушильщика! Право слово, ты мне нравишься, хоть и бешеная.

— Не смей ругаться на мою маму! — сказал Шооран.

— И сынок у тебя под стать. Мелкий, как жирх, а наглый, словно у него Ёроол-Гуй в приятелях. Давай, парень, вырастешь — в помощники себе возьму. Мне нравятся наглые. Желаю вам подольше уцелеть.

Мунаг повернулся и пошёл по дорожке, насвистывая под нос и задевая древком копья за развешанные кожи.

Шооран долго смотрел на лежащее тело, а потом спросил:

— Мама, что с ним?

— Наверное, у него вспыхнул харвах во время сушки, — ответила мама, — и он сгорел.

— Мама, не надо быть сушильщиком! — закричал Шооран. — Пойдём отсюда, я не хочу, чтобы и ты сгорела!

— Ничего, мальчик, — сказала мама. — Я буду очень осторожной.

* * *

Сырой харвах собирают в зарослях хохиура. Жёсткая трава быстро вырастет и, ещё не созрев, начинает гнить. Толстые ломкие стебли густо покрываются рыжей плесенью. Это и есть харвах. Грязные хлопья соскребают с веток, пока не наберётся полная торба — тяжёлая и мокрая. Потом мама прожарит харвах на аваре, и он превратится в тончайшую пыль, без которой не выстрелит ни тяжёлая пушка-ухэр, ни лёгкий татац, что свободно переносят двое солдат.

Уже больше года, как Шооран с мамой живут под рукой великого вана, и ничего плохого за это время не произошло. Шооран вырос, теперь он сам собирает харвах, ходит за ним по всему оройхону и не раз доходил к самому далайну. Больше он не бегает от далайна сломя голову, хотя и понимает, что разгуливать там зазря — не стоит. Впрочем, этот оройхон почти безопасен. Всего побережья в нём — дюжины три шагов, а значит, всегда можно успеть перескочить границу. Гораздо опаснее в центре — там далеко бежать.

Шооран поднял голову. Тяжёлая низкая волна только что расплескалась о край оройхона, влага ещё стекала сквозь груду разбитой живности; и какие-то мелкие существа, изгибаясь, прыгали на камне, стараясь достичь родной стихии. На самом краю конвульсивно шевелящейся кучи Шооран заметил толстое цилиндрическое тело. Зверь был ростом почти с человека и гораздо толще. Он шлёпал по камню стреловидным хвостом, но сразу было видно, что толстяк не может сам доползти до уреза влаги. Его гладкое брюхо лоснилось, словно намазанное жиром.

Авхай! Отличная находка! Не так часто этот зверь, совершенно беспомощный на берегу, но необычайно ловкий в далайне, бывает выброшен на сушу. Конечно, есть авхая нельзя, но зато у него хорошая кожа. Будет маме новый жанч.

Шооран, натягивая на ходу рукавицы, подбежал к гигантскому червю, ухватил его за хвост, покраснев от натуги, волоком оттащил шага на три от остальных существ. Пускай половина из них уже мертва, стоять рядом всё равно не стоит — чем меньше имеешь дела с тварями из далайна, тем дольше проживёшь. Ыльк в руку вцепится — мало не будет.

Авхай не сопротивлялся, на берегу тяжёлое тело не слушало его, но всё же волочить тушу до дома было немыслимо. Придётся потрошить добычу здесь, и бегом, пока кожа не задубела и не стала ломкой, нести её маме.

С собой у Шоорана был только деревянный нож, которым он соскребал харвах, но Шооран в любую минуту мог превратить его в настоящий кинжал — оружие опасное и запрещённое для всех, кроме благородных цэрэгов. Шооран достал из пояса тщательно спрятанное лезвие из прозрачной кости, вставил его в продолбленную выемку на ноже, покачал двумя пальцами, проверяя, прочно ли оно вошло в паз, примерившись ударил в основание головы авхая и быстро повёл нож вниз к хвосту. Кожа с треском уступила инструменту, упругая туша сразу обмякла, белая каша внутренностей хлынула наружу, заляпав всё вокруг. Шооран ухватил авхая за хвост, вытащил из зловонной лужи, тряхнул несколько раз, чтобы из шкуры вылились остатки наполнявшей её жижи, а потом свернул ещё живого зверя в рулон. Авхай шевелил длинными усами, обрамляющими беззубый рот, и эти замирающие движения выпотрошенного, превращённого в вещь тела, наполняли Шоорана гордостью удачливого добытчика.

Шооран подхватил почти полную сумку с харвахом, пристроил сверху скатанного в трубу авхая и поспешил к дороге.

По верхушке поребрика, разделявшего два оройхона, была проложена тропа. Шооран выбрал именно этот, более долгий, но зато безопасный путь — в центре мокрого оройхона, куда редко заглядывали караулы, его запросто могли ограбить. Не бог весь какая ценность — невыделанная шкура авхая, но Тэнгэр не думает о тех, кто не желает думать сам. И главное — лишние четверть часа пути оправдывались тем, что часть дороги проходила вдоль сухого оройхона.

Тропа круто, под прямым углом повернула, а вернее, её пересекла другая тропа, на которую и свернул Шооран. Теперь слева тянулась земля воистину сказочная. Конечно, и там, как повсюду, поднимали свои вершины восемь суурь-тэсэгов, и там каменными горбами выпирали из земли тэсэги помельче, но нигде не было ни единой капли нойта, во всяком месте можно было сесть и даже лечь, не боясь испачкаться, обжечься, отравиться. На узкой, доступной людям полосе огненного оройхона тоже было сухо, но поблизости от аваров не росло ничего, а здесь землю покрывала нежная, ничуть не похожая на жёсткий шуршащий хохиур трава. У этой травы были тонкие зелёные стебли, на верхушках которых качались гроздья не то ягод, не то семян — Шооран не знал, что это, но инстинктивно чувствовал, что гроздья съедобны, и судорожно сглатывал слюну, набегавшую от одного вида такого количества вольно растущей пищи.

В одном месте он увидел, как между тэсэгами течёт ручей. Это была настоящая вода, которую покупала для него мама. Вода текла совершенно свободно и, кажется, никуда. В ручье, наполовину скрытые водой, лежали медлительные толстые звери. Они смотрели на Шоорана пустым благодушным взглядом и сосредоточенно жевали плавающие в воде растения. Даже отсюда было видно, как беззащитны эти животные и как вкусно их мясо. Но в то же время Шооран знал, что их защищает сила более могучая и опасная, нежели самые ядовитые шипы и острые зубы. Здесь и там на делянках виднелись фигуры работающих, и если кто-то из них поднимал голову, то Шооран встречал опасливый и ненавидящий взгляд. Всё вокруг кому-то принадлежало, и за одну горсть зерна хозяин, не задумываясь, придушил бы похитителя. Чёткие границы, лежащие в основе оройхонов, определили и границы между людьми. В мирное время лишь цэрэгам и высшей знати дозволялось свободно переходить с одного оройхона на другой, остальные годами сидели на своем крошечном пятачке, радуясь, что они здесь, а не на мокром, где в любую минуту из вздыбившегося далайна может явиться жаждущий крови Ёроол-Гуй. И ненависть к болотному отребью: грязному, вонючему и оборванному, покрытому язвами и болячками, но живущему на единую каплю свободнее, неугасимо пылала в их душах.

Всего этого Шооран не знал, он видел лишь, что всякий по левую сторону дорожки в сравнении с ним живёт, словно восседает на алдан-тэсэге, и окрашенную восхищением уверенность, что так и должно быть, и люди там особые, ещё не отравило сомнение. Но зато гордость в нём уже проснулась, и Шооран шёл, повернув свёрток так, чтобы на сухой стороне всем была видна голова авхая, изредка уныло двигавшая усами. Шооран поступал так почти безотчётно, и даже помыслить не мог, чем обернётся его невинное тщеславие.

Возле раскидистого туйвана, развалившего узловатыми корнями небольшой тэсэг, Шоорана окликнули:

— Эгей, гнилоед, а ну ползи сюда!

Под деревом Шооран увидел нескольких мальчишек. В центре сидел тот, кто позвал его. Он был значительно старше Шоорана, но вряд ли сильнее — ухоженное лицо было по-детски округлым и глуповатым. В руке он держал надкушенный плод, один из тех, что украшали крону царского дерева.

— Ползи сюда, когда тебе повелевает сияющий ван! — потребовал мальчишка.

Шооран не двинулся с места. Он впервые видел так близко детей сухого оройхона и теперь поражался их одежде — чистой и мягкой, розовым необожжённым рукам и не по возрасту детскому занятию — дома в великого вана играли только пятилетки — один приказывал, другие повиновались, выполняя команды. А здесь сидело и стояло с десяток почти взрослых парней. Один из них резко взмах-

нул палкой и выбил из-под руки Шоорана скатанную шкуру. Шооран наклонился, чтобы поднять её, но его ударили в спину, свалили и, заломив руки, подтащили к сидящему толстощёкому мальчишке.

Игра приобрела неожиданно неприятную окраску.

— Славная добыча! — сказал толстощёкий, разглядывая Шоорана. — Как ты посмел ослушаться, вонючка?

— Я работаю, мне некогда заниматься играми, — хмуро ответил Шооран.

— Вы слышали, что сказал этот пожиратель нойта?! — Сидящий не скупился на оскорбления. — Он работает!.. Кто позволил тебе ступить грязной ногой на мою землю?

— Вы сами меня затащили, — защищался Шооран, но его не слушали.

Внимание толстощёкого привлекла шкура, а вернее — голова авхая.

— Кутак, глянь, как они похожи! — обратился толстощёкий к одному из приятелей. — Это он свою невесту распотрошил. А ну, поцелуйтесь! — приказал он.

Парни обидно захохотали. Шоорану под нос сунули слизистую морду авхая с белесыми точками снулых глаз. Шооран попытался отвернуться, но ему продолжали тыркать в лицо беззубой пастью.

— Смотрите, он не хочет! — закричал толстощёкий. — Он бунтовщик! Бросить его в далайн!

Угроза казалась бессмысленной, до далайна была тройная дюжина шагов через мокрый оройхон, но когда Шоорана силой подняли на ноги, он заметил, что двое взрослых людей, возившихся неподалёку, отвернулись и спешно уходят, и понял, что хорошего ждать не приходится. Если его начнут окунать лицом в нойт... Шооран дёрнулся и сумел вырваться из зажавших его рук. Противники метнулись, отрезая Шоорану путь к отступлению, но Шооран не думал о бегстве. Эта банда просто так, играючись, нарушала все священные мальчишеские правила, и теперь Шоорану хотелось мстить. Он ринулся к толстощёкому и, не раздумывая, влепил оглушительную затрещину. Потом повернулся к остальным врагам. Те на секунду замерли, разом выдернули из-за кушаков короткие толстые палки и двинулись вперёд. По изменившимся лицам и замедлившимся движениям Шооран понял — пощады не будет. Убьют.

— Бейте его! — завизжал толстощёкий, но в этот момент Шооран, принявший единственное верное решение, прыгнул на него. Толстощёкий был старше и много крупней Шоорана, но оказался неожиданно слаб и рыхл. Шооран, даже не ощутив сопротивления, повалил врага на живот, левой рукой ухватил за чисто вымытые волосы, дёрнув, задрал ему голову, а правой приставил в жирной шее выхваченный кинжал. Масляно блеснуло полупрозрачное костяное лезвие.

— Назад! — предупредил Шооран подступающих парней. — А то ему не сдобровать.

— Ых-га... — подтвердил толстощёкий, кося глазом на щекочущее шею остриё.

Парни нерешительно расступились.

— И запомни, — раздельно произнёс Шооран, встряхивая для убедительности толстощёкого. — Ты мелкий вонючий жирх. Если ты ещё раз попадёшься на моём пути, я напою тебя нойтом и брошу в шавар. Понял?

Толстощёкий согласно икнул.

— Тогда повтори, что я сказал.

— Я... мелкий... вонючий жирх... Ты бросишь... меня... в шавар, если я попадусь.

— Сначала заставлю напиться нойта.

— Сначала... напиться нойта...

— Правильно, — Шооран рывком поднял толстощёкого на ноги. — Скажи своим, чтобы бросили палки и отошли в сторону.

— Отойдите... — полузадушенно прохрипел пленник.

— И учтите, тухлые слизни, если вы вздумаете идти за мной следом, ни один из вас не вернётся домой живым.

Шооран едва заметно шевельнул пальцем, по тончайшему, выточенному в кости каналу скользнуло жало зогга и чёрной брызгой повисло на острие. Парни попятились, палки со стуком полетели на землю. Шооран, волоча за собой толстощёкого, выбрался на тропу, поднял сумку и шкуру авхая. Часть харваха из сумы высыпалась, но Шооран не стал подбирать его. Он лишь пнул толстощёкого коленом под мягкие ягодицы, отчего тот кувырком полетел с поребрика, и бросился прочь. Никто за ним не погнался. Вообще-то Шооран хотел столкнуть пленника на мокрую сторону, в грязь, но в последнюю секунду ему стало жаль красивой и наверняка очень дорогой одежды.

Отбежав немного, Шооран спрыгнул с тропы на свой оройхон и, петляя между тэсэгами, помчался к дому. Лишь когда до сухой полосы, где жили они с матерью, оставалось всего несколько шагов, Шооран опомнился. Спрятавшись за ближайшим тэсэгом, он стряхнул с кинжала ядовитое остриё, осторожно отсоединил лезвие и хорошенько спрятал его.

Даже мама не знала, какое оружие хранит её сын. Костяной наконечник был подарком. Месяц назад охотники выволокли из шавара огромного гвааранза. Панцирь чудовища был отправлен в подарок одонту, а острые плавательные перья, из которых вырезали лезвия, разобрали цэрэги. Именно тогда недавно назначенный дюженником цэрэгов рыжебородый Мунаг снял со своего кинжала источенное остриё и бросил его Шоорану. Мунаг вообще хорошо относился к Шоорану и его маме, подолгу разговаривал с ними, ког-

да они приносили высушенный харвах, а, встретив на тропе Шоорана, громко кричал:

— Привет, маленький жирх!

— Привет, большущий Ёроол-Гуй, — отвечал Шооран.

Случившиеся поблизости жители испуганно бледнели при виде такого запанибратства, а Мунаг оглушительно хохотал, тряся бородой и распахнув тёмную, словно шавар, яму рта.

Лезвие Шооран привёл в порядок — вычистил и отполировал, подогнал свой нож под размеры костяного сокровища, рассверлил даже намертво забитый канал для колючек. Неделю по вечерам, скрывшись от посторонних глаз, вращал костяной иглой в замусоренном канале или правил остриё на куске кожи. Жало зогга, и не одно, а целых пять штук, Шооран добыл сам. Нарвал пятнистых стеблей хохиура и распихал их пышными метёлками вперёд в отверстия шавара. На следующий день вытащил те стебли, что остались целы, и в скукожившихся метёлках отыскал десяток зоггов. Оставалось только раздразнить зогга, чтобы он, угрожая, выставил жало, а потом резким движением раздавить крошечного гада, прежде чем он успеет выпрыснуть яд.

Конечно, Шооран знал, что за такой ножик, узнай о нём одонт, владельца немедленно отправят пройтись по шавару босиком, но удержаться не мог и изготовил всё, как надо.

Теперь нож выручил его, но в то же время хранить его стало опасно, особенно, если кто-нибудь из мальчишек донесёт о нём властям. Впрочем, Шооран надеялся, что этого не случится, в конце концов, первыми и всерьёз напали они, и вряд ли им захочется отвечать за свой поступок перед одонтом.

Приведя себя в порядок, Шооран вышел к палатке. Мама была дома. Шооран высыпал из сумы харвах и с гордостью раскатал перед мамой кожу авхая. Авхай уже полностью обездвижел, и это немного омрачало радость охотника.

— Какой ты молодец! — протянула мама восхищённо. — Настоящий охотник! Ты гляди — он ещё живой!.. — И действительно, словно специально, авхай округлил приоткрытый рот и замер на этот раз навсегда.

— Это для тебя, — довольно сказал сын. — Сшей себе новый жанч.

— Спасибо, — сказала мама. — Только как же быть, я сегодня не смогу кожу обработать, мне сейчас уходить надо, я уже вымылась, видишь?

— До завтра кожа испортится, — непонимающе сказал Шооран.

— Знаешь, что мы сделаем, — догадалась мама. — Мы попросим Саригай, она шкуру выскоблит и замочит в нойте, а я завтра доделаю всё до конца.

— Как же, согласится она... — недовольно протянул Шооран,

обиженный невниманием к своему подарку, — а если и согласится, то выскоблить кожу как следует не сумеет...

— Сумеет, — успокоила мама. — Я очень попрошу.

Когда соседка, обрадованная возможностью неожиданного заработка, ушла, захватив кожу, Шооран, всё ещё слегка обиженный, спросил:

— Мам, а куда ты идёшь?

— В гости, — шёпотом ответила мама. — Меня Мунаг пригласил.

— Он тебя в жёны берёт? — догадался Шооран.

— Нет, что ты... кто меня возьмёт, я же сушильщик. Он так просто пригласил. Но это неважно, он хороший человек, не злой. И ты ему нравишься.

— Да, Мунаг добрый, — сказал Шооран, вспомнив про нож.

Мама открыла большую флягу, которая обычно пустой лежала в углу, налила на ладонь несколько капель воды и, наклонившись, обтёрла лицо. Шооран смотрел молча, понимая важность момента. Потом, когда фляга была убрана, произнёс:

— У Мунага две жены, и обе моются водой каждый день. Они чистые и называют нас вонючками. Я знаю.

— Ну и что? — спросила мама.

— Я не понимаю, зачем Мунагу понадобилась ты. Может быть, он просто хочет посмеяться, — Шооран произнёс эту мучившую его фразу с решительным отчаянием, словно кидаясь в далайн. Но ничего не случилось. Мама улыбнулась.

— Мунаг сильный, — сказала она, — а его жёны... я не знаю, какие они — должно быть, молодые и красивые, и наверняка чистые, но ему скучно с ними. Ведь случается, что и блистающий одонт, ни разу в жизни не промочивший ног, живёт среди праздников и похвал более одиноко, чем последний изгой на мокром оройхоне. А может быть, ты и прав, а я просто девчонка, до сих пор не нажившая капли ума.

— Мама, — спросил Шооран. — Ты счастливая?

— Конечно. У меня есть ты. Вырос уже, совсем взрослый стал — вон о каких вещах задумался. Конечно, счастливая.

— А если не обо мне, а просто о жизни. Так — счастливая?

— Так — не очень.

— И я — не очень.

Мама скинула жанч, и Шооран увидел, что под ним одета не простая рубаха, а тонкий праздничный талх, недавно выменянный на сухом оройхоне и ещё ни разу не одёванный. Из потайного кармана жанча мама достала нитку драгоценного лазурного жемчуга, который изредка находят в самых жутких закоулках шавара.

— Надеть? — спросила мама и, не дожидаясь ответа, накинула ожерелье на шею.

— Какая ты красивая!.. — восхищённо протянул Шооран. — Это настоящий жемчуг? Откуда он у тебя?

— Его добыл отец. — Лицо матери омрачилось, она протянула руку, чтобы снять с шеи пронзительно голубую нить, но в этот момент полог навеса отлетел в сторону, сорванный сильной рукой, и в проёме показался тяжело дышащий Мунаг.

— Где он? — потребовал Мунаг.

— Кто? — не поняла мама.

— Твой Шооран только что зарезал любимого сына одонта.

— Неправда! — крикнул Шооран. — Я никого не резал!

Мунаг, только теперь заметивший Шоорана, шагнул к нему, выдернул из-за пояса у мальчика нож, осмотрел верноподданнически затупленный край.

— Ты не врёшь? — спросил он с угрозой.

— Честное слово. Они хотели бить меня палками, а я их только пугал. Они первыми схватили меня...

— Ты клянёшься, что на наследнике нет ни единой царапины? — Мунаг приблизил к лицу Шоорана бешеные глаза.

— Как перед Ёроол-Гуем, — подтвердил Шооран.

— Где накладка? — Мунаг протянул ладонь.

Шооран покорно достал спрятанное лезвие. Глаза у мамы расширились, она испуганно зажала рот рукой.

— Иглы! — потребовал цэрэг.

— В ручке, — Шооран кивнул на нож.

Мунаг отковырнул затычку, удовлетворённо хмыкнул и пересыпал смертельные занозы в рукоять своего кинжала. Мама издала судорожный всхлип. Увидев тайный арсенал сына, она была готова поверить, что он действительно ворвался на сухой оройхон и зарезал не только любимого сына наместника, а всех его детей, жён, слуг и самого одонта вместе с ними.

— Сиди здесь! — приказал Мунаг и быстро вышел наружу.

— Я не хотел его трогать!.. — горячо зашептал Шооран. — Я даже в ойт его не скинул, хотя они заставляли меня целоваться с авхаем...

— Одонт всё равно не поверит, — выдавила мама сквозь побелевшие губы.

На улице зычный голос Мунага проревел: «Я тебе покажу, как ходить с ножом!» — потом послышался звук удара и плач Жаюра — малолетнего сына Саригай. Мунаг вернулся в палатку. В руке у него была детская игрушка — ножик из высушенного листа хохиура. Лист был жёлт и полупрозрачен, но костяное лезвие напоминал слабо.

— Не знаю, смогу ли что-нибудь сделать для вас, — произнёс Мунаг в раздумьи, — но попробую. Мне тоже не хочется, чтобы о моём оройхоне шла дурная слава. Запомни, у тебя никогда не было

ни ножа, ни игл, а только эта штучка. А теперь идём — одонт приказал доставить тебя к нему.

* * *

Одонт Хоргоон был наместником сияющего вана на самой западной окраине его владений. Провинция, отданная под управление Хоргоону, была до обидного мала — всего два сухих оройхона, а причиняла бед и волнений больше, чем любое обширное владение в центре страны. Ведь кроме приносящих радость сухих земель ему приходилось следить за четырьмя мокрыми и тремя огненными островами. В мокрых оройхонах, хоть они и считались покорными, никакого порядка не было, жители там шатались, где хотели и немногим отличались от мятежников и изгоев. По ночам на сухие края набегали шайки грабителей, вооружённых костяными пиками и режущими хлыстами из уса членистоногого парха. По этому страшному оружию грабители называли себя «ночными пархами». Они уносили с собой всё, даже то, что казалось невозможно сдвинуть с места, а к утру исчезали неведомо куда, словно проваливались в шавар. В провинции, где мокрых оройхонов насчитывалось вдвое больше, чем сухих, бороться с грабителями было крайне трудно. К тому же, мешала скудость средств — власти выделили одонту совсем небольшой отряд: двойную дюжину цэрэгов, и позволили, если понадобится, вооружать и содержать ещё сколько угодно воинов, но... за свой счёт. А какие могут быть доходы с двух оройхонов? Только-только обеспечить сносное существование, о том, чтобы состязаться в роскоши с правителями центральных земель — и речи нет. Где уж тут вооружать цэрэгов за свой счёт... Во всех делах приходилось опираться лишь на казённых воинов, гонять их по всякому поводу, и командиры дюжин, должно быть, костерили в душе доблестного одонта, да пребудут его ноги вечно сухими.

Но сегодняшние события заставили Хоргоона пожалеть, что он не содержит столько солдат, чтобы выловить и истребить всех мерзавцев с гнилых болотин. Любимый сын, рождённый от седьмой жены и названный в честь отца Хооргоном, вернулся домой избитым. Бандит, ворвавшийся с мокрой стороны, напал на него среди бела дня, глумился и угрожал, нацелив в горло нож, и лишь особая милость вечного Ёроол-Гуя спасла ребёнка от страшной смерти. А сыновья цэрэгов, приставленные к малышу для игр и защиты, ничем не помогли ему. Нечего сказать — отличные солдаты растут в землях вана! По счастью, один из парней признал нападавшего и указал, где тот живёт. Одонт повелел изловить и привести негодяя и приготовился усладить свой взор зрелищем его медленной смерти.

Когда дюженник Мунаг привёл Шоорана, лицо одонта удивлён-

но вытянулось. Преступник оказался так мал, что Хоргоон усомнился, того ли сборщика харваха доставили к нему. Однако призванные телохранители (сам юный Хооргон лежал в постели) дружно подтвердили: «он». Да и вид мальчишки, не научившегося ещё скрывать чувства, изобличал его — злодей явно узнал своих жертв. Теперь возраст гнилоеда не смущал судью — в конце концов, ползающий зогг ещё мельче, но не безобидней.

— Где ты взял нож, вонючая тварь? — багровея спросил одонт.

Мунаг поднялся к суурь-тэсэгу, на котором восседал одонт и, наклонившись, начал шептать в волосатое ухо. Шооран, брошенный на колени у подножия суурь-тэсэга, разбирал лишь отдельные, случайно долетавшие к нему слова: «...игрушка... совершенно безобидно... дети просто перепугались... у меня никто не смеет... слежу день и ночь... разумеется, надо наказать...»

Одонт взял из рук дюженника ножик, брезгливо осмотрел его, легко двумя пальцами разломил на части. Отбросил в сторону обломки и перевёл взгляд на Шоорана. Да, преступник мал, но он вырастет, возьмёт настоящее оружие. И раз он однажды поднял руку на благородного...

— В шавар! — приказал одонт.

— Нет! Не дам! — Шооран узнал голос мамы.

Одонт поднял взгляд на женщину, бьющуюся в руках цэрэгов.

— Это его мать, — пояснил Мунаг. — Она сушильщица... женщина-сушильщик.

— Знаю. Ну и что?

— У нас больше нет сушильщиков, а она сдаёт по два ямха харваха, за себя и за сына, и ещё продаёт столько же. Без неё мы не сможем отчитаться перед казной.

— Я же не её наказываю, — поморщился одонт. — Пусть она работает, как и прежде.

— Если тронуть её сына, она работать не станет. Я её знаю — бешеная баба. Подорвётся, но не станет.

Одонт задумался. Он понимал, что Мунаг прав — недаром же говорят, что легче высушить далайн, чем заставить работать сушильщика, если он не хочет. А без харваха плохо придётся не ей, а ему — царственный ван особо заботится о содержании артиллерии и строго спрашивает с одонтов, если харвах начинает поступать с перебоями. К тому же, не так много провинций, в которых сходятся мокрые оройхоны, где харвах собирают, и огненные, где его сушат. Так что спокойствие и сама должность Хоргоона зависели не столько от порядка на вверенных оройхонах, сколько от производства взрывчатого порошка. Последнее время наместника не тревожили эти проблемы, но теперь он понял, что забывать о них не следовало. И, как ни жаль, но, раз у него нет других сушильщиков, придётся

выполнить требование этой взбесившейся тайзы и отпустить её отродье.

Хоргоон внимательно взглянул в лицо женщины. Обычная гнилоедка, гадкая и грязная. Она даже не подозревает, сколь многое зависит от её ловкости и удачливости. Особенно — от удачливости; уже год она работает, и до сих пор ни одной вспышки. Кто знает, может, не так и проста эта тварь. И лицо её, опалённое жаром аваров, кажется слишком чистым, и из-под накинутого на плечи грубого жанча виднеется край талха, какой в этих краях носят только жёны цэрэгов. Наместник досадливо потряс головой, на мгновение близоруким глазам почудилось, что на шее гнилоедки голубеют жемчуга. Ну, этого попросту не может быть! Гнилоедка должна быть глупа, грязна, и, несомненно, она такова и есть и закричала на одонта просто от глупости, а не потому, что чувствует свою власть. Он, владыка этих мест, хозяин жизни и смерти, он сумеет поставить дурную бабу на место.

Одонт поднял руку, требуя тишины.

— Мальчишка совершил преступление, которое нельзя оставить безнаказанным, — начал он, — но преступник ещё слишком мал, и поэтому отвечать за него будет мать!

Одонт скосил глаза на женщину. Та стояла, очевидно моментально успокоившись, на её лице сановник не заметил и тени испуга. И вновь за распахнувшимся воротом жанча дразняще заголубел призрак ожерелья. Несомненно, женщина знала себе цену или же просто была лишена страха. Обязательно в ближайшее же время надо будет озаботиться подысканием новых сушильщиков. А пока... Одонт вздохнул и закончил приговор:

— На виновницу накладывается штраф. В течение трёх дней она должна внести в казну восемь ямхов просушенного харваха.

— Завтра начинается мягмар, — сказала мать. — Мне нечего будет сушить...

Наконец-то на лице гнилоедки появилась растерянность!

— Ничего, — злорадно сказал Хоргоон. — Сырой харвах тебе принесут. А мальчишку, — добавил он, чтобы окончательно закрепить свою победу, — выпороть!

* * *

Праздник мягмара — весёлый мягмар, буйный мягмар, великий мягмар. Знать, простолюдины и изгои отмечают его по всем оройхонам. В этот день старик Тэнгэр закончил свой труд, и Ёроол-Гуй справляет новоселье. Ежегодно в первый день мягмара мерно дышащий далайн вскипает и покрывается пеной. Это пляшет в бездонных глубинах владыка всего живого — вечный и неуничтожимый Ёроол-

Гуй. Далайн бушует, и на берег бывают выброшены удивительные монстры, каких в иное время вряд ли можно встретить. И только сам многорукий хозяин в течение всей праздничной недели ни разу не явится на поверхности.

Наслаждаясь безопасностью, идут к далайну знать и священники, несут дары живому и жестокому божеству, просят себе удачи и новых богатств, а простой люд спешит на трудный, но прибыльный промысел. Вздувшийся далайн затопляет шавар, из которого выбирается вся нечисть, скопившаяся там. Тукка и крепкоспинный гвааранз бродят по оройхону среди дня, и надо только суметь их взять.

На сухих оройхонах тоже происходят изменения. Источники воды, слабевшие в течение всего года, наполняются новой силой, постепенно замиравшая жизнь бурно пускается в рост. Первый урожай после мягмара всегда самый обильный, по нему легко судить обо всём грядущем годе. И живущие в сытости и безопасности земледельцы тоже идут в это время к далайну, просить у чужого бога хорошей воды. Бросают в бурлящую глубину пучки хлебной травы и слепленные из земли человеческие фигуры. Приносят и более серьёзные подношения. Поют жалобно и протяжно, а потом, после очистительных молитв, предаются разгулу, каждый в меру своих достатков.

По числу отпразднованных мягмаров считают года, если земледельцы отмечают месяцы по собранным урожаям, то на мокрых оройхонах нет иного отсчёта времени. Щедрый мягмар — обещание будущей жизни и будущих бед. Бесшабашная неделя пройдёт быстрее, чем хотелось бы, и едва в далайне осядут пышные холмы грязной пены, как многорукий убийца вынырнет из глубины, чтобы доказать, сколь напрасны были жертвы и молитвы, обращённые к бессердечному Ёроол-Гую.

А пока неделя только началась, и все гуляют, радуясь, что хотя бы одна, причём самая большая беда сегодня не грозит. И только двое преступников — Шооран и его мама — не могут позволить себе отдыха. Приказ одонта строг: в течение трёх дней — восемь ямхов харваха. Когда мама привела домой избитого Шоорана, мешки с мокрым зельем уже дожидались её. Мама развязала один из мешков и тихо ахнула: набранный на далёких от границы островах, долго и небрежно хранившийся харвах слежался и уже начинал преть. Сушить его надо было немедленно, и мама, не сказав больше ни слова, взвалила пару мешков на спину и отправилась к большому авару, особенно далеко вторгавшемуся на сухую полосу, «своему авару», как называла она его.

Шооран, превозмогая боль в истерзанной острым хитином спине, тоже подошёл к одному из мешков. Плох был харвах, хуже некуда. Ни у одного из сборщиков мама не стала бы брать такой. Шооран, присев на корточки, старался распушить слипшуюся ры-

жую массу, выбирал попадающиеся кусочки листьев и молча, про себя, чтобы и всезнающий Тэнгэр не услышал, чёрными словами ругал одонта, толстомордого наследника, его бесчестных прихлебателей, сборщиков, наскрёбших где-то этот, с позволения сказать, харвах, чиновного баргэда, принявшего такую работу. Проклинал и гнилой хохиур, спасший их с мамой год назад и продолжающий кормить до сегодняшнего дня.

С грехом пополам перебрав один мешок, Шооран понёс его маме. Нести мешок на спине не мог — хитиновая плётка из живого волоса иссекла кожу на спине. Спасибо Многорукому, что палач не взялся за хлыст — чешуйчатый ус парха бьёт хуже топора.

Мама стояла перед жарко светящимся аваром, мокрый харвах шипел на раскалённой поверхности, удушливый пар поднимался столбом. В одной руке мама держала метёлку из ненавистного отныне волоса, собранного по краю далайна, в другой — лопатку, вырезанную из панциря какой-то твари. Надо было успеть, прежде чем высушенный и прокалённый харвах вспыхнет, смести его в подставленную посудину. Эти пятнашки со смертью и составляли суть работы сушильщика.

Шооран, замерев, следил за мамиными движениями. Шелковистые на вид пряди метёлки трещали, касаясь огненной скалы, запах палёного рога заглушал даже вонь скворчащего харваха. В какое-то мгновение Шооран заметил, что на сметённой поверхности остался след, должно быть, волос не смог сдвинуть попавшийся в дурно собраном харвахе лист или кусочек стебля, и тотчас оттуда, причудливо извиваясь, побежала огненная змейка. Шооран отлично знал, что значит этот огонёк. Когда-то он любил наскрести кое-как пригоршню харваха, кинуть его на авар и издали наблюдать, как он трещит, как высохший порошок бугрится по краям, шевелясь словно живой. А потом по поверхности пробегала такая вот змейка, и харвах оглушительно взрывался, разбрасывая искры. Всё это промелькнуло в памяти, пока огонёк торопился к лепёшке харваха, показавшейся вдруг невообразимо огромной. Но за мгновение до неизбежного взрыва мама поддела горячий харвах лопаткой и отшагнула в сторону, развернувшись и прикрыв его своим телом. Остатки харваха на аваре вспыхнули, но их было слишком мало, хлопок получился слабым.

Мама бросила недосушенную лепёшку в чан с сырым харвахом, начала перемешивать. Шооран заметил, что руки у неё дрожат.

— Мама! — позвал Шооран.

Мама подняла голову и лишь теперь увидела Шоорана.

— Зачем ты здесь? — испуганно спросила она. — Быстро беги домой! Тут не надо быть.

— Вот, — Шооран кивнул на мешок. — Я его перебрал. Только он всё равно плохой. Не надо его сушить, я лучше потом наберу нового. И не клади так помногу. Пожалуйста...

— Глупенький! — Мама обняла Шоорана. Шооран сморщился от боли в спине, но ничего не сказал. — Если класть харвах помалу, он чаще взрывается. Запомни — трус живёт меньше всех. А ты не сможешь набрать столько харваха, так что придётся работать с этим.

— Всё равно, — сказал Шооран, — не надо сегодня больше сушить. Видишь, как полыхнуло.

— Это уже второй раз, — призналась мама. — Но завтра он будет ещё хуже, поэтому надо побольше успеть сегодня. А я пока сделала всего два ямха. Но теперь дело пойдёт легче, ведь ты мне помогаешь. С перебранным харвахом гораздо проще работать. Иди, перебирай. Только сюда больше не приходи, я зайду сама. Заодно отдохну по дороге.

— Давай я этот переберу, — Шооран подошёл к чану.

— Нет, — сказала мама. — Харвах вынимают из чана только на авар. А иначе... плохая примета.

— Ладно, ты только приходи скорее. — Шооран взял пустой мешок и пошёл к дому. Дома пересчитал мешки и принялся за работу. Он вытаскивал кусочки листьев, небрежно содранные волокна, всякий сор и ворчал про себя. Какой это, к Ёроол-Гую, харвах! Его перебираешь, словно чавгу копаешь в грязи. Мама придёт, а он ещё и с одним мешком не управился...

Сильный удар прервал его сетования. Шооран вскочил и, сбив стойку навеса, побежал туда, где над аварами расплывалось дымное облако. Не было ни единой мысли, никакого чувства, он просто бежал, не думая, есть ли в этом хоть какой-то смысл.

Когда он добежал, пламя уже погасло. Мама лежала возле расколотого взрывом авара, из которого медленно, словно тягучие внутренности авхая, вытекал расплавленный камень. Шооран ухватил маму под мышки, потащил прочь от огня, бормоча:

— Сейчас, мама, сейчас я тебе помогу...

Должно быть, в последнюю секунду мама вскинула руку, защищаясь, либо осколки пошли низом, но лицо пострадало не так сильно, и Шооран смотрел только на него, стараясь не видеть груди и живота, где было жуткое месиво из обрывков жанча, угля, каменной крошки и запёкшейся потемневшей крови.

— Мама, — уговаривал Шооран, — я тебя уложу поудобнее и воды принесу. Там осталось...

Запрокинутая голова мёртво качалась между его рук. С шеи сползло лопнувшее забытое ожерелье, прощальным подарком скользнуло к ногам Шоорана. Лишь тогда он понял, что вода уже не нужна и ничего не нужно.

* * *

В те дни, когда великий илбэч Ван ходил по оройхонам, мир был иным. На мокрых островах ничего не росло, лишь безмозглые обитатели шавара — тайза, жирх и колючая тукка копошились в нойте. Но однажды, когда Ван выстроил очередной остров, из далайна явился Ёроол-Гуй. Илбэч стал одной ногой на новый оройхон, а другой на старый и засмеялся, потому что не в первой ему было так играть со смертью. Однако Ёроол-Гуй не бросился на берег, как обычно, а остановился и открыл главные глаза, чтобы посмотреть на человека вблизи.

— Что смотришь? — крикнул Ван. — Тебе всё равно меня не поймать!

— Здравствуй, илбэч, — ответил Ёроол-Гуй. — Сегодня я не буду охотиться за тобой. Я пришёл сделать подарок.

Всякий житель оройхона, даже малые дети слышали о том, как на исходе срединных веков Ёроол-Гуй произнёс своё последнее слово, и знает, что с тех пор он не издал ни звука, но хитроумный Ван умел слышать мысли и разбирать несказанное, а значит, мог разговаривать даже с вечным Ёроол-Гуем.

— Мне не надо твоего подарка, — сказал Ван, — всё, что мне нужно, у меня есть. Или, может быть, ты хочешь снять проклятие и подарить мне счастье? Так знай, что хотя я живу один и в безвестности, я всё равно счастлив тем, что могу притеснять тебя по всему далайну.

— Я проклял тебя в те времена, когда ты ещё не родился, а вечность была молодой, и не сниму проклятия, пока вечность не одряхлеет, — возразил Ёроол-Гуй, — подарок же я принёс не только тебе, но и всем людям: тем, кого я не пожру сегодня, поскольку сегодня я добр, и тем, кого не пожру никогда, ибо из-за тебя, илбэч, не могу достать их. Мне стало скучно убивать столь слабых людей, вы не похожи на могучего Тэнгэра, я хочу, чтобы вы стали сильнее, и принёс вам средство для этого.

С этими словами Ёроол-Гуй бросил на берег тонкую тростинку. Она вонзилась в грязь и превратилась в стебель хохиура.

— Дарю его тебе и всем людям, — сказал Ёроол-Гуй. — Когда этот стебель обрастёт рыжим харвахом, собери его, и твоя сила умножится беспредельно. Может быть, тогда мне будет не так скучно. А пока — прощай!

Далайн сомкнулся над Ёроол-Гуем, а Ван ещё долго стоял на границе, ожидая подвоха и стараясь разгадать смысл коварных речей Многорукого. Наконец он сказал:

— Не верю Ёроол-Гую и не хочу его подарков ни сегодня, ни в будущие дни.

Сказав так, Ван сошёл на оройхон и тяжёлым башмаком из кожи тукки втоптал стебель в нойт. Но он не заметил, что один, самый маленький корень остался в земле. И когда Ван ушёл строить новые земли, стебель ожил и начал расти. От удара он наклонился, и с тех пор ни один стебель хохиура не растёт прямо. А на молодых, чистых побегах можно видеть чёрные крапинки — следы игл с башмака илбэча.

Немало лет скитался Ван в чужих краях, возводя один оройхон за другим и прячась от людской молвы, а когда вернулся домой, то не узнал родных мест. Вдоль всего далайна вкривь и вкось торчал хохиур, люди скребли и сушили харвах. Повсюду грохотали татацы и большеротые ухэры. Везде шла война. Люди и впрямь стали сильнее, но свою силу обратили против себя, чтобы убивать друг друга на радость Ёроол-Гую.

— Остановитесь! — крикнул илбэч, но голоса его никто не услышал, ибо люди оглохли от взрывов.

Тогда Ван пришёл к далайну, встал правой ногой на один оройхон, а левой на другой, и принялся звать из глубины Многорукого. И когда Ёроол-Гуй выплыл, Ван спросил:

— Зачем ты сделал это?

— Теперь я убиваю людей даже там, где не могу их достать, — ответил Ёроол-Гуй, — и мне приятно ваше горе. Даже если ты застроишь сушей весь далайн, я знаю, что люди всё равно истребят друг друга.

— Исправь своё зло, — крикнул илбэч, — и я обещаю больше не строить оройхонов.

— Что же, я согласен, — сказал Ёроол-Гуй. — Люди не смогут избить себя окончательно. Правда, мне не по силам пожрать весь харвах и извести хохиур на всех оройхонах, ведь ты построил их так много. Цэрэги с сухих земель не послушают меня и не прекратят пальбы. Но зато мне подвластны огненные авары, вставшие по моему слову на твоём пути. А без авара невозможно высушить харвах. Сушильщики меньше всех виноваты в бедах твоего народа, и поэтому я проклинаю их. Отныне харвах начнёт взрываться во время сушки, станет калечить и убивать. Жизнь сушильщика будет тяжела, а век не долог. На этот путь ступят лишь те, у кого нет иного пути, кто иначе всё равно погибнет. И пусть они знают, что нельзя спастись самому, приближая всеобщую гибель. Иди, бывший илбэч Ван, и будь спокоен — стрельба скоро утихнет.

Ван повернулся и пошёл, не думая о своей жизни, но Ёроол-Гуй не стал хватать его.

С этого дня в течение дюжины дюжин лет в далайне не появлялось новых оройхонов.

ГЛАВА 2

Шёл мягмар, пещеры шавара были переполнены нойтом, и умерших хоронили в далайне, принося в жертву Ёроол-Гую. Маму завернули в полог палатки, уложили на носилки и с песнями унесли. «О отец наш, Ёроол-Гуй! Тебе отдаём мы лучшую из женщин...»

Шооран не принимал никакого участия в действе. Сидел, забившись в угол, уставившись в бесконечность немигающими глазами. К далайну не пошёл — не мог слышать ликующих похоронных песен, пришедших из тех времён, когда в праздник мягмара бросали в далайн не куклы и трупы, а живых людей. «О великий, прими нашу женщину!.. Её руки — ласка, её губы — счастье, её глаза — свет жизни...»

В разорённую палатку, пригнувшись, вошёл Мунаг.

— Ты здесь... — произнёс он.

Шооран не ответил. Продолжал сидеть, обхватив себя руками, засунув ладони под мышки, словно от сильного холода.

Мунаг потоптался, смущённо кряхтя, а потом, не глядя на Шоорана, сказал:

— Ты, вот что... уходи отсюда.

Впервые Шооран поднял голову, взглянул в лицо дюженника. И хотя он и теперь не издал ни звука, Мунаг заволновался и быстро начал говорить, не отвечая, а просто стараясь заглушить вопрос, всплывший из глубины широко распахнутых глаз:

— Я бы тебя оставил — жалко, что ли? Ты уже большой, как-нибудь прокормился бы. Но если одонт узнает? Ты думаешь, он про тебя забыл? И тебе не миновать шавара, и у меня будут неприятности. Сам понимаешь. Так что, пока никто не видит, бери, что здесь тебе надо, — и уходи.

— Куда? — бесцветно произнёс Шооран.

— А мне какое дело?! — не выдержав, закричал Мунаг. — Почему я должен за тебя думать?! Мать твоя умерла, а ты здесь никто. Вот и ползи отсюда! Я к тебе по-хорошему, вещи взять разрешил, а ты...

Шооран встал.

...Вещи... какие вещи?.. Жанч на нём, и мамино ожерелье укрыто на груди. А больше ему, наверное, ничего не потребуется. Вещи нужны, когда есть, куда идти.

Шооран вышел из палатки. Мунаг тяжело шагал сзади. Через десять минут — как мал огромный оройхон! — они достигли поребрика.

— Ты не обижайся, — произнёс Мунаг, коснувшись плеча Шоорана. — Я действительно иначе не могу. Что делать... Желаю тебе выжить... если удастся. На вот, возьми. — Мунаг протянул Шоорану отнятый накануне нож.

— Спасибо, — сказал Шооран, спрятал нож, перешагнул поребрик и пошёл дальше, не оглядываясь и не думая, где он сможет остановиться.

Теперь он шёл по оройхону, где родился и жил, не представляя, как огромен мир, и не зная, что возможна иная жизнь, чем текущая на этом кусочке земли, который, если постараться, можно обойти за час.

Здесь тоже праздновали мягмар: на сухой полосе никого не было, женщины ушли к далайну разбирать подарки щедрого Ёроол-Гуя, заготавливать острую кость, чешую несъедобных рыб, кожу, живой волос — всё, что так обильно выбрасывает расходившийся далайн. А мужчины, скорее всего, собрались у шавара: ловят тукку, бьют жирха, стараются затравить выползшего наружу длинноусого парха или гваараНза, которого можно взять лишь ударом в глаз. Хотя для этого надо подойти к зверю вплотную, избежав торчащих плавательных перьев и тяжёлых клешней, перекусывающих человеческую ногу легко, словно стебель хохиура. Вряд ли Боройгал решится на такое, должно быть, он тоже стоит на берегу и командует женщинами, воображая себя царственным ваном.

Шооран не остановился, понимая, что здесь ему не жить. Он слишком хорошо помнил, как гнали прочь чужаков, бредущих из страны вана, или изгоев, пытающихся пробраться на свободный оройхон. Пожалуй, ван правильно сделал, что позволил этому оройхону быть независимым: лучшей стражи нельзя придумать — люди, цепляющиеся за своё жалкое богатство — сухую полосу вдоль аваров — сильнее, чем сытые земледельцы, ненавидели изгоев, от которых ничем почти не отличались. Шоорану не позволили бы остаться здесь и на минуту, и потому он пошёл дальше. Тройная дюжина шагов взрослого мужчины, и впереди вновь поребрик, ещё один оройхон — последний в ряду обитаемых.

Ступив на него, Шооран замер в нерешительности, впервые почувствовав страх. Сухая полоса кончилась, влага далайна достигала в этом месте огненной границы, две страшных стихии сошлись в непримиримой вражде. С далайна наползал нойт, авары встречали его палящим жаром. Нойт кипел, сгорая, удушливая вонь распространялась далеко вокруг, закладывая грудь, разъедая глаза, заставляя плакать и натужно кашлять. На краю оройхона, у самого далайна, и то казалось легче. Едва не задохнувшись в отравленном чаду, Шооран выбежал к далайну. Здесь он увидел людей. Изгоев.

Несколько невообразимых фигур суетились у живого вала по краю оройхона, что-то вытаскивая из него. Всё-таки и здесь был мягмар, и люди торопились урвать кусочек добычи. Одна из фигур подняла голову, Шооран увидел невероятно грязную старуху с лицом, обезображенным язвами и рубцами от старых ожогов.

— Ха! Глядите, кто пришёл! — прокричала она. — Какой кра-

савчик! Не иначе, сам ван вздумал промочить ножки на нашем оройхоне. Ну, иди сюда, сладенький, не бойся!

Шооран, не двигаясь, смотрел на кривляющуюся перед ним чудовищную маску, и медленно, через силу начинал понимать, что это не старуха, что женщина лишь немного старше его матери, а состарил и обезобразил её жгучий нойт, от которого негде спрятаться и нечем отмыться, и вся жизнь, которую нельзя назвать жизнью, лишь короткой и мучительной отсрочкой смертной казни.

Между тем, женщина-старуха продолжала говорить, быстро, взахлёб — очевидно, не так часто удавалось ей облегчить душу перед новым человеком, и она торопилась прокричать обо всём, что не позволяло ей жить.

— Ты, должно быть, оттуда — с сухой полосы? Заблудился... Или они тоже тебя выгнали? Они могут! Тот, кто живёт в сухости, способен на любую подлость. Ха! Как ваши хныкали здесь год назад, как просились, какими глазами смотрели на нашу чавгу. Чего только не обещали!.. Сухой оройхон и Ёроол-Гуя впридачу. И обманули! Пустили к себе всего дюжину человек. А мы так и остались гнить здесь. И вы думаете — мы будем принимать вас и дальше? А как же, примем, нам же некуда бежать, дальше дороги нет. Мы принимаем всех, тем более, что сегодня мягмар...

Другие изгои тоже побросали работу, стояли, рассматривая Шооран красными глазами. На покрытых коростою ликах не отражалось никаких чувств. А женщина-старуха вдруг остановилась и, склонив голову набок, спросила скорее у самой себя:

— Может, ты и вправду с сухих земель? Ишь, какой чистенький... Хоть в шавар, хоть на авар! Ну, чего встал, иди сюда...

Шооран попятился. Ему живо припомнились рассказы, как изгои с безнадёжных земель, откуда нельзя уже никуда уйти, воруют и съедают детей. Сейчас эти сказки показались ему истиной. И хотя он давно не считал себя ребёнком — одиннадцать лет — не шутка! — и нож, возвращённый Мунагом, висел на поясе, всё же Шооран стало страшно. Он повернулся и побежал. Никто его не преследовал, изгои равнодушно вернулись к прерванному занятию, лишь женщина-старуха выкрикнула ему вслед: «Ха!» — и захлопала почему-то в ладоши.

Как это мало — тройная дюжина шагов, составляющая вселенную простого человека! Через полчаса Шооран пересёк и этот, уже третий по счёту оройхон и увидел, что с той стороны тоже колышется покрытый пеной далайн. Оставалось либо идти назад, либо в кипящий удушливый ад залитых влагой аваров. Можно было, кроме того, прыгнуть в далайн. Путь этот был самым коротким и далеко не самым мучительным.

Безжизненный оройхон — мокрый и огненный одновременно — предупреждал о себе издали. Больно запершило в горле, стало не-

чем дышать, голова, одурманенная ядовитым дымом, закружилась. Шооран шагал по инерции, не очень понимая, что он делает. Просто и последний из оройхонов не пустил его к себе, вернее, Шооран не осмелился принять его приглашение, и теперь, отвергнутый всеми, шёл дальше, хотя и знал, что дальше пути нет.

Когда-то он любил слушать рассказы Хулгала о его странствиях по этим краям. Это было дюжину и три года назад, когда по землям ванов ходил безумный илбэч. Хулгал, в ту пору ещё не старый и не хромой, отправился искать новые земли. Тогда много говорили о дюжинах сухих оройхонов, стоящих в неведомых краях и ждущих себе хозяев. Хулгал прошёл по пылающему болоту до самого конца, где влага далайна, как встарь, разъедала поставленную Тэнгэром стену. Всего на запад от острова изгоев оказалось три оройхона — для сильного мужчины не расстояние, но их надо было пройти по узкой полосе между далайном и аварами, в дымной и душной жаре, среди испарений, от которых непривычный человек умер бы через полчаса. Хулгал выбрался назад к концу дня и рассказывал, что остался жив лишь благодаря тому, что носил с собой губку, пропитанную благовонным соком туйвана, а на адских оройхонах примотал её к лицу.

— Я ходил туда и вернулся живым, — заканчивал повествование старик, — поэтому знаю, что и безумный илбэч мог добраться так далеко. Я не спрашиваю, зачем он это сделал — для того он и безумец, на то и илбэч. Но кто ответит, как ему удалось не просто дойти до таких пределов, но и поставить там оройхон? Или это легче, чем плюнуть в далайн? Тогда и я хотел бы стать илбэчем, чтобы построить себе дом чуть получше этого. — Старик замолкал и обводил взглядом слушателей, смущённых кощунственной концовкой рассказа, и не торопясь отхлебывал из поднесенной чаши мутное пойло.

У Шоорана не было благовонной губки, не было ничего, что могло бы помочь в пути, но всё же он равнодушно ступил на землю мёртвого оройхона и, не оглядываясь, пошёл дальше. Он не думал, что вернуться ему не удастся, не думал вообще ни о чём, мозг, одурманенный испарениями, был неспособен на такую работу. Просто он видел, что не может здесь жить, и шёл куда-нибудь, где будет пусть даже хуже, но иначе, чем здесь.

По краю мёртвого оройхона не было тропы — почти дюжину лет здесь никто не ходил. Хрупкая кость, трухлявые хитиновые обломки, догнивающие остатки туш — всё было густо смочено нойтом и жарко курилось, нагретое близким соседством аваров. Местами завалы достигали высоты человеческого роста, пробраться сквозь эту кучу тлена было невозможно, и приходилось двигаться, прижимаясь вплотную к аварам, покрытым шелушащейся коростой горящих отбросов. И повсюду душная парная гарь.

Шооран шёл вслепую, прижав локти к готовой разорваться груди и закрыв ладонями лицо. Он спотыкался о груды праха, проваливался в горячие лужи, и лишь новые, на совесть сшитые мамой буйи спасали до поры его ноги.

В ту минуту, когда, казалось, ничто не сможет пробудить уплывающее сознание, Шооран ударился грудью обо что-то твёрдое и с трудом заставил себя понять, что это такое. Перед ним, перегородив прибрежную полосу, и далеко разбросав толстые как ствол туйвана щупальца, лежал чёрный уулгуй. Этого зверя люди называли младшим братом Ёроол-Гуя. Среди зверей ни один не был так громаден и ни один не походил до такой степени на великого бога глубин. Чёрный уулгуй никогда не вылезал на берег, но мог, выбросив вверх разом несколько рук, схватить неосторожного, вздумавшего разбирать прибрежный завал. Говорили, что уулгуй дотягивался до жертвы за четыре дюжины шагов, и потому не так много находилось охотников бродить по кромке оройхона. Лишь во время мягмара уулгуй не появлялся у берега, а если появлялся, то бывал выкинут на камни и сам становился добычей людей.

Из круглых костяных блях, покрывающих щупальца, искусные оружейники делали доспехи более легкие и гибкие, чем твёрдый панцирь из спины гваараиза. Самые большие пластины шли на щиты. А где-то в глубине упругого тела скрывался костяной обруч невыносимой для глаз белизны. Из такого обруча выточена корона царственных ванов, и потому ни один простолюдин не должен приближаться к телу уулгуя, ежели вдруг того выбросит на берег.

— Конечно, корона — это серьёзно, — говорил, рассказывая об уулгуе, насмешник Хулгал, — и добрый ван наложил запрет только из опасения, что кто-то стащит обруч. Но, видит мудрый Тэнгэр, я бы не стал и смотреть на корону, лишь бы мне позволили набрать дюжину-другую пластин со щупалец. А голова вместе с короной пускай принадлежит вану.

В прежнее время один вид чёрного уулгуя поверг бы Шоорана в трепет, но сейчас он не думал ни о царском запрете, ни о невероятном богатстве, лежащем перед ним, ни о том, что жизнь может ещё теплиться в распластанном теле. Шооран лишь застонал при виде лишнего препятствия и, цепляясь за пластины, полез через щупальце, перегородившее дорогу.

Мёртвый уулгуй спросил его:

— Зачем ты топчешь меня, когда я умер и не могу защититься от твоих ног?

— Ты лёг на дороге, а я должен идти, — ответил Шооран.

— Зачем тебе ходить куда-то? — возразил брат Ёроол-Гуя. — Посмотри на меня: я лежу там, где встретил смерть, и мне больше ничего не надо.

— Мне всюду твердили: «Уходи!» — сказал Шооран, — поэтому я иду и нигде не могу остановиться.

— Останься здесь, — предложил чёрный уулгуй. — Будем лежать вместе, а когда моё тело распадётся, ты возьмёшь бесценный доспех и корону ванов.

— Я не могу здесь жить, — сказал Шооран.

— Разве ты пришёл сюда жить? — удивился брат Многорукого, и Шооран упал от этих слов и не мог подняться. Он лишь сунул руку за ворот жанча и вытащил нить жемчуга, удивительно голубого, нездешнего цвета.

— У тебя есть все богатства мира, — сказал уулгуй, — нет лишь покоя. Спи...

Ожерелье притягивало взгляд, заставив обожженные глаза широко раскрыться.

— Нет, — сказал Шооран и поднялся, сам не поняв, как это произошло. — Я не шёл сюда, я уходил оттуда. Ты могуч и подобен богу, но ты не человек и умер покорно. Люди продолжают жить даже когда это невозможно, и если они умирают, то это происходит не по их вине. Не сердись, добрый уулгуй — я пойду дальше. Я ещё могу идти.

Он не понимал, куда идёт и сколько дюжин шагов прошёл. Дважды он сослепу налетал на авары и лишь по счастливой случайности не свалился в далайн. Несколько раз он падал, а поднявшись, не знал, куда идти и, не задумываясь, шёл прямо. Он не заметил, как в дымке далайна начала вырисовываться линия берега, и увидел оройхон, когда до него оставалось не больше двенадцати шагов. Не удивляясь и не испытывая вообще никаких чувств, Шооран выбрался на него и побрёл прочь, подальше от дымного кошмара мёртвой земли. Если бы оказалось, что он, потеряв направление, сбился с пути и вернулся обратно, то Шооран на животе пополз бы к Борой-галу, согласился бы принять смерть от руки изгоев или рождённого в сухости одонта, лишь бы не возвращаться в преисподнюю, из которой только что вышел. Однако, хотя он прошёл уже далеко, ему не попалось ни одного человека.

Шооран остановился. Где люди? Не Ёроол-Гуй же их съел? Если бы эти места недавно посетил Многорукий, он бы съел всё, а здесь... шуршат под ногами поваленные стебли хохиура, облепленные толстой нетронутой шубой харваха, оставляя извилистый след, ползёт выгнанная мягмаром из укрытия паршивая тайза. Сразу видно, что Ёроол-Гуя не было здесь много месяцев.

Шооран обломил толстую тростину хохиура, ковырнул ею неровную поверхность грязи. С первой же попытки он добыл несколько крупных чавг. Шооран разломил чешуйчатую скорлупу, вывалил на ладонь студенистый клубень. Осторожно сжал руку, и между пальцами потёк сок. Первым делом Шооран вымыл перепачканные

в нойте руки, потом осторожно обмыл саднящее лицо, смочил терпким соком растрескавшиеся губы. Третью чавгу он проглотил целиком, потом четвёртую, пятую... Никогда ещё Шооран не ел так много. Живот его раздулся и громко булькал при каждом движении, запах чавги уже вызывал тошноту, а Шооран не мог остановиться, добывал всё новые клубни, лил сок на голову, мыл лицо, руки, даже запачканный и порванный жанч. Впервые он видел столько чавги: мелкой и огромной — с кулак величиной, и теперь не знал, как себя вести. Набив чавгой сумку, снял даже жанч, и лишь внезапный приступ дурноты заставил его прекратить бессмысленное занятие.

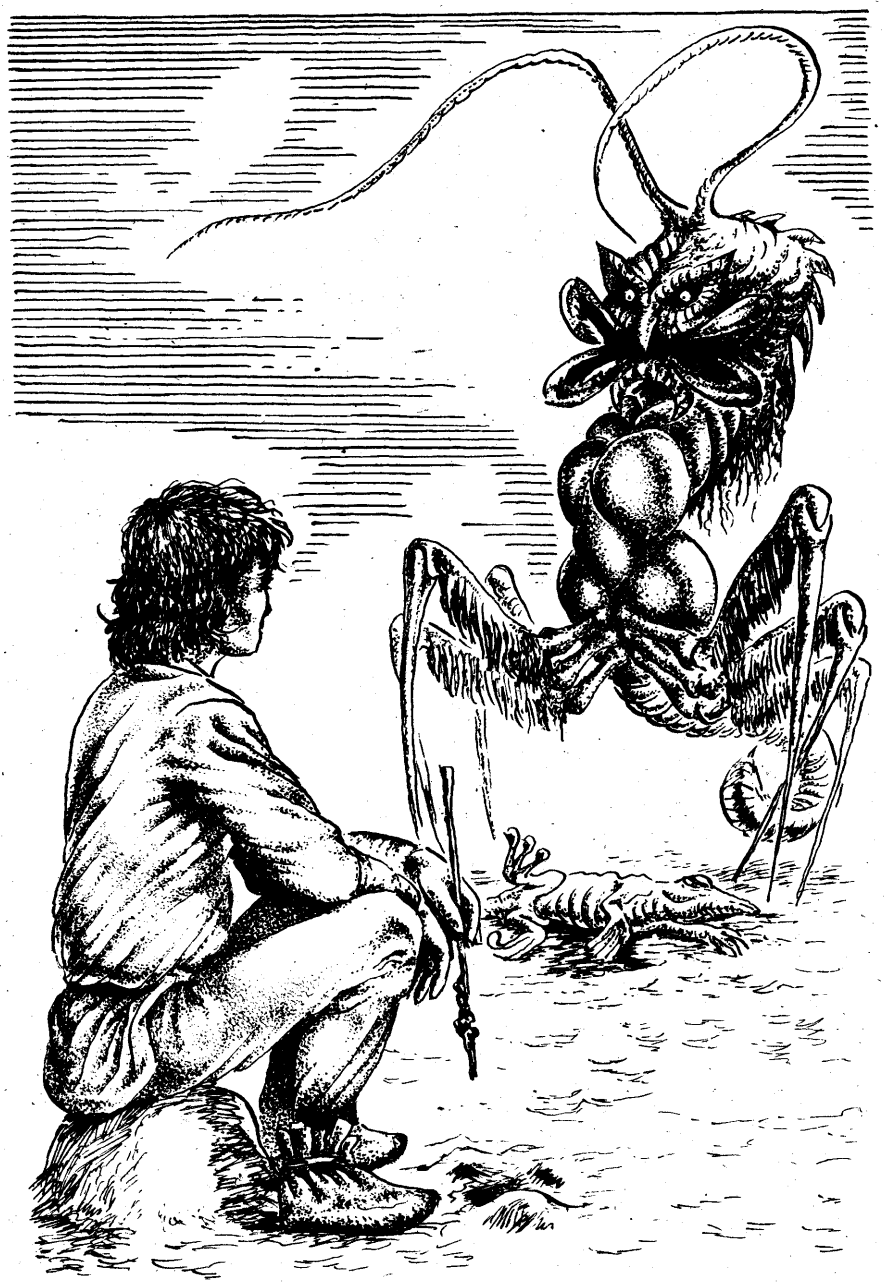
Шооран сел на камень — сел, вымыв его сперва соком! — и задумался. Оройхон, на который он попал, ничуть не походил на оставленную позади землю изгоев. Казалось, здесь вообще никто не жил. Если бы Шооран не видел всё это своими глазами, он бы не поверил, что такое возможно. Скорее всего, он просто-напросто умер. Мама рассказывала, будто в одной из дальних земель люди не поклоняются Ёроол-Гую, а верят, что только Тэнгэр обладает настоящей властью. Эти люди убеждены, будто после смерти уйдут за пределы далайна, туда, где стоит алдан-тэсэг. Всякий умерший очутится у подножия алдан-тэсэга и сможет начать восхождение. Но если при жизни человек поступал плохо, то по дороге его схватит Ёроол-Гуй и навечно унесёт в беспросветный шавар, по сравнению с которым глубины далайна покажутся сухим оройхоном. Лишь немногие праведники достигают вершин и восседают на алдан-тэсэге рядом с самим Тэнгэром.

Хотя этого тоже не могло быть. Не больно похож на алдан-тэсэг мокрый оройхон даже до середины которого достигает вонь, плывущая с мёртвых земель. Всё здесь как дома, только богаче, нетронутей: хохиур, чавга, харвах и... Шооран замер, увидев тукку. Зверёк возился в грязи, разрывая клубни чавги. Казалось, тукка была полностью поглощена своим промыслом, но едва Шооран, в котором мгновенно проснулся охотничий азарт, сделал крадущийся шаг в сторону тукки, как та сорвалась с места и кинулась к шавару.

«Уйдёт! — мелькнула мысль, но тут же Шооран успокоил себя: — Никуда она не денется. Мягмар».

Тукка бежала, шарахаясь из стороны в сторону, Шооран качнулся ей вслед и понял, что бежать не сможет. Не слушались ноги. И вообще, какая сейчас может быть охота, куда бы он дел тукку, умудрись он даже добыть её? Шооран вернулся и сел на вымытый камень, который еще не успело затянуть нойтом.

Как назло, тукка, отбежав немного, остановилась и, словно ни в чём не бывало, принялась копаться в грязи. Шооран смотрел на неё, и что-то медленно ломалось у него в груди. То, что было значимо ещё два дня назад, рассыпалось пылью, а нового взамен не появилось. И не было сил даже удивляться происходящему. Тукка копо-

шилась неподалёку в большой луже, и казалось, что так и должно быть, что так уже бывало прежде. И когда большая серая тень, перемахнув тэсэг, упала, разбрызгав грязь, и свистящий удар развалил надвое не успевшую выпустить игл тукку, Шооран тоже не удивился и не испугался, а продолжал сидеть, так же спокойно глядя на нового зверя.

Зверь был велик — вдвое больше Шоорана. Разделённое на сегменты тело было одето тускло блестящим хитином. По усаженным режущими пластинками усам — жёстким и длинным, в человеческий рост — Шооран признал его. Перед ним был парх, второй после гвааранза хозяин шавара.

Парх подполз было к убитой тукке, но остановился и начал сворачиваться в гигантский клубок, поджимая под себя сегменты хвоста и скручивая секущие усы.

«Готовится прыгать, — понял Шооран. — На меня».

По-прежнему не было страшно, но всё же Шооран вскочил и побежал, переступая мягкими, как сырой харвах, ногами. Побежал потому, что надо было бежать. Теперь он словно тукка петлял и шарахался от тэсэга к тэсэгу, но при этом удивительно спокойно повторял прежнюю мысль, примеривая её на этот раз к себе самому: «Никуда он не денется. Мягмар. Время удачной охоты».

Разогнувшись со звонким костяным щёлчком, парх прыгнул. Шооран швырнул ему навстречу сумку с чавгой, и это сбило безукоризненно точный прицел: усы разрубили грязь в полушаге от ног Шоорана. Шооран метнулся в сторону, за небольшой тэсэг, присел, надеясь, что парх потеряет его из виду. И то ли это действительно произошло, то ли пархy просто надоело прыгать, но он на минуту замер, потом развернулся и пополз к своей первой жертве. Распущенные усы безвольно волоклись по грязи, четыре пары острых роговых челюстей бесцельно пережёвывали что-то. И Шооран вдруг вспомнил, что из такой челюсти был сделан мамин скребок для кожи.

Пригибаясь и прячась за тэсэгами, Шооран поспешил в глубь оройхона. Зрелая чавга предательски хрустела под ногами. Шооран понимал, что и в центре, и на том краю тоже есть суурь-тэсэги, а значит — и шавар, из которого выползла вся нечисть, но оставаться здесь не мог. Знакомая опасность казалась страшнее.

Но всё-таки, что происходит? Дома выползший парх давно был бы замечен, вокруг толпились бы охотники с сетями и копьями, и хищник думал бы сейчас не о добыче, а о том, как сберечь собственные усы. Где все? Куда девались люди?

Шооран шёл всё быстрее. Если бы он мог, он бы снова побежал. Ещё утром он мечтал никого не видеть, а теперь стремился во что бы то ни стало найти людей. Он прошёл уже почти весь оройхон, но так никого и не встретил, а туман, всегда висящий над далайном и

прибрежными оройхонами, и не думал сгущаться, напротив, он становился всё реже, и наконец Шооран увидел впереди пышную крону растущего туйвана. Сомнений быть не могло: там находился ещё один оройхон — сухой оройхон! — а это значит, что и за ним продолжалась земля.

Шатаясь, Шооран пересёк граничный поребрик, упал на чистую землю, пополз. Он действительно достиг рая! Третий раз за свою жизнь он ступил на сухой оройхон, и впервые его руки не были заломлены, он мог поднять голову и оглядеться.

Беглого взгляда хватило, чтобы понять — людей не будет и здесь. Землю повсюду покрывала хлебная трава, но её никто не косил двенадцать раз в год, и она росла беспорядочно, как хохиур: рядом с поспевшими гроздьями поднимались цветущие метёлки и перезревшие, растерявшие гроздья стебли. Шооран сорвал одну кисть, засунул в рот и скривившись, выплюнул — зёрна оказались твёрдыми и невкусными. Зато когда он подошёл к дереву, то увидел, что вся земля под ним усыпана опавшими плодами. Плоды были мягкими и пахли не затхлой водой, как чавга, а источали сильный и сладкий аромат. В жизни Шооран не пробовал ничего подобного, и даже представить не мог, что такое существует.

Этих слишком резких переходов оказалось чересчур много для измученного сознания. Шооран больше ничего не понимал и ничему не удивлялся. Ясно же, что он умер, но пришёл не к Ёроол-Гую, а, словно праведник далёких земель, поднялся на алдан-тэсэг.

Возможно, разум Шоорана просто не устоял бы перед испытаниями бесконечно длинного дня, но, по счастью, раньше не выдержал желудок. Шоорана стало рвать. Рвало горькой кашей чавги, наспех проглоченными кусками плодов, желчью. И долго ещё выворачивало опустевшее нутро, заставляя сгибаться и стонать от боли.

Разогнувшись после очередного приступа, Шооран увидел человека. Это был настоящий старик, старше даже, чем Хулгал. Белая борода опускалась ему на грудь, морщины на лице были проведены временем, а не нойтом. Старик стоял, опираясь на палку и смотрел на Шоорана.

— Здравствуй, мудрый Тэнгэр, — сказал Шооран и потерял сознание.

* * *

Когда Шооран открыл глаза, он долго не мог понять, куда попал. Всю жизнь проведя под открытым небом, он привык видеть над головой лишь размывы туч или, в крайнем случае, кожаный навес, и потолок из ноздреватого камня пугал своей тяжеловесной твёрдостью. Казалось, эта громада сейчас рухнет всей тяжестью, сомнёт,

не оставив целой кости. Замерев, Шооран напряжённо уставился в потолок, стараясь взглядом удержать камни от падения. Минуты шли, потолок висел неподвижно. Убедившись в его надёжности, Шооран осмелился пошевелиться и посмотреть по сторонам.

Он лежал в небольшой комнате со скруглёнными углами. Рассеянный свет проникал через два отверстия, расположенных под самым потолком. Посреди комнаты стоял стол, сделанный из панциря монстра, выброшенного далайном. К столу придвинут вычурный позвонок, возможно, принадлежащий той же самой рыбе.

С мягким хлопком откинулся полог, висящий у входа, в комнате появился старик. В руках он держал чашу, над которой горячей струйкой поднимался пар.

— Ну-ка, выпей, — сказал старик, протягивая чашу.

— Спасибо, щедрый Тэнгэр, — проговорил Шооран.

Питьё было сладким и солёным одновременно, оно благоухало незнакомо и притягательно, смягчало губы и обожжённое дымом горло. Хотелось припасть к чаше и не отрываться от неё никогда, но Шооран нашел в себе силы соблюдать приличия и пил не торопясь, мелкими глотками, как полагается в присутствии бога. Не смог лишь оставить на дне немного отвара — выпил всё до капли.

Старик уселся, положив руку на стол, долго рассматривал Шоорана.

— Как ты сюда попал, герой? — спросил он наконец.

— Я пришёл по мёртвой полосе, мудрый Тэнгэр, — ответил Шооран, — а звери далайна не тронули меня, потому что сейчас мягмар.

— Зато в это время возле кипящих аваров можно в два счёта задохнуться... — сказал старик. — И, кстати, почему ты называешь меня Тэнгэром? Я такой же человек, как ты, только я пришёл сюда раньше и живу тут уже много лет.

— Хулгал рассказывал, что он ходил сюда и не нашёл за мёртвой полосой никакой земли, — не то спросил, не то пожаловался Шооран, приподнявшись на локте и глядя на старика.

— Когда-то так и было, — согласился старик. — Не один твой Хулгал ходил по горящему болоту и видел лишь стену далайна. А потом илбэч пришёл сюда снова и выстроил ещё девять оройхонов. К тому времени уже никто кроме меня не искал новых земель, и потому я живу здесь один. Теперь вот ещё ты пришёл.

— Если ты не добрый Тэнгэр, — задумчиво произнёс Шооран, — то зачем ты позволил мне остаться, принёс в свой дом и поишь горячим?

— Я бежал сюда, потому что не хотел никого видеть, — сказал старик, — но это было одиннадцать лет назад. За такой срок можно соскучиться по человеческому голосу. А горячего не жалко, если рядом авар. Сейчас я ещё накормлю тебя мясом. Ты когда-нибудь его

ел? Не тухлого жирха и не вонючую тукку, которой лакомятся грязекопатели, а настоящее мясо, какое подают вану... У меня много мяса, много чистой воды, и огня, хлеба, плодов туйвана, зреющих в небе, и наыса, растущего под землёй. Но мне не с кем говорить, поэтому я беднее изгоя.

— Как тебя зовут? — спросил Шооран.

— Моё имя давно принадлежит Многорукому, — старик усмехнулся, — можешь звать меня просто стариком. А теперь пошли. Мясо стынет.

Шооран поднялся. Потолок качнулся и угрожающе приблизился к лицу. Шооран поспешно сел, почти упал на пол, пригнул голову в ожидании удара. Старик удивлённо смотрел на него.

— Что это — там? — Шооран ткнул пальцем вверх.

— Бедный зверёныш! — воскликнул старик. — Теперь я вижу, что ты действительно из рода грязекопателей. Ты никогда не был в помещении? Это потолок. Он из камня, но ты не бойся, он не упадёт. Мы с тобой в шаваре... в алдан-шаваре, — поправился он, заметив удивлённый взгляд Шоорана.

— ...Алдан-шавар... — повторил мальчик. — Но ведь так называется дворец великого вана!

— Так называются подземные пустоты, вход в которые ты видел у подножия суурь-тэсэга. На сухом оройхоне шавар чист и безопасен, и поэтому его называют алдан-шаваром. Не только ван, но и любой паршивый одонт живёт в алдан-шаваре, ведь там крепкие стены и, значит, можно легко прятать награбленное.

Шооран с ужасом и изумлением смотрел на старика, так спокойно произносящего крамолу и хулу на великих людей. Даже на свободном оройхоне имя вана было священным.

— Ты всё-таки Тэнгэр, — пробормотал он, — и сам Ёроол-Гуй родился из твоих отбросов.

— Нет, я не Тэнгэр, — сказал старик, поднимая Шоорана. — Ну а что касается Ёроол-Гуя, то ты, пожалуй, прав — мы с ним старые знакомцы. Впрочем, поживи здесь несколько дней и многое поймешь сам. Идём. Мясо, должно быть, совсем остыло.

* * *

Меньше чем за два месяца Шооран освоился с жизнью на сухом оройхоне. Его уже не так поражали сказочное изобилие и богатство, хотя он по-прежнему не мог поверить, что и в земле вана многие живут не хуже. Шоорана больше не пугали низкие потолки, он облазал весь алдан-шавар — сложную систему ходов, залов и коридоров, располагавшуюся под поверхностью оройхона. В алдан-шаваре было два яруса. Первый — светлый и сухой, со множеством боль-

ших и малых выходов на поверхность, тех самых, что так пугали его на мокром оройхоне. Во второй ярус можно было проникнуть из первого. Там всегда было сыро и тепло, на жирной земле сплошным ковром расстилался наыс — бледные мясистые грибы, бесконечно вкусные, если их сварить или зажарить, но съедобные и сырыми, и сушёными. Тьму в нижнем ярусе рассеивали медлительные светящиеся слизни, грызущие наыс. Старик собирал слизней и приносил в комнаты, когда ему казалось, что там недостаточно светло.

Наверху множились свои чудеса. В центре оройхона бурлили источники воды, неведомо как пробивавшейся на поверхность, не затопляя алдан-шавар. Вода растекалась несколькими ручьями, в них нежились благодушные бовэры — те самые толстобокие звери, что когда-то так поразили Шоорана. Время от времени старик забивал костяным гарпуном одного из бовэров, после чего они с Шоораном недели полторы объедались мясом. Остальное время ели наыс, плоды туйвана и хлеб. Хлебная трава, вначале разочаровавшая Шоорана, оказалась вещью замечательной. Одно из полей старик содержал в порядке, вовремя выкашивал и собирал тяжёлые гроздья зёрен. Замоченные в воде зёрна достаточно было заквасить кусочком светящегося слизня, и через несколько часов зерно размокало в кашу, саму по себе безумно вкусную. Но истинное пиршество начиналось, когда старик досыпал в кашу растёртые и небродившие зёрна, замешивал на соке плодов туйвана и отправлялся к границе, печь на краю авара пышные медвяные лепёшки. Или варил в кипящей воде круглые колобки.

Чтобы готовить горячее, было вовсе не обязательно уходить к аварам — сухие стебли хлебной травы горели жарким бездымным пламенем, а у старика была пара кремней, дававших искры при ударе друг о друга. Впрочем, кремнями старик пользовался редко — берёг.

Первое время оправившийся Шооран не вылезал из алдан-шавара, бродил с одного яруса на другой, выглядывал в узкие окошки малых лазов, исследовал коридоры, соединяющие залы обжитого суурь-тэсэга с соседними системами пещер, куда старик никогда и не заходил, что доказывал многолетний слой нетронутой пыли. Заблудиться Шооран не боялся, зная, что всегда может выйти назад по собственным следам, даже в нижнем ярусе отлично видным в мерцающем свете большого слизня.

Как-то он вылез в обжитые помещения с противоположной стороны. Здесь у старика были устроены кладовые, доверху набитые всяческим добром. С удивлением и завистью Шооран обнаружил целый арсенал всевозможного оружия, очевидно, когда-то старик ходил в цэрэгах либо же, напротив, среди вооружённых изгоев. Прямо спросить Шооран почему-то постеснялся, задал лишь вопрос: откуда всё это?

— Так... — пожал плечами старик и неожиданно разрешил Шоорану брать из кладовки любой инструмент.

Разумеется, первым делом Шооран ухватил длинный и даже с виду страшный хлыст из уса парха. Хлыст был лёгок и упруг, но Шоорану никак не удавалось размахнуться им как следует. Детская игрушка — хлыстик из лоскутка кожи, и то бил удачней.

Привлечённый звонкими хлопками, из алдан-шавара вышел старик. Посмотрел на старания Шоорана, заметил:

— Так ты себе уши отрубишь.

Взял оружие из руки Шоорана, примерился, взвешивая его на ладони, и вдруг гибкий и тонкий хлыст затвердел, словно в него вставили стержень, лишь самый кончик превратился в гудящий от мгновенного движения круг. Старик, выставив руку, пошёл вперёд. Хлыст коснулся избитой Шоораном травы, и в стороны полетели сорванные вибрацией клочья. Старик хлестнул усом вбок и тут же снова закрутил его, заставив выпрямиться и затвердеть. Шооран, раскрыв рот, следил за происходящим.

— Вот так, — сказал старик, устало опустив руку. — Научись хлыст прямо держать, дальше всё само получится. А через спину хлестать — только себя покалечишь. На, играй.

С этого времени Шооран не расставался с хлыстом, даже когда на поле поспел урожай, и неделю они, не разгибаясь, работали: срезали стебли, вылущивали зерно, сушили и складывали в специальной камере. Старик заготавливал больше хлеба, чем обычно, ведь теперь их было двое. Часть соломы старик стащил на мокрый ороихон, замочил на четверть часа в нойте, потом принёс обратно и долго отмывал водой, теребил, пока вместо соломы не осталась лёгкая, как высушенный харвах, пряжа. Из этой пряжи старик обещал сделать Шоорану праздничную одежду, такую же, в какой ходил сын одонта. А пока Шооран щеголял в жанче из шелковистой шкуры бовэра и башмаках из кожи морского гада, притащенного стариком в последний день мягмара.

Старик преподносил Шоорану один подарок за другим, а когда Шооран начинал благодарить, досадливо произносил единственную фразу:

— Погоди, придёт время, и ты устанешь проклинать меня.

— Этого не может быть, — отвечал Шооран.

— Ты так думаешь? А вдруг завтра нас найдут? В лучшем случае, цэрэги выгонят нас на мокрое, и тебе придётся заново привыкать глотать чавгу. Полагаю, это будет не слишком приятно.

— Но я всё равно не стану тебя проклинать! — горячился Шооран.

— Не загадывай. О будущем могут говорить только Ёроол-Гуй с Тэнгэром. А нам надо его ждать... — Старик помолчал и добавил странно: — И по возможности — делать.

В один из дней Шооран прошёл под землёй весь оройхон и вылез наружу под вечер у самого дальнего из суурь-тэсэгов. Край оройхона был совсем недалеко, и Шооран, удивляясь про себя, почему не сделал этого раньше, побежал посмотреть, что там. Он ожидал увидеть мокрый оройхон, но не удивился бы, обнаружив ещё одну благословенную, но безлюдную страну. Однако вместо этого он вышел на сухую полосу, за которой курились жаром пограничные авары. Может быть, он потерял в шаваре направление и теперь идёт на юг? Шооран побежал туда, где ожидал найти границу. Через пять минут взгляду открылась сухая полоса и авары. Граница была и при схождении этих оройхонов, только вместо сухой полосы там оказался лишь крошечный пятачок иссохшей земли, с двух сторон сжатый раскалёнными камнями.

Встревоженный Шооран побежал рассказать об этом старику. Старик, как обычно вечером, сидел в своей комнате, той самой, в которую он принёс больного Шоорана. На столе перед стариком лежал кожаный бурдюк с перебродившим соком туйвана. Шооран хорошо знал этот напиток, его часто пили цэрэги охранной дюжины. Сок туйвана в его глазах был обязательной принадлежностью настоящей жизни, но почему-то ему не нравилось, ежели старик выносил с нижнего яруса бурдюк. Напившись, старик мрачнел, начинал кричать на кого-то, обвиняя и оправдываясь. В эти минуты Шооран старался не попадаться ему на глаза, опасаясь, что старик не узнает его или вдруг обрушится с руганью и прогонит неизвестно куда.

Но сейчас сделанное открытие беспокоило его сильнее всего, и Шооран, войдя к старику, сбивчиво рассказал об увиденном. Старик молча выслушал рассказ, поднял красное от выпитого сока лицо.

— Тебя это удивляет, малыш? — сказал он. — А разве ты не слышал, что Тэнгэр сотворил далайн прямоугольным, и, значит, где-то у него должен быть угол? Здесь поворачивает граница мира. Судьба загнала нас с тобой, мальчик, в угол мироздания. Бородатые мудрецы из далёких земель подсчитали, что в ширину в далайне умещается три дюжины оройхонов, а в длину — четыре. Таким образом, весь мир, будь он застроен вдоль и поперёк, вместит ровно тройную дюжину оройхонов. Но только я знаю, что это неправда! Трёх оройхонов в длину не хватает! Мудрый Тэнгэр, словно последний торгаш, надул Ёроол-Гуя, выстроив далайн меньших размеров, чем было условлено. Как я смеялся, когда понял это! А может быть, никакого договора и не было, и всё выдумано длиннобородыми мошенниками, чтобы оправдать съеденный хлеб. Раз поперёк три дюжины, то вдоль должно быть четыре... Разумно и красиво... А я первый среди людей дошёл до этого края мира и знаю, что весь их разум не стоит и сгнившей чавги!

— Не первый, — напомнил Шооран. — Ещё был безумный илбэч, который построил всё это...

— Что ты знаешь об илбэче! — закричал старик. — Что ты можешь о нём знать, если родился, когда имя его уже досталось Многорукому!? — Старик, пошатнувшись, встал, ухватил Шоорана за плечо: — Идём!

— Куда? — испугался Шооран.

— На мокрый оройхон... к границе... Ты ещё ни разу не видел стены Тэнгэра, я покажу её тебе.

— Вечер скоро, — робко возражал Шооран.

— Ничего, вечер годится не хуже любого другого времени. Переодевайся, нам надо торопиться.

Шооран поспешно достал и натянул мамины буйи и старый жанч. Старик пошёл не переодеваясь, в чём был, хотя нойт грозил разъесть его тонкую обувь, да и тканый цамц — не лучшая одежда для прогулок к далайну.

Всю дорогу старик торопил Шоорана, так что под конец тревога и предчувствие беды полностью овладели мальчиком, и он торопился уже сам, без понуканий. Они шли на север, к самому дальнему из мокрых оройхонов, туда, где Шооран ещё ни разу не бывал. Под ногами зачавкала грязь мокрого оройхона, по левую руку кисло задымилась мёртвая граница — слияние влаги далайна и огня. Небесный туман над головой наливался красным вечерним светом.

— Смотри! — хрипло выкрикнул старик, указывая рукой на что-то, скрытое дымом горящего нойта. — Это и есть стена Тэнгэра — та граница, которую нам нельзя переступать!..

Шооран качнулся вперёд, до боли напряг зрение и различил за клубами дыма и туманом уходящую вдаль стену. Стена была серой и безвидной. Она могла быть каменной, но больше походила на неподвижное облако. Высоты её было не определить, наверху стена смыкалась с тучами, и, если бы не вечер, окрасивший небесный туман, верхняя часть стены стала бы вовсе неразличимой. Зато, когда дым ненадолго расползался в стороны, хорошо было видно подножие, а вернее, та часть стены, что омывалась влагой далайна. Шооран с ужасом увидел, что стена в этом месте густо изъязвлена, её покрывают глубокие раны, и колышущийся далайн при каждом движении продолжает неустанно разъедать её, промывая всё более обширные и глубокие ямы.

Шооран представил, как стена не выдерживает, и влага с шумом устремляется наружу, за пределы мира. Исполнив старое предсказание, она затопит всё пространство, в котором не останется места ни для чего, кроме ядовитой слизи и торжествующего Ёроол-Гуя.

— Старик! — закричал Шооран, указывая на стену. — Она сейчас упадёт!

— Не думаю, что прямо сейчас, — прохрипел старик, — она не очень сильно изменилась за десять лет, но когда-нибудь упадёт.

— Но ведь там за стеной — алдан-тэсэг!

— Что мне за дело до алдан-тэсэга? Пусть Тэнгэр подумает не только о вечности, но и о своей вечной жизни. Для этого у него есть достаточно времени. Меня пугает иное: что будет с оройхонами, когда упадёт стена? Не утонут ли они, не обвалятся ли в гости к Многорукому? Мне кажется, об этом должен думать каждый, кто хоть раз видел стену далайна...

— Неужели ничего нельзя сделать? — выкрикнул Шооран.

— Почему нельзя? Сделать можно всё! — старик пел слова злобным речитативом. Шагнув к краю, он, словно жрец, приносящий жертву, поднял руки. Седая голова тряслась, пение звучало отрывисто и дико. — Я ненавижу этот мир, сделанный не для нас!.. Эту слизь, названную влагой!.. Это зверьё, чуждое людям!.. Моя ненависть горит огнём, и огонь пылает в моих руках! Пусть умрёт глубина далайна и его яд!

На секунду Шоорану показалось, что и впрямь на ладонях старика полыхнул факел, словно вспыхнула разом пригоршня харваха, но наваждение тут же рассеялось. Остался лишь пьяный кликушествующий старик, признающийся в застарелой ненависти к равнодушному далайну. Шоорану стало больно и стыдно, но он не знал, как прекратить жалкую сцену и увести старика домой. Он уже протянул руку, чтобы дёрнуть старика за полу цамца, но замер, увидев разом то, чего никак не ожидал.

Далайн больше не был равнодушен. По нему пошли волны, шапки пены вздулись, словно вернулся мягмар. Туман ложился пластами, влага затвердевала, обращаясь в камень, холмы серо-зелёной пены застывали тэсэгами. Из глубины возникал оройхон. Чудо совершалось в полной тишине, лишь старик бесновался, хрипя:

— Ты убийца! Враг!.. Не-на-ви-жу-у!..

И вдруг всё кончилось. Старик опустил руки, опали водяные бугры, поползли как и прежде дым и туман. Но там, где раньше была полуразрушенная стена, теперь стоял оройхон. Суурь-тэсэги поднимались над усеянной валунами равниной, и лишь вспененный поребрик указывал, где прежде был берег. Со стороны старого оройхона он был привычно усыпан отбросами, со стороны нового — девственно чист.

Старик повернулся к Шоорану.

— Ты думаешь, это всё? — спросил он перехваченным голосом. — Нет! Смотри ещё!

Он взял Шоорана за руку — ладонь была холодной, словно у мертвеца — и повёл туда, где ещё недавно расстилалась гладь далайна. Они перешагнули поребрик, и в ту же секунду каждый камень, каждый холм, всякий, даже небольшой тэсэг запылал белым ослепительным огнём, ещё не скрытым под чёрной коркой окалины, покрывающей авары на давних пограничных оройхонах. Свободной осталась лишь узкая прибрежная полоса.

— Так граница встречает илбэча! — возгласил старик. — Чего они боятся? Почему не пускают?

— Ты илбэч! — наконец выдавил Шооран.

В памяти всплыло всё, что рассказывали об илбэчах мама, Хулгал, другие люди — знакомые и незнакомые. Сказки, обязательным героем которых был Ван, домыслы и правду, тоже состоящую из домыслов. Но все они сходились в одном...

— Зачем ты это сделал?! — закричал Шооран, бросаясь к старику и обхватив его обеими руками. — Ведь тебе нельзя говорить и показывать это!.. Я не должен это знать... Зачем ты так?

Казалось, крик вернул старика на оройхон. Взгляд стал осмысленным, он разом заметил, что падает туман, вокруг быстро темнеет, что одет он самым неподобающим образом, с мокрой границы несёт смрадом и копотью, а рядом стоит Шооран, которому тоже не надо оставаться здесь на ночь.

— Идём, мальчик, — сказал старик тихо, — я всё тебе объясню.

Старик быстро и молча направился к дому, Шооран, оглядываясь и ежеминутно ожидая беды, спешил сзади.

Дома старик сбросил испорченную обувь, подошёл к забытому на столе бурдюку, нацедил полную чашу, но пить не стал, а, глядя на сидящего с опущенной головой Шоорана, начал говорить, иногда медленно, по одному роняя слова, порой же переходя на одышливую скороговорку, словно боялся, что ему не хватит времени и воздуха:

— Ты знаешь, какая самая страшная пытка? Казнь молчанием. Много дюжин лет я тащу на себе тайну и сейчас больше не хочу молчать. Я должен рассказать о себе и обо всём, что передумал за эти годы. Если проклятие Ёроол-Гуя выдумано вместе с большинством легенд, то мне всё равно ничего не будет, если же оно истинно, то у меня впереди вся ночь и, может быть, часть дня. Этого хватит, чтобы рассказать главное, а там — будь, что будет. Всё-таки мне станет легче. Слушай. Я жил когда-то в другой стране, очень далеко отсюда, в землях старейшин, что возле креста Тэнгэра. Может быть, ты не знаешь, что это такое? Это те пять оройхонов, что поставил сам Тэнгэр при сотворении мира. В ту пору меня звали Энжин, и я был служителем в доме старейшин...

* * *

Энжин был служителем в доме старейшин. Он обитал на сухом оройхоне в палатке, приткнутой к боку растрескавшегося тэсэга. Рядом было поле. Как и всё на оройхоне, оно принадлежало Ёроол-Гую. Ни единый человек во всей стране не имел ничего своего, в земле старейшин свято помнили завет: далайн принадлежит Много-

рукому. Старейшины оглашали волю бога глубин, служители работали на него.

Раз в месяц, когда созревал урожай, Энжин получал у баргэда костяной нож для уборки хлебной травы, а через неделю сдавал нож обратно вместе с зерном и соломой. В остальное время он растирал муку, трепал воняющую нойтом солому, давил сладкий сок из плодов туйвана и, в свой срок, вооружившись толстой палкой, нёс под присмотром цэрэга караульную службу на краю мокрого оройхона. За это ему каждый день выдавалась миска каши из заквашенного зерна, раз в неделю — горсть сушёного наыса, раз в месяц, после уборки урожая — чашку вонючей браги, а на третий день мягмара — мясо.

Энжин был на хорошем счету у старейшин, баргэд отзывался о нём с похвалой, поэтому его никогда не отряжали на охоту в шавар или на разборку наваленных далайном тварей, откуда так много мужчин не возвращается домой. Так что, живя в трёх оройхонах от берега, Энжин и не видывал далайна. И, возможно, просуществовал бы всю жизнь, не подозревая о силе, дремлющей в нём, и лишь иногда мучаясь яркими и страшными сновидениями.

С неумолимым однообразием представлялось ему ночами, что он больше не человек, а лёгкий летучий огонь. Энжин не раз видал огонь возле суурь-тэсэга, ведь трудолюбивые баргэды и храбрые цэрэги питаются горячим, а горячее можно сделать лишь на огне или на аваре, если он поблизости. Но огонь, в который обращался Энжин, совсем не походил на пламя горящей соломы. Он мог перелетать с места на место, согревать разом целый мир, но мог и ударить палящей струёй. Это был бы изумительный сон, несмотря на боль, которую пылающее тело причиняло Энжину, но едва Энжин отрывался от земли, чтобы ринуться в полёт, как появлялись враги. Порой они даже не имели облика, но их всегда было много, и стремились они к одному: сбросить Энжина на землю и погасить. Ночи, протекавшие в поисках спасения или мучительных, безнадёжных битвах были, пожалуй, самыми сильными впечатлениями в спокойном существовании Энжина.

Палатка, в которой спал Энжин, тоже принадлежала Многорукому, а поскольку места в ней хватало на двоих, то судьба позволила прислужнику жениться, а вернее, позволила выйти замуж его жене. Как и всюду, женщин в земле старейшин было почти вдвое больше, чем мужчин.

Так же, как и муж, Сай каждый день отправлялась на работу, чаще всего на второй ярус алдан-шавара — собирать и заготавливать наыс. И тоже ежедневно получала миску каши, а в конце недели — горсть грибов. Только мяса ей не полагалось, женщинам раз в год на пятый день мягмара выдавали плод туйвана.

Супруги жили дружно, хотя и делить им было нечего. Каждый

выскабливал свою миску и начисто вылизывал её. Каждый крошил в кашу грибы или хрустел ими, запивая водой. Воды Ёроол-Гуй позволял пить сколько угодно.

Иногда, проснувшись утром раньше срока, Энжин будил Сай и пытался пересказать ей привидевшийся кошмар, но Сай испуганно взмахивала руками и, перебив мужа, твердила:

— Перестань. Не хочу слушать. И ты не вспоминай. Сойдёшь с ума — что будет?

Больше говорить было не о чем. Только охотники могут рассказывать, какого зверя они поймали сегодня, а какого упустили вчера. Но зато охотники и не живут долго, и их жёны остаются в одноместных палатках изнывать от бессильной женской тоски и, надрываясь, растить детей, потому что за миску каши для ребёнка надо выработать дополнительную норму.

У Энжина и Сай детей не было. Потому, должно быть, баргэд и отзывался о них с похвалой: берёг образцовую семью.

Иногда разговор начинала Сай, рассказывала что-нибудь о соседях или о женщинах, вместе с которыми она чистила и резала грибы или ткала на ручном станке тонкую материю из соломенной пряжи. Обычно её рассказы начинались с одной и той же фразы:

— Атай совсем с ума сошла, — говорила жена.

— Угу... — отвечал Энжин, занятый починкой прохудившегося башмака.

— Ты только послушай, что она сказала! — горячилась Сай. — Она сказала, что сбежит отсюда!

— Куда? — Энжин отставил рукоделье в сторону.

— Будто она сама знает... Я ей говорю, что лучше, чем дома, нигде не будет. Сбежишь... и что? Станешь бродить по мокрым оройхонам да ждать, пока до тебя Многорукий дотянется или цэрэги поймают.

— В новых землях цэрэгов нет, говорят, там мокрые оройхоны полны бандитов.

— Ну, у нас их тоже хватает. Помнишь, третьего года, что было?..

— Ладно, не надо о плохом.

— Хорошо, хорошо, но Атай-то какова, а?..

Атай была их соседкой. Ей было полторы дюжины лет, а она жила одиноко, безо всякой надежды выйти замуж, несмотря на свою редкостную красоту. Три года назад она получила завидное предложение — стать сестрой непорочности. Сёстры непорочности жили в алдан-шаваре и прислуживали самим старейшинам. В сёстры выбирали только самых красивых девушек, и, насколько было известно Энжину, прежде никто от этой чести не отказывался. Атай была первой. Она при всех заявила, что хочет не божественного, а простого счастья, и сестрой непорочности не станет.

В законе ничего не говорилось, как поступать в таком случае, поэтому, хотя дерзкую не наказали, но и в покое не оставили. На работу со всем женщинами Атай выходила, только если для неё не находилось особо тяжёлого и грязного труда. И, разумеется, никакого счастья она не получила; хоть никто не запрещал ей выходить замуж, но на всём оройхоне не нашлось желающего связать судьбу с женщиной, отмеченной клеймом бунтовщика. Атай ходила высоко подняв голову, казалось, ей нет дела до любопытных и недоброжелательных взглядов, и Энжин был удивлен, узнав, что и её жизнь трёт шершавым по открытому сердцу.

В течение двух или трёх недель после мягмара, когда всё на оройхоне принималось плодоносить особенно бурно, хозяйство старейшин начинало лихорадить. Часть женщин отправлялась на мужские работы — на поля, а остальные, чтобы справиться с бешено растущим наысом, работали круглосуточно, получая лишь два небольших перерыва для еды и четыре часа на сон. Но даже во время перерывов женщины домой не возвращались. Это равно касалось и сборщиц, и привилегированных работниц, перебиравших грибы.

Сай две недели была на чистой работе сортировщицы, а вот Атай как неугодную вообще не допускали в алдан-шавар, на её долю досталось поле, и работать ей пришлось в паре с Энжином. Первый день они работали вровень: жали, вязали снопы. Когда урожай был снят, баргэд вручил Энжину верёвки и пустые мешки, а его напарнице — тяжеленное било: выколачивать из гроздьев зерна. Именно тогда, при взгляде на согнувшуюся под неподъёмным инструментом фигурку, Энжин понял, что так не должно быть. Не было сомнения, возмущения и гнева, не мучили мысли, что он нарушает закон, была лишь спокойная уверенность: так не должно быть. Энжин подошёл к Атай, взял у неё из рук цеп и начал молотить сам, хотя знал, что меняться работой запрещено: каждый несёт ту повинность, что определена ему по заслугам. И Атай — видно крепко засели в ней семена бунта! — не возмутилась, а молча принялась подтаскивать снопы, вязать солому и относить в сторону полные мешки.

Красный вечер погас в небесном тумане, на суурь-тэсэге протрубили в витую раковину, возвещая конец работы, лишь тогда они молча, так и не сказав ни слова, поменялись инструментом, а сдав его баргэду, не расползлись, как обычно, по своим норам, а уселись возле тэсэга, прислонившись к его шероховатому боку.

— Атай, — спросил Энжин. — Как сделать, чтобы они перестали тебя гнать?

— Никак... — тихо прозвучало из темноты.

— Но почему... — начал Энжин, но Атай перебила его, зашептала быстро и отчаянно то, что не раз, должно быть, говорила самой себе за эти три года:

— Я знаю, что нельзя было отказываться, но ведь всем известно, как именно сёстры непорочности прислуживают целомудренным старейшинам. Сначала они живут в роскоши, потом переходят к баргэдам и цэрэгам, услаждают их похоть, хотя каждый из цэрэгов и так женат. Я не вижу, чем это лучше многожёнства, принятого в других землях и запрещённого у нас. По-моему, это хуже. Когда кто-нибудь из сестёр беременеет, ребёнка душат и кидают в шавар.

— Откуда ты знаешь? — испуганно спросил Энжин.

— Знаю. Моя сестра живёт у старейшин. У неё родился мальчик, и его при ней засунули в мешок и отдали... там есть специальный человек для этого. Я так не хочу. Я хочу... хотела когда-то, чтобы у меня была семья, дети... живые...

— Ну что ты... — Энжин коснулся в темноте плеча девушки, и та, всхлипнув, ткнулась ему лицом в грудь.

...У Атай оказались мягкие покорные губы, пахнущие цветами туйвана, а избитые работой руки умели быть бесконечно ласковыми.

Так в жизни Энжина появилась тайна. Однажды нарушив закон, он продолжал нарушать его, не мучаясь больше никакими сомнениями. Гораздо сложнее обстояло дело с Сай. За дюжину лет, проведённых вместе, он привык ничего от неё не скрывать. Что из того, что скрывать было и нечего? Всё-таки прежде он мог сказать: «Ты знаешь, Сай...» — и поделиться тем немногим, что произошло с ним или около него. А теперь, когда в жизни появилась настоящая большая радость и ещё один родной человек, об этом приходилось молчать. И только от молчания, от разделившей их тайны, а не от чего-либо другого, Сай, близкая и любимая, начинала становиться чужой.

Так прошёл почти целый год. Внешне почти такой же, как все остальные годы, но наполняли его нетерпеливое ожидание слишком редких встреч и ещё незаметная, но уже начавшаяся пытка молчанием. Лишь когда до нового мягмара осталось меньше месяца, события понеслись, словно спасающийся от хищника авхай по поверхности далайна.

Энжин с чисто мужской слепотой не замечал изменений, происходящих с его подругой, и Атай сама сказала ему обо всём во время одной из случайно выпавших встреч. В первый миг Энжин не поверил новости и, лишь положив ладонь на округлившийся живот Атай и ощутив толчки ещё не проснувшейся, но уже существующей жизни, понял, что это правда.

— Как же быть? — растерянно пробормотал он. — Ведь ты знаешь, что придётся делать...

Это знали все. Великий Ёроол-Гуй ненавидел разврат. Незаконных детей в стране старейшин не было. Всё остальное — увы! — было. Большинство мужчин поступали просто. Немало законных

супруг ходило, прикрывая ладонью расползшийся на пол-лица синяк — призывающий к молчанию аргумент не ночевавшего дома мужа. А среди вдов, озверевших от одиночества, и девушек, потерявших последнюю надежду выйти замуж, по секрету передавались рецепты, как избежать последствий тайной связи, а если уж их не миновать, то как ловчей перетягивать растущее пузо и, главное, кто из охотников и что требует, чтобы отнести и выкинуть в шавар задавленный плод любви.

Но бывало так, что скрыть грех не удавалось, и тогда Ёроол-Гуй требовал преступницу к ответу. Мужчин на оройхонах не хватало, и потому считалось, что второго виновника как бы и нет.

— Мой ребёнок останется жить, — Атай произнесла эти слова тихо, но так, что Энжину сразу вспомнился неприступный вид, с которым Атай проходила мимо скучающих служителей. — Я просто не останусь здесь. Уйду.

— Куда? — спросил Энжин и вдруг вспомнил, что повторяет свой давнишний, ещё не Атай заданный вопрос.

— Не знаю, — сказала Атай. — К ванам или в страну добрых братьев — всё равно.

— Граница охраняется, — напомнил Энжин, — да и не пройти там. Мёртвые земли. Помнишь, что рассказывал старейшина об огненных болотах?

— Всё равно, — упрямо повторила Атай. — Пойду по мокрым оройхонам, через границу ползти буду, но здесь не останусь.

Энжин слушал и видел, что так и будет — она уйдёт. И говорит она это сейчас только для того, чтобы он, если захочет, мог идти вместе с ней. А мог и остаться, сделав вид, будто ничего не понял, и тогда она уйдёт одна, не попросив его ни о чём.

— Подожди, — сказал он. — На той неделе меня посылают в охранение. Будет легче перейти на мокрый оройхон.

Лишь потом он заметил, что не сказал ни «нам будет легче», ни «тебе». Просто сам не знал, как поступит, и сказал неопределённо, отложив решение на последнюю минуту. И Атай не стала уточнять, что он имел в виду, послушно согласилась:

— Хорошо, я подожду.

На следующий день Атай исчезла. Энжин не встретил её на работах, не увидел, вернувшись домой. Он не знал, что думать: бежала ли Атай не дождавшись его, или же с ней что-то случилось. Спрашивать людей Энжин не смел, а Сай, обычно снабжавшая его новостями, на этот раз глухо молчала.

Прошла неделя вместе с назначенным дежурством — Атай не объявлялась. Закончился год, наступил весёлый мягмар. Атай не было.

Шестой день мягмара — день всеобщего ликования, жертвоприношений щедрому Ёроол-Гую, отдыха. Охота у шаваров закончена,

дары, принесённые расходившимся далайном, разобраны и отнесены в кладовые. Съедено праздничное мясо и плоды. Остаётся веселиться. Длинные процессии направляются с дарами на обычно пустынный мокрый оройхон. Движутся старейшины, окружённые непобедимыми цэрэгами; охотники со своими трофеями идут, чтобы вернуть Многорукому часть по праву принадлежащих ему богатств. Шагают опалённые пламенем сушильщики, которых все боятся и презирают за их смертельное ремесло. Стоят у края далайна с повинной головой, бросают вниз пряди собственных волос — просят немного жизни. Лишь трудолюбивые баргэды, хранящие, учитывающие и выдающие всё, что есть на оройхонах, остаются на месте. Они не могут уйти даже на один день, без них жизнь прекратится, народ умрёт с голоду.

Из простых служителей на праздник допускаются лишь те, кого власти сочли достойным лицезреть картину жертвоприношений. Каждый заранее оповещён о высокой чести, и за всю историю страны ещё не было глупца, отклонившего её.

Энжин стоял в общей толпе за спинами цэрэгов. Смотрел, как летят в далайн снопы, сыплется мука и сладкие плоды. Слушал пение сестёр непорочности. «О бессмертный повелитель! Прими дары от твоей земли!» Энжин впервые был здесь, впервые видел далайн. Сухих оройхонов много, и не каждый служитель хотя бы раз в жизни попадает на праздник. Многие лишь по рассказам знают, что такое шестой день мягмара.

Жертвы становились богаче, пение громче. Лился хмельной сок, падали драгоценные осколки дающего искры кремня, что во всём мире встречается лишь на кресте Тэнгэра. «О отец наш, Ёроол-Гуй! Тебе отдаём мы лучшую из женщин!» — голосили непорочные шлюхи. И покачнувшийся Энжин увидел, как плывёт над головами поднятый на сильных руках резной паланкин, и в нём сидит Атай. Её руки и ноги были связаны, но мало кто замечал путы, скрытые широкими рукавами нарядной одежды. Зато фигуру праздничный талх облегал плотно, чтобы всем был виден округлый живот женщины.

Энжин не умер на месте, не бросился на копья цэрэгов, не сделал вообще ничего. Словно загипнотизированный взглядом Ёроол-Гуя он мог лишь стоять, смотреть и ждать.

— Она хороша, как любовь, и нужна, как дыхание, но мы отдаём её с радостью, о могучий!..

Голова Атай была запрокинута, отрешённый взгляд не замечал окружающего. Энжин слышал, что женщинам, предназначенным Ёроол-Гую, дают пить вино, а если они отказываются, то поят насильно, вливая вино в разжатый рот. Он ещё не знал, что будущими бесконечными вечерами, наедине с полной чашей, он с бессмысленным упорством будет думать об одном: сама пила Атай или вино вливали насильно?

Атай молчала, и безмолвно молчала толпа, лишь молельщицы выводили речитативом:

— О великий, прими нашу женщину! Её руки — ласка, её губы — счастье, её глаза — свет жизни. В ней наше будущее и надежда. Возьми её!

Не родив кругов, без брызг и ряби раскрылась липкая влага далайна, принимая живое подношение. Напряжённо ожидавшая толпа ахнула, и за этим вздохом никто не услышал крика Энжина.

Последний день недели стремительно катился к вечеру. Радостный мягмар закончился. Завтра начнётся страда — сначала на плантациях наыса, затем и на полях. Завтра может вынырнуть недовольный жертвами Ёроол-Гуй — и горе оказавшимся на берегу охотникам, собирателям харваха и беглым преступникам, которым негде скрыться, кроме как на запретном мокром оройхоне. Возмездие настигает их там в лице самого бога. Горе тому, кто останется на мокром оройхоне после конца мягмара! Это преступление ещё большее, чем зайти без дела и позволения на соседний оройхон или поменяться с кем-нибудь назначенной работой. И всё же, когда под грохот труб и костяных досок процессия двинулась обратно, один человек, словно не слыша сигнала, остался у далайна. Его никто не замечал, цэрэги и шпионы равно стремились уйти отсюда поскорей. Мимо, шлёпая по замешанной на нойте грязи — здесь нет места заносчивости ванов! — прошествовали жрецы и старейшины. Простой народ обтекал его со всех сторон, торопясь добраться к дому и урвать перед завтрашним днём пару лишних часов отдыха, а Энжин стоял, вперившись взглядом в далайн, словно туда ещё падали дары.

Берег опустел, потемневшие облака налились кровью. Всё замерло, лишь далайн, тяжело дыша, продолжал свою работу. Ему не было дела до людей, их даров и потерь. Лишь на шипах какой-то пучеглазой твари, выплеснутой волной, белел обрывок тонкой материи. Но мало ли тканей было скинуто сегодня в бездну?..

Только теперь, когда поздно стало что-либо делать, сознание вернулось к Энжину. Он чувствовал, как рвётся душа, сгорает, не оставляя золы, пламя вырывается через ладони поднятых рук, и весь он, как это прежде бывало лишь во сне, превращается в факел, пылающий нестерпимой болью и светом. А рядом холодный и мокрый лениво шевелящийся враг готовится плеснуть своим дыханием и погасить, оставив чёрную головешку. Себя было не жаль, всё лучшее, что в нём было, далайн уже забрал и не вернёт. Оставалось мстить: бессердечному чудовищу, равнодушной влаге, злым людям — всем, до кого сможешь дотянуться.

Пламя рванулось с ладоней, беззвучно разбилось о холодную поверхность. Далайн вспучился, заметались в его толще безмозглые уроды, а в самой пучине содрогнулся от удара многорукий Ёроол-

Гуй, закружил, отвыкнув за многие годы от боли, и свечой пошёл наверх, туда, где ещё не осознавший себя илбэч творил землю.

Когда новорожденный оройхон заслонил простор, Энжин не успокоился, не испугался и даже не понял, что произошло. Он видел лишь, что враг отходит, и побежал следом, стремясь ещё раз ударить, не думая, что в нем проснулся тот самый дар, о котором говорят сказания. Не думал он и о том, что Ёроол-Гуй спешит сейчас сюда и в любую минуту может вынырнуть и схватить его, ведь мягмар кончился. Энжин выбежал к далайну и вновь ударил, уже зная, что он увидит, и радуясь... чему? Лишь выстроив третий оройхон кряду и упав от усталости в жгучую грязь, Энжин понял, что Атай не вернётся, даже если он высушит весь далайн. Энжин встал и медленно побрёл назад, к тому, что он когда-то называл жизнью. Он чудом успел уйти от Ёроол-Гуя, обрушившегося на берег через полчаса после его ухода, и чудом избегнул встречи с караулами.

На оройхоне царило безмолвие. Энжин на ощупь отыскал свою палатку, откинул полог, согнувшись прополз внутрь. В темноте ничто не шелохнулось, лишь потом из самого угла прозвучал неестественно спокойный голос Сай:

— Ты где был?

Энжин не ответил. Лёг, спрятав лицо в подстилке, стараясь ничего не слышать.

— Я спрашиваю, где ты был? — повторила Сай. — У кого?.. Можешь не отвечать, но знай, что я всё равно её найду, и эта новая девка отправится вслед за первой, за твоей любезной Атай!

Энжин медленно поднялся, зажал ладонями уши, чтобы не слышать свистящего шепота, летящего из затхлой тьмы:

— Вы, мужики, развратники, и ты точно такой же, как все. Тебе наплевать на семью, на меня, на закон, в конце концов! И шлюху ты выбрал себе под пару, эту шаварную тварь... Жаль, я не смогла сбросить её в далайн своими руками!..

— Замолчи, — тихо сказал Энжин.

Он вышел из палатки и остаток ночи просидел, привалившись к тэсэгу и глядя сквозь темноту туда, где ещё день назад стояла палатка Атай.

Утром оройхоны облетела невероятная весть: объявился новый илбэч. За одну ночь на побережье возникли три свежих оройхона, и следовательно, один из старых стал сухим — в стране появилась дополнительная пригодная к жизни земля. Никогда прежде такого не случалось. Даже во времена древних илбэчей не появлялось три оройхона в один день. Служители передавали друг другу новости — одна невероятней другой, цэрэги и баргэды всех рангов были подняты по тревоге. Приказ требовал изловить илбэча и доставить его в совет старейшин. Энжин этого не знал, но многолетняя привычка заставила его затихнуть и постараться стать незаметным.

Через неделю вышло официальное распоряжение — илбэч должен объявиться. Оно заставило Энжина ещё ниже пригнуть голову. Он уже раскаивался в сделанном и не понимал, как ему удалось такое. Сомневался даже, было ли это с ним в действительности. Верил в былое, лишь когда, проснувшись среди ночи, понимал, что Сай тоже не спит, а, забившись в угол палатки, обхватив колени руками и прижавшись к ним подбородком, беззвучно цедит сквозь сжатые зубы проклятия умершей сопернице. Подобные сцены вызывали тягостное чувство неуместности. Вины перед Сай Энжин больше не испытывал, ненависти — тоже.

Что касается остальной жизни, то она изменилась лишь к худшему. Появился новый район, часть людей с обжитых оройхонов власти отправили туда, и остальным пришлось больше работать. А легче не стало — так же они вставали по хриплому сигналу трубача, съедали ту же миску каши, шли на ту же работу. Так зачем было всё? И было ли?

Прошёл год, увенчанный безрадостным мягмаром, потом второй, третий... В бороду, которую он бросил брить, вплелись белые нити, давно не снилось по ночам пламя, не тревожило слово «илбэч», и лишь видение далайна и запрокинутое лицо Атай преследовали его. Но он по-прежнему был на хорошем счету у баргэда, и когда ему исполнилось три с половиной дюжины лет, его произвели в охраняющие. Это означало, что теперь он будет не просто стоять с палкой на краю мокрого оройхона, а нести службу на границе. Длинные полосы мёртвых оройхонов отделяли древнюю землю старейшин от более новых земель — государства вана и страны добрых братьев. Порядка в тех краях было куда меньше, но зато илбэчи в те эпохи, когда они появлялись, чувствовали там себя вольготней, и потому сопредельные страны были обширней и сильней воинской силой. Впрочем, нападать через мёртвые земли, где пяток цэрэгов мог сдерживать целую армию, было делом безумным, и потому пограничные гарнизоны оказывались невелики и состояли в основном из стрелков при ухэрах. Но теперь, пока власти не забыли ночного потрясения и не могли быть уверены, что илбэч не прячется где-то, пытаясь бежать к противнику, караулы были усилены за счёт немолодых и многократно проверенных служителей. Оказался среди них и Энжин.

Второй раз в жизни он увидел далайн. Далайн не изменился, да и не мог измениться за прошедшие годы. Так же сгущался над ним туман, так же двигались ленивые бугры, размазывались о берег, с небрежной щедростью убивая своих же обитателей. Далайн был вечен и не помнил ничего. Но зато помнил, вернее, заново вспомнил Энжин. В первую же ночь он сбежал, ушёл по полосе пограничных оройхонов, не гадая, сможет ли дойти и как встретит его земля вана. О Сай он, уходя, не думал, да и потом не вспоминал. Любовь,

когда-то связывавшая их, давно умерла. Любовь вообще плохо уживается с непримиримостью и ложью. Всё остальное ей дозволено.

Идти в темноте по мёртвым оройхонам оказалось невозможно. Утро полуживой Энжин встретил на краю далайна. Близкие авары душили низко стелющимся лиловым дымом, мокрая губка не спасала от ядовитых миазмов, да и вода у Энжина кончалась. Он знал, что надо, пока ноги послушны, уходить отсюда, но сильнее жажды жить в воспалённом мозгу засели две мысли: вот он, далайн, и рядом нет никого, кто мог бы помешать свести с ним счёты; и другая, более страшная — а вдруг всё, что было тогда, много лет назад, лишь привиделось ему, и теперь он никто, и ничего не может?

И тогда полуживой и полубезумный человек вместо того, чтобы бежать сломя голову, качнулся к далайну, поднял руки, шепча проклятия, словно Сай в ночные часы, и начал творить оройхон. Этот оройхон — нелепый и бесполезный квадрат суши — торчит ровно на полпути между землёй старейшин и страной вана. Там никто не живёт, потому что выжить там невозможно, но всё же теперь пройти с одного берега на другой стало проще. В тех редких случаях, когда старейшины соглашаются в обмен на жемчуг и сухой харвах продать вану искристый кремень, баргэды встречаются здесь с посланцами вана. Поэтому необитаемый оройхон называется Торговым.

Всё это происходило потом, а пока безумный илбэч окончил работу и, даже не ступив на новый оройхон, впервые за много лет засмеялся и пошёл дальше.

С другой стороны проход охранялся не так строго, ведь здесь не ловили таинственно исчезнувшего илбэча, поэтому Энжин сумел пробраться мимо поста, где скучали доблестные цэрэги, и войти на землю вана.

Он быстро увидел разницу между двумя странами. Земля была чудовищно перенаселена. Когда Энжин попытался войти на сухой оройхон и напиться воды, его жестоко избили и вышвырнули обратно. Пришлось привыкать к чавге, которую прежде он ел только во время торжественных богослужений. Одно дело вкушать кисловатый чуть пованивающий нойтом комочек раз в месяц под пение собравшихся вокруг суурь-тэсэга служителей, совсем другое — питаться чавгой постоянно.

Избитый, брошенный в нойт Энжин выжил чудом. Его подобрали изгои — три изуродованных и неясно почему ещё дышащих женщины. Спасительницы немедленно и дружно объявили себя законными супругами Энжина. Очевидно, и здесь, где само существование было понятием относительным, устойчивое семейное положение что-то значило.

Сопровождаемый самозванными жёнами Энжин обошёл всё побережье страны вана. Мокрые оройхоны были единственным мес-

том, где можно было передвигаться. По поребрикам между сухими оройхонами были проложены ровные тропы, существовали и дорожки внутри оройхонов, но ходить по ним, если ты не цэрэг, было рискованно. На полях работали не безразличные ко всему на свете служители, гнущие спину за миску каши, а хозяева, готовые перервать горло всякому, посягнувшему на их сокровище. Впрочем, из-за невероятной скученности далеко не все земледельцы могли позволить себе даже ту нищенскую жизнь, которой наслаждались рабы Ёроол-Гуя в земле старейшин.

Новая семья Энжина так и осталась образованием чисто экономическим. Ни о какой душевной или физической близости жёны и не помышляли, просто вместе было легче выжить. Женщины копали чавгу, скребли харвах, по возможности подворовывали на сухих оройхонах, Энжин с редкостным безразличием к опасности разгребал завалы зверья на самом краю оройхона, добывал кожу, липкую чешую, морской волос, рыбью кость — всё, что обычно достаётся людям лишь во время мягмара. Ведь кроме Ёроол-Гуя, грозящего всему оройхону, существует ещё и уулгуй, опустошающий прибрежную кромку и встречающийся куда чаще своего старшего брата.

Энжину справили многослойные буйи и широкополый, с длинными рукавами и глухим воротом жанч — единственную одежду, в которой можно более или менее безопасно работать на мокром оройхоне. «Приоделись» и жёны. Странный, противоестественный союз, почему-то называвшийся семьёй, начинал оправдывать своё существование. Постепенно Энжин научился многим премудростям нечеловеческого житья. Он узнал, как правильно выбирать место для ночлега и расстилать кожу, заменяющую постель, чтобы не залило ночью нойтом. Он мог вымыться соком одной чавги, а оставшейся в кулаке выжимкой исхитрялся ещё и почистить жанч. Научился ценить жирха и привык есть его сырым. Главным в этом искусстве было как можно быстрее глотать куски, а потом сдержать отрыжку — иначе могло стошнить даже самого бывалого едока.

Жители сухих оройхонов тоже промышляли чавгой и харвахом, поэтому долго задерживаться на одном месте не удавалось. Энжин со своими женщинами постепенно откочёвывал всё дальше на запад, пока не достиг края земли. Здесь он снова увидел мёртвые болота. Тут было два таких оройхона, дымивших на всю округу и избегаемых даже изгоями.

Энжин бесшабашно направился прямо к границе, рассудив, что поблизости от нее прибрежные завалы всего богаче, но не подумав, как он будет работать там, где впору только не умереть. Виденное лишь однажды, но насмерть врезавшееся в память зрелище пробудило в душе и остальное, что Энжин предпочитал не вспоминать, опасаясь за рассудок и не замечая, что в том и состоит уже много лет его тихое помешательство. Но сейчас ядовитый дым, одурманив-

ший голову, снял запрет, горящие поблизости авары помогли превратиться в пламя, и Энжин, забыв, зачем он сюда пришёл, за два часа сотворил свой первый оройхон в стране вана.

Когда едва дышащий Энжин вернулся к тому месту, где стояла лагерем семья, его встретил невиданный переполох. Немудрящий скарб был увязан, словно женщины приготовились к немедленному бегству и ожидали только появления Энжина. Однако впервые среди жён не оказалось согласия. Наминай требовала идти на восток, где образовалась сухая приграничная полоса — захватывать удачное место. Глуповатая Эрхаай полагала, что следует спешить к новому оройхону, который, конечно же, в ближайшие дни станет сухим. Что касается Курингай, то она хотела бежать как можно скорее и от сухой полосы, где, несомненно, начнётся всеобщая драка, и вообще из этих мест. Энжин, как обычно, своего мнения не имел, и никак не решил спора, готового перейти в потасовку. Жёны напрасно взывали к главе семьи, он сидел безразличный или начинал говорить на темы, никак не связанные с предстоящим решением. Лишь когда он случайно упомянул, что разбуженный Ёроол-Гуй, несомненно, вот-вот будет здесь, споры прекратились, и все поспешили на подаренную провидением сухую полосу.

Там по-прежнему курился дым, горела на аварах густая слизь, и громоздились возле бывшего побережья кучи тлеющей мерзости. Но уже не так остро бил в ноздри запах, и было ясно, что ещё день-два — всё лишнее выгорит и на высохшей земле можно будет ставить палатку.

Женщины выбрали для жилья место как можно дальше от новой границы, совсем недалеко от сухих оройхонов, и приготовились защищать свои владения от всех чужаков, какие только могли появиться. Энжин продолжал пребывать в прострации. На самом деле в нем шла мучительная работа. Он осознал наконец свой дар илбэча и теперь раздумывал, перебирая один вариант за другим, как, не погубив самого себя, помочь остальным людям. В испорченном рассудке крепко засела мысль: сухой оройхон — это плохо. Его заберут цэрэги и баргэды, а всем остальным достанется лишь больше работы. Безумный илбэч решил строить вдоль границы двойной ряд оройхонов — один мокрый, где смогут кормиться изгои, другой — с огненными аварами и сухой полосой, где они смогут жить.

Оскорблённый Ёроол-Гуй бесчинствовал на побережье, но всё же через день Энжин, не сказав ни слова своим подругам, отправился к далайну и выстроил ещё один оройхон, нарастив вдаль мёртвую полосу.

С поднятыми руками и пылающим взглядом Энжин готовился ступить на новый оройхон, когда поверхность влаги взорвалась изнутри бешеным водоворотом и Ёроол-Гуй рухнул на приграничный оройхон, отрезав Энжину путь к отступлению. Случись это несколь-

ко дней назад, Энжин, наверное, умер бы от страха, но сейчас он, словно легендарный Ван, погрозил кулаком корчащемуся на аварах чудовищу и пошёл вдоль границы, туда, где не закрытая аварами высилась стена Тэнгэра.

Щупальцы Ёроол-Гуя, коснувшись огня, шипели и обугливались, но на смену им из бугристого тела вырастали новые. По туше проходила дрожь, напоминавшая биение мягмара, потоки мертвящей влаги, липкого нойта и голубой, словно жемчуг, крови текли по камням, гигантское облако дыма затянуло окрестности, достигнув сухих оройхонов, так что недавно назначенный одонтом благородный Хоргоон принуждён был запереться в алдан-шаваре и в течение недели не показываться наверху.

И всё же сгорающий заживо и тут же заново рождающийся Ёроол-Гуй не желал уходить с аваров. Возможно, он чувствовал, что отрезал илбэча на мёртвой полосе, и ждал, когда тот задохнётся в чаду. Так и должно было случиться — у Энжина не было с собой ни губки, ни воды, ни, тем более, сока и смолы туйвана, но у него не было также чувства опасности и рассудка, в привычном понимании этого слова. Энжин продолжал строить, и это спасло его. Следующий оройхон полыхнул ему в лицо жаром, но, хотя это была мёртвая земля, дыма и отравленного смрада здесь не было, ведь нойт ещё не успел образоваться и наползти на авары. Лишь сзади его нагоняло смертоносное марево, и Энжин побежал дальше.

Три дня бесчувственный Ёроол-Гуй не сходил с костра, который сложил для себя сам, но затем, верно, и его сила начала сдавать. Многорукий сполз в далайн и исчез. За эти три дня Энжин поставил вдоль границы четыре оройхона, создав ту дорогу смерти, что через год так поразила бродягу Хулгала. Возможно, он продолжал бы строить ещё, уходя всё дальше в неизвестность, но он просто не смог дольше быть без воды в соседстве с жаркими аварами. Единственную бывшую у него чавгу он высосал на второй день, а потом лишь жевал оставшийся во рту волокнистый комочек.

На третий день сдавшийся Энжин побрёл через дым назад и нашёл путь свободным.

Оказавшись на привычно-мокром оройхоне, Энжин первым делом принялся копать чавгу. Если бы ему попалось нетронутое место, он опился бы сока и получил удар, но удачи не было, и Энжин остался жив. Отдышавшись, он пошёл к сухой полосе, где его должны были ждать жёны. Но уже на полпути он встретил Эрхаай. Она выползла из зарослей хохиура, тараща круглые бесцветные глазки, и испуганно окликнула Энжина:

— Не ходи туда. Там цэрэги!

Энжин мгновенно нырнул в хохиур и, присев на корточки рядом с Эрхаай, спросил:

— Где остальные?

— Наминай закололи цэрэги, а Курингай убежала, но её тоже поймали и закололи. Это всё Наминай сделала. Цэрэги хотели нас только выгнать, а Наминай стала кричать, что это наша земля, что мы сюда первыми пришли, и тогда они проткнули её копьём.

— Надо посмотреть, что там, — сказал Энжин. — Вряд ли это облава. К тому же, там остались наши вещи.

Он, пригнувшись и прячась за тэсэгами, начал подкрадываться к поребрику. Эрхаай засопела недовольно, но поползла следом. Облавы и в самом деле не было. Несколько цэрэгов сидели среди раскиданного скарба, грызли сушёный наыс и лениво переговаривались.

— Не понимаю, — сказал один, — зачем одонту понадобилась сухая полоса? Проку с неё никакого...

— Зато на ней удобно держать границу, — заметил цэрэг постарше.

— Здесь же нет границы, — удивился молодой. — Там вообще ничего нет...

— Мало ли что нет, а границу держать надо, — возразил старый служака.

— Ничего вы не понимаете, — лениво сказал дюженник, сидящий на скатанной коже, — ведь тут где-то бродит илбэч. Завтра ещё подойдут наши, и начнём облаву. Учтите, одонт запретил убивать бродяг — илбэча надо взять живым. Ясно? Чтоб эти бабы были последними!

— А вдруг баба и была илбэчем? — предположил кто-то.

— Скажешь тоже!.. — возразили ему. — Так не бывает. Илбэч всегда мужчина.

— В законе об этом ничего не сказано, — разъяснил дюженник, — поэтому брать будем всех.

— Интересно, — вновь начал первый, — что одонт будет делать с илбэчем? Ну, поймаем мы его, так он же умрёт сразу...

— Это не наше дело. Может, и не сразу помрёт, так его заставят строить. Если хоть один сухой оройхон поставит, так это для нашего Хоргоона уже великое дело будет. Провинция маленькая, сам понимаешь.

— А вдруг илбэч тем временем сбежит? Ищи его потом по всей стране...

— Не сбежит. На мокром караулы поставлены. Туда дюжина Ёмсога ушла. А через сухое какой же дурак побежит? Мужики любого бродягу насмерть затопчут.

Дальше Энжин слушать не стал. Он, пятясь, пополз назад, пока не натолкнулся на тихо пискнувшую Эрхаай. Приказав ей сидеть молча, Энжин стал ждать ночи. В темноте они проползли мимо цэрэгов и ушли на сухое, умудрившись даже прихватить кое-что из своего добра.

Идти по сухим оройхонам действительно казалось самоубийст-

венным предприятием, но Энжин нашёл блестящий выход. Они с Эрхаай взвалили на плечи корзины с вещами, присыпали их сверху собранным накануне харвахом и, не скрываясь, двинулись по иссохшей полосе вдоль аваров. Здесь не встречались караулы, а главное, здесь нечего воровать, и потому никто не смотрел на встречных с подозрением. За один день они прошли насквозь всю страну и на следующую ночь выбрались на побережье неподалёку от границы с государством старейшин. Меньше всего Энжин хотел бы возвращаться туда, и двое бродяг бесцельно заметались по стране, превратившейся в огромную ловушку.

В воспалённом, хоть и не потерявшем сообразительности мозгу Энжина прочно перемешались ненависть к далайну с тяжёлым недоброжелательством ко всем, кто живёт на сухом. Только изгои, с которыми ему нечего было делить кроме изорванной кожи на постель и куска жирха, казались безумному илбэчу достойными жалости. На побережье Энжин поставил отдельный, уступом выдающийся в далайн, оройхон и поспешно, не задержавшись ни на час, двинулся на запад, где уже поняли, что илбэча им не поймать, и, вероятно, сняли караулы.

Появившись там, Энжин построил оройхон, продливший сухую полосу, но уже не пытался на ней поселиться, а вновь сбежал. Эрхаай уговаривала его остаться, убеждая, что илбэч, несомненно, выстроит что-нибудь ещё и тогда они заживут на славу, но Энжин не стал её слушать, и они расстались. У Эрхаай достало разума понять, что названный супруг окончательно свихнулся и не желает ни искать лучшей земли, ни добывать кость и кожу, а значит, кормить его не стоит.

Энжин шёл на восток. Навстречу ему двигался необычайно умножившийся поток бродяг. По стране разнеслись фантастически преувеличенные вести о новых землях, и многие люди, бросив скудный быт, кинулись за счастьем. Ошпаренный Ёроол-Гуй свирепствовал небывало, но бродяг меньше не становилось. Постепенно они стянулись к созданной Энжином сухой полосе — единственному месту, где можно было жить. Полоса оказалась перенаселённой сильнее, чем сухие оройхоны, пребывающие под властью вана. Началась резня. Власти не торопились прекращать её, ожидая, что вышедшие из повиновения изгои истребят себя сами. Но быстрей и надёжней любых карательных мер прекратило распри известие, что совсем неподалёку выросло разом два оройхона, а если появится третий, то в стране будут новые сухие земли. Толпы ринулись туда по краю далайна или прямиком через сухие края. А молва уже сообщала о новых оройхонах, возникших в другой части страны.

Два года Энжин играл в прятки со всем миром. В первые месяцы кроме чудовищной дороги смерти он выстроил дюжину и четыре оройхона, но раскидал их так, что они могли служить прибежищем

изгоям, и больше ни для чего. Лишь самый первый оройхон, у которого образовалась сухая полоса, представлял какую-то ценность. Впрочем, на эту полосу одонт Хоргоон войска вводить не стал, рассудив, что так ему никаких двойных дюжин не хватит. Там сложилась своеобразная республика, называемая повсюду «Свободным оройхоном». Не стали власти преследовать бродяг и на новых землях. Слишком велика стала длина побережья, изрезан берег. Постепенно бродяг становилось меньше — набеги Ёроол-Гуя, жизнь на мокром, стычки с земледельцами и цэрэгами делали своё дело. Армии бродяг больше не существовало, уцелевшие превратились в обычных изгоев. Где-то среди них прятался и Энжин, прекративший всякую работу и успешно изображающий бандита. Он понимал, что, если товарищи по несчастью проведают, что он и есть илбэч, наделавший столько переполоха, он не проживёт и получаса из отпущенных ему Ёроол-Гуем суток. Поэтому Энжин со скучающим лицом слушал размышления остальных бедолаг, куда бы мог запропаститься илбэч, а если кто-нибудь спрашивал его мнение, нарочито зло отвечал:

— А ну его к Ёроол-Гую! Пропал — и хорошо. Спокойнее жить.

На самом деле в сердце озлившегося на весь свет илбэча созрел новый план. Он решил бежать ото всех, выстроить сухой оройхон лично для себя и жить там одному. Надо было лишь дождаться, пока людям наскучит искать новые земли, и тогда уйти по мёртвой полосе и там, если удастся, начать жизнь заново. Поэтому и затаился вдруг безумный строитель и долгих два года бродил по побережью, ел тухлую чавгу и ждал. Лишь когда затихли последние слухи и никто уже не надеялся на чудеса, Энжин отправился в путь. На плече он привычно нёс корзину с сырым харвахом, позволявшую ему ходить, не вызывая излишних подозрений. К тому же, и цэрэги, если в эти места занесёт отряд, гораздо мягче отнесутся к мирному сборщику харваха, чем к простому бродяге. Ведь должен же кто-то собирать для них в этих местах огненное зелье.

Незадолго до вечера Энжин добрался к Свободному оройхону. Шёл, вспоминая, что его карьера в землях вана началась именно здесь, этот оройхон был построен первым. А теперь ему не позволят остаться тут лишней минуты. Пройти мимо — ещё куда ни шло, но только не трогать чавги, не подходить к шавару, не глядеть на хохиур. Здесь всё было общее, но ничто не доставалось чужакам. И Энжин шёл по поребрику между оройхоном и сухой полосой, тактично не глядя по сторонам.

— Мышка, мышка, засоси! — услышал он детский голос.

Мальчуган от силы лет трёх, очевидно, сбежавший из-под присмотра, влез в глубокую лужу и сосредоточено топтался на месте,

глядя, как замешанная на нойте жижа затягивает его буйи. На чумазой физиономии сияло блаженство, вызванное запрещённой и потому особенно притягательной игрой. Нойт поднялся ему выше колен, но игрок не замечал, что сам уже не сможет вырваться из объятий цепкой мышки, и радостно продолжал увязать всё глубже.

— Эге! — сказал Энжин. — Да так ты вовсе утонешь. Ну-ка, герой, вылезай!

Он шагнул в грязь и, ухватив пацана, выдернул его из жадно чмокнувшей ямины. Мальчуган обижено заверещал.

— Бутач, ты опять за своё?.. — На поребрик с сухой стороны выбежала молодая женщина. Она приняла орущее сокровище из рук Энжина, начала сбивчиво благодарить его.

— Ладно... — отвечал Энжин. — Мне это ничего не стоило, я и так с ног до головы в грязи.

Но женщина уже подхватила корзину и повела Энжина на сухую сторону к большой палатке, стоящей рядом с поребриком.

— Вы обязательно поедите с нами, — говорила она, — и переночуете. А иначе вам негде будет. Вы знаете, этот неслух проворней тукки, уследить за ним невозможно. Один раз он уже чуть не утонул в нойте — и лезет снова. Просто не знаю, как и быть.

Энжин сидел, слушал болтовню женщины, продолжавшей что-то ловко делать по хозяйству. Ему казалось, что он попал домой и больше никуда не надо идти.

В волосах женщины матово сияли драгоценные украшения: сделанные в виде полумесяцев заколки из кости бледного уулгуя. И Энжин подумал, что надо быть не только очень богатым, но и очень уверенным в себе человеком, чтобы позволить жене носить такую роскошь среди бела дня. Бледный уулгуй был редчайшим зверем, добыть его казалось просто невозможно. В отличие от чёрного, бледный уулгуй был невелик, жил не в далайне, а в шаваре, в нижнем ярусе, полностью залитом нойтом, близко к выходу никогда не показывался, даже во время мягмара. И уж конечно, Энжин и не слыхивал, чтобы кто-нибудь мог справиться с бледным уулгуем в одиночку. Бляшки со щупалец зверя шли на женские украшения, хотя не у всякого одонта любимая жена могла расшить талх радужными костяными кружочками. А вместо коронного обруча в теле малого уулгуя находили два белых полумесяца. Их-то и увидел илбэч в волосах собеседницы.

Через несколько минут появился отец маленького Бутача. Он шагал, громко напевая, и волочил за усы убитого парха.

— У нас гости?! — дружелюбно воскликнул он, увидев сидящего возле палатки Энжина. — Я рад вам.

Энжин встал и неловко поклонился.

— Бутач опять влез в яму, — сказала женщина, — а этот человек его вытащил.

— Спасибо, старик, — сказал охотник.

Впервые Энжин услышал это обращение и вдруг подумал, что он действительно годится в отцы и этому охотнику в посечённом, но прочном панцире, которому позавидовал бы любой цэрэг, и прекрасной матери упрямого Бутача, немедленно забывшего все обиды при виде парха. И потом в одиноких разговорах с самим собой Энжин называл себя таким именем.

От аваров, неся большое блюдо с лепешками, подошла вторая жена охотника. Она была совсем молодой и удивительно напоминала Атай. А может быть, это лишь показалось Энжину оттого, что женщина была в положении. У неё был отрешённый взгляд, словно она прислушивалась к тому, как растёт в её теле будущий ребёнок. Жёны из благополучных семей, ожидая ребёнка, носили на нитке жемчужину. Этот знак говорил, что мать берёт слёзы будущего ребёнка себе, оставляя ему лишь радости. У этой женщины на шее искрилось целое ожерелье из редчайшего голубого жемчуга.

Перехватив взгляд Энжина, охотник сказал:

— Драгоценности хороши, только когда они украшают женщин. У вана, конечно, больше редкостей, но кто их видит? Я добыл эти игрушки, и пусть в них играют те, кого я люблю.

На ужин были лепёшки с соком туйвана — вещь невиданная на мокрых оройхонах. И уж тем более Энжин не ожидал, что его будут угощать подобными яствами. Однако его усадили ужинать, а на все благодарности охотник отвечал:

— Горячего не жалко, если рядом авар. Будем жить, пока живётся.

— У вас счастливая семья, — сказал Энжин. — Я обошёл много оройхонов, но такой не видал и не думал, что возможно подобное счастье. Я говорю не о лепёшках — их едят многие, хотя никто не делится со случайным прохожим. Я говорю о радости.

— Ты прав, — произнесла женщина с голубым ожерельем, и впервые её взгляд, обращённый внутрь, осветил Энжина. — Сегодня мы едим сладкую кашу, завтра, возможно, будем рады чавге, но если кашу не съесть сегодня, завтра она протухнет. Так стоит ли её жалеть? А радость должна быть всегда.

Наутро Энжин отправился дальше. Его путь лежал через мёртвые земли на край мира, где он хотел выстроить себе дом, чтобы жить там одному, не видя никого... кроме этой семьи. И пробираясь через ядовитый, заволакивающий разум дым, и корчась в муках строительства, илбэч представлял, как он приведёт в чистые и сухие края широкоплечего охотника с серыми глазами, двух нездешне прекрасных женщин, маленького упрямца Бутача и того, ещё не родившегося малыша, которого ждёт женщина с лазоревыми жемчугами...

* * *

Шооран, замерев, слушал рассказ старика. Оба они потеряли счёт времени, не замечая, что сквозь потолочные отверстия пробирается жёлтый утренний свет.

— Я оказался, в который раз, трусом, — тяжело говорил старик. — Я никого не привёл, потому что понял: такой человек не станет скрывать тайну и радоваться ей в одиночку. Каждый месяц, собрав урожай, я хотел идти за ними, но оказался храбр лишь в мечтах. Я пробирался десять лет.

Старик замолчал и, вернувшись из прошлого, взглянул на Шоорана. Мальчик сидел неподвижно, между застывших пальцев изгибалась синяя жемчужная нить. Почувствовав взгляд старика, Шооран поднял голову и произнёс:

— Это мамино ожерелье.

— Ты пришёл сам, — сказал старик. — Спасибо тебе. И прости меня за всё, что я не сделал.

Старик встал, повернулся к окну.

— Вот и утро, — сказал он. — Если верить Ёроол-Гую, то до вечера я не доживу, а у меня ещё немало дел. Всё-таки я илбэч и обязан строить, даже если это покажется кому-то бессмысленным. Я должен продлить мёртвую полосу в глубь далайна. Это не ради Тэнгэра и его стены, не думай. Возможно, когда-нибудь ты поймёшь, почему я пошёл именно туда, хотя лучше, чтобы ты этого так и не понял. Если я не вернусь, то всё здесь твоё. Особенно береги это. — Старик выдвинул из-под кровати сундучок и достал тонко выделанный кусок кожи. — Смотри, это карта мира. Вот далайн, а это оройхоны. Я не уверен, правильно ли здесь изображена страна добрых братьев, но это и не очень важно. Главное, что далайн вовсе не так велик, как кажется, когда стоишь на побережье. Илбэчи прошлых времён постарались на славу, а ведь их было всего четыре или пять человек! Остальные после первого же оройхона были схвачены Многоруким или растерзаны благодарной толпой. Но чаще всего илбэч рождался, жил и умирал, даже не догадываясь о своём даре, а может быть, и не увидев далайна ни разу в жизни. Это неправда, что илбэч рождается редко. Не было ни одного дня, ни одной минуты, чтобы где-то не жил илбэч. Просто он сам не знает, кто он. Поэтому я и рассказал тебе это, чтобы ты... чтобы люди знали. Хотя, возможно, я ошибаюсь, и всё зря.

Старик достал буйи и кисло пахнущий жанч, переоделся. Шооран, забившись в угол, следил за ним. Потом попросил:

— Не надо уходить.

— Я илбэч, — ответил старик. — Я должен. Я боюсь умереть в постели, потому что мне кажется, что тогда огонь достанется случайному, ничего не знающему человеку. А я хотел бы отдать его тебе, хотя ты и проклянёшь меня за это. Не знаю только — возможно

ли такое. И ещё. Два-три месяца не выходи на мокрое. Многорукий будет наведываться сюда часто.

Старик ушёл. Шооран хотел бежать за ним следом, но, подчинившись уже не словам, а взгляду, остался на пороге алдан-шавара. День он просидел, ожидая, что старик вернётся, но потом услышал, как вдали мучительно всхлипнул далайн, и понял, что опять остался один.

* * *

Сказители говорят, что, сотворив небесный туман и воду, далайн и оройхоны, мудрый Тэнгэр начал населять их большими и малыми зверями. Тэнгэр хранил зверей в наплечной сумке и теперь принялся доставать их по одному и определять каждому место и срок жизни.

Первым Тэнгэр достал мелкого зогга. И сказал:

— Ты будешь жить в норке в стене шавара, а срок твоей жизни составит одну неделю.

— Спасибо, щедрый Тэнгэр, — прошелестел зогг, — что после тесной сумки ты даришь мне огромный мир и жизнь, достойную его. Я успею заткать паутиной норку, и оставить детей, и вонзить жало в тело врага. Что ещё можно просить от жизни?

Затем Тэнгэр вытащил безногую тайзу и сказал ей:

— Ты будешь жить в закоулке шавара, а срок твоей жизни — один месяц.

— Спасибо, щедрый Тэнгэр, — пропищала тайза, — что после тесной сумки ты даришь мне огромный мир и жизнь, достойную его. Я успею исползать весь закоулок, оставить детей и проглотить мелкого зогга. Что ещё можно просить от жизни?

Тэнгэр добыл из сумки тукку и сказал:

— Ты будешь жить в шаваре, в верхнем его ярусе, а срок твоей жизни — один год.

— Спасибо, щедрый Тэнгэр, — хрюкнула тукка, — что после тесной сумки ты даришь мне огромный мир и жизнь, достойную его. Я успею обегать все ходы и коридоры, родить детей и вдоволь наесться вкусной чавги. Что ещё можно просить от жизни?

Тэнгэр раскрыл суму, извлёк оттуда гваараиза и сказал ему:

— Ты будешь жить по всему шавару, наверху и внизу, где прячется бледный уулгуй. А срок твоей жизни — дюжина лет.

— Спасибо, щедрый Тэнгэр, — проскрипел гваараиз, — что после тесной сумки ты даришь мне огромный мир и жизнь, достойную его. Я успею обойти шавар, успею оставить детей и навести ужас на всех, кто живёт в шаваре. Что ещё можно просить от жизни?

Последним Тэнгэр достал человека и сказал ему:

— Ты будешь жить на оройхонах, на тех, что поставил я, и тех, что возникнут позже. А срок твоей жизни останется для тебя скрыт, потому что иначе ты не сможешь думать о вечном.

Человек засмеялся и сказал:

— Спасибо тебе, щедрый Тэнгэр. Не так это много — пять оройхонов, любой из которых можно обойти за полчаса, но я постараюсь, чтобы мой мир вырос и стал достоин срока моей жизни, потому что умирать я не собираюсь. Я хочу жить вечно, и значит, весь большой далайн будет моим.

Кончив населять мир, Тэнгэр вернулся на алдан-тэсэг. Он взглянул сверху на маленький далайн, вспомнил, что сказали ему звери и человек, и впервые подумал, что вечность, возможно, вовсе не так велика, как это ему казалось.

ГЛАВА 3

Шооран остался один.

Сначала он жил в каком-то оцепенении — с исчезновением старого илбэча вдруг пришло запоздалое осознание смерти мамы. До этого Шооран продолжал разговаривать с ней словно с живой, сообщать о своих делах, рассказывать, чем они со стариком сегодня занимались и что интересного он отыскал в алдан-шаваре. Теперь он понял, что всё зря — мама не слышит. И старик бросил его, уйдя навстречу проклятию Ёроол-Гуя.

Неделю Шооран питался опавшими плодами туйвана, росшего неподалёку от входа в алдан-шавар, но под конец приторно-сладкие душистые плоды опротивели ему, и Шооран понемногу начал заниматься хозяйством. Он вовремя убрал хлеб и с удовлетворением наблюдал, как над щёткой жнивья дружно пошли в рост свежие побеги. После нескольких неудачных проб научился готовить кашу и печь на гладком боку авара лепёшки. Гораздо хуже обстояло дело с мясом. Все старые запасы были съедены или испортились, и, значит, нужно идти к ручью — колоть бовэра. С этой, казалось бы, простой работой Шооран не справился. У старика всё выходило легко: он выбирал бовэра, наставлял ему под лопатку остриё гарпуна, резко наваливался на древко, и бовэр покорно тыркался жующей мордой в землю. Однако у Шоорана не достало силы вонзить гарпун достаточно глубоко. Бовэр, издав резкий скрежещущий звук, сбил Шоорана с ног и принялся метаться по ручью, баламутя окрашенную кровью воду и пугая своих братьев. Гарпун криво торчал из широкой спины.

На следующий день бовэр издох, но и теперь Шооран не смог вытащить его на берег и потрошил прямо в ручье, окончательно ис-

портив воду. Охоты к мясу Шооран не потерял, но с тех пор старался выбирать зверя поменьше и обязательно в низовьях ручья, чтобы кровавый поток не растекался по всему оройхону.

Чтобы чем-то занять себя, Шооран принялся всерьёз изучать алдан-шавар. Он излазил его до последнего закоулка и мог с закрытыми глазами пройти в любое место. Во всём алдан-шаваре не сыскать было двух одинаковых ходов. Иногда, чтобы попасть из одной камеры в другую, расположенную совсем рядом, приходилось давать крюка через весь оройхон, да ещё и спускаться в нижний ярус. Встречались и потайные ходы, начало которых было расположено в самых тёмных закоулках, замаскированных выступами стен. Шооран коллекционировал такие секреты, которые, впрочем, было не от кого хранить. Но всё же приятно представить, как, спасаясь от погони, он неожиданно исчезает в стене или, напротив, появляется перед опешившим противником там, где его вовсе не ждут. Жемчужинами коллекции были «дорога тукки» и «беглый камень». Ходом или «дорогой тукки» назывался потайной лаз, который начинался и кончался под потолком, так что заметить его не удавалось даже при свете. В центре хода имелся узкий выход на склон одного из суурь-тэсэгов. Выход Шооран заложил большим ноздреватым валуном и присыпал листьями растущего неподалёку туйвана. «Беглым камнем» Шооран нарёк обломок скалы, закрывавший прямой проход между двумя суурь-тэсэгами. Если нажать на него посильнее, то он начинал качаться, открывая секунды на полторы щель достаточно широкую, чтобы в неё можно было проскользнуть.

Незадолго до мягмара, когда обмелели ручьи оройхона, Шооран попытался выяснить, куда девается вся эта масса воды. Но даже теперь узкие разломы, в которые уходила вода, оказались недоступны для него. Зато неожиданно Шооран нашёл вкус в купании и с тех пор часто проводил время в ручье рядом с бовэрами.

Год закончился, наступил мягмар — всеобщий день рождения и годовщина маминой гибели. Шоорану исполнилась дюжина — возраст совершеннолетия. Как будто прежде он не жил сам... Теперь он имеет право жениться...' можно подумать, что это ему нужно или оройхон переполнен невестами, неустанно сохнущими по нему. В жизни Шоорана не изменилось ничего. Правда, в первый день мягмара он хотел идти к далайну, но обнаружил, что старый жанч и мамины буйи ему решительно не налезают — за год привольной жизни Шооран вытянулся и окреп. Пришлось брать одежду старика и его буйи. Но, даже собравшись как следует и вооружившись гарпуном, Шооран к далайну не вышел. Остановило воспоминание, как гонял его здесь год назад хищный парх. Шооран потоптался у поребрика и поплёлся назад пристыженный, так и не сумев переломить неведомый ему прежде страх.

Вернувшись домой, Шооран принялся разбирать вещи старика, в

которые и так уже влез, подыскивая себе одежду. У старика было необычайно много всяческих нарядов — грубых и праздничных, для сухого и мокрого оройхонов. Нашлась даже кольчуга, сплетённая из живого волоса и усиленная костяными пластинами. Напротив сердца в кольчугу был ввязан прозрачный кусок выскобленной чешуи пучеглазого маараха, чтобы противнику казалось, будто грудь не защищена. Ничего подобного Шооран прежде не видал, очевидно, такие доспехи носили в земле старейшин. Вся одежда была велика Шоорану, а доспех так и вовсе делался на могучего цэрэга.

Сначала Шооран недоумевал, зачем старику столько добра, но потом представил десять бесконечно одиноких лет, которые надо чем-то заполнить, и больше не удивлялся. В конце концов, такое же ненужное изобилие встречалось и в кладовой с инструментами, и среди припасов. Старик сушил и прятал наыс и туйван, хотя в любую минуту мог набрать свежих, вялил мясо. А бурдюков с вином было не меньше трёх дюжин, словно готовился пир для целой армии.

Один из бурдюков Шооран поднял наверх и, удивляясь, почему не сделал этого раньше, нацедил большую чашу. Вино понравилось. Оно было почти не сладким, зато запах восхитил не избалованного ароматами Шоорана. Главное же, оно ничуть не походило на кислую пенящуюся брагу, которую как-то довелось попробовать Шоорану еще в землях вана. Тогда после чашки браги Шоорана долго мучила тухлая отрыжка, и он поспешно дал зарок никогда больше не пить хмельного. Но вино совсем иное дело! Должно быть, его пьет сам Тэнгэр, когда, сидя на алдан-тэсэге, размышляет о долгой вечности.

Не ожидающий подвоха Шооран одну за другой осушил ещё две чаши, а потом коварный напиток бросился в голову. Очнулся Шооран на другой день под деревом на самом краю оройхона. Головная боль мучила невыносимо, и лишь кольчуга, напяленная поверх лёгкого жанча, позволила вспомнить события минувшего дня, а вернее, всего одну картину: как он в своём нелепом наряде мотается по краю оройхона, не осмеливаясь переступить поребрика, и орёт, что он новый илбэч и плевать хотел на весь далайн разом.

Мерзкое чувство похмелья и жгучий стыд помогли Шоорану осознать то, что он целый год скрывал от самого себя: не из-за парха и гвааранза не выходил он на мокрое — эти звери выползают на поверхность лишь раз в году, и не Ёроол-Гуй пугал его — в конце концов, стоя на поребрике, можно спастись и от Многорукого. Настоящий, глубокий ужас внушал далайн. Шооран боялся, что последние слова старого илбэча окажутся ошибкой, но ещё больший, хоть и неосознанный страх вызывало предположение, что они истинны. Потому и жил целый год так, словно никто ему ничего не говорил, и вообще, никакого далайна на свете нет. Но теперь при-

шло понимание, и, сидя на прелой листве и трясясь от озноба, Шооран шептал непослушными губами:

— Я илбэч... Я новый илбэч...

А вдруг всё неправда? Может быть, старик в последнюю минуту передумал, и он остался таким же, как был... Или вообще, дар илбэча неподвластен хозяину и переходит к кому попало, не считаясь ни с чьим желанием... Ну с чего он решил, будто стал илбэчем?

Шооран вскочил и, пересиливая страх и дурноту, побежал к далайну. Он увидел мечущиеся холмы волн, шипящую пену, насыпь разбитых тел вдоль побережья. Ну конечно, ведь сейчас мягмар, на далайне буря, и строить нельзя. Обрадованный отсрочкой Шооран поспешил обратно в обжитой алдан-шавар, к привычным делам, подальше от неизвестности.

Отсрочка растянулась на три месяца. Всё время находились дела, не дававшие повторить поход к далайну. Каждый вечер Шооран стыдил себя и говорил, что завтра он непременно... но завтра снова занимался чем-нибудь другим. Должно быть, с такими же мыслями старик плёл кольчугу или сушил неимоверные запасы наыса, намереваясь затем сходить и привести на свой оройхон семью охотника. Наконец в один из вечеров Шооран попросту спрятал свою одежду, а у постели положил стариковы буйи и тяжёлый жанч, чтобы утром не было никакой отговорки, что, мол, заработался и не успел.

Очутившись на берегу, Шооран поднял руки, обратив их ладонями к стелющимся облакам, и неуверенно начал:

— Далайн, я ненавижу тебя, я не хочу, чтобы ты был...

Бугры влаги беспорядочно бродили по сонной поверхности, ничто не менялось, ни вблизи, ни вдалеке. Далайн спал, ему не было дела до заклинаний беспомощного мальчишки. Со смешанным чувством облегчения и разочарования Шооран опустил руки.

Он не илбэч! Он может спокойно жить здесь, ничто в нём не изменилось. Ему не надо бояться людей, и Ёроол-Гую до него не больше дела, чем до любой твари на оройхоне. Страшное проклятие, прозвучавшее прежде сотворения мира, не имеет к нему никакого отношения! Он будет счастлив в жизни, долгой, безмятежной, скучной... Плечи Шоорана затряслись от рыданий, он отвернулся от далайна и, словно сдавшийся Ёроол-Гую Ван, пошёл назад, к прозрачным ручьям, туйванам, одиночеству.

Через несколько дней Шооран успокоился и зажил прежней жизнью, хотя временами его одолевали приступы беспричинной хандры. Зато его полностью оставил страх пред далайном, такой странный для человека, выросшего на мокром оройхоне. В случае нужды Шооран спокойно шёл к побережью, опасаясь Ёроол-Гуя и его младшего брата не больше, чем те заслуживали. А когда пришёл новый мягмар, то Шооран, натянув поверх жанча кольчугу — дав-

няя встреча с пархом не забылась! — пошёл на заготовку кости, чтобы поправить износившийся инструмент. Жертв владыке далайна Шооран приносить не стал — уважения к Ёроол-Гую в нём заметно поубавилось. Зато устроил охоту и неожиданно легко загнал четырёх крупных тукк. Прославленное мясо тукки припахивало нойтом, раз попробовав, Шооран не стал его есть. Зато шкуры тщательно обработал и, припомнив давние мамины уроки, сшил себе пару башмаков — высоких, защищающих ногу до середины голени, непроницаемых для нойта и, как мечталось в детстве, с иглами, вправленными в носок и пятку. Башмаки получились великоваты, но Шооран не без оснований надеялся подрасти ещё, хотя уже сейчас богатырская кольчуга была ему впору, если одевать её поверх жанча.

Кольчуга и боевые башмаки навели Шоорана на мысль ещё об одном доспехе. Где-то в непроходимых землях лежал мёртвый уулгуй, вернее, то, что осталось от него за два года. Вряд ли до этого места слишком далеко. К тому же, теперь он значительно сильнее, чем тогда, у него есть прекрасная одежда и сколько угодно смолы и сока туйвана, чтобы пропитать губку. А глаза можно защитить выскобленной чешуёй. В таком виде не страшно отправиться в путешествие хоть через все гиблые земли.

Потихоньку Шооран начал готовиться к экспедиции. При этом он резонно рассуждал, что царский обруч ему, конечно, не найти, а вот из многих тысяч дисков должно же уцелеть хоть несколько... Старался представить, как можно пустить костяные бляхи в дело, чем их скреплять, как вообще строить доспех, которого он ни разу не видал, ведь наверняка не у всякого одонта есть в сокровищнице подобная вещь. Но под этими внешними мыслями, словно нойт под присохшей корочкой, скрывались другие — о людях. Не о маме, и не о старике — их можно было вспоминать открыто, а о тех, кого он оставил уходя, и кто возможно, до сих пор живёт на Свободном оройхоне и в стране вана. Шооран представлял, какие словечки отпустит по поводу его снаряжения старый Хулгал, как заохает соседка Саригай и сбегутся отовсюду её дети. Видел, как сгорающий от зависти, но не смеющий тронуть одетого словно цэрэг Шоорана, Боройгал срывает дурное настроение на замордованных жёнах. Пытался догадаться, какие чувства испытает Мунаг. Пожалеет, наверно, что прогнал его. Короче, размышляя о доспехе из уулгуя, Шооран на самом деле тосковал о людях, хоть они и не стоили этой тоски. Но Шооран больше не мог жить в одиночестве. Ему исполнился дюжина и один год, а это плохой возраст для отшельничества.

Наконец Шооран собрался в путь. В несколько минут он дошагал к мёртвой полосе и здесь остановился. Ему стало страшно, он понял, что не дойдёт. Слишком сильно въелся в память запах горя-

щего нойта, он парализовал ноги. Шооран не мог заставить себя ступить в огненное болото. Дороги не было.

Тяжёлый бугор влаги разбился о берег, смыв часть старого завала и нагромоздив новый. Удушливый пар разъедал горло даже сквозь ароматическую губку. Жгло глаза. Не было дороги к людям, была лишь вечность, полная одиночества.

Шооран задрожал от тоски, негодования и бессилия.

— Пусти... — попросил он глухой далайн.

Далайн продолжал бесцельно колыхать густую влагу, будто Тэнгэр, впавший в младенчество и замесивший небывалую кашу-малашу.

— Пусти!.. — заорал Шооран, угрожающе замахнувшись на далайн.

Далайн пришёл в движение. Бугры влаги выросли и забегали, словно крик стегнул их. Явилась пена, следом за ней — твердь. Перед воспалённым взором Шоорана повторялось чудо творения, но старого илбэча не было рядом, всё вершилось по воле Шоорана. И Шооран — полумальчик-полумужчина, измученный одиночеством и раздавленный внезапно обретённой силой — не выдержал. Он вздрогнул, попятился, заслонившись рукой, и тут же очнувшийся далайн смял не успевшую окаменеть постройку, ожившая влага взломала поверхность неродившейся земли, канули в глубину призраки суурь-тэсэгов.

Шооран бежал. Он спрятался на сухом оройхоне, заперся в алдан-шаваре и две недели не показывался оттуда. Лишь созревший урожай заставил его выйти на поверхность. Ни о каких доспехах Шооран больше не думал, случившееся отодвинуло вглубь даже тоску по людям. Постепенно страх угас. Теперь свою неудачу Шооран расценивал философски: знал — не получилось сегодня, получится в следующий раз. В конце концов, первая тукка у него тоже сбежала, а потом оказалось, что изловить тукку не так уж и сложно.

Однако следующего раза Шооран не торопил. Жил, словно ничего с ним не случалось, лишь вечерами доставал старикову карту и подолгу рассматривал её, водя пальцем по линии побережья и бормоча под нос. Пересчитал оройхоны — отдельно мокрые и сухие. Измерил далайн. Выходило, что в нём может поместиться ещё без малого пять двойных дюжин оройхонов. Никто из илбэчей прошлого так много не строил, даже великий Ван, как гласило предание, сумел поставить лишь три двойных дюжины новых островов. Отыскал Шооран на карте свой оройхон, а вооружившись тростинкой и чёрной краской, добытой из брюшка тайзы, обозначил ту землю, что поставил при нём старый илбэч. Успел ли старик сделать что-нибудь ещё, Шооран не знал, и на этом месте карта обрывалась.

Шооран решил выждать два месяца, прежде чем предпринимать вторую попытку, ведь именно этот срок называл старик, предупреждая о набегах Ёроол-Гуя. Но Многорукий так и не появился, и Шооран напрасно проводил время на верхушке суурь-тэсэга, ожидая чудовище, которое прежде видел лишь раз. Зато потом пришлось навёрстывать упущенное, приводя в порядок осыпавшееся поле. Как бы ни обстояли дела, Шооран привык есть хлеб и не собирался отказываться от него.

Урожай пропал, месяц Шооран прожил за счёт старых запасов, которые необходимо было восстановить, так что назначенный срок прошёл безрезультатно, а там уже и мягмар близился — дюжина второй в жизни Шоорана и третий со дня смерти мамы. Два месяца, как и следовало ожидать, превратились в полгода.

На второй день мягмара Шооран отправился к далайну. Ничего особого ему было не нужно, просто хотелось доказать себе самому, что выползшие из шавара хищники больше не страшны ему. И, как нарочно, снова встретил парха, возможно, того самого, что три года назад. Гигантский гвааранз был, конечно, сильнее и опаснее, но во время мягмара, попав на поверхность, терял агрессивность и лишь отбивался от наседавших охотников. Парх и на поверхности продолжал оставаться активным хищником. Но сейчас ему встретился не умирающий мальчик, а полный сил и отлично вооружённый юноша. У Шоорана был с собой гарпун и припасённый на тукку хлыст, которым он уже неплохо владел. Когда парх неожиданно прыгнул, Шооран встретил его ударом хлыста. Удар ничуть не повредил зверю; сражаясь в шаваре за самку, старый парх, случалось, часами хлестался с соперником. Тем более, что этот враг оказался одноусым. Парх мгновенно, как привык во время свадебных дуэлей, заплёл усами хлыст, вырвал его из рук Шоорана и пополз вперёд, широко раздвинув серповидные жвалы. Но Шооран, потеряв хлыст, обежал недавно прыгнувшего и потому неповоротливого зверя и вогнал гарпун под топорщащуюся на спине чешую. Парх завертелся, беспорядочно хлеща усами. Шооран отпрыгнул в сторону и, укрывшись за тэсэгом, принялся кидать в раненого зверя камни. Потом, изловчившись, подхватил оставленный пархом хлыст, с третьего удара захлестнул гибким концом гарпун и вырвал его из раны. Затем вновь сунул хлыст в морду парху и, обезопасив себя от усов, повторил удар гарпуном, но уже в другой сегмент тела. Движения парха стали вялыми, напор ослаб, и в течение пяти минут Шооран добил его. Это была победа, которой мог гордиться настоящий охотник!

Шооран вырезал усы (теперь в его арсенале было четыре режущих кнута!) и острые пластины изогнутых жвал. Выдрал на память колючую чешуйку из хвоста. Больше поживиться было нечем. Конечно, Шооран знал, что из хвоста, которым парх отталкивался во

время прыжков, можно извлечь большой кусок белого мяса, но после неудачи с туккой охоты пробовать парха не было.

Домой Шооран вернулся переполненный чувством уверенности в себе. Остаток праздничной недели он провёл в алдан-шаваре, не считая нужным раньше времени замахиваться для удара. Но едва кончился мягмар, Шооран появился на берегу. Встал, пристально, с прищуром оглядел далайн, представил, где именно встанут суурьтэсэги, и уверенно потребовал, чтобы они появились. Сначала ничего не происходило, мир не слышал его, но через минуту Шооран почувствовал сопротивление не желающей меняться косной массы, и это подсказало ему, что надо делать. Сразу налились жаром ладони, и словно огненный авар зажёгся в мозгу. Оройхон вставал из глубин тяжело и мучительно медленно. Каждый тэсэг, любой камень всей тяжестью ложился на плечи Шоорана, и только неутихающий, неукротимый огонь позволял выдержать эту громаду. Шооран не кричал, не признавался в ненависти, не стремился мстить. Он работал. От былой уверенности не осталось и следа — слишком велика была поднятая тяжесть. Но Шооран знал: на этот раз он её не бросит — и тянул землю на свет, закостенев в страшном усилии. И когда в одно мгновение разом исчезла тяжесть и погасло пожиравшее внутренности пламя, Шооран не испытал ни малейшего облегчения. Это было так, словно собственная сила разорвала его пополам. Шооран вскрикнул и упал замертво.

Сознание вернулось рывком, его пробудило чувство опасности. Шооран поднял голову и, не сквозь кровавую пелену запредельного надрыва, а простым человеческим взглядом увидел, что там, где четверть часа назад расстилался далайн, теперь тянется земля. У него получилось! Но это значит, что вскоре, может быть, уже через минуту, Ёроол-Гуй явится сюда, чтобы исполнить старинное проклятие и отомстить илбэчу.

Шооран побежал. Ёроол-Гуя ещё не было, возможно, он вообще плавал в глубинах, из которых не так скоро мог вынырнуть даже он, но всё же Шооран бежал столь же отчаянно, как пять лет назад, когда он в последний миг успел перескочить закрывшее путь щупальце. Никакой Хулгал не смог бы остановить его сейчас, и, окажись на пути авары, Шооран сгорел бы, но не прекратил бега. Лишь когда он пробежал не только весь мокрый, но и половину сухого оройхона, способность мыслить вернулась к нему, и Шооран остановился. Ему не было стыдно за свой страх, не стало стыдно и потом. Построив оройхон, он получил право на любое поведение. Если бы строитель оройхона мог рассказывать о себе, Шооран говорил бы об этом припадке ужаса спокойно и не смущаясь. Но строитель оройхона должен молчать, если, конечно, он хочет жить. И всё же сейчас, отдышавшись и придя в чувство, Шооран громко сказал себе и всему пустынному оройхону:

— Я илбэч!

* * *

Ёроол-Гуй появился лишь через сутки. В течение недели он поочерёдно бросался то на новый оройхон, то на какой-нибудь из старых. Потом исчез. Тем не менее, Шооран выжидал ровно два месяца, прежде чем вновь отправиться на мокрое. Приступ слепого ужаса был последним в его жизни, но Шооран понимал, что не стоит легкомысленно относиться к Ёроол-Гую. Смеяться над ним можно, только когда стоишь на сухом.

Два месяца Шооран увлечённо занимался хозяйством. Все дела, бывшие прежде столь значительными, измельчали в его глазах, но именно поэтому Шооран с особым тщанием любовно убирал урожай, мастерил инструменты, кроил одежду и готовил замысловатые салаты из варёного наыса, плодов туйвана и зелёных стеблей набранной в ручье водяной травы. Всякое дело приносило радость, поскольку теперь Шооран знал, что спокойная жизнь пришла ненадолго и надо успевать радоваться.

Пять дюжин дней оказались достаточным сроком, чтобы прийти в себя, но не растерять уверенности и не забыть острого ощущения огня в груди и на ладонях. Вернувшись к далайну, Шооран предусмотрительно встал у самой границы оройхонов, внутренне собрался и, словно не было двух месяцев безделья, сразу нащупал в душе нужную струну. Далайн покорно отозвался, и, то ли он признал власть молодого илбэча, то ли сам Шооран действовал более умело, но на этот раз создание оройхона потребовало куда меньших усилий. Но и Ёроол-Гуй был наготове, так что измученный Шооран едва успел унести ноги.

Сначала, выбежав на безопасное место, Шооран не обратил внимания на происходящие изменения, все чувства были ещё там, где полз, сокрушая камни и раздирая свою плоть о верхушки тэсэгов, разгневанный бог далайна. И лишь потом Шооран остановился, завороженный невиданным зрелищем. Оройхон был залит водой. Вода разливалась широкими потоками, переполняла впадины, бурлила в темноте шавара. Сухой оройхон рождался в плеске волн. Вода смывала нойт, заляпавший всё вокруг, мутные буруны уносили грязь, обломки хохиура, в водоворотах кружились тела подохших от пресной воды зоггов. Покинувшие шавар звери спешили удрать от невыносимой для них чистоты. Многие ползли на новый оройхон, навстречу негодующему Ёроол-Гую. Бежала тукка, тяжело скакал парх, волочил по скрипящим под панцирем камням неповоротливое тело гваараиз. Пара бледных уулгуев, раскинув дюжину цепких рук, неожиданно быстро пробиралась между валунов. Тропили извилистый след жирхи, тайза пыталась укрыться, сжавшись в комок. Бежали, прыгали, ползли другие звери, те, которых Шооран никогда не видел, о которых никогда не слышал, и те, которым и назва-

ния не было, как не было живых людей, видавших этих тварей. Вода фонтанами била из источников, переполняла шавар, и расщелины на краю оройхона захлёбывались, не умея принять такую массу жидкости разом.

Через неделю вода схлынула, затянутые илом поля дружно зазеленели всходами хлебной травы, на каменистых россыпях показались рощицы миниатюрных ростков. Лишь по резным зубчикам на краю листа в этих побегах можно было узнать будущие могучие туйваны. Вскоре вода непостижимым образом покинула подземные пустоты, страшный прежде шавар стал чистым и удобным, в нём завелись безобидные светляки, дно нижнего яруса покрылось грибами, и лишь застрявшие кое-где выбеленные наводнением панцири и скелеты бывших хозяев напоминали о том, что было здесь прежде.

Теперь у Шоорана стало два сухих оройхона, хотя и одного хватало ему с избытком. Но Шооран не думал, нужна ли ему эта земля. Как завещание звучали в ушах последние слова старика: «Я илбэч. Я должен строить». Раз испробовав мучительной и сладкой отравы созидания, он уже не мог от неё отказаться и продолжал бы строить даже ценой своей жизни, даже ценой жизни других людей, что гибли на далёких оройхонах из-за того, что Ёроол-Гуй в такие времена приходит чаще обычного.

На этот раз Шооран не стал выжидать полные два месяца, ведь так за свою жизнь он едва ли сумел бы выстроить двойную дюжину островов, а ему надо сделать в пять раз больше. Третий оройхон Шооран решил поставить через месяц. Из-за этой торопливости Шооран пропустил время, когда в ручьях второго оройхона появились бовэры. Шооран просто увидел, что ленивые звери лежат в воде и жуют сильно разросшуюся водяную траву. Они были ещё не очень крупными, но уже вполне взрослыми.

Раз появившись, бовэры затем размножались естественным путем, хотя и случалось изредка, что на каком-нибудь оройхоне после мягмара вдруг резко прибывало бовэров. Почему так случалось — никто не знал, зато немедленно вслед за радостным событием начиналась братоубийственная делёжка свалившегося богатства.

Насколько мог судить Шооран, бовэров на первом оройхоне не убавилось, да и как бы они могли перебраться сюда? Плоские обрубки, заменявшие бовэрам лапы, были неприспособлены для ходьбы по суше, а уж перелезть через поребрик неповоротливые толстяки были физически неспособны. Оставалось гадать: вынесло ли большущих животных водой из родника, или они самозародились в чистых струях и выросли за одну ночь. А может быть, как рассказывают женщины, ночью пришёл сказочный дурень Бовэр и поселил на пустом прежде оройхоне своих потомков.

Тайна бовэров осталась неразгаданной, Шооран всего лишь увидел, что сначала бовэров не было, а потом вдруг они появились.

Впрочем, об этом он мог догадываться и раньше, ведь жили водолюбивые животные на оройхоне старого илбэча — значит, откуда-то появились, не по далайну же приплыли, и не в сумке принёс их с собой бежавший от мира Энжин.

Третий оройхон ещё сильнее сжимал мёртвую землю. Сухой страны он не обещал, а вот часть огненного болота должна была высохнуть. Теперь лишь один шаг отделял Шоорана от поселения изгоев, так что те могли различить замаячивший вдалеке берег. Но Шооран успокаивал себя, что даже изгои посещают западный край своего оройхона лишь под новый год. А во время мягмара туман над далайном усиливается, и ничего заметить невозможно. Зато сухая полоса выйдет в те места, где лежит уулгуй, и может быть, там удастся что-то найти. Шооран чувствовал шаткость своих объяснений, но цеплялся за них, не желая признаваться, что его просто тянет к людям.

Поскольку безопасный срок ещё не вышел, а значит, скорее всего, Ёроол-Гуй находится где-то неподалёку, приходилось принимать меры предосторожности. Шооран вышел к далайну по самому поребрику, что тянулся вдоль мёртвого края. Дышать здесь было практически нечем, но Шооран надеялся, что прозрачная маска и губка с вином помогут ему. Зато Ёроол-Гуй здесь вряд ли появится, а в случае беды всегда можно спрыгнуть на свободную сторону.

Оройхон встал на удивление легко, и Ёроол-Гуй не появился, так что Шооран был даже разочарован. Назад он шёл вдоль новой сухой полосы, ещё заваленной грязью и дымящейся. Среди ломкого и бесполезного хлама Шоорану удалось разыскать большой, в размах рук, диск со щупальцев уулгуя. За три года, проведённые в кипящем нойте, диск разбух, потерял твёрдость и красоту. Прочнейшую когда-то кость можно было без усилий крошить пальцами. Вздохнув, Шооран выбросил испорченный диск. Пора было торопиться к дому.

Или лёгкость, с которой поддался далайн, оказалась обманчивой, или не помогла губка и Шооран всё же отравился дымом, но ещё по дороге он почувствовал себя дурно. Сначала его начал бить озноб, хотя Шооран двигался вдоль жарких аваров. Потом заболела голова, заломило в суставах. Домой Шооран вернулся в полубреду. Залпом выпил две чаши вина, накрылся с головой пушистой шкурой бовэра и провалился в душные объятия горячки.

Шооран метался по изъёрзанной постели, огонь, пылавший в нём во время строительства, не погас, он продолжал бесцельно сжигать, но никто из тех, кто собрался вокруг, не принёс воды, и огонь палил всё безжалостней.

— Мама, пить... — просил Шооран.

— Не могу, мальчик, — ответила мама. — Ты теперь илбэч, ты обязан быть один и всё делать сам. Я не была женой илбэча и не

хотела бы такой доли для своего сына, но ты не послушал меня. Ты всегда был таким же упрямым, как и твой отец.

— Я не могу жить один, — сказал Шооран. — Огонь убивает меня. Дайте мне пить!

— Я звал тебя к себе, — возразил добрый уулгуй, — но ты не пошёл. Ты упрям, как настоящий илбэч. Живи один, а если не можешь — умирай один.

— Я не хочу так, — сказал Шооран. — Принесите воды.

— Я предупреждал, — произнёс старик, — что ты устанешь проклинать меня. Теперь поздно менять что-либо. Ты илбэч. Ни один человек не подаст тебе напиться, но всё же ты будешь жить и строить.

— Зачем надо строить оройхон? — спросил Шооран. — Отец ушёл с сухих мест, потому что там не было правды. А для чего умножать ложь? Старик, ты знаешь, что, сколько бы я ни сделал земель, ван и жадные одонты отнимут их. Ты сам строил лишь мокрые оройхоны, но на них страшно! Почему я должен делать это?

— Потому что ты илбэч, — повторил старик.

— Ты можешь отказаться от дара, — мягко предложил уулгуй, — и у тебя будет счастье. Мой брат снимет проклятие, ведь ты последний илбэч.

— Это больше не дар, это твоя жизнь, тебе придётся защищать её от врагов, — старик протянул Шоорану старый кинжал с костяной накладкой, подаренной дюженником Мунагом. — Я не могу дать воды, но я дам оружие.

— Всякая сила кончается, и тогда нужен отдых. Твой главный враг — ты сам. Погаси огонь, и вода тебе не понадобится, — уулгуй вытянул гибкую руку. В руке был зажат старый кинжал с костяной накладкой, подаренной Мунагом.

Две разных руки — человеческая и звериная — подавали ему его собственный нож, который он не снимал с пояса. Тусклый свет змеился на неровностях лезвия, смертельной брызгой чернело повисшее на острие жало зогга.

— Мама, — позвал Шооран. — Они зовут меня к разному, но предлагают один нож. И никто не даёт воды...

Мама не ответила, но тоже протянула руку. В подставленную ладонь перетекло голубое ожерелье, и каждая бусина превратилась в прохладную каплю.

* * *

Шооран очнулся от звука голосов, и сначала ему казалось, что это продолжается привидившийся в бреду спор. И лишь потом понял, что голоса, настоящие, человеческие, от которых он так давно

отвык, звучат на самом деле. Один — резкий, визгливый, не разберёшь чей; второй поглуше, явно мужской.

— Ты смотри — ещё! — захлёбывался первый. — Это уж точно моё!

— Не-ет! — возражал басистый. — Я уже сказал: все туйваны мои, и вообще, весь этот оройхон мой, а твой — первый.

— Да он какой-то недоделанный, там ни одного дерева нет!

— Я тут не виноват, — добродушно пророкотал низкий голос и вдруг заревел, мгновенно налившись яростью: — Ты что мои плоды жрёшь! А ну положи обратно!

Шооран с трудом встал, придвинул к стене кость мааряха и, поднявшись, выглянул в одно из отверстий под потолком. Через них удавалось рассмотреть немногое, но два человека, чьи голоса слышал Шооран, оказались прямо под оконцем. Несомненно, это были изгои. Изношенное рваньё вместо одежды, мешки, набитые чавгой, незрелой хлебной травой, раздавленными плодами туйвана — всем, что попалось им во время путешествия по незаселённым оройхонам. Новое добро было уже некуда складывать, но остановиться эти двое не могли и продолжали ссориться, вырывая друг у друга богатства, изобильно растущие и просто валяющиеся вокруг. К тому времени, когда Шооран увидел гостей, ссора переросла в драку. Пользуясь правом сильного, один из изгоев немедленно объявлял своей собственностью всё, что только встречалось им на пути, а под конец, окончательно ополоумев, принялся отнимать у товарища то, что тот успел запихнуть в свой мешок. Теперь в криках дерущихся можно было различить только одно слово: «моё!», повторяемое на все лады. Высокий изгой, вцепившись в чужой мешок, рвал его из рук противника, владелец тянул сокровище к себе, орал и лягался. Сила, разумеется, одержала верх, мелкий изгой отлетел в сторону, а победитель, взвалив на спину два мешка, удовлетворённо промолвил:

— Так-то! Не трожь чужого.

Тщедушный с визгом ринулся на обидчика, но был отброшен ударом ноги. Дико было видеть драку из-за мешка испорченной, подавленной и перепачканной жратвы среди невероятного изобилия, расстилающегося вокруг. Два человека не смогли бы не только съесть, но и попросту убрать всё, что росло на оройхоне, но всё же продолжали спор из-за мешка. Тщедушный вновь метнулся вперёд, рука его, секунду назад пустая, неожиданно выросла на длину ножа. Острая кость вошла высокому в левый бок. Высокий изгой пошатнулся, мешки сползли со спины и шмякнулись на землю. Тщедушный, ударив, быстро отдёрнул руку и теперь, пятясь, тихо подвывал, словно это его ударили только что. Большой изгой слепо шагнул вперёд и сграбастал длинными лапами противника. Мелкий взвизгнул, затем его затылок с мокрым треском впечатался в ка-

мень, и стало тихо. Высокий сидел, привалившись к валуну, о который раздробил голову врага. На лице изгоя застыло чувство удовлетворения сделанным. Лишняя дырка на драном жанче была незаметна, и кровь снаружи не выступила, так что казалось, будто человек просто отдыхает после трудной, но нужной работы.

Шооран вышел наружу, обогнул суурь-тэсэг и снова увидел своих гостей. Он сразу понял, что маленькому уже ничем не поможешь, а вот высокий был жив. Шооран подбежал, начал стаскивать вонючий жанч. Изгой открыл глаза. Большущая рука сжалась в кулак.

— Не трожь, — сказал изгой. — Не отдам.

— Не нужна мне твоя рвань! — огрызнулся Шооран. — Я помочь хочу. Сильно он тебя?

— Сильно... — на лице раненого впервые появилось недоумение. — Как же это вдруг? Жили вместе, бедовали, последней чавгой делились — и вот... И ведь что обидно: зря это. Всё равно отнимут. Скоро здесь весь оройхон будет, а потом и цэрэги. Отнимут... Нарвай прибежала, говорит: «Там оройхон видно». Никто не поверил — она же дурочка, ума Ёроол-Гуй не дал. Так она убежала, а на другой день приходит и приносит хлеб, туйван... И нет, чтобы тихонько показать, раззвонила на весь оройхон и дальше побежала хвастать. Одно слово — дура, никакого соображения. Ведь приведёт цэрэгов, можно и на костях не загадывать...

Изгой закашлялся, на губах появились красные пузыри. Шооран тем временем стащил с него жанч, под которым ничего не было, промыл рану водой из фляги. Что делать дальше, он не знал.

— Ты, парень, не тревожься понапрасну... — Изгой с трудом проталкивал слова сквозь бульканье в груди. — У Каннача ножик злой, мимо не бьёт. Я-то знаю... мы с ним друзья были... Мы и сейчас... он меня подождёт... вместе к Ёроол-Гую отправимся... — Умирающий поднял голову и неожиданно громко, чистым голосом спросил: — Где торбы?

— Вот они, — сказал Шооран.

— Дай сюда.

Шооран подтащил мешки.

— И не трожь, — постановил изгой. — Моё.

Он облапил мешки мосластыми руками и застыл с блаженной улыбкой.

Хоронить мёртвых Шооран не стал — не было ни сил, ни времени. Если действительно безумная Нарвай разнесла повсюду весть о новых землях, то с часу на час следует ожидать нашествия поселенцев. Как это будет выглядеть, Шооран понял по первым двум гостям. И вообще, ежели илбэч хочет жить, ему не следует слишком долго оставаться на новых оройхонах. Не так важно, в конце концов, замучают ли его жадные цэрэги, требующие новых земель, сто-

пчет ли в припадке умиления благодарная толпа, или он неузнанный будет зарезан во время дележа земли.

Опасность подстегнула неоправившийся организм, к Шоорану вернулись силы. Он начал собираться. Взял праздничный, ни разу не надёванный стариков наряд, который давно стал ему впору, пару ароматических губок, немного еды, самые необходимые инструменты. Уложил всё в котомку. Часть припасов стащил в потайную камеру на «дороге тукки», рассчитывая, что, если придётся вернуться, нищим он не будет. Сам оделся для путешествия по мокрому и вооружился гарпуном. Гарпун и башмаки с иглами были разрешены для охотников. Кольчугу Шооран надел под просторный, специально для того сшитый жанч, и убедился, что хотя доспех по-прежнему велик, но уже не болтается, словно на палке, а по длине так и просто в пору. Запрещённый нож, с которым Шооран был не в силах расстаться, он спрятал на груди вместе с маминым ожерельем и картой, на которой за последние полгода появились три новых оройхона.

Ступив на второй из сухих оройхонов, Шооран услышал крики. От мёртвых земель валила толпа. Их было не так много — дюжины четыре мужчин и женщин, но отвыкшему от людей Шоорану они показались единым чудовищным существом, вопящим на разные голоса и размахивающим тучей рук.

Шооран круто свернул и спрятался на сухой полосе, которая пока была пустынной. Он пропустил ещё две группы людей, и лишь когда стало темнеть, а поток переселенцев иссяк, сам ступил на мёртвую землю. Уходя, он слышал далёкие крики и тоскливое дребезжащее завывание — люди кололи бовэров.

* * *

В начале новых веков было.

В далайне стояло пять кремнистых оройхонов, они были мокрыми, и люди не могли укрыться от нойта. Люди по слову Тэнгэра родились в один день, но старший из них родился сразу немолодым и мудрым. Этот старейшина указывал остальным, что им можно есть, и как ловить зверей шавара. А когда Ёроол-Гуй приходил за данью, старейшина указывал, куда следует бежать, чтобы спастись. Люди слушались старейшину, и лишь двое поступали наперекор. Первого звали дурень Бовэр — и этого достаточно. Умному человеку всё равно не понять, почему дурак бежит не в ту сторону. Вторым упрямцем был илбэч, хотя этого никто не знал.

Один раз старейшина послал людей на южный оройхон собирать чавгу, но илбэч пошёл на север и поставил там новый остров. Люди вернулись, увидели оройхон и спросили старейшину:

— Откуда взялась эта земля, не похожая на крест Тэнгэра, и можно ли нам собирать на ней чавгу?

Старейшина не знал ответа, но не хотел в том сознаться. Он погладил себя по животу и важно сказал:

— Откуда взялась земля — это моя тайна. Чавгу на ней собирать можно, но половину вы должны отдавать мне.

Люди поверили, илбэч промолчал, а дурак ничего не понял, и стало по слову старейшины.

Другой раз старейшина послал людей на север, а илбэч пошёл на юг и сделал там оройхон. Вернувшись люди немало изумились и спросили старейшину:

— Откуда эта земля, изменившая мир, и не будет ли чавга на ней горькой?

Старейшина раздулся от гордости, став толще авхая, и промолвил:

— Рождение земли — моя тайна. Чавга на этой земле сладка, но половину сбора вы должны отдавать мне, а четвёртую часть — храброму цэрэгу, чтобы он защищал вас от разбойников.

Люди согласились, илбэч промолчал, а дурак снова ничего не понял.

В следующий раз старейшина приказал всем идти на запад, ловить тукку и вонючего жирха, и все пошли куда следует, лишь илбэч отправился на восток. Вернувшись люди увидели новый оройхон, удивились и начали спрашивать.

— Откуда эта обширная земля, и есть ли на ней жирх и колючая тукка?

Старейшина напыжился, раздавшись вширь словно далайн, и изрёк:

— Тайна оройхона останется моей. Вы можете жить здесь и охотиться, но половину добычи вы будете отдавать мне, четвёртую часть цэрэгу, а остальное — честному баргэду, чтобы он кормил вас.

Люди заволновались, а илбэч, хоть и должен был молчать, крикнул старейшине:

— Ты говоришь неправду! Ты ничего не знаешь о рождении земли. Зачем нам отдавать своё добро тебе и твоим слугам?

— Может быть, ты знаешь, откуда пришла земля?.. — усмехнулся старейшина. — Тогда расскажи об этом нам.

Но илбэч не мог ничего сказать, потому что боялся проклятия Ёроол-Гуя, и отступил. Люди, смирившись, пошли по домам, лишь дурень Бовэр остался на суурь-тэсэге стоять с разинутым ртом и ковырять пальцем в носу.

На четвёртый раз старейшина отправил людей на восток, а илбэч снова не послушал его и пошёл на запад. Но он не заметил, что дурень Бовэр тоже не пошёл вместе со всеми и шатается по оройхонам. Едва илбэч кончил свою работу, как дурень выскочил неведомо откуда и закричал, показывая пальцем:

— Я всё видел! Я знаю — ты илбэч!

— Тише! — испугался илбэч. — Об этом нельзя говорить...

Но дурак ничего не понимал и не мог остановиться.

— Ты илбэч! — кричал он, подпрыгивая. — Ты поставил четыре оройхона, и теперь злой Ёроол-Гуй не может достать середины креста Тэнгэра! Я стану жить там, и Ёроол-Гуй не съест меня. А когда ты построишь новые сухие оройхоны, мои дети заселят и их. Скорее строй ещё!

— Замолчи! — просил илбэч, но дурак радовался и кричал от радости.

Старейшина, сидевший на центральном оройхоне, услышал крик и пошёл посмотреть, кто там шумит. Он увидал новый оройхон, разобрал вопли Бовэра и всё понял. Тогда он начал говорить особые отомстительные слова:

— О господин мой, Ёроол-Гуй! Этот человек восстал на мою власть и оскорбил твоё величие. Накажи его!

По этим словам Ёроол-Гуй явился и взял илбэча. Так впервые исполнилось давнее проклятие.

Дурень Бовэр, увидав, что он натворил, убежал на сухой оройхон, сел возле суурь-тэсэга и заплакал. Он плакал день и ночь, слёзы текли ручьями через весь оройхон, они смыли нойт и выгнали из шавара зверьё. Ведь недаром говорится, что дурацкая слеза не солона. Люди вернулись с дальнего оройхона и стали спрашивать дурня, что случилось, но он лишь всхлипывал, охал и кряхтел, потому что разучился говорить. Но уж зато старейшина не молчал и всё повернул к своей пользе.

С тех пор прошло много лет и жило немало илбэчей, но едва один из них делает сухой оройхон, как является вода, а за ней и забывшие речь, потерявшие от безделья ноги, но не нашедшие ума внуки дурня Бовэра. И хотя судьба водяного дурня — быть съеденным, всё же они счастливы. Ведь их жизнь напоминает всем умеющим видеть, что мир делается не только умниками.

ГЛАВА 4

Первые два оройхона, в том числе и родной Свободный оройхон, Шооран преодолел частью бегом, когда поблизости никого не было, а частью ползком, когда навстречу попадались толпы переселенцев. Перед людьми, к которым он так стремился, Шооран начал испытывать ужас. Чудилось, что первый же встречный закричит: «Это он, это илбэч!» — и тогда случится страшное. Но когда позади остался не только свободный оройхон, но и земли западной провинции, где он жил с мамой, Шооран немного успокоился, а точнее, устал бояться.

Он шёл по мокрому оройхону, на всякий случай держась поближе к поребрику, когда неожиданно его остановили. С полдюжины людей — не то земледельцев, не то слишком хорошо одетых изгоев, не скрываясь шагали по поребрику, и один из них приметил за тэсэгом Шоорана.

— Эгей, парень! — крикнул он — Ты оттуда?

Шооран молча кивнул.

— И что там?

— Дерутся, — сказал Шооран, судорожно придумывая, что бы ещё добавить.

— А земля-то есть?

— Не знаю, — наконец выбрал линию поведения Шооран. — Я не дошёл.

— А мы дойдём! — хохотнул изгой. Он спрыгнул с поребрика, подошёл к Шоорану, улыбаясь щербатым ртом и благоухая брагой, представился: — Благородный Жужигчин — одонт новых земель. Ну-ка, что ты там у меня наворовал? — И он рванул у Шоорана туго набитую наплечную сумку.

— Отдай! — закричал Шооран, но Жужигчин не слушал.

— Ого! — завопил он радостно. — Да тут не чавга, тут — настоящая жратва! И барахла полно!

Хотя в группе было трое мужчин, каждый из которых казался заведомо сильнее его, Шоорану не стало страшно. Возможно, оттого, что он понял: илбэча в нём не признали. Шооран подскочил к Жужигчину, дёрнул сумку к себе. Это ужасно напоминало недавнюю драку двух бродяг, но Шооран был слишком возмущён грабежом, чтобы вспоминать и сравнивать.

Жужигчин ударил ногой в живот. Кольчуга спасла от игл, а может быть, их просто не осталось в сношенном башмаке, но удар заставил согнуться от боли. Когда чёрные круги в глазах перестали вращаться, Шооран увидел, что все трое мужиков толкаются над его сумкой, перебирая уложенные там вещи. Не разгибаясь, Шооран шагнул вперёд и ударил ногой. Теперь-то иглы точно достигли цели! Жужигчин с воплем повалился в нойт. Шооран, пристально глядя на двух оставшихся противников, поднял гарпун.

— Отдайте сумку!

Один изгой попятился, но второй резко выдернул из-под полы свёрнутый в клубок хлыст и наотмашь секанул им. Пока хлыст описывал свистящую дугу, Шооран отпрыгнул в сторону, и удар лишь разбрызгал грязь.

«Хлещется, словно парх усами», — подумал Шооран, уходя от второго удара. После третьего шлепка он прыгнул почти под самый ус, так что изгою, который при каждом ударе гасил движение, пришлось разворачиваться и долго тащить оружие на себя, чтобы рубануть вновь. Этого Шооран ему не позволил. Подскочив вплотную,

он ударил гарпуном. Ему показалось, что зазубренное остриё пробило куклу, слепленную из грязи; так слабо было сопротивление. Рванув гарпун на себя, Шооран повернулся к Жужигчину. Тот отползал, пихаясь здоровой ногой, оставляя в грязи глубокую борозду, и кричал:

— Я пошутил! Вот твоя сумка! Я пошутил!

Женщины на поребрике визжали.

Шооран подхватил растерзанную сумку и кинулся бежать. Лишь пробежав чуть не целый оройхон, он остановился, выбрался на чистый поребрик, сел. Руки дрожали. Как-то вдруг Шооран понял: только что он убил человека. Даже если изгой останется жив, это всё равно ничего не меняет, ведь бил Шооран насмерть, и это оказалось легче, чем заколоть бовэра.

В стороне послышались голоса. Шооран вздрогнул. Сейчас подойдёт ещё кто-то, и ему опять придётся убивать. Нет, благодарение Тэнгэру, это идут женщины с чавгой. Но ведь потом придут другие, те, кто признаёт лишь право хлыста...

Шооран поднялся. Стараясь казаться грозным и решительным, побрёл по дорожке.

Надо уходить. Куда?..

* * *

Дюженник Тройгал спустился вниз и остановился перед тяжёлой костяной дверью. Тёмную кость густо покрывали резные завитки, и Тройгал с минуту простоял неподвижно, разглядывая резьбу и собираясь с мыслями. Дверь вела в покои одонта Хоргоона, но самого хозяина не было в алдан-шаваре, и вряд ли он вернётся сюда. Вчера одонта вызвал к себе великий ван, и теперь Тройгал, сопровождавший начальника, принёс наследнику неутешительные новости. Ван был разгневан, что уже два года провинция Хоргоона не поставляет в центральный арсенал харвах, и из-за этого срывается давно задуманный поход против изгоев.

А что мог сделать Хоргоон? После смерти строптивой сушильщицы он оказался в отчаянном положении. Казалось сама судьба ополчилась на него. Простолюдины, рискуя навлечь на себя гнев всемогущего одонта, отказывались заниматься опасным ремеслом, а принуждаемые, предпочитали сбегать и становиться изгоями, чем гибнуть в пламени. Немногие, кого удалось заставить взяться за щётку сушильщика, погибали прежде, чем успевали хоть чему-то научиться. Переманить же сушильщика из другой провинции не удалось, несмотря на все старания. Можно было подумать, что кто-то специально не допускает их в земли Хоргоона. А потом харвах перестал поступать и со Свободного оройхона — живший там су-

шильщик умер. Или в его смерти тоже виноват одонт? Нет, конечно. Хоргоон всё делал по совести и старался, как мог, но ван и слушать не стал оправданий. Очевидно, у него был на примете другой одонт, и государь просто искал, к чему бы придраться. Благородный Хоргоон был брошен в темницу. Вскоре должно было последовать и назначение нового наместника.

Обо всём Тройгал доложил юному отпрыску одонта. Прочих, нелюбимых сыновей можно было не принимать во внимание. К юнцу Тройгал пришёл не из каких-либо особых побуждений, а скорее из чувства субординации, да ещё, может быть, желая ввести в завязавшуюся игру лишнее действующее лицо. Однако сынок, оставленный одонтом за главного на оройхонах, действовал быстро и решительно, показав, что папа в нём не ошибся. Немедленно были созваны на совет все начальники дюжин. Дюженники собрались просто послушать, что может сказать им погибающий наследник. Все двенадцать командиров были людьми государевыми и заступаться за опальный род не собирались. Вот если бы одонт содержал их на свои средства... тогда другое дело, а так — нет. Однако юный Хоргон решительно испортил их благодушное настроение. Речь его была коротка:

— Вы знаете, — начал он, — что наш добрый одонт в немилости у вана, и скоро сюда прибудет новый наместник, — дюженники кивнули, — знаете, чем это грозит моему роду, и чем — вам. — На этот раз командиры кивнули менее дружно. Себя-то они считали в полной безопасности. Поэтому наследник поспешил развить мысль: — Новый начальник приедет со своей охраной — дюжина воинов, не больше. Но каждому из них обещано повышение, ведь это свои цэрэги. Не думаю, что хоть кто-нибудь из вас сохранит знаки власти. А ведь при отце вы привыкли жить хорошо, и вам непросто будет привыкать к роли простых цэрэгов.

— Что же делать? — спросил один из дюженников — молодой Цармуг.

— Новый одонт не должен сюда приехать, — решительно сказал Хоргон. — Дерзкое нападение изгоев ещё на землях одонта Уурта-ка, и все вы сохраняете свои места. А я особо позабочусь о награде.

— А когда назначат нового одонта, нам снова придётся нападать? — спросил Мунаг. — Так недолго и навсегда изгоями стать.

— Я постараюсь, чтобы следующим одонтом назначили меня, — сказал Хоргон, и дюженники впервые всерьёз задумались над его словами.

Через час был составлен план действий. Дюженник Тройгал с двумя посыльными вернулся на царский оройхон, чтобы вовремя предупредить молодого хозяина о назначении и времени выхода нового одонта. Остальные начали готовиться к набегу. Припасли грязные жанчи — натянуть поверх доспехов, вместо копий с крем-

нёвыми наконечниками вооружились костяными пиками и хлыстами из уса парха. К вечеру отряд одонта обернулся бандитской шайкой. А на следующий день поутру прибежал гонец и сообщил: «Идут».

Знатный Пуиртал, только что назначенный одонтом западной провинции, с небольшим отрядом телохранителей направлялся к своим землям. Пуиртал был родственником царственного вана, хотя и очень далёким. Государственная мудрость подсказывала ванам, что нельзя назначать на должности близкую родню — детей, братьев, племянников, которых у вана насчитывались дюжины дюжин. Они жили по алдан-шаварам центральных оройхонов, наряжались, плодили детей, проедали припасы, но не обладали ни малейшей властью. Одонтами были только чужие или те из родственников, кого ван не считал близкими. Со своей крови трудно строго спрашивать. И можно понять, каких трудов стоило Пуирталу добиться назначения. Он ловко сыграл на недостатке в арсенале харваха, но, понимая, что теперь харвах будут спрашивать с него, вёл с собой двух обученных сушильщиков, которых заранее сманил, обещав жён, жизнь в алдан-шаваре, и еду со своего стола. Короче, у Пуиртала было предусмотрено всё. Не знал Пуиртал лишь одного: что командир его телохранителей крепко выпил вчера с каким-то незнакомым дюженником, и теперь все умные планы известны одному из сыновей бывшего одонта.

Кортеж двигался медленно, носильщики, тащившие паланкины, часто сменялись, дважды Пуиртал останавливался, чтобы засвидетельствовать своё почтение знакомым одонтам. В результате, путь, который взрослый человек с поклажей мог преодолеть за четыре часа, занял у наместника весь день. Серебристый дневной цвет облаков начал сменяться лиловым, когда Пуиртал приблизился к границам своих будущих владений.

Как обычно перед закатом, на благородного Пуиртала сходили возвышенные мысли. Новый одонт немало путешествовал, посетил чуть не все сухие оройхоны, во время мягмара любил затравить парха или понаблюдать за охотой на гваараиза, участвовал в облавах на мятежных изгоев и даже, преодолев мёртвые болота, ездил с посольством в земли старейшин. Так что, повидав половину мира, Пуиртал представлял истинную его величину и не стал бы добиваться власти над двумя ничтожными клочками суши, если бы не верное убеждение, что власть он получает не над островами, а над многим множеством людей, кормящихся от этой унылой, но такой щедрой земли. На каждом сухом оройхоне живёт по меньшей мере тройная дюжина людей, и каждый из них виноват перед одонтом. В том и состоит подлинное величие.

Громкие крики прервали мысль. Паланкин накренился, Пуиртал вывалился наружу. Он не сразу понял, что происходит — вокруг

раздавались вопли; боевой клич: «Га-а!», сухие хлопки бичей, стук гарпунов и копий сливались воедино и вызывали помрачение чувств. Лишь через несколько секунд Пуиртал сообразил, что его отряд — полторы дюжины цэрэгов — подвергся нападению изгоев. Несмотря на нищенский вид, нападавшие были отлично вооружены, действовали дружно, и их было по крайней мере впятеро больше, чем охранников. Несколько цэрэгов уже валялись оглушённые ударом секущего уса и проткнутые гарпунами. Двое успели установить татац. Орудие рявкнуло на всю округу, выплюнув тучу мелкого камня. Но, очевидно, нападавшие хорошо знали, что такое татац, и под выстрел попали лишь трое. В то же мгновение рыжебородый бандит подскочил к артиллеристам. Одного он свалил ударом костяной пики, другого оглушил кистенём, вращающимся на ремне вокруг левой руки.

Пуиртал не был трусом. Он выхватил широкий костяной тесак — знак власти одонта — и, прыгнув, ударил рыжебородого в грудь. Лезвие рассекло жанч и скрябнуло по панцирю. Пуиртал едва успел уклониться от прожужжавшего возле головы кистеня. Биться в нарядном цамце против одетого в хитин противника было невозможно. Оставалось надеяться, что грохот татаца переполошил оройхоны, и скоро сюда прибудет подмога. На помощь земледельцев одонт не рассчитывал: урожай только что скошен, и значит, ни один хам не высунет носа из палатки.

— Все ко мне! — взревел Пуиртал, отступая под натиском рыжебородого. По счастью, у того оставался только кистень — зазубренная пика застряла в горле цэрэга.

На призыв отозвались лишь трое воинов. Бросив на произвол судьбы имущество, дрожащих носильщиков и визжащих жён, Пуиртал начал отходить. Однако противник не занялся грабежом, а продолжал гнать одонта. Режущий бич вырвал копьё из рук одного цэрэга, второго свалил удар тесака. Пуиртал перепрыгнул поребрик, стараясь укрыться за ним. Под ногами захлюпала грязь, резко завоняло нойтом. «Если бандиты загонят нас на мокрый оройхон, помощи ждать будет неоткуда», — успел подумать Пуиртал и тут же увидел отряд. Четыре дюжины цэрэгов сомкнутыми рядами двигались к месту битвы. Разбойники пришли в замешательство, раздались крики, и оборванные фигуры, не приняв боя, исчезли за тэсэгами.

Пуиртал и единственный уцелевший воин перелезли поребрик и пошли навстречу своим спасителям. Вёл отряд толстощёкий увалень, явно из местной знати, глуповатый на вид и очень молодой, — сколько ему?.. полторы дюжины?.. чуть больше? Таким дозволяют командовать только знатные папы.

Увалень приблизился к Пуирталу и отрекомендовался:

— Хооргон, сын благородного Хоргоона.

Услышав, что перед ним сын того самого Хоргоона, которого он с таким трудом свалил, Пуиртал пришёл в замешательство и, не зная, как себя держать, неуверенно представился:

— Благородный Пуиртал, ваш должник.

— Так вы новый одонт! — Юноша склонился в поклоне. — Счастлив быть полезным.

У Пуиртала отлегло от сердца. Значит, здесь уже всё известно, и юнец правильно воспринимает предстоящую гибель отца. Вероятно, отношения с папашей были не из лучших, и наследником назначен другой сын. Очень удачно!

Придерживая друг друга под локоть, Пуиртал и Хооргон вернулись к носилкам. Там их ждало кровавое зрелище: слуги, носильщики, женщины, все до последнего были заколоты. Здесь же лежали тела его цэрэгов и несколько погибших бандитов. Не было видно только двоих сушильщиков. Глядя на груду тел, Пуиртал подумал, что правильно сделал, взяв с собой лишь двух жён, а остальную семью решив перевезти попозже. Потом его взгляд задержался на сытых лицах убитых разбойников, и одонт отметил про себя, что вряд ли эти люди жили на мокром, и значит исток заразы следует искать не среди изгоев, а гораздо ближе.

Юнец говорил какие-то соболезнующие слова, потом пригласил в паланкин. Одонт занял своё место, которое недавно так неловко покинул, Хооргон, испросив разрешения, устроился напротив.

— Что делать, — приятно улыбаясь, говорил он, — одонт Ууртак, да не промочит он своих ног вовеки, достойнейший человек и мудрый правитель, но почему-то на его землях часто происходят подобные вещи. Конечно, поблизости три оройхона, населённых изгоями, но ведь в других провинциях изгои тоже есть, а столь дерзких нападений не случается.

Пуиртал слушал подобострастно произносимые слова и успокаивался, проникаясь добрыми чувствами к тактичному молодому человеку. Пожалуй, он не будет слишком строго взыскивать с опального рода. Молодой Хооргон, так и быть, останется жить в алдан-шаваре.

Цэрэги, заменившие носильщиков, остановились, паланкин опустился на землю.

— Милости прошу в ваши владения, — произнёс Хооргон, откинув полог.

Пуиртал шагнул наружу. Ноги скользнули по нойту.

— Что это значит?! — гневно воскликнул одонт.

Перед ним расстилался пустынный в вечернее время мокрый оройхон. Вокруг толпились незнакомые цэрэги. За спиной вскрикнул и упал, захлёбываясь кровью, последний телохранитель.

— Вот ваш дворец, одонт, — учтиво выговорил Хооргон и самолично распахнул тяжёлые двери, за которыми открылась мрачная

тьма шавара. В беспросветной глубине что-то вздыхало, доносилось бульканье и жирные шлепки падающих капель.

— Ступайте, сияющий господин, — улыбаясь потребовал Хооргон, — и да пребудут ваши ноги вечно сухими...

* * *

После победы над пришельцами перед Хооргоном встала непростая задача. Надо ехать ко двору, добиваться места, а как это делать, благородный Хооргон не знал. Обычно ван просто утверждал новым одонтом наследника умершего. Если же одонт сменялся насильственно, то назначался кто-либо из приближённых ко двору. А дети одонтов к вану не допускались. Хооргону предстояло разрушить эту традицию. С другой стороны, Хооргон не хотел уезжать, опасаясь удара в спину, а ехать ко двору и просто боялся. Поэтому он решил выждать — один день, не больше. Но именно этот день оказался решающим.

Новость принесли осведомители, которых старый одонт предусмотрительно содержал за свой счёт. Одонты не без оснований рассматривали Свободный оройхон как свою вотчину, и потому следили за всем, что там происходило. И когда прошёл слух о новых землях на западе, Хооргон узнал об этом первый. Слухи следовало проверить, и Хооргон послал на разведку отличившегося в недавней схватке Мунага с дюжиной солдат. Такой выбор объяснялся тем, что Мунаг был храбр, достаточно честен, и в то же время Хооргон недолюбливал дюженника с тех пор, как тот сыграл не до конца понятную роль в деле о сыне сушильщицы. Ведь сам Хооргон лучше всех знал, что было в руках мятежника — ломкая игрушка или настоящий нож.

Мунаг немедленно собрал дюжину и отправился в путь. Вернулся он в тот же день к вечеру, принеся самые утешительные новости. На западе действительно обнаружилась земля — два сухих оройхона, отделённых от материка узким перешейком огненного болота. Причём, один из оройхонов, по всему судя, был высушен совсем недавно: на нём ещё не было плодоносящих туйванов. Всё это могло означать одно из двух: либо безумный илбэч жив и просто скрывался все эти годы, либо, что более вероятно, родился новый илбэч.

Это, впрочем, слабо волновало Хооргона. Главное — появились земли, которыми надо как следует распорядиться. Выслушав доклад Мунага, Хооргон час сидел в задумчивости, потом встряхнулся и созвал командиров на совет.

— Я решил, — начал он, — что пришла пора восстановить справедливость. Всем известно, что мой покойный отец, — Хооргон печально вздохнул, а Тройгал вдруг подумал, что старый Хоргоон,

похороненный сыном, вернее всего, ещё жив, — мой отец напрямую происходил от красавицы Туйгай, которая рожала детей илбэчу Вану. Более того, наш род начинается с любимого сына, которому Ван завещал свои земли. Самозванец, захвативший царский тэсэг, должен быть изгнан в шавар, из которого он вынырнул. И вы — доблестные воины, будущие одонты, должны мне в этом помочь.

Если бы дюженники услышали эти слова два дня назад, они без колебаний связали бы помешанного, но теперь, скреплённые круговой порукой, принуждены были молчать, стараясь понять, что задумал их сопляк-повелитель, один раз уже обошедший их. И лишь услышав о новых землях, на которые можно попасть, пройдя мёртвой полосой, цэрэги закивали, улыбаясь. Хооргон решил проблемы просто — он задумал отделиться от державы вана и основать своё государство. Не так это много — два сухих оройхона, но мёртвая полоса есть мёртвая полоса, ван не посмеет напасть на непокорных.

И лишь строптивец Мунаг проявил недовольство.

— У нас два оройхона здесь, — сказал он, — и там тоже будет два. Но сейчас мы живём спокойно, а там должны будем держать границу, сидя возле мёртвой земли...

— Ты трус! — рявкнул Хооргон. — Я не собираюсь бежать на угловые оройхоны. Я буду нападать! Люди устали от несправедливости, армия перейдёт на сторону законного владыки!

— Я не трус, — возразил Мунаг, — это все знают. Но я не вижу смысла в вашей затее.

— Достойный Мунаг не высовывал носа дальше сухой полосы, которую охраняет его дюжина, — вступил в спор Тройгал, — а я бывал и у восточной границы, и на царском оройхоне и потому знаю, что говорю. Повелитель прав — армия узурпатора велика, но сражаться не станет. Ван лопнет, словно распоротый ножом авхай.

— Почему же тогда... — начал Мунаг, но махнул рукой и умолк.

Было решено против вана пока не выступать, а, выделив отряд для защиты обжитых оройхонов, остальных цэрэгов послать на запад, наводить порядок, пока изгои и жители свободного оройхона не организовались и не могут дать отпора.

— ...А затем, — заключил Тройгал, незаметно взявший в руки ход совещания, — нам предстоит большой поход к царскому тэсэгу за короной ванов, которую наконец получит подлинный владелец!

И нет ничего удивительного, что командовать тремя дюжинами, составившими заградительный отряд, пришлось Мунагу, а остальных повёл к новым землям Тройгал.

Первые двое суток Мунаг прожил спокойно. Он понимал, что с тремя дюжинами цэрэгов не сможет блокировать оройхоны, и потому лишь следил, чтобы противник не подошёл незамеченным. У вана были свои соглядатаи на каждом оройхоне, но те из шпионов, кто

жил среди бедноты, не слишком понимали, что вокруг происходит, а достойный Тройгал не торопился оповестить вана, что сменил хозяина. Поэтому в ставке забеспокоились не сразу, и лишь на третий день на дороге показался паланкин благородного Ууртака, прибывшего узнать, что творится в соседних землях. Мунаг не стал вступать в бой с телохранителями. Он лишь вышел на поребрик, требовательно поднял руку, а когда носилки остановились и в окошечке показалось морщинистое лицо наместника, сказал:

— Доблестный одонт, поспешите домой. Сегодня вам здесь не пройти.

Изготовленный к стрельбе татац за спиной дюженника подтверждал его слова, так что Ууртаку оставалось лишь благосклонно кивнуть и приказать носильщикам поворачивать вспять.

Мунаг блефовал. Грозный татац не был заряжен, и вообще, харваха, захваченного в караване Пуиртала, могло хватить от силы на дюжину выстрелов. А тот харвах, что готовили пойманные сушильщики, Хооргон оставлял себе. Сушильщики, получив женщин и сладкую пищу, работали исправно, но харваха всё равно было мало, ведь впереди маячила война.

И она пришла.

Ван послал против мятежных оройхонов немалое войско — шесть отрядов, в каждом из которых была двойная дюжина солдат. Пугать такую силу не имело смысла, и Мунаг встретил наступающих пальбой из татацев. Он правильно рассчитал: основная масса карателей двигалась вдоль мокрого оройхона, словно во время операции против изгоев. Там Мунаг поставил два из трёх своих татацев. Первая пушечка неожиданно бабахнула, и, хотя каменный рой побил немногих, противник пришёл в замешательство. Привыкнув к походам против небольших и плохо вооружённых банд, цэрэги не знали, что предпринять. Однако и у них нашёлся командир, сообразивший, что татац перезаряжать долго и, значит, второго выстрела не будет. Ободрённые цэрэги с гиканьем ринулись на штурм. И тут выпалил второй татац.

Войско остановилось, не зная, чего ожидать впереди. Спустя несколько часов цэрэги приволокли установленный на полозьях толстобокий ухэр и открыли стрельбу. Ухэр громыхал, сжигая на каждый выстрел треть ямха лучшего харваха, но не принося никакого вреда. Предусмотрительный Мунаг успел отвести своих солдат и оттащить татацы. Теперь, слушая раскаты пальбы, он лишь злорадно и вместе с тем досадливо морщился. Имей он хотя бы вдвое больше воинов, можно было бы сделать вылазку и отнять орудие, а главное — запас харваха.

Вторую атаку Мунаг отбил прежним способом, не потеряв ни одного человека. Тогда войско разделилось и двинулось небольшими группами через поля и приграничную полосу. Часть цэрэгов пошла

в обход по мокрому оройхону. Три дюжины защитников не могли держать такой фронт, Мунаг начал отступление. Двое суток он маневрировал, перебрасывая три своих орудия с приграничной полосы на мокрое. Последний выстрел был сделан с верхушки суурь-тэсэга по движущемуся через поле отряду. Двое суток прошли в непрерывных стычках и рукопашных схватках. Всё это время воины Тройгала занимались самым мирным делом: вывозили из бывшей резиденции одонта сокровища, припасы, всевозможный скарб.

На новые оройхоны были уведены мастера и самые опытные земледельцы. Унесли даже резную дверь алдан-шавара, хотя доставить её на место не сумели — вынырнувший из пучины чёрный уулгуй схватил двух носильщиков, а стараясь достать остальных, уцепился за дверь и скинул её в далайн. Зато дверь смертников, закрывавшая вход в шавар, где казнили преступников, прибыла на место благополучно. С оставленных оройхонов было унесено всё, независимо от того, принадлежало это вану, одонту или ограбленным и кинутым жителям.

Два ухэра и несколько татацев, переправленных через мёртвую полосу, Тройгал установил возле перешейка, превратив свои оройхоны в неприступную крепость. В далайне возникло ещё одно крошечное государство.

Последним с земли ванов пришёл Мунаг с полудюжиной уцелевших цэрэгов. Остальные погибли или, вовремя поняв, что их послали на верную смерть, бежали через мокрые земли искать счастья в восточных провинциях в надежде, что там не будут слишком тщательно выяснять, откуда они явились.

Хооргон, выслушав доклад дюженника, некоторое время сидел молча, потом начал говорить, тихо и медленно, но под конец всё более распаляясь и переходя на крик:

— Значит, ты считаешь, что провёл удачную кампанию... В то время как я добывал для страны новые области, ты, погубив четверть войска, растранжирив харвах и потеряв татацы, не сумел сберечь доверенные тебе оройхоны. Ты понимаешь, что теперь мне придётся штурмовать самозванца через мёртвые земли, а у меня нет для этого людей?.. И ты ждёшь похвал?! Ты не герой, ты трус и предатель!

— Вы отлично знаете, что удержать те земли нашими силами невозможно, — сказал Мунаг. — Иначе бы вы не вывозили сюда всё подряд ещё прежде, чем ван узнал о восстании. Я считал, что моя задача продержаться как можно дольше, чтобы дать Тройгалу возможность закрепиться здесь и наладить оборону. А те земли всё равно были потеряны для нас.

— Он считал!.. — задохнулся Хооргон. — Если это так, то почему ты не перебил оставшееся мужичьё, почему не поджёг поля?

— Всходам нет и недели, — возразил Мунаг, — они не горят. А со старухами я не воюю — я солдат, а не палач.

— Ты трус и предатель! — заорал Хооргон.

— Ложь! — багровея взревел Мунаг. — Вы, ради своих удобств, послали меня на смерть, и теперь вам досадно, что я сумел выжить!

Мунаг шагнул вперёд, хватаясь за кинжал, но четверо охранников повисли на нём и бросили на колени, заломив руки.

— Говоришь, ты не палач? — звенящим от бешенства голосом спросил Хооргон. — Это верно. Но ты сейчас познакомишься с нашим новым палачом. Предателям место в шаваре, а ты давно у меня на примете. Думаешь я забыл, как ты лгал моему отцу, подсовывая травяной ножик? Тебе не удалось убить меня тогда, не выйдет и сейчас. Ну что, вспомнил, пособник бандитов?

Мунаг поднял голову, безуспешно попытался встать, потом в его лице что-то изменилось, и Мунаг сказал тихо:

— Вспомнил. Наверное это был единственный правильный поступок в моей жизни.

— В шавар! — распорядился Хооргон.

Мунага приволокли на мокрый оройхон, к подножию суурь-тэсэга. Дверь, недавно закрывшаяся за благородным Пуирталом, а потом с великими трудами перетащенная сюда, уже висела на месте. Кажется, это было первое, что обустроил Хооргон в своей стране. Палач распахнул тяжёлые створки.

— Великий государь добр, — возгласил он, — и даёт тебе возможность спастись и очиститься в его глазах. Если ты действительно так храбр, как говоришь, то пройди через шавар, и, если останешься жив, государь простит тебе всё.

Мунаг взглянул на палача и узнал его. Перед ним лыбился щербатым ртом громила Боройгал, лизоблюд и осведомитель, заправлявший делами на Свободном оройхоне и наконец получивший тёплое местечко на сухом. Боройгал сорвал с Мунага порубленный панцирь и боевые башмаки, приготовился втолкнуть бывшего дюженника в темнеющий проём, но Мунаг вырвал руку из пальцев палача, презрительно плюнул и ушёл в шавар сам.

* * *

Наместник Моэртал пристально рассматривал стоящего перед ним молодого охотника. Слишком уж он молод, полутора дюжин лет, которые он назвал, ему явно не исполнилось. Но с другой стороны, это и хорошо, значит, парень ещё не служит двум господам, и можно не опасаться, что он станет наушничать в пользу вана или кого-нибудь из соседей. А воины после возмущения западной провинции нужны. Особенно здесь, на северной оконечности страны,

где непрерывно приходится усмирять шайки изгоев, основавшихся на раскиданных безумным илбэчем оройхонах.

— Как, говоришь, тебя зовут? — переспросил Моэртал.

— Шооран, — ответил охотник.

— Где живут твои родственники?

Шооран повёл рукой в сторону далайна и ответил:

— Их нет.

— Ты из западных земель, — не спросил, а лишь констатировал одонт, — наверняка сын цэрэга, это видно, ты слишком хорошо одет. Отец твой погиб, иначе ты сбежал бы вместе с ним. Как видишь, я знаю о тебе всё ещё прежде, чем ты начал рассказывать. Но мне непонятно, почему цэрэги не позаботились о своих семьях в первую очередь?

— Они так и сделали, — сказал Шооран. — Но я не сын цэрэга, мой отец был охотником со Свободного оройхона. Хооргон прошёл через наши земли, многих убил, многих угнал с собой. А прежде мы жили богато.

— Ах да! — вспомнил наместник. — Свободный оройхон! Было на западе что-то такое. Но, в таком случае, ты должен хорошо знать мокрые земли, уметь рыть чавгу, собирать харвах.

— Я умею, господин, — сказал Шооран.

— А я и не сомневался, — съязвил Моэртал, — но мне нужны не грязекопатели, а воины. Ступай за оружейником, он тебя проводит.

Седой дюженник привёл Шоорана в комнату полную всевозможного оружия. Сделал широкий жест:

— Выбирай.

— Что придётся делать? — спросил Шооран.

— Охота.

Шооран оглядел полки и стены. Здесь были булавы и пращи, годные лишь для охоты на человека, их Шооран обошёл стороной. Были копья с кремнёвыми наконечниками, выдававшиеся даже не всем цэрэгам. На мгновение взгляд Шоорана задержался на огромной коллекции хлыстов, но Шооран предусмотрительно решил не выдавать своего знакомства с этим оружием. Выбрал поножи, упругого обтягивающие икры и позволяющие ходить по колено в нойте — кто знает, не в шавар ли пошлёт его одонт? Отобрал два гарпуна — гладкий и зазубренный. Долго держал в руках длинную пику для охоты на гвааранза, потом отложил её в сторону. Что с пикой, что без пики — с гвааранзом ему не справиться. Зато взял тонкую сеть, равно годную и против парха, и для охоты на тукку. Не жанчем же в неё кидать, словно в детстве. Перемерил несколько кожаных шлемов с прозрачными щитками, спасающими глаза от брызг нойта. На богатые, но неудобные костяные шлемы даже не взглянул, вызвав одобрительное ворчание оружейника. А под конец не выдержал и

взял длинный кинжал из цельной кости, способный и колоть и резать.

Одонт бросил небрежный взгляд на вооружение Шоорана и сказал:

— Вчера мои охотники поймали в шаваре зверя. Он заперт в одном из залов дворца. Ты должен пойти и убить его.

Вслед за оружейником Шооран спустился во второй ярус алдан-шавара. Остановился перед тяжёлой дверью. Через дверь донёсся резкий запах нойта. Шооран удивлённо пожал плечами. Таскать нойт с мокрого оройхона, чтобы держать в алдан-шаваре какую-то мерзость! Что это, глупость или особое тщеславие?

Двое цэрэгов приоткрыли дверь, Шооран вошёл в скупо освещённый зал. Дверь гулко захлопнулась за ним. Шооран остановился, выставив гарпун и готовый отпрыгнуть в сторону. Разумеется, бледного уулгуя здесь не может быть, гваараиза тоже не так просто поймать живьём, значит, скорее всего, ему предстоит встретиться с пархом.

И тут тёмная громада, которую Шооран вначале принял за выступ скалы, шевельнулась, и лишь тогда Шооран понял, что это и есть зверь. Шооран невольно попятился — зверь был больше самого огромного гваараиза. Поблёскивающий панцирь поднимался вровень с грудью Шоорана, две пары клешней, каждая из которых могла перекусить охотника пополам, шевелились, судорожно раскрываясь и со стуком захлопываясь. Клешнями зверь напоминал гваараиза, но был много крупнее и, главное, там, где у гваараиза в два ряда бугрятся уязвимые для пики глаза, у этого блестела гладкая и наверняка несокрушимая броня. По бокам чудовища волнообразно шевелились острые плавательные перья, бесполезные здесь, где тюремщики плеснули лишь несколько вёдер нойта, и тем не менее служащие прекрасной защитой. Сзади, словно у невиданных размеров парха чешуился поджатый и напружиненный хвост.

Шооран был готов к чему угодно, но не ко встрече с таким великаном. Победить его казалось невозможным. Первым побуждением охотника было кинуться к дверям, стучать в них, умоляя выпустить, но Шооран тут же подумал, что двери, скорее всего, просто не откроют. Лишь потом он сообразил, что раз зверь слеп, то будет бросаться на звук или выпустит тонкие осязательные щупальца, по которым можно бить. Шооран переложил оба гарпуна в левую руку, правой потянул из-за пояса нож, готовясь отсекать гибкие усы, прежде чем они скрутят его. Потом быстро шагнул в сторону. Стоять перед громадными клешнями явно не стоило, так же как и соваться под хвост, способный одним ударом растереть его в нойт. Зверь, скрежеща панцирем, начал разворачиваться. Несомненно, он видел охотника. Но и Шооран заметил кое-что. Разворачиваясь, монстр не пользовался хвостом, но зато его панцирь приподнимался

над полом. Значит, там ноги — уязвимые сочленения, хрупкие суставы. И, следовательно, есть надежда обездвижить противника.

Не дожидаясь, пока чудовище приблизится, Шооран прыгнул вперёд и в сторону и ударил под панцирь двумя гарпунами сразу. Гарпуны с громким стуком ударились о край хитинового покрова и, не встретив сопротивления, неожиданно глубоко вошли внутрь. Лишь там один из них за что-то зацепил. В ответ раздался громкий человеческий крик.

Зверь повалился набок, и Шооран увидел, что под пустым панцирем прячутся двое цэрэгов. Один двигал клешнями, другой — хвостом и плавательными перьями. Чудовище оказалось фальшивым. Теперь один из цэрэгов стонал, зажимая глубокую рану. Гарпун ударил его в бок и лишь по счастливой случайности не вспорол живот.

Распахнулась дверь, вбежали люди. Раненого унесли. Старый оружейник хлопнул Шоорана по плечу и велел идти к одонту. Моэртал больше ни о чём не спрашивал, лишь сказал:

— Ты действительно отважен и неплохо владеешь гарпуном. Я беру тебя, хотя для цэрэга этого недостаточно. Только не думай, что ты будешь служить при алдан-шаваре. Для начала тебе придётся половить бандитов на мокрых оройхонах.

Шооран склонился в поклоне.

— Да пребудут вечно сухими ноги справедливейшего одонта.

Выйдя от наместника, Шооран облегчённо вздохнул. Честно говоря, он не надеялся, что ему удастся выдержать испытание, всего вернее, его должны были прогнать даже не выслушав. А служба цэрэгом была последней надеждой Шоорана остаться незамеченным и уцелеть.

Вернувшись на земли вана, Шооран сумел за одну ночь пересечь несколько оройхонов и к началу военных действий был на землях одонта Ууртака, где встретился с изгоями Жужигчина. Они слабо напоминали забытое всем миром человеческое отребье, ютившееся западнее свободного оройхона. Эти отщепенцы промышляли набегами на сухие острова, а при случае не прочь были ограбить и своего брата изгоя. Стычка с ними окончательно убедила Шоорана, что правды нет не только в сухих краях. Там было хотя бы подобие закона, здесь же царило право хлыста. И всё же для этих людей он должен был делать землю. Не для изгоев, и не для цэрэгов, а просто для людей, каких он пока ещё не встречал.

Ночью, возбуждённый пролитой кровью Шооран вышел к побережью и поставил оройхон. Это удалось сделать незаметно, на ночь изгои или уходили грабить сухие оройхоны или же устраивались поближе к поребрику, где легче скрыться от Ёроол-Гуя. А сейчас они вообще постарались уйти подальше из мест, где разворачивались войска вана.

Оройхон не прибавил сухих земель, но увеличил площадь республики изгоев. Результатом было то, что ван на сутки отложил наступление на западную провинцию, а среди изгоев началась всеобщая и жестокая резня. Все искали илбэча. Шоорана спасло то, что обе стороны решили, что вернулся безумный илбэч. Слишком уж похож был почерк — оройхон возник ночью и казался полностью бесполезным.

Всякого, кто был старше среднего возраста, хватали, волокли к далайну, истерически требуя строить, строить!.. А не дождавшись земли — убивали, сбрасывая в пучину. Разгром довершил Ёроол-Гуй, пожравший всех, очутившихся на берегу, без различия возраста.

Шооран выбрался из этой передряги умудрённый горьким опытом. Теперь он знал, как исполняется проклятие Ёроол-Гуя, и понимал, почему большинство илбэчей погибало, поставив один или два оройхона. Спастись от Ёроол-Гуя не так сложно, гораздо труднее спастись от людей. Шооран понял, что единственный способ стать незаметным — подняться над толпой. Илбэча ищут среди изгоев, охотников, собирателей харваха. И никому не придёт в голову заподозрить гордого цэрэга, который живёт на сухом и появляется на побережье лишь чтобы бить бандитов и искать илбэча. Первая же попытка увенчалась успехом — благородный Моэртал принял Шоорана на службу, хотя ему ещё не исполнилось дюжины и трёх лет.

Первый месяц Шооран попал на выучку к оружейнику. По нескольку часов в день тот тренировал его, заставляя упражняться с разными видами оружия, а потом, когда учитель уходил на покой, Шооран превращался в мастерового и вместе с подневольным людом ремонтировал доспехи, правил клинки, вытачивал костяные пики. Шоорана не допускали лишь к работе по камню. Рыхлый камень оройхонов не годился в дело, а покупной кремень, добывавшийся на кресте Тэнгэра, стоил крайне дорого, и обрабатывать его могли только самые опытные мастера. Вообще-то мастера камнерезы жили в стране старейшин и не выходили с креста кроме как в праздник мягмара, но и в земле вана были свои оружейники, способные починить сломавшийся наконечник копья или заново отполировать затупившийся нож.

Когда обучение закончилось, Шоорана стали назначать в охранение на мокрый оройхон. Тут-то и выяснилось, что никакой особой свободой рядовые цэрэги не пользуются. Охрана курсировала вдоль поребрика только днём и обязательно парами, к далайну же не выходила вообще. Неудивительно, что шайки изгоев легко избегали встреч с ними.

Сказочная жизнь цэрэгов на поверку тоже оказалась довольно обыденной. Цэрэги жили в алдан-шаваре, носили удобную одежду,

много и хорошо ели, но Шооран за годы отшельничества привык ко всему этому и был разочарован. Собеседниками сослуживцы Шооран оказались никакими, и если бы не сказитель Киирмон, Шооран попросту заскучал бы. О том, чтобы обзавестись семьёй Шооран не думал, вина старался не пить, а в игре в кости, которой азартно предавались другие цэрэги, не нашёл никакого удовольствия. Неудивительно, что встреча со сказителем стала для Шооран спасением.

Сказитель Киирмон жил вместе с цэрэгами, развлекал их игрой на суваге да скабрезными историями про женитьбу Ёроол-Гуя, и учил богатых детей, рассказывая старинные легенды. О самом себе Киирмон говорил уклончиво, так что можно было подумать, что прежде он был чуть ли не одонтом. Но с другой стороны получалось, что сказитель немало побродил изгоем, был своим человеком среди разбойников, побывал на каторжных работах и не раз обедал с самим царственным ваном. А что делать, если с давних времён повелось, чтобы главным действующим лицом любого анекдота рассказчик называл себя?

Шооран, сам испытавший и богатую и нищенскую жизнь, быстро сошёлся с пожилым сказочником. Они встречались где-нибудь, Шооран и Киирмон с неизменной чашей в руках, и рассказывали друг другу истории, перемежая правду и вымысел. Шооран рассказывал легенду о хохиуре, которую так любил Хулгал, и легенду о дурне Бовэре, рассказанную старым илбэчем, а в ответ слышал сказку о сроке жизни, легенду об упрямом илбэче, а потом и шёпотом рассказанную историю о цветке туйвана, за которую в землях вана можно было поплатиться головой.

С простыми земледельцами Шооран не мог сойтись. Когда он появлялся на пороге палатки, хозяева сгибались в заискивающем поклоне и немедленно соглашались с любой его фразой, даже не пытаясь вникнуть в смысл слов. Если в семье были молодые девушки, их немедленно старались прихорошить и вытолкнуть вперёд, так что эти непрерывные смотрины прочно, хотя и ненадолго отвратили мысли взрослеющего Шооран от прекрасного пола. К тому же у Шооран оказался тонкий слух, и он разбирал, что говорят за его спиной подобострастные земледельцы и радушные мамаши оройхонских невест.

Однажды возбуждённый и непривычно трезвый Киирмон явился к Шооран и с порога заявил:

— К нам пришёл Чаарлах!

— Кто это такой? — безразлично спросил Шооран.

С утра он был в дурном настроении. Близился мягмар, со времени постройки последнего оройхона прошло больше двух месяцев, а он, ничего не делая, терял время на службе у вана.

— Как?! — вскричал Киирмон. — Ты не знаешь Чаарлаха? Это

же лучший сказитель страны! Он единственный полностью знает историю сотворения мира, говорит он, не подыгрывая на суваге, а когда начинает рассказывать байки, люди падают от смеха в нойт. Послушать Чаарлаха — большая удача. Я знаю, что ты толковей других, и потому зову тебя.

— Так он наверняка в покоях у одонта, — сказал Шооран. — Кто меня туда пустит?

— Чаарлах сидит на мокром оройхоне. Ещё ни одному одонту не удавалось зазвать его к себе. Чаарлах говорит, что если ван захочет слушать его истории, он не должен бояться промочить ноги.

— Идём, — сказал Шооран, вставая.

Через две минуты он был готов и вышел к ожидавшему Киирмону. При виде Шоорана тот ахнул:

— Доблестный воин, ты что же собрался идти на земли изгоев в доспехе? Цэрэгов там не любят, особенно когда они ходят в одиночку.

— Я иду не воевать, а слушать сказителя, — возразил Шооран. — Чаарлах приглашал к себе вана, неужели он откажет цэрэгу?

— Как знаешь, — сказал Киирмон, — но я бы не рискнул идти так.

К началу представления они опоздали. Маленький плешивый старичок уже сидел на застеленном кожей камне лицом к недалёкому далайну, а вокруг расположились несколько дюжин слушателей. При виде цэрэга по толпе прошло волнение, несколько человек приподнялись было со своих мест, но Чаарлах движением сухой руки навёл порядок. Шооран и Киирмон, выбрав место, расстелили принесённые лоскутья кожи и уселись. Старикашка громко, так что всем было слышно, рассказывал правду о сотворении мира. Рассказывал иначе, чем другие, не боясь задать вопрос. Срединные века имели начало и конец — как Тэнгэр успел вырыть далайн, не имеющий дна? И где взял столько воды? И если у далайна действительно нет дна, то во что упираются восемь столбов, увенчанных суурь-тэсэгами? Или Тэнгэр продлил далайн до тех глубин, куда стремятся падающие тела, и потому потерявшая вес влага не выливается? И на все вопросы сказителя Тэнгэр насмешливо отвечал: «Нет, я сделал иначе, а как — тебе, не бывшему рядом, не догадаться вовек».

Такого рассказа Шооран прежде не слыхивал, а ведь он и сам не раз гадал, почему влага не выливается из далайна, если у того нет дна.

Когда рассказчик умолк, из толпы раздался громкий молодой голос:

— Отец, расскажи про объевшегося чавгой!

— Нет, — усмехнулся Чаарлах. — Сегодня будет другая сказка — про непобеждённого жирха.

По толпе прошла волна, все уселись удобнее и вновь приготовились слушать. Сказки про жирха не знал никто. Чаарлах начал торжественным речитативом, каким рассказывают о сотворении мира и других великих делах:

Окончив строительство и на бессчётные века избавившись от Ёроол-Гуя, старик Тэнгэр вернулся к алдан-тэсэгу, чтобы наконец вкусить отдых. Но оказалось, что место на алдан-тэсэге занято — пока хозяина не было, мелкий жирх вполз на вершину и разлёгся поперёк алдан-тэсэга. Тэнгэр наклонился и дунул, чтобы очистить место, но жирх вцепился в сиденье всеми своими ножками, которых у него много больше, чем нужно для ходьбы, и не слетел. Тэнгэр хотел раздавить непрошенного гостя пальцем, но жирх сказал ему:

— Я вонючий жирх, и если ты раздавишь меня, то благоуханный алдан-тэсэг станет смердеть во веки веков. Будет ли тебе приятно думать о вечном среди вони?

— Тогда сойди с алдан-тэсэга сам, — сказал Тэнгэр.

— Ни за что! — заявил жирх. — Вы, могучие и бессмертные, могли только драться друг с другом. Ну так деритесь, а миром управлять стану я.

— Ну уж этого не будет! — сказал Тэнгэр. Он спустился вниз и сорвал пучок свежей травы, чтобы смахнуть жирха долой. Но пока Тэнгэр ходил, кончилось малое время жирха, и он умер. Тэнгэр взглянул на дохлую тварь и понял, что ему уже никогда не победить жирха. Пусть он мал и мерзок, но он был на алдан-тэсэге и вонял оттуда на всю вселенную, и умер там, никем не выгнанный, а значит — непобеждённый. И те твари, чья жизнь ещё короче, чем у жирха, верили, что миром с давних пор и до скончания веков правит царственный жирх, да пребудет вечно сухой дюжина дюжин его цепких лапок.

Конец сказки был встречен напряжённым молчанием. Люди сидели, боясь оглянуться на молодого цэрэга, а сам Шооран обратил внимание, что несколько человек встали и уходят, стараясь не повернуться к нему лицом. И всё же двоих он узнал. Это были жители его оройхона, и, скорее всего, они испугались быть узнанными.

Один из изгоев, слишком сильный и хорошо вооружённый для простого отщепенца, поднялся и положил перед сказителем несколько больших чавг. Следом потянулись остальные слушатели, каждый клал, что мог. Подошли и Киирмон с Шоораном. Сказитель цэрэгов подал сладкую лепёшку. Шооран достал мешочек с наысом и спелый плод туйвана.

— В твоей сказке, — сказал он, — словно в алдан-шаваре, два яруса. Нижний стоит грибов, верхний — туйвана.

— Ты поэт, мальчик, — промолвил Чаарлах. — Зачем тебе копьё?

Шооран не ответил, лишь сказал:

— Отец, переночуй эту ночь у меня.

— Я привык здесь, — Чаарлах улыбнулся, — поближе к Ёроол-Гую. Нам было бы скучно друг без друга. Но вечером я снова буду рассказывать истории. Если хочешь — приходи.

Предложение казалось провокационным. Для одинокого цэрэга соваться на мокрый оройхон перед наступлением темноты было равносильно самоубийству. Но всё же Шооран ответил:

— Я приду.

При этих словах стоящий неподалёку молодой изгой, тот, что просил сказку про обжору, презрительно фыркнул и пошёл прочь. Шооран успел разглядеть лишь скатанный в узел хлыст из уса парха, который парень не посчитал нужным спрятать, да искалеченную щёку изгоя. Такой след оставляет на живой коже башмак цэрэга с вправленными в него иглами.

Вечером Шооран вновь пришёл на мокрый оройхон. Как и в прошлый раз, он был в доспехах цэрэга, но без копья. Шооран понимал, что рискует, но он хотел добиться, чтобы здешние изгои признали его право ходить по их землям.

На этот раз кроме Шоорана не оказалось ни одного гостя с сухих мест. И было ясно, что не изгои собрались здесь, а бандиты. Хотя и простых изгоев, что жили, перебиваясь со дня на день, тоже хватало. Но все первые ряды занимали вооружённые мужчины, достаточно сильные, чтобы выдержать жизнь на мокром, но строптивые и непокорные и потому не сумевшие устроить своё существование по закону ванов. Шооран уселся в последнем ряду, позади копателей чавги, нищих собирателей харваха, позади калек и ненормальных, которыми было переполнено побережье.

За спиной Шоорана в нескольких дюжинах шагов мертвенно светился далайн. Он не спал никогда, ночью, как и днём, холмы влаги бились о кромку оройхона, а не нуждающийся в свете Ёроол-Гуй мог выйти на берег. Далайн был совсем близко, и Шооран не выдержал. Посреди рассказа он бесшумно поднялся. Его ухода никто не заметил, свечение далайна не рассеивало темноты. Люди, завороженные голосом сказителя, сидели спиной к далайну, и лишь сам Чаарлах мог видеть, как бесшумно клокочет светящаяся влага, а потом далайн медленно гаснет, заслонённый громадой новой земли. Но звучный молодой голос согнутого временем старика не задрожал и никак не выдал волнения. Чаарлах продолжал рассказывать длинную и трогательную историю о пяти братьях, один из которых оказался илбэчем.

Шооран тихо вернулся на место и, унимая дрожь в руках, сидел, пока рассказ не подошёл к концу. Лишь тогда он поднялся и пошёл

по гребню, разделявшему оройхоны. Его силуэт был виден на фоне мутных облаков, и наверняка некоторые заметили его, но никто не окликнул, не остановил, не напал. Здесь, среди отбросов общества, умели ценить слово, и раз цэрэг приглашён сказителем, он должен уйти живым.

Лишь когда до сухого оройхона было совсем близко, сзади раздались крики, очевидно, изгои обнаружили выросший в темноте остров. Крики не утихали, и, кажется, суматоха была готова перейти в драку. Шооран остановился, прислушиваясь и пытаясь понять, что там происходит. Потом, услышав, как кто-то, спотыкаясь и шлёпая по лужам, бежит рядом с поребриком, Шооран метнулся вбок и поймал невидимого беглеца.

— Что там за свара? — потребовал он.

— Ой!.. — загундосил из темноты женский голос. — Я всё скажу, я к вам и бежала, доблестный цэрэг. Я всегда готова услужить доброму одонту Моэрталу, да пребудут его ноги...

— Короче! — рыкнул Шооран.

— Там оройхон, и налётчики поймали илбэча.

— Как это?.. — не понял Шооран. — Кого?

— Хартай догадалась, что сказочник на самом деле — безумный илбэч. Он один такой старый, и он ходит по всей стране уже давным-давно. Значит, он и есть илбэч.

— Что?! — закричал Шооран. — Болваны!..

Отшвырнув шпионку, Шооран побежал обратно, надеясь, что успеет. Он с ходу врезался в толпу, начал продираться в середину. Света ему хватало — над головами пылали не меньше десятка скрученных из соломы факелов. Недаром же во время набегов грабители подчистую уносили с собой связанную в снопы солому, а некоторые из земледельцев, говорят, попросту откупались от непрошенных гостей тою же соломой.

Чаарлах стоял прижатый к крайнему от далайна суурь-тэсэгу, по лицу сказителя бродила язвительная улыбка. Люди наседали на старика со всех сторон, и сдерживал их всего один человек — парень с хлыстом.

— Пусть строит! — орали обезумевшие люди. — Нам негде жить, пусть он делает землю!..

— Не ваше дело!.. — надрывался в ответ парень. — Если он илбэч, он лучше знает, что надо делать!

Распущенный хлыст размывно вращался в руках парня, один из наседавших, вытолкнутый вперёд, упал, обливаясь кровью, но, кажется, этого никто не заметил.

— Мы лучше знаем! — визжали женщины. — Пусть строит!

Шооран вырвал из рук какого-то человека острогу и одним прыжком взлетел на тэсэг, оказавшись как раз над головой Чаарлаха.

Среди других искусств оружейник обучал Шоорана специальному боевому крику, которым можно заглушить вой целой толпы и смутить кого угодно. Теперь уроки пригодились.

— Молча-а-ать!!! — взревел Шооран. — Дурни, какой он илбэч?! Он был у вас на глазах весь день, так когда он мог выстроить этот ваш дурацкий оройхон!?

— Он безумный илбэч, он один здесь такой старый! — выкрикнул чей-то голос, но прежней уверенности в нём не было.

И всё же, хотя напор ослаб, толпа не расходилась.

— А тебе что за дело? — Мимо головы Шоорана просвистел камень. — Командуй у себя — здесь не сухой оройхон!

— Он хочет забрать илбэча себе-е!.. — забился истошный крик.

Шооран чувствовал, как вокруг сгущается ненависть.

— Нет!!! — вновь громыхнул он. — Это сказитель, он будет ходить, где хочет, а отсюда он уйдёт... вот с ним! — Шооран ткнул в парня, злобно щерящегося изуродованным ртом.

— С Ээтгоном?.. — захохотали в толпе. — Думаешь, он вернёт илбэча тебе?

— Говорят вам — это не илбэч! — надседался от крика Шооран.

— А где тогда илбэч?

— Я откуда знаю?! — Шооран махнул рукой в сторону нового оройхона. — Он был там, за вашими спинами, а теперь прячется. Вот и ищите.

— Он прячется! — зашумели в толпе. — Найдём — и пусть строит для нас!

Загорелось ещё несколько факелов, люди, распавшись цепью, двинулись в сторону нового оройхона. У тэсэга осталось всего дюжины полторы человек.

Шооран спрыгнул со скалы.

— Уходите, — сказал он старику и юноше. — Я обещал, что вы уйдёте вместе.

Парень молча скатал хлыст, взял под руку Чаарлаха, и они пошли вдоль далайна в сторону недалёкого оройхона изгоев.

— Поторопитесь! — крикнул вслед Шооран. — Ёроол-Гуй тоже ищет илбэча, и его не уговоришь поискать в другом месте.

* * *

— Значит, илбэч был в твоих руках, а ты отпустил его, — Моэртал произносил слова привычно не спрашивая, а утверждая.

— Благородный одонт ошибается, — сказал Шооран. — Не только я, но и все, кто был на берегу, ни на секунду не сводили глаз со сказителя. Он никак не может быть илбэчем.

Одонт досадливо поморщился.

— Как ты ещё глуп, — проговорил он. — Что мы знаем об илбэче и о его работе? Не думаешь ли ты, что илбэч должен таскать для оройхона камни... Может быть, для того, чтобы выстроить оройхон, достаточно рассказать сказку, повернувшись лицом к далайну. И уж, во всяком случае, старик видел, что там происходило. Он мог видеть илбэча и указать его нам.

— Было темно, — напомнил Шооран. — Факелы зажгли позже.

— Всё равно, — одонт был непреклонен, — ты упустил илбэча.

— Виноват, — Шооран склонил голову.

— И вообще, — продолжал одонт, — мне непонятно, что ты делал ночью на мокром и как сумел вернуться.

— Я уже говорил: ходил слушать сказителя. Чаарлах сам пригласил меня.

— А ты и поверил... Слушал бы Киирмона, я его для этого кормлю. Только помни — мне нужны не сказочники, а солдаты.

Одонт задумался, а потом произнёс словно самому себе, хотя именно на эти тихие слова следовало обращать внимание более всего:

— Значит, илбэч прячется в республике изгоев. Во всяком случае, уйти к тем изгоям, что в провинции Ууртака он не сможет, туда сейчас и жирх не проползёт. После праздника мягмара я пошлю наших людей в помощь Ууртаку. Тебя — тоже. Тогда и посмотрим, что ты за штука, стоит ли тебя отправлять на поиски илбэча, и вообще, стоит ли тебе быть цэрэгом.

— Слушаюсь, — сказал Шооран.

Предупреждение Моэртала не испугало, а скорее обрадовало Шоорана, ведь оно значило, что вскоре он снова увидит далайн и, может быть, сумеет что-то сделать. И заодно отведёт угрозу от Чаарлаха, который, по словам наместника, никак не может быть в тех краях.

На свой оройхон Шооран вернулся в прекрасном расположении духа. Проходя мимо палаток, в которых ютились земледельцы, Шооран увидел девушку, ту, что он опознал на мокром оройхоне. Вообще-то он встречал её и раньше — оройхон мал, населяет его чуть больше тройной дюжины человек, так что можно запомнить всех в лицо. Просто прежде Шооран не обращал на девушку внимания, а теперь подошёл, чтобы поговорить и успокоить.

— Привет, — сказал он.

Лицо девушки побледнело, она поняла, что её узнали. Конечно, никто не запрещал вольным земледельцам выходить на мокрый оройхон, но одно дело вместе с другими женщинами ходить за чавгой, совсем другое — быть замеченной в компании налётчиков и изгоев.

Девушка сглотнула волнение и тихо ответила:

— Здравствуйте, храбрый цэрэг.

— Как тебя зовут? — спросил Шооран.

— Яавдай... — ответ прозвучал шёпотом.

— Не надо бояться, Яавдай, — произнёс Шооран и, не зная, как успокоить девушку, добавил: — Я тоже люблю сказки. Очень.

Яавдай ничего не сказала на эти слова, и Шооран не мог понять, убавилось ли страха в её глазах. Сам Шооран был удивительным образом стеснён разговором. Вроде и сказать ему было нечего, но повернуться и уйти, как делал обычно, почему-то не мог.

— Вы, — наконец нашёл он тему для беседы, — остаётесь здесь или будете покупать землю на том оройхоне, что стал сухим?

— Здесь... — губы Яавдай едва шевельнулись.

— Почему? Участок можно поменять на больший. Я зайду к тебе завтра, а ты пока подумай.

Обрадованный удачным завершением разговора, Шооран быстро ушёл. О том, почему он, обычно легко подбиравший слова, вдруг стал косноязычен, Шооран не подумал, но на другой день, потратив полчаса на поиски, явился в палатку Яавдай. Девушка жила вместе с матерью, младшим братом и двумя младшими сёстрами. Мать немедленно выгнала младших на улицу, а старшую дочь принялась подталкивать к Шоорану и расхваливать на все лады, словно торговка, пытающаяся удачно сменять жанч из гнилой кожи на все блага мира. Но на этот раз неумная мамаша не раздражала Шоорана, он попросту не обращал на неё внимания, целиком поглощённый тёмным огнём, горевшим в глазах девушки.

Яавдай сидела молча, с неподвижным лицом, на вопросы отвечала тихо и односложно, так что беседу в основном вела мать. Между делом Шооран узнал все обстоятельства семьи, которые складывались попросту трагично. Семья жила бедно, поле было маленьким, и после выплат оставалось так мало зерна, что приходилось не только есть чавгу и жирха, но и вообще сидеть голодными. А три месяца назад умер отец Яавдай, даже не погиб, а умер от какой-то болезни. Яавдалу — единственному сыну — ещё не исполнилось двенадцати лет, поэтому он не мог наследовать отцу, и поле должны были отобрать в казну, а потом отдать тому, кто согласится в течение шести лет кроме налогов отдавать государству половину урожая. Такого рода перетасовки участков предупреждали бесконечное дробление земли и приносили вану изрядный доход. Только война, а потом сумятица, связанная с появлением новой сухой земли, позволила обезглавленной семье удержаться на месте и не быть немедленно выгнанной в нойт. Но все понимали, что долго так продолжаться не может.

— Сколько лет мальчишке? — спросил Шооран.

— Одиннадцать, послезавтра исполнится.

Шооран усмехнулся. Он совсем забыл, что сегодня первый день

мягмара, и послезавтра день рождения всех мужчин. Женщины моложе — они родились на пятый день.

— Одиннадцать — двенадцать — какая разница? — сказал Шооран. — Я поговорю с баргэдом, чтобы он закрепил поле за вами как наследство. Думаю, он согласится, у него сейчас много дел на новой земле.

Самому Шоорану исполнялась дюжина и три года. Но он до такой степени уверовал в полторы дюжины, которые приписал себе, поступая в цэрэги, что искренне считал Яавдай маленькой, хотя на самом деле она была на год старше его.

Никогда ещё мягмар не проходил так быстро. Всю праздничную неделю Шооран был свободен от службы и каждый день с утра заходил за Яавдай и уводил её гулять. Мать без слова отпускала дочку с молодым цэрэгом, хотя две младшие сестры и брат не разгибаясь трудились на прибрежных завалах. Сам Шооран ещё ни о чём таком не думал, но судьба Яавдай всем казалась решённой. Соседи вновь стали ласковы с осиротевшей семьёй, а баргэд с готовностью сделал нужные пометки в сшитых из кожи книгах, закрепив землю за несовершеннолетним Яавдалом.

Утром первого дня по окончании мягмара Шооран пришёл проститься.

— Уходим на запад, — сказал он, — к одонту Ууртаку. У него четыре оройхона с изгоями, так что не знаю, сколько там придётся пробыть...

— Она будет ждать, — сказала мамаша, и Яавдай молча кивнула.

Догадливая мать вышла из палатки, оставив дочь наедине с Шоораном, и они так и просидели всё время друг напротив друга. Лишь когда подошло время уходить, Шооран спросил:

— Ты вправду будешь ждать?

И Яавдай, как всегда помедлив, чуть слышно ответила:

— Да.

* * *

Против изгоев в войсках великого вана существовало два метода борьбы. При этом одонты всегда угрожали применить первый метод, но действовали вторым. В самом деле, кому охота гробить солдат на мокром, когда гораздо проще запереть бандитов в их убежищах и подождать, пока они сами перемрут. Особенно удачно, если в дело вмешается Ёроол-Гуй, тогда кампания может закончиться совсем быстро. И хотя на этот раз было дано строгое указание с военными действиями не тянуть, всё же осторожный Ууртак не спешил гнать цэрэгов под хлысты бунтовщиков. Даже известие о том, что илбэч

объявился на севере, не заставило его торопиться. Дюжины заняли оборону вдоль поребриков и ждали, кляня бандитов и начальство — одних вслух, других молча, чтобы никто не услышал.

Дюжина, в которой состоял молодой боец Шооран, попала в самое опасное место. Стоять приходилось на мокром, в виду далайна. С двух сторон нависали оройхоны с закрепившимися изгоями. Один из этих оройхонов возник совсем недавно и к тому же был немедленно опустошён Ёроол-Гуем, поэтому наступление предполагалось на соседнюю землю. Но всё же иметь в тылу вражеский оройхон было неприятно, поэтому цэрэги передового охранения имели возможность ругать ещё и дурного илбэча, подкинувшего им подобную штуку.

Изгои тоже понимали выгоду своего положения и одну за другой предпринимали попытки выйти из окружения, прорвавшись через новый остров. В конце концов даже неторопливый Ууртак понял, что дальше тянуть нельзя, и назначил срок наступления. Однако состояться ему было не суждено.

Шооран вдвоём с цэрэгом Турчином стояли в передовом охранении. Турчин был потомственный цэрэг, глубоко убеждённый в своей исключительности, а на самом деле глуповатый и беспомощный во всём, кроме поединка на коротких копьях или ножах. Выросший в алдан-шаваре под заботливым присмотром, Турчин чрезвычайно страдал от сырости, вони, жгучего нойта, но больше всего — от невозможности прилечь. В своих бедах он винил илбэча, из-за которого расплодилось столько бандитов.

— Поймаю мерзавца, — сладострастно говорил он, — и копьём ему в живот... или нет, сначала плёткой шкуру со спины спущу, нойтом намажу, а потом...

— Будет тебе, — сказал Шооран, у которого от этих разговоров руки сами тянулись к копью, — ложись лучше спать. Ночь скоро.

— Ну'ты сказанул!.. — протянул Турчин. — Как тут спать? В луже, что ли?..

— А как эти спят? — Шооран кивнул на тёмный оройхон. — Так и мы.

— Я откуда знаю — как? Это же изгои. Может, они и вовсе не спят.

— Спя-ат! — протянул Шооран, с трудом сдерживая смех. — В лучшем виде спят. Мы их караулим, а они дрыхнут. Вот, смотри, как это делается, — Шооран раскатал на камне кожу, загнул края, скрепил их костяными зажимами и улёгся в широкую, как корыто, колыбель. — Вот и всё, спи как в алдан-шаваре.

Турчин недоверчиво смотрел на Шоорана.

— У меня этого нет, — сказал он, коснувшись застёжек.

— У меня есть запасные, — успокоил Шооран, выбираясь из ко-

лыбели, — я дам, но чтобы никто не знал — мы всё-таки на посту. Уйдут изгои — лови их потом.

— Спят они давно, — проворчал Турчин, расстилая кожу.

Шооран быстро соорудил колыбель для Турчина, тот улёгся, несколько раз повернулся, пожаловался недовольно:

— Жёстко!

— Что делать... — сказал Шооран. — Не дома. И ты учти: спать будем в очередь. Один пусть наблюдает.

— Ладно, — нехотя согласился Турчин. — Давай на костях: кому первому караулить.

Шооран не раз слыхал, что игральные кости у Турчина фальшивые, поэтому он с готовностью согласился метнуть жребий, и ничуть не был удивлён, когда ему выпало дежурить первому. Поворчав для виду, что страдает за свою доброту, Шооран помог напарнику улечься поудобнее и через минуту услышал его храп.

Вид расстилавшегося неподалёку далайна вселял в Шоорана нетерпеливую тревогу, но всё же он честно выждал два часа, пока не сгустилась непроницаемая тьма, и тогда разбудил сочно похрапывающего Турчина.

— Ты с ума сошёл! — запротестовал Турчин. — Я спать хочу!

— Твоя очередь, — Шооран был непреклонен. — Разбудишь меня, когда начнёт светать.

Шооран силком поднял Турчина, а сам улёгся в колыбель и немедленно затих. Турчин потоптался немного, на некоторое время застыл, опираясь на копьё.

— Ты спишь? — позвал он.

Шооран повернулся на другой бок, нечленораздельно, словно во сне, пробормотав что-то. Турчин вздохнул, прошёлся было по поребрику, но споткнулся о расплывшийся в темноте камень, выругался, наощупь отыскал свою постель, из которой его так безжалостно вырвали.

— Какие сейчас могут быть изгои? — причитал он. — Здесь только ноги ломать, а не бегать. Часок можно и поспать. Никто и не узнает.

Шооран лежал пластом, восхищаясь логикой цэрэга. На изгоев ему, верно, наплевать, а если явится Ёроол-Гуй? Тогда уж точно никто не узнает, как проводили время дозорные.

Ночной оройхон жил приглушённой жизнью. Кто-то возился неподалёку, чмокала грязь, хлюпал нойт. Мертвенно опалесцировал далайн, близкий, очень близкий...

Шооран тихо встал, убедившись, что Турчин спит крепко, двинулся к далайну, раскрываясь ему навстречу, схватывая мыслью тяжёлую влагу и беспредельную глубину. Далайн вздрогнул и сдался, затвердев оройхоном, погасло призрачное свечение, холодная влага отступила, изгнанная землёй. Шооран нашёл свою постель, пова-

лился в неё и уснул. Теперь можно было спать спокойно — оройхон, на котором они находились, стал недосягаем для Ёроол-Гуя, а караулить изгоев Шооран не собирался. Главное же — разбудить его должен был бессонный Турчин. Чтобы тот не проспал, Шоорану пришлось оттащить кожаную постель на пару шагов в сторону, в ложбинку, где её должна подтопить выступающая вода, шум которой уже был слышен.

Вопль Турчина мог разбудить и мёртвого.

— А-а!.. — кричал Турчин, тыча трясущейся рукой вдаль. — Там!.. Там!..

— Труби! — подсказал Шооран.

Турчин вытащил витую раковину, визгливый звук тревоги прорезал утренний туман. Протрубив, Турчин заметался, не зная, что делать дальше.

— Постель спрячь, — бросил Шооран, торопливо скатывая свою колыбель.

Теперь, когда мысли Турчина были заняты собственным спасением, можно было переходить в атаку.

— Как это случилось? — резко спросил Шооран. — Ты же караулил. Здесь был кто-нибудь?

Ответ мог быть только один, и Шооран его услышал:

— Никого!.. — выкрикнул Турчин. — Совсем никого! Всю ночь глаз не сомкнул.

— Мы не сомкнули, — поправил Шооран. — Одному одонты не поверят, особенно если станет известно, что другой спал.

Турчин закивал с готовностью, а Шооран напористо продолжал обработку.

— Почему ты тогда ничего не заметил? Может, из-за тумана?

— Да-да, из-за тумана! — ухватился за спасительную подсказку Турчин. — Туман вон какой густющий, за дюжину шагов ничего не видно.

— Так ведь бандиты уйдут! — закричал Шооран. — Через новый оройхон! Труби ещё!

Будоража окрестности рёвом раковины, они ринулись сквозь плотный, едва подбеленный утренним светом туман. На границе нового оройхона Шооран предусмотрительно остановил напарника и здесь, на пересечении поребриков, они и метались, пока не услышали стук оружия и топот бегущих на помощь цэрэгов.

Пробная вылазка показала, что изгои действительно не теряли времени даром и, едва рассвело, ушли через новый оройхон. Преследовать их казалось бессмысленным, тем паче, что появились более важные дела. Оройхон, ставший сухим в предутреннюю ночь, располагался исключительно неудобно — он касался остальных сухих земель лишь одним углом, а со всех остальных сторон был окружён мокрыми оройхонами. Разумеется, об отделении этого оройхона

не могло быть и речи, его ограждала не узенькая мёртвая полоса, а легкопроходимый и широкий перешеек, тем не менее, одонту Ууртаку надо было заверить вана в своей преданности и, по возможности, извлечь из ситуации выгоду.

Ууртак со своей личной гвардией отправился на царский оройхон, казённые дюжины и войска, присланные другими одонтами, остались беречь провинцию. За неделю дальновидный Ууртак убедил вана, что не стоит из одного оройхона создавать новый округ, который, конечно же, захочет самостоятельности, а гораздо лучше отдать оройхон верному Ууртаку. Шооран за эту неделю вернул изгоям долг, поставив ещё один оройхон, вклинивающийся в далайн и как бы восстанавливающий земли изгоев.

Отправляясь в ставку, Ууртак на всякий случай запретил заселять высохший оройхон и выделил для его охраны двойную дюжину цэрэгов, среди которых оказался и Шооран. Делать на пустом оройхоне было нечего, цэрэги продувались друг другу в кости, рассказывали, кто умел, истории и скучали по оставленным семьям. Грустил и Шооран. Представлял, как он приводит Яавдай на берег и, словно безумный илбэч, говорит: «Смотри!» — и перед изумлённым взором девушки рождается земля. Лицо Яавдай останется неподвижным, но чёрный огонь в зрачках полыхнёт с небывалой силой. А потом он покажет, как умывается земля, освобождается от яда и грязи, покрывается свежей травой, как проклёвываются сквозь жирную землю резные ростки туйванов. Он скажет: «Эта земля для тебя. Живи», — и на лице Яавдай появится неуверенная улыбка.

Переполненный такими мыслями, Шооран рано утром отправился через опустевшие мокрые земли к далайну. Его никто не заметил, да и сам остров был обнаружен лишь к концу дня, когда Шооран стоял на посту, охраняя перешеек.

Смелая вылазка не принесла душе успокоения, зато помогла Шоорану понять: мечты его не о новых землях, а об Яавдай. Шооран затосковал. Он шептал слова легенды, которые, казалось, знал, когда ещё не умел говорить: «Я проклинаю илбэча! Он нигде не найдёт покоя и не встретит счастья. У него не будет друзей, и даже родственники станут издеваться и мучить его...» Шооран шептал, пока слова не начинали терять смысл, а перед глазами стояло лицо Яавдай. Нет, она не способна издеваться, этого просто не может быть, здесь бессильно даже проклятие Ёроол-Гуя. Она обещала ждать... Короткое «да», сказанное на заданный между делом вопрос, обрело для Шоорана важный смысл. Шооран убеждал себя, что никакого проклятия и вообще нет, ведь была семья у старика, даже когда он стал илбэчем, а потомки илбэча Вана правят целой страной.

Вскоре одонт Ууртак вернулся из удачной поездки, и вспомогательные войска, так никого и не поймавшие, начали собираться до-

мой. Однако той дюжине, что посылал на запад Моэртал, отдыхать не пришлось. Наместник, поняв, что илбэч ускользнул, решил хотя бы расправиться с изгоями и бунтовщиками, так что вернувшейся дюжине пришлось немедленно занимать позицию вдоль мокрого оройхона.

На этот раз Шооран оказался в заградительном отряде довольно далеко от далайна и вмешаться в события не мог. Передовые дюжины вошли на безнадёжные земли, сломив сопротивление неорганизованной толпы изгоев, рассекли её надвое и погнали одних на ухэры заграждения, других дальше на юг, где стояло ещё два оройхона, узкой лентой протянувшихся в глубь далайна. Выбраться из этой западни казалось вовсе невозможным.

Заряженные ухэры и татацы стояли на самых видных местах, но одонт разрешил стрелять лишь в самом крайнем случае. Кроме того, было приказано не убивать тех, кто сдаётся в плен. Всё-таки Моэртал не был абсолютно уверен, что илбэч не оказался в ловушке. Поэтому цэрэгам был выдан больший, чем обычно, запас хитиновых верёвок.

Настоящие изгои — женщины, калеки, беспомощные неудачники — частью заранее бежали на север, частью же сдались передовому отряду и, связанные попарно, были отправлены на допрос. Разбойники попытались вырваться и уйти. Шооран стоял в цепи заграждения на поребрике, когда из-за тэсэгов с криком выбежал отряд ночных пархов. Их было дюжины полторы, и единственное их преимущество состояло во внезапности удара. Не переставая кричать, они бросились на цепь. Цэрэги поспешно стягивались навстречу. Шооран оказался в самом центре схватки. Он увидел, как на него несётся один из бандитов. Мелькнуло знакомое лицо, испятнанное следами игл, гудящим кругом рванулся сверху хлыст. Шооран успел вскинуть над головой копьё, отведя смертельный удар, и ринулся под ноги изгою. Если бы они были вдвоём, то это был бы последний поступок в его жизни, так как копьё отлетело в сторону, а хлыст остался в руках парня, но сбитый с ног противник не успел ударить. Когда Шооран вскочил, он увидел, что Турчин и дюженник Коннар насели на парня и вяжут ему руки. Остальные изгои были убиты или тоже связаны. Прорваться и уйти удалось лишь троим.

— Отлично! — похвалил Шоорана дюженник. — Я уже было зачислил тебя в покойники, а ты не только сам уцелел, но и этого с ног сбил. Ишь, как на тебя смотрит — вот-вот прыгнет словно парх.

Парень, не мигая, глядел на Шоорана. Сузившийся от бешенства зрачок превратился в точку, и глаза казались белыми. Шрамы на щеке налились кровью, у виска часто билась жилка. Коннар обошёл пленника кругом и, приняв решение, повернулся к Шорану.

— Это явно не илбэч, — сказал он, — и каторжника из него тоже не выйдет — сбежит. Между прочим, тебя искать. За такими

долги не пропадают, я это знаю, сам такой. Так что отведи-ка ты его в шавар, а я доложу, что пленников всего восемь.

Шооран взял копьё, повёл им вверх, приказывая парню подняться. Тот молча встал и, не глядя по сторонам, пошёл вперёд с таким видом, словно не его, а он ведёт противника к шавару. Шооран шёл сзади. Его не покидало ощущение, что он уже видел и эту небрежную походку, и этот взгляд. Не тогда вечером, а ещё раньше, давным-давно. Хотя этого, конечно, не могло быть, раз увидевший клеймо на лице парня, не забыл бы его никогда. В башмак цэрэга вправляется дюжина игл, а здесь в кожу впечаталось гораздо больше, словно изгой улёгся в постель, положив под щёку вместо подушки живую тукку.

— Постой, — сказал Шооран.

Парень остановился.

— Ээтгон, это твоё имя или прозвище?

Ответа не было. Парень смотрел поверх головы Шоорана, лицо оставалось спокойно, лишь жилка над щекой продолжала пульсировать в бешеном темпе.

— Ты... — Шооран запнулся, не осмелившись произнести имя, — ты родом со Свободного оройхона?

Взгляд наконец опустился на лицо Шоорана, Ээтгон, помедлив пару секунд, ответил:

— Не помню. У меня нет родины.

Шооран вытащил нож, начал резать скользко скрипящие верёвки. Ээтгон молча ждал.

— Вдоль поребрика стоят караулы, — сказал Шооран. — Постарайся не попасться им на глаза.

Изгой стряхнул с рук обрывки пут и, так ничего и не сказав, не попрощавшись и не поблагодарив, пошёл прочь.

— Постой! — крикнул Шооран. — Скажи, Чаарлах жив?

— Он ушёл давно, — ответил Ээтгон, не оборачиваясь, — и я не знаю — куда.

— Спасибо, — сказал Шооран.

* * *

После удачного завершения операции цэрэги, участвовавшие в боевых действиях, были отпущены по домам. Получил отпуск и Шооран. Дюженник Коннар особо отметил его храбрость, и теперь Шооран был на месяц свободен от патрульной службы. Узнав об этом, Шооран немедленно поспешил к палатке Яавдай. Вся семья была на поле, но новость о возвращении цэрэгов разнеслась повсюду, и мать мгновенно отправила Яавдай домой. Они встретились у входа в палатку, остановились в двух шагах друг от

друга. Шооран почувствовал, как испаряется вся его храбрость и решительность.

— Здравствуй, — выдавил Шооран.

— Здравствуйте, — эхом откликнулась Яавдай.

— Я вернулся, — сказал Шооран.

— ...

— Я думал о тебе все эти дни... — Слова падали словно мимо, не касаясь ушей собеседницы, лишь лёгкие кивки показывали, что его всё-таки слышат.

Шооран первый вошёл в палатку, словно хозяин, приглашающий гостя. Напряжение становилось невыносимым, и тогда Шооран произнёс те слова, что не мог выжать из себя:

— Яавдай, я не могу жить без тебя. Я хочу, чтобы ты пришла ко мне и была моей женой. Ты согласна?

Долгие секунды в палатке висела тишина, потом тихо упало:

— Да...

Слова, так мучившие его, были больше не нужны. Шооран медленно поднял руки и надел на тонкую девичью шею ожерелье из драгоценного голубого жемчуга.

* * *

Свадьбу сыграли по всем правилам — пригласив священника и баргэда. Поднявшись на суурь-тэсэг, под строгим взглядом Тэнгэра обменялись дарами. Шооран отдал гарпун: «Я буду твоей костью и защитой». В ответ получил плод туйвана: «Я буду твоей радостью и усладой». Потом отправились к далайну. До мягмара был ещё чуть не целый год, и потому важные лица и большинство гостей остановились на кромке сухого оройхона, ожидая возвращения молодых. К самому далайну пошёл лишь беспечный Киирмон и две сестры невесты, желавшие во что бы то ни стало досмотреть всё до конца.

— Господин мой, Ёроол-Гуй! — произнёс Шооран, отпуская сладкий плод. — Вот моя жена. Больше у меня нет ничего. Возьми её и забудь о нас!

— О Многорукий! — прошептали губы Яавдай. — Вот мой муж. Возьми его...

Вечером гости выпили пять бурдюков вина и съели гору мяса. Захмелевший Турчин рассказывал, как он едва не схватил илбэча, а Киирмон, натянув на суваг новые струны, пел песни о любви.

Медовый месяц прервался неожиданно и по вине всё того же илбэча. Оройхон возник на востоке, где со времён безумного старика было спокойно. Получилось это как-то само собой. Днём у Яавдай было много дел, ведь жена цэрэга — не знатная дама, но и не простолюдинка. Она обязана носить нарядный талх и уметь готовить слад-

кую кашу, а её руки должны быть белыми даже после возни с забродившим туйваном. Всё это требует немалого искусства и изворотливости, и, уж конечно, ничему подобному не учат в семьях земледельцев, поэтому Яавдай приходилось брать уроки у обедневших старух — вдов цэрэгов. Оставаясь один, Шооран отправлялся гулять. Теперь он мог ходить по всем сухим землям кроме царского оройхона и однажды, потратив три часа, без малейших усилий добрался к восточному побережью. Несколько дней назад этот берег был разорён Ёроол-Гуем, и сейчас там не было ни души. Шооран поставил оройхон и засветло вернулся к молодой жене, не возбудив ничьего подозрения. Но уже на следующий день ему пришлось выйти на службу, потому что часть цэрэгов отправилась на восток, прочёсывать мокрые земли.

Жизнь вошла в гладкое русло и покатилась вперёд плавно, быстро и незаметно. Шооран исправно нёс службу и числился на хорошем счету. Разбитые изгои почти не тревожили оройхоны, справляться с ними было нетрудно. Отбыв положенное, Шооран спешил домой, где его ждала Яавдай. Хотя она и превзошла все науки знатных жён, но ничуть не изменилась. Она никогда не начинала разговора сама, ответы её были односложны, лицо оставалось неподвижным. Лишь руки теперь были заняты: непрерывно вывязывали кружево из тонкой соломенной нити. Шооран садился рядом, глядел на тающее в полутьме лицо, рассказывал о себе, о своих странствиях. Рассказывал правду, только правду, почти всю правду. Из-за этого «почти» в рассказах Шоорана появлялись провалы и несоответствия, превращавшие исповедь в подобие сказок Киртала. Яавдай не замечала несоответствий, а порой словно и вообще ничего не слышала. Лишь однажды, когда Шооран рассказывал о матери, она вдруг сняла ожерелье, долго рассматривала его, перебирая жемчужины, и на лице родилось выражение удивления.

Ко всем странностям Шооран быстро привык и скучал без Яавдай, если по службе приходилось отправляться куда-то на несколько дней.

Минул мягмар. Со дня свадьбы прошел почти год. За год Шооран выстроил два острова. Первый — во время медового месяца, второй — много позже, но точно так же, если не считать, что в этом случае появился сухой участок. Два оройхона за год — очень мало. Такая работа ничуть не напоминала давние планы застроить весь далайн, но теперь Шооран и не стремился к этому. Хотелось просто жить, любить Яавдай и не мучиться ради земель, не приносящих ничего, кроме лишней крови. К тому же на его счету уже девять оройхонов. Не так много было илбэчей, сделавших столько. Не всем же быть ванами.

Самым мощным впечатлением прошедшего года было путешествие на царский оройхон. Хотя настоящим путешествием его было

трудно назвать — дорога к царскому оройхону требовала четыре часа хорошего хода. Правда, ступить на царский оройхон без специального разрешения не мог не только простой земледелец, но и цэрэг. Столица охранялась крепко, на каждом пригорке вдоль поребрика стоял дозорный.

На самом оройхоне не было ни единого поля, нигде не стояло ни одного навеса, под каким прячется от чужих глаз семья земледельца, хлебная трава была выкошена прежде, чем начинала созревать, и по лужайкам, топча свежую зелень, гуляли приближённые вана. Даже старые раскидистые туйваны, которых было на царском оройхоне очень много, казалось, росли не ради плодов, смолы и древесины, а для того, чтобы под ними было удобно прогуливаться.

Весь оройхон был разделён каменными стенками, преграждавшими дорогу непосвящённым. За этими стенами скрывались жёны царственного вана и жили самые близкие родственники. Даже близких родственников у государя насчитывалось многое множество, они населяли царский оройхон, жили по алдан-шаварам других краёв. Ни один из них не делал ничего, но все имели жён, слуг, охрану и требовали сладкой пищи, мягкой одежды и удобного жилья. Теперь Шооран понимал, почему так велики налоги в государстве и куда уходит всё это богатство.

Просто так Шооран не мог бы попасть к жилищу вана, но Моэртал, отправившийся на совет одонтов, включил его в охранную дюжину. Задолго до границ царского оройхона Моэртал покинул носилки и оставил свиту, отправившись дальше пешком в сопровождении только дюжины цэрэгов. Лишь их и пропустили в сады вана. Это действительно были сады. Берега ручьёв превращены в зелёные склоны, с которых неудобно брать воду, но где приятно сидеть, предаваясь созерцанию. Мелкие тэсэги снесены, но не для того, чтобы расчистить место для навесов, а ради увеличения лужаек. Лишь несколько скал, на которых возвышались особо древние и могучие туйваны, оставались нетронуты.

Но более всего поразили Шоорана суурь-тэсэги. Он ожидал увидеть холм, на вершину которого ведут вырубленные в камне ступени. Там на вершине стоит трон вана, откуда он правит страной и вершит суд над преступниками. Каков трон из себя и сколько вокруг охраны, Шооран не загадывал, понимая, что всё равно ошибётся. Вход в царский алдан-шавар, конечно, закрыт костяными дверями, лишние выходы заложены камнем, зато в других местах прорублены окна. Как ещё может обустроить алдан-шавар человеческая рука? Но вместо этого Шооран увидел стену. Казалось, весь суурь-тэсэг был срыт, и на его месте возникло гигантское строение высотой в три человеческих роста, сложенное из камня, кости и дерева. Многочисленные окна были застелены прозрачной чешуёй гигантских рыб, а ворота, большие, чем мог ожидать Шооран, украшены

дисками с рук чёрного уулгуя, покрытыми тончайшей резьбой. Человека, видавшего касающуюся облаков стену Тэнгэра, непросто удивить, но сейчас перед ним возвышалось не творение бессмертного старца, а дело рук человеческих. Шооран едва не замер с открытым ртом, что было бы недопустимо для цэрэга.

Внутрь алдан-шавара Шооран, конечно, не попал. Моэртал прошёл туда вдвоём с дюженником, а цэрэги остались снаружи. Но и того, что Шооран увидел, было достаточно. К цэрэгам подошли служители, отвели их на соседний оройхон, накормили горячим мясом, тушёным в вине. Потом позволили вернуться и посмотреть чудеса царской обители.

Все восемь суурь-тэсэгов царского оройхона оказались непохожи на то, что называют этим словом. Семь из них были превращены во дворцы, подобные тому, что так поразил Шоорана. Восьмой внешне напоминал холм, но был гораздо выше и больше любого из суурь-тэсэгов, вероятно, его искусственно достраивали, доставляя камни из других мест. Все неровности на склонах были сглажены, а сами склоны выложены полированной костью, так что подняться на вершину можно было лишь с одной стороны, где уступами шла лестница. Она тоже была из дорогой кости — ступень из белой, ступень из чёрной. Ступени чёрной кости, издали бросаясь в глаза, казались провалами на светлом теле пирамиды. Именно эта рукотворная гора и была главным царским тэсэгом. На вершине стоял трон вана и алтарь, на котором ван собственноручно приносил жертвы старику Тэнгэру. На лестнице через каждые двенадцать ступеней стояли вооружённые цэрэги, чтобы никакая вонючая тварь не посмела вползти на тэсэг царственного вана, правящего миром с давних пор и до скончания веков.

Зато алдан-шавар был здесь открыт для всех. Не было даже дверей, и, расширенный стараниями каменотёсов, вход зиял как огромная распахнутая пасть. Под царским тэсэгом и алтарём Тэнгэра располагался храм Ёроол-Гуя. Внутрь они зашли на следующий день, а сейчас, постояв с задранными головами, воины пошли смотреть невиданно огромного бовэра с седой от старости шерстью и брюхом обросшим травой.

Ночевали цэрэги на соседнем оройхоне, где содержались гостиницы для знатных приезжих. Это не был дворец, но и не обычный навес, под каким спят простолюдины. Кожаная крыша была натянута над сложенными из камня стенами, так что при желании можно было воображать себя и в алдан-шаваре, и на улице.

Два дня, проведённые в столице, подействовали на Шоорана так же сильно, как когда-то сухой оройхон и жизнь старика. Второй раз Шооран видел нечто совершенно непохожее на привычное существование, и это удивительное разнообразие мира как бы предсказывало возможность ещё больших чудес. Проходя мимо

вздымающихся стен, инкрустированных деревом (вот куда уходили срубленные стволы постаревших туйванов!), Шооран бормотал про себя:

— ...И чем дольше он думал, тем яснее ему становилось, что вечность длится долго и конца ей не видно...

На второй день появился Моэртал, собрал дюжину и повёл на площадь к царскому тэсэгу. Сияющий ван хотел выступить перед своим народом.

Площадь предусмотрительно не была велика, иначе, чтобы заполнить её, пришлось бы сгонять земледельцев с соседних оройхонов, а так хватило одонтов с их охраной и толпы вышколенных слуг. Собравшиеся долго ждали, такое ожидание являлось непременной частью ритуала, потом на вершине суурь-тэсэга появился ван. Он не поднимался по ступеням, а сразу очутился возле трона, должно быть, наверх вёл ещё один ход, потайной. Повелитель оказался полным мужчиной средних лет. Ничто в его внешности не указывало на богоизбранность, скорее наоборот — чересчур маленькая голова делала его смешным. Хотя, вероятно, так казалось только Шоорану, который, сознавая свою исключительность, умел трезвыми глазами смотреть на кого угодно. Глядя снизу вверх на невыразительное лицо государя, Шооран заметил, что знаменитая корона ванов — широкий обруч с волнистым краем из искрящейся белой кости — велик своему владельцу. Шооран вспомнил сказку, рассказанную Чаарлахом, и закаменел лицом, чтобы не выдать себя ухмылкой. Должно быть, сияющий государь подкладывает на затылок полоску войлока, чтобы корона не сползала на нос.

— Мы довольны нашими одонтами, — произнёс ван неожиданно густым голосом, — в государстве царит процветание, земли наши увеличились, враги посрамлены, изгои приведены к покорности. Вместе с тем, бунтовщик, бежавший на запад, ещё не наказан, хотя приговор вынесен больше года назад. И главное, наши цэрэги проявляют мало рвения в поимке илбэча. Мы горько сожалеем, что драгоценный дар нашего предка достался безумцу, не понимающему своего долга. Бесценное сокровище Вана должно служить его потомкам. Мы объявляем, что цэрэг, доставивший нам илбэча живым и невредимым, будет немедленно назначен дюженником, а дюженник — одонтом в новых провинциях, которые украсят нашу страну. Ступайте и разнесите наше повеление по всем оройхонам. Да сбудется воля мудрого Тэнгэра и слово могучего Ёроол-Гуя, из чьей вечной войны родилась вселенная!

Ван повернулся к жертвеннику, взмахнул руками. Полыхнуло яркое пламя, а когда способность видеть вернулась ослеплённым глазам, на царском тэсэге уже никого не было.

После аудиенции цэрэги отправились в нижний храм. По знаку Моэртала внесли тюки с дарами, предназначенными Ёроол-Гую, пе-

редали их одетым в жанчи и буйи служителям храма. Те приняли тюки и унесли их, даже не подходя к алтарю. Шооран подумал, что это правильно: если хочешь принести жертву самому Ёроол-Гую, то не стоит делать это так далеко от далайна. Тихие жрецы, мягко ступая кожаными буйями, подошли к Моэрталу, взяли его под руки, увели во внутренние покои. Охрана осталась стоять в храме.

Внутри храм был огромен. Каменный свод вздымался так высоко, что его было невозможно достать даже длинной пикой, с какой ходят на гваараиза. В длину центральный зал насчитывал две дюжины шагов и почти столько же в ширину. Казалось невероятным, что хрупкий камень выдерживает вес купола над столь обширным пространством.

Шооран стоял, подавленный величием грандиозного сооружения. Потом он увидел Ёроол-Гуя. Бог глубин возник из неровностей каменных стен, извивающиеся пилястры встроенных колонн сплетались, словно бесконечные щупальца, внутренние входы, украшенные зубами водяных гадов, превратились в распахнутые пасти. Человек, вошедший в храм, оказывался в объятиях Ёроол-Гуя. Бессчётные руки тянулись со всех сторон, даже пол бугрился узлами рук, и было уже не уйти. Ты был ещё жив, но мёртв, ещё мог двигаться, но уже был схвачен.

Тускло блестели по сторонам алтаря панцири гваараизов, опасно взъерошивалась чешуя пархов, собранных целиком до последнего сочления — Шооран не замечал их. Он завороженно смотрел вверх, где на скате стены, плавно переходящей в купол, светлело жёлтой костью круглое пятно с чёрной деревяшкой зрачка. Глаз был не сразу виден, но его взгляд преследовал, завораживал, подчинял. Шооран чувствовал себя маленьким, готовым покорно шагнуть в раскрытую для него пасть. И рядом не было скептика Хулгала, чтобы разрушить злые чары. Пахло нойтом и смолистыми курениями.

«Я не боюсь тебя, — хотел сказать Шооран. — Ты должен бояться меня, потому что я илбэч...»

Губы не разомкнулись, сдавленное горло не издало звука. Только это и спасло Шоорана. В следующее мгновение колдовство схлынуло. Магические слова: «Я — илбэч», — вернули силы. Многорукий бог продолжал смотреть, но он уже был не страшен. Шооран глубоко вздохнул, опустил голову, огляделся. Потерянные цэрэги жалкой кучкой стояли под давящим сводом, лица были отрешены, лишь Турчин, которого не могли пронять никакие камни и ничьи взгляды, продолжал озираться по сторонам с видом скучающего зеваки. Заметив, что Шооран повернулся к нему, Турчин подмигнул заговорщицки и прошептал:

— Ну ты даёшь! Замер, словно спишь стоя..Струхнул, да?

— Я не боялся его живого, — сказал Шооран, — не испугаюсь и каменного.

— Кого? — не понял Турчин. — Гваараиза? Так он не каменный, это такая чучела.

Шооран улыбнулся. Его трезвомыслящий напарник ничего не заметил, он видел лишь неровный камень.

Из бокового притвора вышел Моэртал, направился к выходу. Цэрэги цепочкой потянулись за ним. Через час они покинули Царский оройхон, а к вечеру были дома. То, что иной, непохожий мир находится так близко, удивило Шоорана сильнее всего. Куда проще было бы принять всё, если бы в обитель вана можно было бы попасть лишь преодолев множество препятствий и пройдя дюжину дюжин оройхонов.

Царский оройхон, сочетание великого с ничтожным, густо замешанное на несправедливости, долго не давал Шоорану покоя. Мир представлялся теперь тёмным помещением, со всех сторон оплетённым щупальцами невероятного Ёроол-Гуя. Можно было бежать в любую сторону, ты всё равно шёл в его руки. Шооран метался, не находя покоя, он понимал: надо что-то делать, но что именно — не знал. Он мог лишь одно — строить оройхоны, много оройхонов: мокрых и сухих, но в душе вновь, уже не со слов мамы или старика, а на основе собственного опыта родился вопрос: зачем и для кого нужно строить эти острова? Ответа не было, и ни Яавдай, ни Киирмон — единственные люди, кому Шооран пытался обиняками поведать о своих мучениях, ничуть ему не помогли. Яавдай как обычно отмалчивалась, а Киирмон, выслушав бессвязные речи Шоорана, заметил:

— Обычно молодые люди, женившись, перестают тревожиться вопросами о смысле жизни. У тебя такая миленькая жена, неужели у вас что-то неладно?

— У нас всё хорошо, — сказал Шооран, и хотя слова его не были ложью, но не были и правдой. В жизни, действительно, всё было хорошо, и в то же время что-то неладно. Что именно — Шооран никак не мог понять, но с тех пор, как он вернулся с царского оройхона, его не покидало ощущение тревоги.

Одонт выделил женившемуся цэрэгу две комнаты в алдан-шаваре, одну большую и светлую, другую поменьше, без окон. Вернувшись после трёхдневного отсутствия, Шооран вошёл в маленькую комнату, хотел привычно, на ощупь поставить в угол копьё, но замер, услышав, как в соседней комнате поёт Яавдай. Она пела печальную песню, тихую и бесконечно повторяющуюся, какую удобно петь, если тебе скучно и рукоделье не мешает мыслям.

Мой милый ушёл на охоту,
По далёким ушёл оройхонам
И оставил меня одну.
Тукка, колючая тукка,
Отнеси ему сочную чавгу,
Передай привет от меня.

Отвечает колючая тукка:
Ты скорее скажи, где твой милый,
По каким оройхонам он бродит,
Чтобы я туда не ходила,
Чтобы он не поймал меня.

Мой милый ушёл на охоту,
По далёким ушёл оройхонам
И оставил меня одну.
Парх с большими усами,
Отнеси ему сочную чавгу,
Передай привет от меня.

Отвечает мне парх усатый:
Ты скорее скажи, где твой милый,
По каким оройхонам он бродит,
Чтобы я ему не достался,
Чтобы он не поймал меня...

Шооран шагнул вперёд, копьё стукнуло о стену. Яавдай вздрогнула, словно её застали за предосудительным.

— Это я, — сказал Шооран. — Вернулся. А ты хорошо поёшь. Пой ещё.

Яавдай опустилась обратно на сиденье и послушно запела заключительные строфы бесконечно длинной песни:

Мой милый ушёл на охоту,
По далёким ушёл оройхонам
И оставил меня одну.
Вы скажите, звери шавара, —
Кто снесёт ему сочную чавгу,
Передаст привет от меня?

Лопнула гладь далайна,
Появился бог многорукий,
Сжал меня крепко-крепко,
Крепче, чем милый может.

Ты скорее скажи, где твой милый,
По каким оройхонам он бродит?
Я возьму его той же рукою,
Я пожру его той же пастью,
Передам привет от тебя.

Встреча получилась не слишком радостной. Хотя какой она ещё могла быть? Ведь Шооран представлял улыбку Яавдай только в разлуке, на самом деле он не видал её ни прежде, ни сейчас. Но не всем же лыбиться, словно младенец на облака. И можно ли это считать чем-то неладным? Каждый получает от жизни меньше, чем ему хотелось бы.

* * *

Несомненно, сияющий ван произнёс замечательную речь с вершины царского тэсэга, но всё же в ней оказалась одна неправда. Увы, и царям порой свойственно принимать желаемое за уже состоявшееся. Несмотря на самодержавное удовлетворение, изгои на границах государства не были усмирены. Конечно, во владениях Моэртала их осталось меньше, но в прочих прибрежных провинциях изгои представляли такую силу, что уже выходили на сухое среди бела дня. Число их не уменьшалось, напротив, известия о новых землях будоражили народ, поднимая на поиски лучшей доли. Но лучшей доли не было, три высохших оройхона не могли изменить положения в стране, и большинство сорвавшихся с места людей бедовало на мокром, не зная, где приткнуться. Если бы не Ёроол-Гуй, они составили бы государству угрозу куда большую, чем ничтожный мятеж Хооргона. Поэтому совет одонтов вновь и вновь откладывал поход на запад и одну за другой снаряжал экспедиции против собственных непокорных граждан.

Первое время Шооран не попадал в состав карательных отрядов. Как особо доверенный воин, доказавший в сражении свою храбрость, он был приставлен к ухэрам, которые участвовали лишь в больших операциях, а во время обычных облав оставались на сухом. Такое положение как нельзя лучше устраивало его. Шооран ничуть не обманывался в отношении изгоев, он знал, что большинство среди них — обычные грабители, потерявшие остатки души, спокойно убивающие и так же между делом умирающие. Живя на мокром, трудно ценить жизнь. Во время первой стычки с вольницей изгоев Шооран бил жестоко и раскаиваться в том не собирался. Но став цэрэгом, Шооран резко переменился. Теперь, когда на его стороне был явный перевес в силе и признанное право убивать, Шооран думал об изгоях лишь как о людях, загнанных жизнью туда, где жить нельзя.

Шооран стоял возле своего ухэра, облокотившись о ствол орудия. Тёмно-коричневый всегда прохладный хитин, из которого был сварен ухэр, гладко бугрился под рукой, казалось, будто присмиревший, затаивший непокорство зверь замер рядом с ним. Ухэр был старый, из него уже не раз стреляли, один край расширяющегося дула был обломан, проклеенные трещины образовывали на стволе причудливый узор. Ухэр был заряжен, как и положено на границе, хотя стрелять Шооран не имел права. Век ухэра не долог — две, от силы три дюжины выстрелов, затем хитин начинает крошиться, и уже никакой ремонт не возвращает ему прочности. Впрочем, считалось, что Шооран и не может выстрелить, ведь для выстрела нужно два кремня, а Шооран выслужил пока лишь кремневый наконечник на копьё. О том, что у него есть два собственных кремня, Шооран помалкивал.

Оройхон перед ним был непривычно пуст. Обычно здесь возились сборщики харваха и искатели чавги, а сейчас лишь изломанные заросли хохиура напоминали о людях. Струи густых испарений поднимались над тэсэгами и уплывали в сторону далайна. Это было единственное заметное глазу движение, но Шооран знал, что творится там, скрытое пологими верхушками тэсэгов и покрывалом знобкого тумана. Два часа назад на оройхон ушли дозорные дюжины, теперь они теснили изгоев на ухэры заградительной полосы. Спасибо доброму Тэнгэру, это будет не здесь.

Издалека, едва слышно и совершенно невоинственно доносилось «Га-а!» наступающих дюжин. Иногда Шоорану казалось, что он различает голос Турчина. Вопить Турчин умел на славу.

Через несколько минут Шоорана сменили, к ухэру стал другой цэрэг.

— Далеко не исчезай, — сказал Шоорану скучающий дюженник. — Там всё-таки облава.

Но и в тоне командира, и в слове «всё-таки», и, главное, в том, что при орудии оставался всего один цэрэг, сквозило убеждение, что ничего не случится. Даже если изгоям удастся вырваться из мешка, толпой они не пойдут, и на ухэр лезть не станут, а просочатся поодиночке. Это в начале облавы было неясно, куда повернёт охота, а сейчас можно отдыхать. Шооран скучающей походкой двинулся вдоль поребрика к далайну. Поднялся на заросшую криво растущим хохиуром верхушку суурь-тэсэга, огляделся. Тлевшая в душе мысль, что ему удастся незаметно выйти к далайну, погасла. Он увидел стоящий неподалёку татац, и дальше фигуры цэрэгов из вспомогательных дюжин. Оройхон был окружён на совесть. Шооран вздохнул, потом устроился на плоском камне и стал смотреть на серую полосу далайна, хорошо различимую отсюда. Недаром же суурь-тэсэг — место, откуда далеко видно.

«Интересно, — подумал Шооран, — можно ли достать далайн отсюда? Я ведь его вижу...»

Шооран напрягся и несколько минут пытался не просто увидеть, а почувствовать далайн, но на таком расстоянии тот казался непроницаемым, отклика не было. Скоро Шооран сдался и, не думая больше ни о чём, лениво принялся следить за движением медлительных бугров влаги. Вот один из них, особенно крупный, выделяющийся среди остальных, словно суурь-тэсэг на равнине, изменил движение и направился прямиком к берегу. Густая влага, отблёскивая в свете серебристых дневных облаков, стекала по его склонам, но в центре словно бил фонтан, так что бугор не опускался, а напротив, становился всё выше, затем вершина взвихрилась пеной, оттуда вырвались столбы бесчисленных рук, и огромное тело могучим рывком выметнулось на сушу. И лишь потом, с огромным запозданием по ушам ударил сочный шлепок. Знакомый и страшный звук привёл Шоорана

в чувство. И хотя Шооран видел, что Ёроол-Гуй выходит на соседний оройхон, но остаться на месте не смог и побежал.

Единым духом он домчал к сухому краю. Здесь уже толпились цэрэги охранения. Шооран оглядел бледные лица и, не сказав никому ни слова, пошёл назад вдоль поребрика, за которым, извиваясь, танцевали руки Ёроол-Гуя.

Злобный бог вынырнул совсем рядом с поребриком, тело его вздымалось холмами и, казалось, нависало над головой. Ёроол-Гуй был повсюду, он неизбежно должен был не перейти, а попросту упасть на соседний оройхон, но всё же этого не происходило, граница, означенная тонкой чертой, не пускала его. И внезапно успокоившийся Шооран подумал, что мастер, построивший на царском оройхоне храм, должно быть, когда-то так же стоял перед немощным богом, представляя, что могло бы случиться, не будь положена граница всякой силе.

Словно для того, чтобы довершить сходство с храмом, Ёроол-Гуй выкатил из середины тела один из основных глаз. Но теперь его гипнотическая сила была не страшна Шоорану. Молодой илбэч недобро усмехнулся, шагнул вперёд.

— Узнал? — спросил он. — Да, это я, и ты ничего не сможешь со мной сделать.

Где-то в глубине души Шооран надеялся, что Ёроол-Гуй ответит ему, заговорит, как, согласно легенде, он говорил с Ваном, но бог молчал, и в вытаращенном глазу было не больше разума, чем у бовэра. А Шооран вдруг зримо представил, что происходит сейчас на другом конце захваченного оройхона. Запертая, отрезанная чудовищем толпа мечется из стороны в сторону, ища спасения, которого не будет. Тонкие, на пределе возможного руки на ощупь вылавливают живых, тащат, не разбирая, кто попался им — бандиты, цэрэги или просто случайно оказавшиеся в ловушке люди. Сколько-то времени они смогут избегать слепых рук, но рано или поздно все — и убийцы, и жертвы — погибнут.

Оскалившись, Шооран подбежал к ухэру. Распахнутый воронкой ствол смотрел ровно в немигающий глаз Ёроол-Гуя. Шооран извлёк из-за пазухи кремни и высек искру. Две или даже три секунды ничего не происходило — огонь пробирался по узкому запальному отверстию. Потом грохнуло. Из ствола и запальника выметнуло пламя. Ухэр подскочил и накренился вместе с массивной станиной, на которой был укреплён. Шооран судорожно сглотнул, прочищая заложенные уши. И лишь Ёроол-Гуй, казалось, не заметил ничего. Каменная картечь истерзала его плоть, разорванный глаз разлетелся в клочья, заляпав всё вокруг грязной зеленью, но даже такая страшная рана ничего не значила для гиганта. Края раны сомкнулись, не оставив следа, и лишь лужи смешанной с нойтом ядовитой крови доказывали, что заряд попал в цель.

Шооран стоял, бессильно опустив руки.

— Проклятый, — шептал он, — проклятый убийца...

Ёроол-Гуй молчал, ничего не менялось в студенистом, зеленовато-прозрачном теле, в мощных узлах громоздящихся вдоль поребрика рук. Но, видно, и он почувствовал удар, потому что замершие было руки разом дёрнулись и повлекли Ёроол-Гуя к ждущему, неправдоподобно тихому далайну. Шооран рассмеялся и погрозил ненавистному богу кулаком.

Когда через несколько минут цэрэги появились на позиции, они увидели, что Шооран с копьём в руках сидит на поваленном ухэре и смотрит на пустой оройхон, где только что бушевала смерть.

— Ты что наделал, дурень! — завопил дюженник, увидав разгром.

— Я выбил ему глаз, — сказал Шооран.

— Дубина! Бовэр безмозглый! Из какой лужи ты выполз на мою погибель?! — артиллерист не мог успокоиться. — Это надо же придумать — палить по Ёроол-Гую! Чтоб тебе вовек не просохнуть! Мне плевать, куда ты там попал — в глаз или в нос, всё равно новый вырастет. А харвах ты спалил и орудие испортил. И вообще, как ты сумел выстрелить?

— Вот, — сказал Шооран, поднимая брошенное в панике копьё с мелко околотым кремнёвым наконечником.

Дюженник раскрыл рот, но подавился, проглотив готовую вылететь фразу. Копьё было его собственное.

— Ладно, — сказал он, выдохнув воздух, — разберёмся. — И, забрав копьё, пошёл собирать солдат, чтобы поставить ухэр на прежнее место.

На этот раз доклад дюженника выставлял Шоорана в самом неблагоприятном свете, так что взыскание оказалось тяжёлым. Во владениях благородного Моэртала не было огненных земель, и весь харвах до последней порошины приходилось получать из казны или покупать втридорога за свои средства. Тем более это касалось ухэра — своими силами починить изработавшееся орудие было невозможно. Неудивительно, что одонт разгневался, и Шорану не помогло даже заступничество пятерых цэрэгов, которые, благодаря неожиданному выстрелу, сумели ускользнуть от рук Ёроол-Гуя. А может быть, наместник был раздосадован, что лишь пять человек остались от четырёх лучших дюжин, и сорвал досаду на не вовремя подвернувшемся Шооране. Кто знает? Мысль благородного глубока, как далайн, и извилиста, как путь жирха. Сначала гневный Моэртал грозился вовсе выгнать провинившегося на мокрое, но потом остыл, и, лишив Шоорана копья, назначил на позорную должность тюремщика.

— Ничего, — утешал Шоорана приятель Турчин, — выслужишься. Обученных воинов мало осталось. Всех Ёроол-Гуй пожрал.

Ты бы видел, что там было! Всюду руки ползают, тонкие, без глаз... хватают всех, не разбирая... Ка-ак я прыгал!.. Не, жаль, тебя там не было!

Шооран не был особо огорчён опалой. Теперь он мог больше времени проводить дома, не оставляя Яавдай одну на целые недели. Сейчас ему хотелось быть рядом с Яавдай сильнее, чем когда бы то ни было.

За последние полгода Шооран не построил ни одного оройхона, и вообще не часто вспоминал о своём предназначении. Зато о проклятии он помнил постоянно. Один раз ему уже удалось обмануть судьбу: у него есть семья — Яавдай, которую он любит больше всего на свете. Странным образом Шооран не мог произнести слово «люблю», оно застревало в горле, и губы становились непослушными. Невозможным представлялось выговорить его под внимательным, словно изучающим взглядом Яавдай. Шоорану казалось, что любое признание прозвучало бы фальшиво, и он впервые назвал Яавдай любимой чуть не через месяц после свадьбы. Но тем сильнее он чувствовал, как необходима ему Яавдай. На ней сосредоточилась вся жизнь, и одна мысль, что пророчество Ёроол-Гуя может исполниться, бросала Шоорана в холод. Зная историю безумного илбэча, Шооран понимал, что женитьба — это ещё не вся жизнь. Беды Энжина начались, когда у Атай должен был появиться ребёнок. Помня об этом, Шооран внимательно присматривался к Яавдай. Казалось, если он вовремя заметит признаки будущего материнства, то сумеет уберечь жену и ребёнка от всякой беды, и с той минуты всё всегда будет хорошо. Жаль, что ранние признаки, о которых понаслышке знал Шооран, были смутными и неопределёнными, и Шооран напрасно мучился, гадая и не решаясь впрямую спросить свою подругу, не беременна ли она. А Яавдай по-прежнему смотрела вглубь себя и никогда не начинала разговор первой.

Служба при тюрьме была скучной и необременительной. Повелитель понимал, что узников необходимо кормить, а это лишний расход, поэтому тюрьма обычно была пустой. Лишь после облав обе камеры оказывались набиты изгоями и земледельцами, вздумавшими в недобрый час поживиться вольно растущей чавгой или подработать на харвахе. Их в течение дня или двух уводили на допрос, а затем отпускали, пригрозив, или отправляли на каторжные работы. Кое-кто попадал в шавар. Но даже в этом случае одонт не утруждал себя излишним судопроизводством. Чаще всего обе камеры стояли пустыми, и второй тюремщик — одряхлевший на службе инвалид, спал в одной из этих камер, поставив в изголовье ненужную ему костяную пику.

Но однажды, спустившись в нижний ярус алдан-шавара, Шооран увидел, что напарник не только не спит, но стоит на часах возле одной из камер, браво выпятив грудь, на которой — невиданное дело! — красуется панцирь.

— Что случилось? — спросил Шооран, подходя.

— Тс-с!.. — громко прошептал стражник и, припав к уху Шоорана, сообщил: — Там илбэч. Поймали-таки. Только это тайна, никто не должен знать. Уже послали к одонту, он сам сюда придёт. Вот какая тайна.

Шооран глянул в заложенный чешуёй глазок. В скупо освещённой камере, свернувшись на нарах, лежал Чаарлах. На полу рядом с лежанкой стояла миска каши и чаша с водой, чего никогда не бывало прежде. Но было видно, что узник не притронулся ни к тому, ни к другому.

«Замучают старика», — обречённо подумал Шооран.

От входа послышались быстрые шаги, оба караульщика вытянулись и замерли. К ним шёл одонт Моэртал. Он был один, без свиты и без богатого облачения, верно, услышав новость, поспешил к тюрьме в чём был.

— Ну, жив он? — спросил Моэртал издали.

— Вроде жив, — ответил старый тюремщик. — Дышит.

Моэртал перевёл дыхание, успокаиваясь, разгладил на груди тонкотканый цамц и молча дал знак открывать камеру. Тяжёлая дверь отъехала в сторону, одонт вошёл. Шооран, взяв факел, шагнул следом.

Пленник сел, слепо щурясь на пламя. Целую минуту одонт и сказочник молча изучали друг друга. Потом Чаарлах насмешливо сказал:

— Трудная задача, не правда ли? Ты так долго искал меня, а теперь, наконец, задумался: зачем? Разве я не прав?

Моэртал никак не отреагировал на обращённые к нему слова. Он продолжал стоять, рассматривая сидящего старика, словно так и должно быть, что благородный одонт стоит, а нищий старик сидит перед ним. Затем Моэртал начал говорить сам:

— Ты знаешь, что болтают о тебе. Я не знаю, что здесь правда, но мне надо, чтобы оройхоны появлялись там, где укажу я.

— Не так трудно угадать это место, — заметил Чаарлах. — Одним ударом — два сухих оройхона, а от земли ночных пархов остаются лишь скорлупки. Но ведь они тоже люди, и не многим хуже твоих цэрэгов. Поверь, я знаю, что говорю.

Чаарлах признавался в знакомстве с бандитами так, словно не подозревал, что за одно это ему грозит шавар.

— Если они поклянутся исполнять законы, — произнёс Моэртал, — я поселю их на новых землях. А лучших — возьму на службу.

— Я вижу — разговор пошёл всерьёз! — воскликнул сказитель. — Никогда прежде я не чувствовал себя таким важным господином. Впору раздуться толще авхая. Увы, есть ещё одно препятствие. Сядь, блистающий одонт, я расскажу тебе сказку. Тебе, должно быть, давно не рассказывали сказок просто так — бескорыстно.

Моэртал не двинулся с места, но и не перебил старика, и Чаарлах, привычно изменив голос, начал рассказывать:

В недавнее время жил на оройхонах один человек. Звали его Ёсаар. Однажды он встретил тукку и захотел её поймать. Ёсаар побежал за туккой, но она оказалась проворней охотника и ушла в шавар. Ёсаар очень рассердился и закричал:

— Вылезай, колючая дрянь!

Но тукка не вылезла и даже не слышала слов, потому что была далеко. Ёсаар заглянул в шавар, и храбрость его, словно потревоженная тайза, сжалась в комок. Но жадность продолжала кусать душу, и тогда Ёсаар сказал:

— Запомни, колючка, я буду стоять здесь день и ночь, но дождусь, пока ты вылезешь!

Ах как жаль, что тукка уже выбралась через другую дыру и не слыхала этих клятвенных слов! Иначе она поняла бы, что спасения нет, и сразу сдалась бы охотнику. А так Ёсаар стоял у шавара день и ночь, а тукка всё не приходила. Между тем, наступил мягмар, и в шаваре кто-то зашевелился.

— Ага! — сказал Ёсаар. — Проголодалась! Сейчас я тебя схвачу.

Но вместо тукки из дыры вылез гвааранз и схватил самого охотника. Увидав, как повернулось дело, Ёсаар воскликнул:

— Госпожа тукка, неужто это вы? Заметьте — вы выросли такой огромной, потому что я день и ночь охранял ваш покой. Ведь вы позволите вашему ничтожному слуге идти домой? Или вы хотите, чтобы я ещё послужил вам?

Уж и не знаю, что ответил гвааранз, но домой храбрый Ёсаар всё ещё не вернулся. Надо полагать — занят по службе.

Чаарлах замолк и выжидающе посмотрел на Моэртала. Тот привычно помолчал, и затем произнёс:

— Значит, по-твоему, не я, а меня схватили.

— Что вы, блистающий одонт! — запротестовал старик. — Я в этой истории тукка. Моё дело — быть съеденным, коли не сумел унести ноги. А кто тут гвааранз — это вам судить.

— Разберёмся, — пообещал наместник. — Но и ты думай. Даже если ты не тот, за кого тебя принимают, всё равно ты знаешь больше, чем говоришь.

Моэртал повернулся к Шоорану и резко спросил:

— Кто такой Ёсаар? Я где-то слышал это имя.

— Это мой напарник, — ответил Шооран, тоже удивлённый, откуда сказитель знает имя тюремщика. — Он стоит за дверью.

— Сменить, — приказал одонт, — и доставить ко мне. С ним тоже не всё ясно.

— Трудно разбирать след жирха, — посочувствовал пленник.

Моэртал, не ответив, вышел. Шооран вышел следом и наложил на дверь засов. Перепуганный Ёсаар, оставив пику, засеменил следом за наместником. Шооран остался на посту. Два часа он отстоял неподвижно, навытяжку, словно перед взором сияющего вана. Ни разу даже не отодвинул пластину, прикрывающую окошечко — боялся встретить понимающий взгляд Чаарлаха. Через два часа пришёл смертельно недовольный назначением Турчин и сменил Шоорана. Теперь впереди было два часа, которые надо использовать с наибольшей пользой.

Шооран поспешил к дому.

Яавдай, как всегда, возилась по хозяйству, в комнате пряно пахло вымоченным в вине мясом.

— Обед ещё не готов, — виновато произнесла Яавдай.

Шооран подошёл ближе. Он как-то вдруг ясно увидел то, что старался рассмотреть все эти недели — у Яавдай будет ребёнок. Но именно в эту минуту долгожданное открытие не радовало.

— Нам надо уходить, — произнёс Шооран.

Яавдай ничего не ответила, лишь кивнула послушно.

— Ты, наверное, не поняла, — сказал Шооран. — Я совершил... точнее, совершу, но можно считать, уже совершил такое... короче, меня объявят преступником. Нам надо бежать отсюда. За своих — не бойся, Яавдал уже большой. Мне сейчас надо идти, а ты собери самое нужное и жди меня через час на мокром оройхоне у второго суурь-тэсэга.

— Я поняла, — тихо сказала Яавдай.

Шооран подошёл ближе, коснулся ладонями волос.

— Прости меня, — попросил он. — Я понимаю, что это не вовремя, но беда никогда не приходит вовремя.

— Ничего, — сказала Яавдай. — Это даже к лучшему.

Шооран вернулся в темницу, сменил злого на весь свет Турчина. С трудом дождавшись, когда тот уйдёт, открыл дверь камеры. Казалось, Чаарлах спал, но едва дверь скрипнула, он сел, без малейшего удивления глядя на Шоорана.

— Вот, — Шооран протянул старый плащ Ёсаара и его пику. — Я выведу тебя отсюда.

Чаарлах накинул на плечи плащ, ловко, словно ничего другого и не носил, надвинул на брови глубокий шлем, принял пику. Уходя, Шооран аккуратно притворил дверь. Возле выхода из алдан-шавара тоже стоял цэрэг. Он лениво скользнул взглядом по знакомым фигурам.

— Что, тюремщики, взгрел вас одонт?

— Как на аваре, — проскрипел Чаарлах.

Беглецы неспешно прошли мимо охраны и, всё ускоряя шаг, направились к недалёкому мокрому оройхону. Возле второго суурь-тэ-

сэга никого не было. Может быть, они пришли слишком рано? Шооран глянул на начинающие розоветь облака. Нет, прошло уже больше часа.

— Отец, — сказал Шооран, — обожди меня немного, мне надо встретить ещё одного человека.

Чаарлах, подстелив полу плаща, уселся на ноздреватый валун.

— Стоит ли тревожиться из-за меня? — спросил он. — Беги по своим делам, а я пойду потихоньку. Спасибо тебе, но ты зря так много беспокоишься из-за полоумного сказочника. Признаюсь — я не илбэч. И я ничего не знаю об илбэче. Тогда вечером, поняв, что происходит, я нарочно закрыл глаза, чтобы ничего не видеть. Ведь я болтун, и мне лучше не знать чужих тайн. Так что ты зря вытаскивал меня из этого пересохшего шавара.

— Мне нет дела до илбэча, — сказал Шооран. — Я выручал сказителя.

— Я тоже. Если бы вместо тебя пришёл кто-то другой, я бы остался в подземелье. Одонт скоро понял бы, что изловил не того, и выгнал бы меня в шею. Но с тобой я ушёл, потому что тебе не надо быть цэрэгом. У тебя не те поступки, не те слова, не те глаза. Ты умеешь думать, а это вредно для цэрэга. Я видел — ты храбр, а такие долго не живут. И даже выжив, кем бы ты стал? Посмотри на Киирмона: его единственная радость — чаша с вином, в которой он старается утопить себя самого...

— Отец, — взмолился Шооран. — Я вернусь через пару минут. Только встречу Яавдай...

— Конечно, беги, — воскликнул Чаарлах. — Я старик, я могу и подождать...

— Я бегом! — крикнул Шооран, исчезая за тэсэгами.

С минуту Чаарлах послушно сидел на камне, потом сказал самому себе:

— Пожалуй, пойду. Они молодые, а я буду помехой и обузой. Ничего, Яавдай утешит мальчика.

Старик поднялся, осторожно прислонил к скале ненужную пику и, не торопясь, зашагал, без особой цели, привычно веря, что ноги сами выведут его туда, где ему в обмен на истории дадут чавги и старую кожу, чтобы устроить постель.

Шооран выбежал к сухой земле и здесь остановился. Дальше идти было опасно, если побег уже обнаружен, то его непременно схватят или, во всяком случае, укажут погоне, куда он ушёл. Шооран беспомощно оглядел покрытые недельными всходами поля. Смешно надеяться встретить здесь идущую навстречу Яавдай. Что могло её задержать? Неужели её схватили?.. Или она перепутала что-нибудь и пошла на другой оройхон? Шооран вспомнил ночной рассказ старого илбэча, и в груди стало тяжело и холодно, словно скверная тварь вынырнула из далайна и легла на сердце.

Людей на полях было не так много, до нового урожая ещё четыре недели, и земледельцы сидят в палатках, теребят солому, правят инструмент. И всё же пройти незамеченным не удастся. Разве что послать кого-нибудь из местной детворы, узнать, что там приключилось... Шооран напрягся: он увидел идущего по тропе Киирмона. Тот был ещё далеко, но направлялся прямиком к месту, где прятался Шооран. Шооран приготовился на случай, если рассказчик свернёт на боковую тропу, позвать его, но Киирмон миновал развилку и шёл теперь вдоль мокрого оройхона. Шооран слышал, как он напевает под нос:

Для того и есть на свете дура,
Чтобы кашу есть из хохиура...

— Эгей! — тихонько позвал Шооран.

— Вот ты где! — обрадовался Киирмон. — А Яавдай сказала, что ты у второго тэсэга.

— Где она? — задыхаясь, спросил Шооран.

— Там... — Киирмон неопределённо махнул рукой. — Я её на соседнем оройхоне встретил. Она с узелочком шла, должно быть, к кому-то из подруг, рукодельничать. Тебе просила передать, что пойдёт в другую сторону, в страну добрых братьев. Я не знаю, что за игру вы затеяли, но передаю всё дословно. И знаешь, эта игра пошла твоей жене на пользу. Не в обиду будь сказано, но она у тебя какая-то неживая, а сейчас разрумянилась и даже улыбнулась мне на прощание. Прощай, говорит, ухожу в страну добрых братьев.

— Вот как... — произнёс Шооран. — Значит так... Ясно...

Где-то у алдан-шавара взвизгнула сигнальная раковина, и часто заколотили по костяной доске.

— Тревога! — воскликнул Киирмон. — Общий сбор. Пошли.

— Это меня ищут, — сказал Шооран. — Я теперь преступник. А Яавдай действительно ушла к добрым братьям. Не захотела бежать вместе со мной.

— Бла-агостный Ёроол-Гуй! — потрясённо протянул Киирмон. — Ты уходишь? А я-то здесь на кого остаюсь? Ведь ни одного лица во всей провинции — только хари да морды. Вот что — я пойду вместе с тобой.

— Ну куда ты пойдёшь? — сказал Шооран. — Жить на мокром, скрываться, есть чавгу.

— Да, пожалуй, я отвык от всего этого, — согласился Киирмон. — Пойду, лучше напьюсь. А тебе — удачи.

Распрощавшись с Киирмоном, Шооран бегом кинулся к суурь-тэсэгу. Он думал об одном: Чаарлах поможет, даст совет, подскажет, что надо делать. Но на стоянке никого не было, лишь белела оставленная пика. Шооран долго и бессмысленно смотрел на неё,

потом пошёл, глядя прямо перед собой, шатаясь и скользя на покрытых нойтом камнях.

* * *

Давно было, дольше, чем один человек помнить может, но все вместе — помнят. В ту пору великий илбэч Ван, устав от тайных трудов, вернулся на родной оройхон. Уже много лет тот оройхон не был мокрым: повсюду росла хлебная трава, в ручьях плескались сытые бовэры, а люди жили счастливо, потому что во времена Вана земли хватало всем, и люди выходили на мокрое лишь в дни мягмара.

Илбэч сел под деревом, стал смотреть на свою землю и не мог насмотреться. Так он смотрел и вдруг услышал голос:

— Здравствуй, Ван! Где ты был столько времени?

Ван обернулся и увидел девушку. Её звали Туйгай. Когда Ван уходил строить земли, она была ребёнком, а теперь Ван понял, что она выросла и стала красавицей. Чтобы встретить такую красоту, и в прежние времена надо было прожить дюжину жизней, что уж говорить о наших днях?.. — не с чем сравнить красавицу Туйгай.

Илбэч и красавица взглянули друг на друга и полюбили друг друга любовью, какой не бывало прежде и не будет уже никогда. Они взялись за руки и сказали о своей любви, прочной, как алдан-тэсэг, и долгой, как вечность. Но Туйгай не знала, что её возлюбленный — илбэч, а Ван не стал говорить ей это, помня о проклятии Ёроол-Гуя.

Ван и Туйгай поставили палатку под деревом, у которого они встретились, и поселились в ней, словно простые земледельцы. Илбэч косил хлебную траву и оббивал зерно, а вечером шёл домой, где ждала его красавица-жена. Они были счастливы, и жизнь шла не по слову Ёроол-Гуя.

Но однажды Ван сказал:

— Завтра я уйду, и меня не будет три дня и три ночи, потому что у меня есть иные дела на далёких оройхонах.

И Туйгай, как и положено хорошей жене, ни о чём не спросила и сказала, что будет ждать.

Ван ушёл строить землю и не знал, что в этот самый час старик Тэнгэр покинул алдан-тэсэг, спустился на оройхон и пришёл к его дому. Но Тэнгэр изменил свой облик, и Туйгай тоже не узнала его и решила, что пришёл её отец.

— Что я вижу?! — воскликнул старик Тэнгэр. — Моя дочь спуталась с бродягой Ваном, который и двух ночей не может провести на одном оройхоне! Немедленно брось это гнездо, созданное для изгоев, и вернись домой!

— Нет, отец, — сказала Туйгай. — Я не пойду домой. Я жена Вана, я обещала быть его радостью и усладой, поэтому я останусь жить с ним, стану рожать ему детей, и Ван будет счастлив со мной.

— Ты не можешь его любить, — удивился Тэнгэр, — потому что страшный Ёроол-Гуй запретил тебе это.

— Что мне за дело до Ёроол-Гуя, плавающего в холодных глубинах? — сказала Туйгай. — Я люблю Вана.

Тогда старик Тэнгэр принял свой истинный вид, голова его поднялась выше дерева, а седые брови грозно нахмурились.

— Узнаёшь ли ты меня? — сказал Тэнгэр. — Я тот, кто устроил мир, оградив его стеной. Я создал далайн и оройхоны, зверей и людей. Я повелеваю тебе покинуть Вана и не видеть его больше никогда.

— Нет, могучий Тэнгэр, — ответила Туйгай. — Я всё равно буду для Вана радостью и усладой, потому что моя любовь выше алдан-тэсэга. Мой век короток, и я хочу знать, какое дело бессмертным, размышляющим о своей большой вечности, до моей вечной любви?

— Что ж, женщина! — воскликнул Тэнгэр. — Ты сама этого захотела. Так знай, что твой Ван — илбэч, он проклят Ёроол-Гуем, и теперь, когда тебе стала известна его тайна, он умрёт.

Но Туйгай улыбнулась безмятежно и сказала:

— Я женщина, у меня короткая память и слабый ум. Я не поняла и уже забыла, что ты сказал. Я помню лишь, что люблю моего Вана, а ты не велишь мне этого и пугаешь страшным. Ответь, добрый Тэнгэр, — почему ты такой злой? Жестоко разлучать нас из-за прихоти многорукого урода.

— Я не жесток, — сказал Тэнгэр. — Нельзя быть жестоким по отношению к смертному. Смертный умрёт, и моя несправедливость умрёт вместе с ним, словно её и не было. Вечно лишь слово вечного. Вы, люди, жалко передразниваете мой облик, а Многорукий ближе мне по духу, ведь нас всего двое на всю долгую вечность. Пусть сбудется слово Ёроол-Гуя. Ван не будет счастлив в жизни!

С этими словами Тэнгэр ударил Туйгай в грудь. Кровь брызнула от удара и окрасила листья дерева. Красавица пошатнулась, но смогла сказать:

— Я люблю Вана всем сердцем и вечно буду его радостью и усладой.

— У тебя не будет сердца, а Ван не найдёт ни радости, ни услады! — загремел Тэнгэр.

Он схватил Туйгай, вырвал у неё сердце и, не глядя, кинул прочь, а бездыханное тело зашвырнул в далайн на пожрание пучеглазым рыбам. А потом ушёл на свой алдан-тэсэг, но думал в тот день только о сиюминутном.

Когда Ван вернулся, он нигде не нашёл Туйгай. Была лишь пустая палатка, да дерево, покрытое радостными красными цветами и зрелыми плодами, похожими на человеческое сердце. В аромате цветов и сладости сока чудилась ему та, которую он не мог отыскать. С тех пор, где бы ни странствовал илбэч, он обязательно возвращался к цветущему дереву, садился под ним, и горе его смягчалось, и в эти минуты слово женщины значило больше, чем слово бога.

ГЛАВА 5

«Ухожу к добрым братьям», — эти странные слова были единственным указанием, где искать Яавдай.

Шооран ринулся на восток. Земли Моэртала он обошёл по мокрому, а дальше двигался прямиком, и никто не остановил идущего цэрэга. Лишь у самой границы, когда понесло с мёртвых земель кислой гарью, Шоорана окликнули:

— Эгей, куда разогнался?

В первое мгновение Шоорана словно ударила волна испуга — попался, бездарно вляпался в поставленный у границы секрет. Но увидав благодушные, ничего не подозревающие лица, Шооран понял, что его принимают за гонца, принёсшего какое-то распоряжение. В самом деле, ведь не станут же из-за одного бежавшего цэрэга поднимать шум по всей стране...

— От благородного одонта... Ууртака, — в последнюю секунду Шооран успел назвать имя другого наместника. Совершенно незачем Моэрталу знать, где бродит его дезертир.

— Слушаю посланца блистающего одонта, — произнёс дюженник уставную фразу.

— Я ищу женщину, — сказал Шооран. — Молодая, хорошо одета. Ждёт ребёнка.

— Такие тут не гуляют, — хохотнул один из солдат. — Граница.

Дюженник, бывший, видимо, педантичным служакой, бросил на цэрэга недовольный взгляд и ответил:

— У меня никто не может пройти. Понимать надо: а вдруг илбэч уйдёт — что тогда?

— Спокойней будет, — заученно сказал Шооран. — Устали за ним гоняться по всем оройхонам.

Дюженник хотел осадить молокососа, вздумавшего иметь своё мнение, но вспомнил, что тот ему не подчинён и вообще неясно из-за чего послан через всю страну, и не стал командирски повышать голос, лишь повторил:

— Здесь никто не пройдёт.

— Это здесь, — уточнил Шооран. — А если ближе к аварам?

— Да там мёртвая земля! — снова встрял молодой цэрэг. Очевидно, он занимал особое положение, был чьим-то сынком или любимчиком и мог не обращать внимания на грозные взгляды мелкого начальства. — Кто же станет лишний оройхон по мёртвому тащиться? Там только эта дура обиженная шастать может...

— Ка-акая дура!? — зарычал дюженник.

Должно быть, и особое положение было не безграничным, потому что юнец струхнул.

— Ну, эта... — забормотал он. — Вы же знаете... Сумасшедшая. Та, что болтает, будто на западе землю нашла. Она чуть не каждый день на Торговый оройхон бегает. Землю ищет...

— Кре-етин!.. — взвыл дюженник. — Бовэр тупоголовый! Было же сказано: ни-ко-го! А ты пропускал!? Да я тебя своими руками в шавар затолкаю, не посмотрю, кто ты там есть. Взялся служить — служи! Кто тебе позволил пропускать!?

— Она сама! Ей кричишь: стой! — а она хохочет, язык высовывает — и не останавливается. Её только копьём можно остановить, а безумных нельзя убивать, она же к Ёроол-Гую бежит...

— Это ты к Ёроол-Гую бежишь! — прервал дюженник. — Бабьи бредни — нельзя безумных трогать. Илбэч тоже безумный, что же его не ловить? Ой-й!.. — Дюженник схватился за щёку, скривившись от догадки, словно от зубной боли. — Ну, если ты её упустил... Эгей! — заорал он остальным цэрэгам, стоящим у поребрика. — Жугчил — за резервом, остальные — марш на Торговый! Перехватить сумасшедшую бабу и привести.

— Я с ними, — быстро сказал Шооран.

— Ну, нет, — охранник поднял копьё. — Хватит уже, напропускались. Будешь ждать здесь. А ты, — дюженник кивнул молодому цэрэгу, — пойдёшь. Окажется там эта беременная — доставишь. И чтоб говорил с ней почтительно. Ясно? — Дюженник замолк, потом проворчал, обращаясь не то к самому себе не то к Шоорану: — Знаю я этих беременных красавиц. Сперва велят за ней гоняться, словно за туккой, а потом она снова в чести, а ты как в нойте выкупан... Бабам губки дайте, чтобы не задохнулись! — заорал он вслед уходящим.

Подошла резервная полудюжина. Командир велел занять позицию, особо сказал про Яавдай. Сам остался возле Шоорана, откровенно следя за странным гонцом. Шооран был уже не рад, что затеял это дело. Ясно, что Яавдай ему не отдадут, дюженник отправит её к Ууртаку или, что вернее, к своему одонту. Значит, придётся отбивать Яавдай по пути.

Время не двигалось. Шооран нервно ходил взад-вперёд, чувствуя, как поворачивается вслед за ним копьё дюженника. Жёлтые утренние облака сменились серебряными, дневными. К цэрэгам подошла смена. Посланные не возвращались.

— Пошли на сухое, всё равно её туда приведут, — предложил дюженник.

Шооран отрицательно покачал головой.

Но вот в клубах дыма показались движущиеся фигуры. Шооран напряг зрение, пересчитал идущих. Пятеро. Четверо — посланные цэрэги, а пятый?.. Группа скрылась за костяным валом и через минуту появилась совсем рядом. Яавдай среди идущих не было. Цэрэги вели безумную Нарвай.

Раз в жизни, много лет назад Шооран видел пляшущую маску этого лица и всё же узнал её сразу, хотя женщина-старуха, когда-то так напугавшая его, превратилась с тех пор в настоящую развалину. А ведь ей немногим больше трёх дюжин лет...

Руки сумасшедшей были связаны за спиной, но губку с лица она сумела сбросить и словно не замечала, что вдыхает ядовитый дым.

— Ха! Сколько вас тут! — закричала она издали. — Я знаю, кто вас послал. Скажите ему, что я не пойду за него замуж. Я давно вышла за другого. Мой муженёк — он такой красавчик, у него так много рук... Ха! Вы никогда не догадаетесь, кто он такой. А своему вану передайте, что я плюю на него!

— Что ты там делала? — потребовал ответа дюженник.

— Ходила к своему муженьку, моему дорогому муженьку, жаловаться на злого вана...

— Чавгу она рыла, — сказал один из цэрэгов.

— Там женщина молодая была? — спросил из-за спин Шооран.

— Была! Молодая, раскрасавица, лапушка-умница, моя милочка Нарвай там была!.. Ха! Вы зачем меня сюда притащили? Я скажу своему мужу, он сильный, он вас накажет.

— Нет там никого, — повернулся к Шоорану молодой цэрэг. — Мы всё обшарили. Следов полно, но все нойтом заплыли, не поймёшь — чьи. Если и была какая-то баба, то дальше ушла. А дальше её уже не взять, там старейшины.

— Красотулечка была! Пампушка сладенькая!

— Хватит! — сказал дюженник. — Будет тебе пампушка. Скажи, это правда, что землю на западе ты нашла?

— Чего мне врать-то? Я мимо аваров побежала и нашла. Ха! Я всегда мимо аваров быстро бегаю. Поэтому и нашла. И ещё найду.

— Ты там никого не видела? — допытывался дюженник. — Ну, кто эту землю сделал...

— Как — кто? — удивилась Нарвай. — Я сделала. Быстро-быстро побежала — и сделала.

— Вот как?.. — побледневший дюженник обвёл собравшихся страшными глазами. — Всем молчать! Убью, кто проболтается. Ты не врёшь? — повернулся он к безумной.

— Не-е!.. — вдохновенно тянула Нарвай. — Я столько земли

сделала! Многорукий мне говорит: не делай, — а я его обману — и сделаю. Жёны всегда мужей обманывают.

— Всё сходится, — прошептал стоящий рядом с Шооpаном цэрэг.

— А сейчас можешь? — спросил дюженник, указывая на исходящий паром далайн. — Прямо здесь оройхон построить? А?..

— Могу! — Описав широкий жест рукой, Нарвай шагнула вперёд и вдруг уселась в нойт. — Это что же выходит? — жалобно сказала она. — Значит — я илбэч? Значит, я сейчас умру?

— Ну?.. — поторопил дюженник.

— Умру, — утверждающе произнесла сумасшедшая. — Уже умерла. Всё.

Лицо её резко осунулось, глаза закатились. Нарвай повалилась набок, дюженник подхватил её, не дав упасть.

— Воды!

Кто-то протянул флягу, подкрашенная вином вода, размывая грязь, потекла по подбородку.

— Никак действительно померла, — растерянно сказал дюженник.

— Вот оно, проклятие Ёроол-Гуя, — произнёс кто-то. — Конец илбэчу. Зря ловили.

Шооран повернулся, пошёл к тропе.

— Эгей! — окликнул его дюженник. Шооран остановился, но дюженник махнул рукой. — Ладно, теперь уже всё равно.

Пройдя несколько оройхонов, Шооран устроил привал. Не обращая внимания на испуганный и ненавидящий взгляд владельца земли, уселся под деревом, сорвал созревший плод. Достал и расстелил на коленях карту. Вот она — земля добрых братьев, о которой столько рассказывают, но которой никто не видал. До неё совсем близко, если прямиком через далайн. А так впереди два перехода по мёртвым землям, и государство старейшин, о котором тоже много болтают. Но он-то знает, что возле креста Тэнгэра жизнь не украшена цветами. Вряд ли со времён Энжина страна сильно изменилась, а это значит, что скорее всего Яавдай не сможет пересечь её.

Шооран ухватил себя двумя руками за волосы и со злобой дёрнул, отгоняя выплывшую мысль, что красивая девушка с Торгового оройхона могла быть таким же бредом покойной Нарвай как и её муж, и дар илбэча. Нет, этого не может быть. Яавдай никогда не говорила просто так. Раз она сказала, что пойдёт к добрым братьям, значит туда она и пойдёт через чужие страны и мёртвые земли. Значит, там её и надо искать. Он пойдёт за ней туда не кружным, а самым прямым, хотя и самым опасным путём.

Шооран криво усмехнулся. Завтра вся страна узнает о смерти илбэча. Это сообщение будет почти правдой. Илбэч действительно исчезнет. Надолго, а может быть, и навсегда.

* * *

Днём раскалённые туши аваров кажутся чёрными, а ночью, когда гаснет небесный туман, они начинают светиться изнутри ничего не освещающим обманным светом. Можно влететь в раскалённый камень лицом, думая, что до него ещё дюжина шагов. Особенно тяжело на мёртвой земле, где чёрные клубы дыма прячут, заставляют дрожать и делают схожими багровые пятна аваров и лиловое свечение далайна. Горы отбросов тоже излучают гнилостное сияние. Намёки, пятна, мазки света повсюду, но при этом ничего не видно, и уже не знаешь — движешься ты куда-то или, словно подбитая тукка, кружишь на одном месте, бессмысленно размешивая горячий нойт. И дым, дым, бесконечный дым... Режущий глаза, раздирающий горло. Но нельзя ни закашляться, ни обрушить случайно кучу истлевшей кости, ни ступить слишком громко, потому что, может быть, в двух шагах этот кошмар кончается и там тебя ждут враги.

Шооран присел на корточки, прикрыл глаза. Вокруг ничего не изменилось, даже пятна призрачного на грани видимости света продолжали качаться перед ним. Воздух с трудом проходил через влажную губку, но сама губка пахла уже не соком похищенного туйвана, а горелым нойтом. С минуту Шооран убеждал себя, что отдыхает, потом выпрямился и открыл глаза. И открывать их, и закрывать было одинаково больно. Жгло невыносимо, и стоило немалых усилий не начать тереть воспалённые веки перемазанными нойтом руками.

Минутной передышки оказалось достаточно, чтобы полностью потерять направление, но к этому Шооран был готов. Он наклонился, нащупал лежащую пику, определил, куда она указывает, и осторожно сделал несколько шагов. Под ногами захрустело, на колени хлынул поток какой-то мерзости. Опираясь на пику и высоко поднимая ноги, Шооран шагнул ещё раз. Ему казалось, что одно из пятен светится определённей других. Скорее всего, это обман, но, может быть, там кончается огненное болото, стоят посты, и тлеет в запальном костре высушенный возле аваров хохиур. Гадостный дым тлеющего хохиура не много прибавляет к запахам мёртвых болот, зато под рукой всегда огонь и в любую минуту можно зажечь факел или фитиль ухэра.

Чёрная масса когда-то построенного им оройхона ощутимо нависала справа. Конец огненного болота был совсем близко. Проверяя дорогу, Шооран ткнул пикой перед собой. Там немедленно что-то повалилось. В ночной тишине шум показался оглушительным и слышным за много оройхонов.

— Да что там бесперечь гремит? — раздался голос. — Ну-ка, запали факел...

Шооран, не раздумывая, упал в лужу. Неподалёку вспыхнул

огонь. Фигура с факелом в руках поднялась на поребрик, всматриваясь в ночной ад горящего болота.

— Ничего тут нет. Срань всякая осыпается, плохо накидали.

Так, значит, остановивший его завал насыпан специально, чтобы никто не мог подойти незамеченным!

Шооран лежал, вжавшись в грязь, и молился, чтобы панцирь и кожаные штаны выдержали и не пропустили к телу нойт.

К фигуре на поребрике присоединилась вторая.

— Да точно, нет ничего. Тут и днём-то не пройти... — говоривший закашлялся. — Вот гнусь, а? Сами себя загнали в дыру и сами себя караулим. И чего прежде не жилось?.. Понеслись, словно взбесившаяся тукка. Новые земли! Вот и карауль теперь.

— Говорят, Мунаг на совете предупреждал, что так будет. За это его ван в шавар и отправил.

— Это Хооргон-то ван? Дурак он вымокший, а не ван. Всех обошёл, тварь шаварная. Надо, пока не поздно, с настоящим ваном мириться. Принесём повинную, Хооргона головой выдадим и будем жить как на алдан-тэсэге...

— Самого тебя головой выдадут, — перебил второй стражник.

Он повернулся и спрыгнул с поребрика в темноту. Первый последовал за ним. Голоса сразу стали глуше, почти ничего нельзя было разобрать:

— ...Совсем не может... подумай — на двух оройхонах и ван, и одонт... Затравят, как жирха в норке — не отвоняется...

Едва дождавшись, чтобы голоса стихли, Шооран приподнялся и пополз вдоль насыпи, прочь от далайна. Направление он теперь знал. Запах гари усилился, в лицо пахнуло жаром. Через минуту ладони даже сквозь толстые рукавицы почувствовали огонь аваров. Не останавливаясь, Шооран пополз в самое пекло. Затрещал хитин панциря, смрадно закурилась кожа рукавиц и башмаков. Горелая окалина шелушилась на раскалённой поверхности, дважды Шооран не мог удержаться и съезжал вниз, оставляя на аварах клочья тлеющей одежды. Но зато здесь явно никого не могло быть, и Шооран рвался вперёд, почти не скрываясь, уверенный, что никто не различит его силуэт на фоне огненных камней. Выдать его мог только шум, но вокруг все было сглажено огнем и нечему было падать.

Скатившись с аваров по ту сторону преградившей путь баррикады, Шооран скинул рукавицы, с трудом сдерживая крик, сорвал раскалённый и во многих местах треснувший панцирь. Нестерпимо жгло ноги, жар пробрался сквозь многослойную подмётку и теперь, когда граница была уже позади, казалось, будто он стоит на аваре босыми ногами. О том, чтобы снять башмаки и идти босиком, не могло быть и речи — перед ним лежал бесконечно длинный мокрый оройхон.

Приплясывая от боли, Шооран двинулся в путь. Испорченные

рукавицы он зашвырнул на авары, а обломки панциря тащил с собой. Оставлять их на виду значило во всеуслышание объявить о своём приходе. Панцирь надо закинуть в шавар — мелкозубые жирхи быстро сгрызут подарок.

Рассвет застал Шоорана довольно далеко от границы. На сухое Шооран выходить не стал: давно минуло то время, когда он мог гулять в этих местах, зная, что никого не встретит. Теперь оба оройхона — и стариков, и его — заселены почти так же густо, как и благословенные земли вана.

Шооран обогнул сухие оройхоны так, чтобы оказаться ближе к своему бывшему дому, где оставался скрытый в «дороге тукки» тайник. Отправляться дальше в чём был Шоорану очень не хотелось. После путешествия через кипящие болота и бега по аварам от экипировки и щеголеватой внешности юного цэрэга не осталось ничего. Пику Шооран потерял в завале, рукавицы сжёг. Ароматическая губка пропиталась вонью, и Шооран её выкинул. Боевые башмаки, в которых можно безбоязненно ходить по шавару, в один день прогорели чуть не до дыр. Нарядный, тонкой кожи жанч лохмотьями сползал с плеч, а то что прежде называлось панцирем, теперь надо выбрасывать. Если добавить к этому ошпаренные и перемазанные лицо и руки, воспалённые глаза, спутанные в колтун волосы, то ясно, что Шооран вполне мог соперничать по части внешнего вида с покойницей Нарвай. Но всё же он сумел незаметно ускользнуть из владений вана сюда, где никто не ожидает илбэча и не собирается его ловить.

Оглядев себя, Шооран направился к шавару. От подозрительных остатков брони надо было избавляться. Возле шавара он увидел дверь. Костяная плита, склеенная из панцирей множества рыб, висела на волосяных петлях, закрывая вход. Шооран не сразу понял, что это и зачем. Потянул плиту на себя. Она послушно повернулась, открыв тьму шавара.

Место казни! Интересно, сколько людей успел за своё короткое правление отправить сюда толстощёкий повелитель?

Шооран захлопнул дверь, потом снова приоткрыл её и бросил доспех. В темноте плеснуло.

День Шооран провёл, забившись в заросли хохиура и надеясь, что никто не обратит внимания на незнакомого сборщика харваха. Вообще, с приходом дня на мокром появилось довольно много людей: хохиур был изрядно потоптан, чавга выбрана. Видать, не сытно жилось народу под крепкой рукой Хооргона.

С наступлением темноты Шооран прокрался на сухое. Здесь тоже всё изменилось. Дикие прежде поля приведены в порядок, хлеб выкошен, повсюду тянутся ограды из колючей кости. Шооран с тревогой подумал, что его тайник могли и найти. Хотя не так много времени прошло, вряд ли новые хозяева начали всерьёз перестраи-

вать алдан-шавар, а без этого отыскать замаскированные ходы можно только случайно.

Шооран обогнул несколько заборчиков и, оказавшись на склоне суурь-тэсэга возле небольшого, но вовсю плодоносящего туйвана, начал ползать по земле, отыскивая заложенный камнями потайной ход. Наконец один из валунов уступил нажиму, но расчистить дорогу Шооран не успел. Кто-то навалился на него сзади, принялся выкручивать руки, шипя:

— Попался, ворюга!

Шооран рванулся, но противник был явно сильнее.

— Я те покажу — воровать! — Мощный удар обрушился на затылок.

От боли в глазах полыхнули цветные огни, но всё же Шооран почувствовал, как прижавший его к земле человек замахивается снова, и успел отдёрнуть голову. Второй удар тяжёлого кулака пришёлся в камень. Враг взвыл и ослабил хватку. Шооран, не пытаясь освободить зажатую руку, вывернулся и ударил назад каблуком. Очевидно, в пятке ещё оставались иглы, потому что вой сменился чем-то напоминающим хриплый визг. Шоорану пришлось ударом ладони по горлу лишить противника голоса, иначе он переполошил бы весь оройхон. Теперь уже Шооран, почти не встречая сопротивления, заломил нападавшему руки и связал их верёвкой, которую тот предусмотрительно приготовил для Шоорана. Пленник хрипел.

— Не умеешь драться — нечего кулаками махать, — нравоучительно сказал Шооран.

Он оттащил связанного под навес, из-под которого сторож выскочил минуту назад, опустил полог, отыскал плошку с вонючим салом жирха и зажёг огонь. При дрожащем свете коптилки рассмотрел противника. Перед ним лежал Боройгал. Тот самый Боройгал, о силе которого ходили по Свободному оройхону легенды.

— А драться не умеешь, — с удовольствием повторил Шооран и, предугадав намерение пленника, предупредил: — Только пикни! Убью.

Боройгал хлюпнул носом и затих.

— Рассказывай, — предложил Шооран.

— О чём? — с готовностью отозвался бывший осведомитель.

Шоорана он не узнавал, да и странно было бы узнать мальчишку, которого видел почти девять лет назад.

— Обо всём, что у вас творится. А для начала — что произошло у Хооргона с рыжим Мунагом...

* * *

Тайник оказался цел. Шооран переоделся во всё новое, выбрал гарпун, приготовил губку и прозрачную маску, чтобы защитить гла-

за от дыма. Погрыз сушёного наыса и туйвана; немного взял с собой. Можно было уходить, но Шооран не торопился. Рассказ Боройгала наполнил его холодной спокойной яростью. Прежде надо наказать Хооргона.

Шооран пробрался «ходом Тукки», разобрал сооружённую им самим стенку и спрыгнул в коридор алдан-шавара. Спустился в освещённый слизнями нижний ярус. По ночам здесь никого не бывало, разве что в первую неделю после мягмара продолжали работать переборщицы. Хооргон жил в пещерах соседнего суурь-тэсэга, но это не смущало Шоорана, излазившего и помнившего здесь каждый закоулок. «Беглый камень», освобождённый от подпорок, мягко качнулся, открывая проход. Шооран со светящимся слизнем в руке шагнул туда. Вокруг было темно, и это казалось непонятным — в нижнем ярусе не должно быть темноты. Но потом он увидел ряды костяных сундуков, и всё понял. Он, не приложив почти никаких усилий, попал прямиком в сокровищницу новоявленного вана.

Здесь были перламутровые ларчики с жемчужинами, резные украшения из белой, чёрной и жёлтой кости, тонкие веточки хрустальной губки, что очень редко находят на берегу. На отдельных столиках разложены кремневые ножи, отполированные до зеркального блеска и такие острые, что ими можно бриться. На самом видном месте, на покрытой тонким полотном стене, висел убранный жемчугом доспех из кости чёрного уулгуя. Радужные диски искрились даже от тусклого свечения слизня, доспех невольно притягивал взгляд. Шооран подошёл, провёл кончиками пальцев по полированным кругам. В сокровищнице было жарко, но волнистая, с мелкими насечками резьбы кость оставалась прохладной и казалась живой. Рядом на стене висел праздничный талх, расшитый дисками бледного уулгуя, а вокруг — полный набор женских украшений. Казалось, перед Шоораном стоят в полумраке одонт в парадном облачении и его любимая жена.

Шооран вздохнул. Нет, он не возьмёт себе это чудо, он ничего не возьмёт здесь. Он пришёл за другим.

Полого поднимающийся проход, по которому прежде Шооран попадал сюда, оказался заложен каменными плитами, зато рядом наверх круто поднималась лестница. Здесь дорогу преграждала дверь, небольшая, но, должно быть, очень тяжёлая. Шооран осмотрел замок. Снаружи дверь можно было открыть только специальным хитро выточенным ключом, но изнутри оказалось достаточным отжать защёлку и отодвинуть засов. Шооран, пригнувшись, шагнул в дверь.

Прежде старик хранил тут припасы, потому что эта комната не только была сухой, но и хорошо проветривалась. Теперь всё вокруг разительно переменилось. Стены обиты замшей и задрапированы тонкими тканями. В вычурном светильнике, полном благовонной

смолы, плавает горящий фитиль. Отверстия под потолком забраны решётками, а проход, прежде завешенный шкурой, теперь обработан каменотёсами, врезавшими овальную костяную дверь. Ровно посредине помещения стояла широчайшая кровать, и на ней в волнах тонкой материи спал его недруг — толстощёкий Хооргон.

Шооран потянул из-за пояса нож, но внезапно остановился. Дерзкая мысль пришла ему в голову. Вместо ножа Шооран достал липкий бинт, каким приматывал к лицу губку, и быстрым движением заклеил Хооргону рот. Хооргон попытался всхрапнуть, заперхал сквозь нос и сел на постели.

— Тихо!.. — прошипел Шооран, заламывая Хооргону руки и связывая их обрывком простыни.

Юный государь даже не пытался вырваться, лишь мычал сквозь повязку. Шооран несильно ударил, мычание прекратилось.

— Идём! — Шооран тряхнул толстощёкого за шиворот, заставив, словно в детстве, подняться.

Хооргон очумело вертел головой и ничего не понимал. Шоорану пришлось вытащить нож и поднести его к лицу пленника. Хооргон вновь замычал разбитым носом, но покорно встал. Нелепое — широкое и страшно длинное одеяние свисало с его фигуры. Казалось, государь переодет женщиной.

Хооргон привычным и потому особо неуместным движением сунул ноги в мягкую обувку и зашлёпал вперёд, подталкиваемый Шооном. Они спустились в сокровищницу — наложив засов, Шооран сразу почувствовал себя спокойнее — прошли сквозь стену у «беглого камня». Хооргон не сопротивлялся и вообще вряд ли сознавал, что происходит. Лишь у «дороги тукки», когда Шооран остановился, чтобы уложить на место вынутый камень, Хооргон вдруг быстро пополз вперёд, а схваченный за ногу слабо попытался лягаться.

Они выползли из-под земли возле туйвана, и Шооран завалил ход обломком плиты. Где-то неподалёку лежал запелёнутый в навес Боройгал. Утром, если он не задохнётся, его найдёт одна из жён, и Боройгал, сорвав злобу на беззащитной женщине, будет остаток жизни молчать об этой истории. Кому охота рассказывать о своём позоре, а может быть, и отвечать за то, что упустил вражеского лазутчика?

«Пусть бы задохнулся, — подумал Шооран. — Ведь это он выгнал нас со Свободного оройхона...»

Подгоняя Хооргона, он двинулся по тропе к границе. Колючие заборы по сторонам были нашпигованы всякой бренчащей дрянью, чтобы вор, полезший на чужое поле, немедленно обнаружил себя, но Хооргон или не знал об этом, либо побоялся воспользоваться удобным случаем поднять тревогу. Ведь для этого ему пришлось бы прыгать в костяной заслон, а там случались и отравленные колючки. К тому же Шооран был настороже.

Через несколько минут они достигли поребрика. Здесь Хооргон было заупрямился и не хотел идти дальше. Шооран пихнул пленника коленом, но тут же поддержал, не дав прежде времени упасть в грязь. Хооргон, сразу сдавшись, зачавкал туфлями по болоту.

Небо начинало желтеть, серыми тенями обозначились тэсэги, стало можно идти без света. Шооран бросил истощённого слизня, подтолкнул Хооргона:

— Давай живей!

К свету они добрались до шавара. Шооран остановил Хооргона, взглянул на его зелёное лицо и не испытал ничего, кроме отвращения. Шооран освободил Хооргону руки, содрал с лица бинт. Потом предложил:

— Если хочешь, можешь кричать. Всё равно никто не услышит.

Хооргон не отвечал, лишь трясся крупной дрожью.

— Знаешь, почему ты здесь? — спросил Шооран. — Из-за давней мальчишеской глупости. Ты тогда нажаловался своему папашеодонту, и это стоило жизни моей матери. Кроме того, ты видишь этот нож? Может быть, ты даже помнишь его? Однажды я уже щекотал им твоё горло. Так вот, этот нож подарил мне Мунаг, тот самый, которого ты отправил в шавар. Не так много было людей, которые относились ко мне по-доброму, поэтому ты ответишь и за Мунага. Я ведь предупреждал, чтобы ты не попадался на моём пути. Теперь придётся выполнять детские обещания. Вот вход в шавар. Ты сам приказал поставить здесь дверь. Ты войдёшь, и я запру её. Выход с другого конца — свободен. Ты любил говорить, что даёшь осуждённым шанс, так воспользуйся им сам.

— Не надо!.. — просипел Хооргон. — Я никогда больше... никогда!..

Шооран ударил его и, втолкнув в темноту, захлопнул дверь. От толчка Хооргон сделал неловкий шаг и разом провалился по колени в липкую жижу. Голые ноги обожгло незнакомой болью.

— Пу-устите-е!.. — заблеял Хооргон, толкаясь в запертую дверь.

Кто-то впился в лодыжку, начал кусать торопливо и жадно, а из тьмы протянулось тонкое и упругое, принялось по-хозяйски ощупывать его, поворачивая. Хооргон дёрнулся и закричал. Кричал он не долго.

* * *

Ночь мести кончилась. С минуты на минуту в алдан-шаваре могли хватиться Хооргона, и неизвестно, что тогда будет. Пора уходить. Шооран вновь был полностью экипирован, из старого снаряжения уцелел лишь нож и надетая под жанч кольчуга. Тонкая и

шелковистая, она была не тяжелее цамца. Теперь, хотя Шооран вновь шёл в мёртвые земли, ему не надо было ползти на брюхе, поскольку тот край никем не охранялся. Значит, там будет легче или, по крайней мере, одежда изорвётся не так быстро.

Шооран шёл на север, куда четыре года назад ушёл старик. «Возможно, когда-нибудь ты поймёшь, почему я пошёл именно туда, — сказал он перед уходом, — хотя лучше, чтобы ты этого так и не понял». Милый славный Энжин, не так трудно угадать твою мысль. Ты начал строить эту дорогу, чтобы когда-нибудь новый илбэч, если ему станет невмоготу жить, мог уйти по ней от людей, построить себе безопасный приют и прозябать там одному, вдалеке ото всех, как прозябал ты сам. Спасибо тебе, старик, только новый илбэч пойдёт по твоей дороге не от людей, а к людям, вернее, к единственному человеку, который ему нужен.

От Боройгала Шооран знал, что вдоль стены тянутся два мёртвых оройхона. Значит, старик успел тогда выстроить ещё один. На эти оройхоны люди не совались, когда страна только заселялась, туда были посланы разведчики, но с тех пор там никто не бывал. Страна ещё не слишком перенаселена, пройдёт не меньше дюжины лет, прежде чем первые неудачники будут оттеснены туда на верную смерть. Значит, там можно безопасно строить. Не в этом ли объяснение тому, что илбэчи былых времён тоже двигались в основном вдоль стены Тэнгэра?

Бессонная ночь и два кряду перехода через мёртвые земли, казалось, лишь вдохнули в Шооранa новые силы. Он сразу понял, что ничего не забыл и ничему не разучился. Теперь уже не старику, а ему навстречу рванулось чистое пламя новорожденных аваров, и Шооран, не слишком даже понимая, с ним это происходит или с кем-то из легендарных героев, освобождённо засмеялся и пошёл дальше по чистому, незагаженному ещё оройхону. И вновь увидел изъеденную волнами стену Тэнгэра, и снова авары второго за день оройхона не пустили его к ней. Лишь тогда энергия покинула Шооранa, и он, надрывая в кашле обожжённую грудь, потащился назад.

Ночевать надо было на сухом, разбуженный Ёроол-Гуй мог явиться и среди ночи, но на сухом сейчас, должно быть, изрядный переполох, если, конечно, приближённые Хооргона сочли нужным во всеуслышание объявлять об исчезновении царя. Шооран пробрался по сухой полосе, уже изрядно заселённой, на угловой оройхон. На пятачке свободной земли, зажатой с двух сторон аварами, находились владения сушильщиков. Но сами мастера, как и обещал покойный Пуиртал, жили в алдан-шаваре, так что в большой палатке, где хранился их инструмент, никого не было. Шооран завернулся в жанч и улёгся на землю, неподалёку от навеса. Он чувствовал себя в полной безопасности и даже думал не о трудных делах последних

дней, а о каких-то совершенно отвлечённых вещах: Здесь земля всегда горячая, потому что рядом авары, на мокром всегда холодная, потому что рядом далайн. Но почему она всегда тёплая на сухом? Даже там, где далеко и от границы, и от далайна. Если тепло есть свойство земли, то почему она остывает в горсти? Разрешить загадку Шооран не успел, провалившись в сон.

Проснулся от того, что кто-то осторожно толкнул его. Рядом с Шоораном стоял высокий худой человек. По воспалённым глазам, отрешённому выражению ошпаренного красного лица и особенно по вкрадчивым, словно нечеловеческим движениям в нём сразу можно было узнать сушильщика.

— Что ты здесь делаешь? — спросил сушильщик.

— Сплю, — ответил Шооран. — Но я сейчас уйду.

Шооран не испугался незнакомца и даже ничуть не был встревожен. Это Хоргон, наученный горьким опытом отца, мог изменить отношение к презираемой профессии, сами сушильщики измениться не могли. Они слишком близко ходили около смерти, чтобы доносить на кого-нибудь или кого-нибудь бояться.

— Пойдёшь туда? — спросил сушильщик, указывая пальцем.

— Да, — ответил Шооран.

— Встретишь Ёроол-Гуя, передай, что сушильщик Койцог всегда помнит о нём.

— Хорошо.

Шооран поднял пустую корзину из-под харваха и, пряча лицо, пошёл через просыпающуюся сухую полосу.

До края мёртвой земли Шооран добрался довольно просто. Нойт уже вовсю горел на аварах, но далайн ещё не успел накидать сколько-нибудь мощного вала падали, и идти было не слишком трудно. Изгрызенная временем стена крошилась перед ним, но Шооран не стал тянуть дорогу вдоль неё. Сначала надо создать опорный пункт, место, где можно переждать беду и переночевать. Ведь немыслимо каждый день проходить всё более страшный путь, да и сколько ещё надеяться на везение, ночуя среди людей? Юбилейный, двенадцатый оройхон уже не был пограничным, он шел к середине далайна. Шооран начал создавать новую страну, которой пока ещё не было названия. Эта задержка рушила все планы, ведь Шооран сгоряча хотел, строя по два оройхона в день, добраться в страну добрых братьев к началу мягмара. Но ничего, зато теперь им с Яавдай будет где жить.

Тем не менее, он твёрдо намеревался ставить по два оройхона в день. Теперь дар илбэча был для него не чудом, а инструментом, создание земли — не подвигом, а работой. Бесконечно трудной, далеко за пределами человеческих возможностей, но всё же работой. И закончив этот оройхон, так похожий на Торговый, что в припадке безумия сотворил его предшественник, Шооран упорно двинулся

коготь, а по сторонам он был усыпан крошечными, едва заметными присосками.

Не стоило быть ни мудрецом, ни старейшиной, чтобы понять, кому принадлежит эта конечность. Довольно часто случалось, что, выходя на сушу, Ёроол-Гуй терял одну или несколько своих рук, но он всегда тут же пожирал их, не оставляя своего тела людям. Лишь редким и несказанно отважным счастливчикам удавалось, стоя на соседнем оройхоне, отсечь кончик щупальца и перетащить его к себе. Куда чаще резкий рывок лишал смельчака оружия, а то и жизни. Во всяком случае, прежде Койцог лишь слышал о редкостном живом талисмане. Говорили, что, пока отрубленная конечность Ёроол-Гуя шевелится, с её владельцем не может произойти ничего плохого. А случалось, что рука продолжала жить больше года.

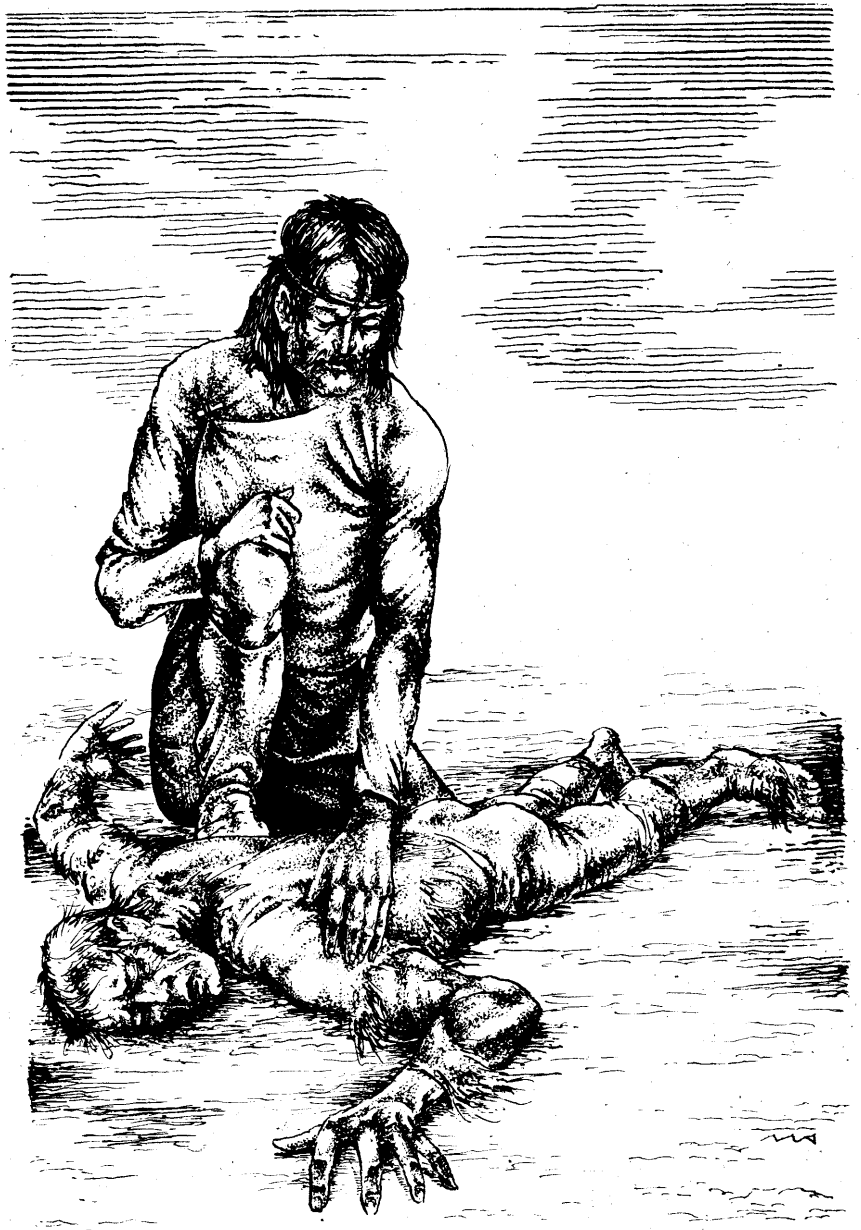
Койцог осторожно, палочкой запихал опасный подарок обратно в нож, а когда поднял голову, то увидел, что гость лежит без памяти, хрипит и, судя по всему, умирает. Сушильщик расстелил жанч, перекатил на него безвольное тело, оттащил под прикрытие единственного на пятачке холодного тэсэга и побежал за водой.

* * *

Ёроол-Гуй приближался, разбрасывая в стороны руки, крутящиеся словно ручьи. Они окружили его со всех сторон: щупальца с присосками, с когтями, с бахромой рвущих пальцев. Сочно чмокая, распахивались рты, маленькие глазки в узлах рук и огромные главные глаза смотрели на него, лишь один, подбитый глаз косил в сторону. Шооран понимал, что на этот раз он не успел уйти и сейчас будет съеден, как и тьмы безымянных, забытых людей до него, но он не мог сдаться так просто, а дёрнулся, пытаясь подняться, вскрикнул от боли в руках и очнулся.

Над головой плавно прогибался навес, земля, греющая даже сквозь подстилку, подсказывала, что он находится на огненной, но сухой земле. Казалось, он вернулся домой, сейчас полог откинется и войдёт мама. Вот только дома на сухой полосе никогда не бывало так тихо. И ещё, откуда взялась эта боль?

Шооран поднял руки к лицу и увидел, что они замотаны повязками. Может быть — старик? Тогда почему он не в алдан-шаваре? Вообще, что произошло? Шооран напрягся, пытаясь встать, но со стоном откинулся на постели. Неожиданно, разом он вспомнил и свою неудачную карьеру, и неудачную женитьбу, и неудачную попытку прорваться в страну добрых братьев. Лишь вместо последних часов в памяти оставался провал: Шооран не понимал, как ему удалось спастись и где он находится.

Когда последние порошины упали в чашу, Шооран не понял, что всё позади, и ещё несколько раз бесцельно мазанул щёткой по горячей поверхности. Лишь потом он сумел положить инструмент и отойти. Страшно болели напружиненные мышцы живота. Оказывается, всё это время Шооран ожидал взрыва и каменных осколков, вспарывающих брюшину.

— У тебя лёгкая рука, — похвалил Койцог. — Ты мог бы стать сушильщиком. Но лучше — не надо. Лучше бы сушильщиков не было вообще.

— А зачем ты работаешь сушильщиком? — спросил Шооран. — Тебе же ничего не нужно.

— Не знаю... Привык. Да я ничего больше не умею.

— Как ты им стал?

— Как и все. Мать умерла, отец погиб. Мне было десять лет, и я — старший в семье. Наследство досталось вану, и мне оставалось или уходить с малышами на мокрое или идти в сушильщики. Это в земледельцы детям нельзя, а в сушильщики — можно. Выживает, может быть, один на двойную дюжину. А куда деваться?

— Я знаю, — сказал Шооран. — У меня случилось так же. Но я был один — и ушёл.

— Сёстры вышли замуж, брат где-то бродит, — закончил рассказ Койцог, — а я так и остался сушильщиком. Теперь уж навсегда.

— Вот что, — сказал Шооран, — завтра я уйду по делам на один день, потом уйду надолго. Но ты знай, что я обязательно вернусь и уведу тебя отсюда.

— Не всё ли равно, где жить? Сушильщик всюду останется сушильщиком, а шавар везде препротивное место. Но, тем не менее, спасибо. Твои дела будут на мокром?

— Да.

— Я так и думал и потому запас тебе одежду, — Койцог нырнул под навес и вытащил узел. — Вот, держи. Твоя вся расползлась. Вот твой нож. Деревяшку я выстрогал новую, от старой осталась труха. Ещё была кольчуга. Тоже разорванная. Я там поправил, как мог.

Шооран развернул узел, достал кольчугу. Она была словно новая, живой волос сплетался упругим покровом.

— А говорил — ничего не умеешь, — улыбнулся Шооран. — Спасибо тебе. И постарайся, чтобы с тобой ничего не случилось.

— Интересная работа, — Койцог кивнул на доспех.— Я прежде не видал такой.

— Такие носят в стране старейшин.

Койцог помолчал, потом сказал задумчиво:

— Так вот ты откуда...

— Нет, — поправил Шооран. — Оттуда родом мастер, который её делал. А я... — Он вздохнул.

— Понимаю, — сказал Койцог. — Не говори.

На следующий день утром, вернее ещё ночью, Шооран ушёл. Он пробрался в темноте через сухую полосу и к свету был на мёртвой дороге. Шёл быстро, скрыв лицо в губке, не думая ни о гари, ни о чёрном уулгуе, который мог подстерегать здесь добычу. Слишком крупной была его игра, чтобы ей мог угрожать чёрный уулгуй.

За два часа Шооран добрался к тому месту, где его гонял владыка далайна. Теперь здесь ничто не напоминало о прошлом. Курились авары, полз нойт, мерно колыхался далайн, а на опустошённом оройхоне неведомо как завелась всевозможная живность.

Шооран внутренне собрался, бросил взгляд на стену Тэнгэра, напрягся и... ничего не произошло. В глубине души он был готов к чему-то подобному, слишком уж невероятным казалось его недавнее избавление и слишком упрямо молчала память о тех событиях. Всё же Шооран раз за разом собирал волю в кулак, бросал её в холодное молчание и не находил ответа. Что-то сломалось в нём, прекрасный и роковой дар исчез. Шооран безуспешно пытался что-то сделать, метался по берегу, тряся кулаком, но мысль, что волшебная способность не вернётся, становилась всё сильнее и скоро превратилась в уверенность.

Сдавшись, Шооран пошёл по узкой кромке назад. Он шёл и пытался представить, как теперь будет жить. Он молод, силён и не имеет места в жизни. Надеясь на свою исключительность, он легко пожертвовал завидной карьерой цэрэга. И Яавдай он потерял по той же причине. Кто знает, что там произошло, вряд ли старик Тэнгэр спустился на оройхон, чтобы увести Яавдай, но всё-таки это как-то связано с его бывшим даром. Остаётся вернуться назад — неважно, куда именно — и стать сушильщиком. Койцог сказал, что у него лёгкая рука, значит, он сможет растянуть свою гибель на несколько лет. Зачем? Лучше уж сразу.

Он прошёл свой последний бессмысленный оройхон, ступил на мёртвую дорогу. Шёл, больше не думая ни о чём, привычно дыша ртом. Вряд ли в мире есть сейчас человек, ходивший по огненным болотам больше, чем он. Но теперь с этим покончено.

Победивший далайн накидывал на пути горы мусора. Авары, нойт, дым, груды костей, выброшенные на берег кусачие ильки, даже здесь пытающиеся вцепиться в башмак — не всё ли равно? Его жизнь теперь никому не нужна.

Тягучая, движущаяся по кругу влага хлюпнула, расплёскиваясь. Две толстых в костяных нашлёпках руки упали на дорогу, отрезая путь и вперёд, и назад. Ещё несколько рук, плавно изгибаясь, протянулись через вал, ища Шоорана. Чёрный уулгуй, плававший вдоль берега, заметил движущуюся фигурку и решил проглотить её, хотя маленький человек никак не мог насытить безбрежную утробу. Концы щупалец стремительно приближались, одной секунды было

достаточно им, чтобы схватить человека, смять в удобный, вкусный комочек. За эту длинную секунду можно было успеть испугаться, сделать массу бессмысленных, ненужных движений или, если в тебе сердце воина, ударить врага, даже если враг не почувствует твоего удара. Шооран ударил. Всю свою силу, энергию он вложил в этот удар. Никогда прежде, даже строя землю, он не напрягался так страшно, как теперь, когда нечего и незачем было беречь.

Далайн вскрикнул, покрывшись пеной, уулгуя словно отбросило в сторону, чудовищные конечности сползли с тверди, гигант канул во взбаламученной глубине.

— Что, не вышло?! — закричал Шооран.

Разбрызгивая грязь, Шооран бежал к месту своей неудачи и позора.

— Я вернулся! — кричал он. — Со мной всё в порядке, больше меня не обманешь!

И далайн сдался, открыв заключённую в нём землю.

Шооран знал, что после облавы, устроенной на него Ёроол-Гуем, и болезни, когда он едва не потерял уверенности в себе, ему не стоит слишком напрягаться, и два оройхона в один день для него сейчас много, но удержаться не мог. К тому же неизвестно, что хуже — строить второй оройхон или пробираться назад через огненное болото. Шооран выбрал оройхон.

Хотя и теперь здесь не появилось безопасного места, но всё же четыре стоящих рядом оройхона были хорошей защитой. Ёроол-Гуй уже не мог бы, вздумай он повторить набег, мгновенно перекидываться с одного края на другой, и значит, чтобы спастись, было достаточно сделать всего пару шагов. Шооран устроился на ночёвку в самом центре этого квадрата. Здесь было трудно дышать, но зато Ёроол-Гуй не мог застать его врасплох.

Несмотря на события дня, а может быть, напротив, из-за них Шооран сразу уснул. Спал он тревожно, помня, где находится, но всё же ему снился сон. Чёрный уулгуй пришёл во сне и начал жаловаться:

— Зачем ты меня ударил? Я не обижал тебя прежде и сейчас хотел сделать тебе лучше.

— Разве это был ты? — удивился Шооран. — Ведь ты давно умер.

— Не всё ли равно, кто это был? Я говорю о том, что тебе было бы лучше не приходить сюда. Зачем это тебе?

— Я иду в страну добрых братьев.

— Туда гораздо проще попасть другим путём. Но ты пошёл здесь, ведь ты илбэч. Но нужно ли тебе быть илбэчем?

— Да. Я построил землю, и людям, хоть и под властью вана, стало чуточку легче.

— Это временно. Люди множатся быстрее, чем растёт чавга. По-

думай и о другом: мир конечен! Сейчас у людей есть надежда, что появится илбэч и даст им много земли. Если ты застроишь весь мир, ты отнимешь у них эту главную надежду. А если не застроишь, то к чему тогда всё?

— Замолчи, — сказал Шооран. — Я знаю, что это сон, ты мне снишься, и твои слова — это мои собственные вопросы, на которые я не хочу отвечать. Я хочу проснуться. На мокром нельзя так безмятежно спать.

— С тобой ничего не случится, — сказал уулгуй. — На этом оройхоне не успела вырасти чавга, и нет ещё и жирха. А Ёроол-Гуй не умеет подкрадываться тихо. Но, если хочешь, просыпайся. Вопросы всё равно останутся.

Шооран вынырнул из сна и, хотя утро ещё не наступило и небесный туман даже не начал желтеть, встал и принялся собираться. Пора было идти строить дорогу.

Стена Тэнгэра казалась здесь ещё страшнее. Должно быть, чем дальше от берега, тем хуже сопротивлялась она действию влаги. Шооран легко поставил оройхон, но не стал выходить на него. За три раза он привык к тому, как мгновенно вспыхивают при его приближении авары, и теперь ему было интересно посмотреть, что случится, если он не станет входить на пограничный оройхон. Всё равно придётся строить рядом ещё один остров, огненного болота он больше создавать не станет. Хватит и прошлой встречи с Многоруким. Выкрутиться ещё раз не удастся.

Второго оройхона Шооран построить не успел. Явился Ёроол-Гуй.

В начальный миг, когда рухнули неокрепшие суурь-тэсэги и из крутящегося водоворота, полного камней и пены, полез бог далайна, Шооран овладела паника. Он чуть не заметался, что было равносильно гибели, но вовремя вспомнил, что за спиной у него четыре оройхона, и лишь два из них огненные, так что он сможет уворачиваться от мерзкого божества сколько угодно. Шооран начал медленно отступать по поребрику, ожидая броска Ёроол-Гуя. Но тот по непонятной причине кинулся на только что поставленный пограничный оройхон. Это была большая удача, можно было уйти, не торопясь и ничем не рискуя, но Шооран овладело странное, болезненное любопытство. Он впервые видел Ёроол-Гуя со спины, если, конечно, у того могла быть спина. Многорукий не полностью выполз на оройхон, какая-то часть, вытянутая и пульсирующая, свешивалась вниз. Здесь тоже были руки, узловатыми корнями они впивались в кромку оройхона, терзая и обрушивая её. Но основная масса чудовища, невидимая отсюда, ползла по приграничному оройхону. Там что-то гремело и рушилось, словно Ёроол-Гуй вознамерился посуху добраться к стене Тэнгэра и собственными руками довершить то, что не успела сделать влага.

Шооран подошёл ближе и вдруг стремительно ринулся вперёд. Этого было нельзя делать ни в коем случае, на любой пяди земли невидимый глазу мог струиться осязательный отросток, тонкий, как паутина зогга, и прочный, словно канат, свитый из живого волоса. И всё же Шооран, подбежав вплотную к тому месту, где оройхоны соприкасались углами, спрыгнул вниз.

Илбэч ступил на пограничный оройхон, и немедленно авары полыхнули пламенем, по сравнению с которым любой человеческий огонь показался бы холодным свечением подземного слизня. Пламя ударило вползшего на оройхон Ёроол-Гуя.

С самого сотворения мира к облакам не поднималось такого столба дыма. Даже те давние события, когда, охотясь за Энжином, Многорукий три дня провёл на аварах, не могли сравниться с тем, что произошло сейчас. Ведь тогда он едва ли на дюжину шагов вполз на горячие камни, а сейчас он был там весь, растянувшись на целый оройхон.

Вопль потряс окрестности. Кричал не бог, он оставался молчалив, кричали раскалённые камни, лопаясь от льющейся на них влаги и холодной крови. Из трещин вытекала лава, авары застывали уродливыми наростами и вновь лопались. Выл пар. Смерчем закручивался дым, вихрь рук, сплетшихся в воздухе, казался бушующим столбом пламени.

Со времён битвы за алдан-тэсэг не получал Ёроол-Гуй такой оплеухи. Никакие выстрелы из ухэра не могли бы нанести подобного вреда. Бог ледяных глубин столкнулся со стихией, мощь которой была сравнима с его собственной. Так же, как и он сам, авары не уставали и, лопаясь, лишь жарче палили огнём.

Теряя руки и ошмётки плоти, Ёроол-Гуй сполз с негостеприимных тэсэгов и камнем ушёл в глубину. Если бы Шооран мог видеть своего врага в эту минуту, ему бы почудилось, что тело Ёроол-Гуя уменьшилось едва ли не наполовину. Но Шооран не видел ничего. Закрыв лицо руками, кашляя и задыхаясь, он бежал, спасаясь от горького дыма, туда, где можно было хоть как-то дышать.

* * *

Ёроол-Гуй не появлялся неделю.

За неделю Шооран поставил десять оройхонов, окончательно изнемог и едва волочил ноги. От красавца цэрэга оставалась одна, покрытая багровыми следами ожогов, тень. Так что, когда на седьмой день поутру с далайна донёсся удар, возвещавший, что властелин вернулся, Шооран не испытал никаких чувств, кроме усталого сознания, что теперь можно отдыхать.

Десять оройхонов, расположенных по два, составили длинней-

шую сухую полосу, пусть не слишком уютную, но зато совершенно безопасную. Шооран повернулся на другой бок и, хотя уже рассвело, сладко заснул под шумную возню Ёроол-Гуя. Он проспал сутки с гаком, а проснувшись, обнаружил, что Ёроол-Гуй по-прежнему восседает на суурь-тэсэгах последнего оройхона. День Шооран провёл, бесцельно разгуливая по сухой полосе. Ёроол-Гуй думал о вечном. На следующий день у Шоорана кончилась вода, и он вышел на самый дальний от Ёроол-Гуя мокрый оройхон поискать чавги. Однако эта земля была ещё слишком молодой, чавга не успела созреть, и выжать воду из крошечных комочков не удалось. Можно было бы вернуться к дому старика, где Койцог, конечно, даст и воду, и новый запас лепёшек и сушёного наыса, но Шооран не хотел совершать переход по огненному болоту, когда Ёроол-Гуй так близко. Скрыться там было бы попросту некуда.

Тогда Шооран решил согнать Ёроол-Гуя с насеста. Осторожно, по поребрику дальних от Ёроол-Гуя оройхонов вышел к далайну и начал строительство. Он заранее готовился к болезненному удару, который получит, когда Ёроол-Гуй начнёт ломать незавершённую землю, но Многорукий не двинулся с места, и новый оройхон встал прочно. На следующий день мучимый жаждой Шооран (он уже два дня ничего не пил), потеряв осторожность, вновь взялся за строительство. Придвигаясь к лежбищу гиганта, он поставил ещё два острова. Теперь три оройхона прикрывали достаточный кусок суши, чтобы один из прежних оройхонов стал чистым. Шооран начал ждать воды. Она ударила из расщелин бурлящими фонтанами, мутная, ещё смешанная с нойтом. Через несколько минут потоки посветлели, грязь уплывала к границам, плодородной землёй оседала на полях. Шооран, словно первый бовэр на пустом оройхоне, фыркал в ручье и радостно ругал себя, что не выстроил сухого оройхона раньше. Имея сухой оройхон, он мог чувствовать себя совсем спокойно. Воды у него теперь сколько угодно, а припасов хватит, чтобы дождаться появления первых побегов хлебной травы. Тонкие и нежные, они были годны в пищу, хотя обычно никто не использовал их так расточительно.

Ёроол-Гуй не отреагировал и на эти оройхоны. Мысли о вечном или что другое поглотили его полностью. Если бы не руки, безостановочно продолжающие бессмысленную работу, можно было бы решить, что бессмертный господь наконец издох на радость всем живущим.

Положение становилось, мягко говоря, странным. Никто не знал, сколько времени Ёроол-Гуй может провести на суше. Кажется, это время вообще ничем не ограничивалось.

Прождав три дня, отоспавшись, изрядно поприев запасы и опившись водой до состояния перезрелой чавги, Шооран вернулся к далайну и начал наращивать землю не в том направлении, куда

хотел, а куда мог. Поверх трёх оройхонов, создавших ему сухую землю, он поставил ещё три. Сначала тот, что ближе к Ёроол-Гую, а затем, ничего уже не опасаясь, и два других. Ёроол-Гуй пребывал в прострации. Возможно, сидя на земле, он не чувствовал ударов илбэча, а возможно — лечил таким образом ожоги, и ему было не до охоты. Шооран, выйдя из себя, метался по поребрику вдоль занятого оройхона, орал на Ёроол-Гуя и швырялся камнями. Многорукий благодушествовал.

Оставалось продолжать начатое и увеличивать ненужный выступ земли, в надежде, что когда-нибудь он пригодится. Или можно было спать, соревнуясь с Ёроол-Гуем в терпении. Шооран пошёл обоими путями. Он всласть спал, экономя силы и припасы (ростки хлебной травы были ещё слишком малы, чтобы принимать их всерьёз), а выспавшись до опухшей физиономии, шёл к далайну. Он поставил ещё два оройхона, а затем Ёроол-Гуй внезапно и беспричинно исчез.

Шооран прошёлся вдоль сухой полосы. Его мучили сомнения. Легко ругаться на Ёроол-Гуя, видя его и зная, что он не может тебя достать. А как быть сейчас? Что, если Многорукий никуда не уплыл, а ждёт, укрывшись под берегом, чтобы, когда ты приблизишься, снять тебя с оройхона на манер чёрного уулгуя?

В конце концов Шооран решился и начал работу, но не там, где прежде сидел Ёроол-Гуй, а в стороне, превратив тройку оройхонов в четвёрку. Ёроол-Гуя не было. Шооран прошёлся по запретному оройхону, вышел к далайну, постоял там пару минут и ушёл, ничего не сделав. Он чувствовал себя неуверенно и опасался, что далайн не послушает его.

Оройхон после двухнедельного пребывания Ёроол-Гуя представлял жалкое зрелище. Тэсэги, изъёрзанные огромным телом, были раздроблены в крошку, верхушки суурь-тэсэгов скруглились, словно над ними поработали каменотёсы. Входы в шавар обрушились, а вместо беловатого нойта камни покрывала тягучая зелёная слизь. Она светилась в темноте, и от неё муторно несло трупным запахом. Шооран собрал немного слизи во флягу, но слизь в минуту растворила тонкие стенки и растеклась.

Лишь после этого Шооран заметил, что подошвы новых башмаков, подаренных Койцогом, расползаются на глазах. Раздосадованный Шооран спешно покинул негостеприимный оройхон, твёрдо решив при первой же возможности превратить его в сухой, чтобы вода смыла всю пакость.

На следующий день Шооран вернулся и выстроил остров там, куда его не пускал Ёроол-Гуй. В ответ царь далайна опустошил один из первых участков этой земли, пожрав подросшую чавгу и завёдшееся в шаваре зверьё. Затем, не прячась и разгоняя мутные волны, словно небывалый авхай понёсся к берегам земли вана и там

учинил разгром среди успокоившихся было изгоев. Шооран тем временем поставил оройхон у стены Тэнгэра, сделав ещё шаг в страну добрых братьев. Этот оройхон завершал третью дюжину островов, созданных Шоораном, причём больше половины из них родилось за последнюю пару месяцев.

Началась жизнь, похожая на бесконечно долгую и мучительную игру. Ёроол-Гуй приходил и уходил, то пропадая, то в один день посещая несколько оройхонов подряд. Шооран часами сидел над картой, давно уже не той, а новой, вычерченной им самим, стараясь угадать, где сейчас менее опасно, потом шёл и наносил удар. Иногда он ошибался, Ёроол-Гуй успевал к месту строительства, и Шоорану приходилось, превозмогая боль и ловя каждое движение непредсказуемой твари, уходить по кромке оройхонов. Отрезать себя на маленьком клочке суши Шооран больше не давал, но и после простых встреч он болел по нескольку дней кряду.

Никаких запасов, разумеется, не могло хватить на это время, поэтому, чтобы не голодать, Шооран выкосил поле на одном из сухих мест и временами подолгу жил рядом с ним, заготавливая хлеб. Питался он мясом, лепёшками и наысом. Туйвана у него не было, туйван начинает плодоносить на шестой год, так что самые большие деревья пока едва доставали Шоорану до колена.

Бывало, что и Ёроол-Гуй пропадал надолго, и тогда Шоорану представлялось, что в это время его недруг, скрывшийся в бездне, возделывает там своё поле, заготавливает отвратительный подводный наыс, вялит мясо, а кончив дела, всплывает, чтобы продолжить гонку за илбэчем.

Кроме того, во время домашних работ его не покидало ощущение, что вся жизнь лишь померещилась ему, а на самом деле не происходило ничего, и он после ухода старика так и живёт один. Опасаясь за рассудок, Шооран вслух рассказывал себе историю своей жизни, потом доставал карту и бесконечно измерял расстояния — сколько ещё осталось до страны добрых братьев. Выходило уже не так много, большую часть пути Шооран прошёл, и если бы поставленные им оройхоны вытянуть в цепочку по два, он давно уже достиг бы цели. Но и без того «страна Шоорана», как называл он её, тянулась на день пути, ходить из конца в конец становилось всё дольше и утомительней, так что, в конце концов, Шооран перебрался на другой сухой остров и освоил новое поле.

К этому времени им было построено шесть с половиной дюжин оройхонов. Если верить легендам, один лишь Ван сделал за свою жизнь больше. Но Ван жил долго и был прославлен в поколениях.

Когда одинокая жизнь стала почти привычной, появилась неожиданная проблема: куда девать время? Всё-таки человек не двужильный и не может работать без передыха, а значит, наступит вечер, когда не хватит сил поставить оройхон и выпадет из руки

серп, а недоделанный гарпун вызовет лишь чувство отвращения. В такой вечер надо сидеть, прислонившись к тэсэгу, лениво глядя вдаль, неспешно перебрасываться словами с соседом или под звон сувага слушать долгие, перетекающие одна в другую истории, что заунывно выпевает забредший на оройхон сказитель.

У Шоорана не было семьи, друзей, ни даже соседей. Но был простор, зреющее поле, а главное — много одиноких вечеров. И он сделал себе суваг. Подпилил хищные зубы на изогнутой рыбьей челюсти, сплёл из живого волоса струны, натянул их, намотав на колки зубов, и с тех пор подолгу будил красную вечернюю тишину звоном дрожащего волоса. Иногда сидел и пел до самого утра, а утром вставал и отправлялся к далайну.

Появившись там в очередной раз, Шооран нашёл далайн кипящим и покрытым пеной. Мягмар. Когда-то Шооран собирался пройти путь за месяц, а идёт больше года. Послезавтра ему стукнет полторы дюжины — тот возраст, что он приписал себе, поступая на службу. Шооран вернулся к дому, сел на берегу ручья, наклонившись над водой, начал разглядывать своё отражение. Сейчас он мог бы приписать себе и две, и три дюжины, хотя теперь ни один одонт не согласился бы принять его в войско. Следы нойта и ожогов на лице придали ему вид законченного изгоя, подаренная Койцогом одежда истрепалась, истлевшие башмаки сменились безобразными буйями. Пожалуй, Яавдай и не узнает его... А он её?.. Прошёл год с лишним. Яавдай давно стала матерью, а он даже не знает, кто у них родился — сын, дочка? Сына он назвал бы Шаороном, а дочь... так, как захочет Яавдай. Благостный Ёроол-Гуй! Что за бред он несёт? У малыша давно есть имя, он уже узнаёт его звучание среди других слов, поворачивает головку, улыбается. Проклятый Тэнгэр, как ты обманул Яавдай, чем сумел напугать её, гнусный старикашка, что она ушла от меня? Жаль, что я не могу достать до твоего горла, я бы вцепился в него крепче, чем Ёроол-Гуй!

Шооран погрозил белому небесному туману кулаком и пошёл за гарпуном. Раз эту неделю нельзя строить, то надо сходить на те оройхоны, что постарше, затравить пару тукк и хотя бы сшить себе башмаки.

За неделю Шооран обновил гардероб и арсенал, заготовил впрок изрядный запас продуктов и устроил в разных местах несколько тайников, чтобы не повторилась история, когда ему с боем пришлось возвращать собственное барахло. Страна добрых братьев, о которой он знал меньше, чем о жизни на алдан-тэсэге, была уже близко, и он готовился ступить на её острова во всеоружии.

Последнее время при взгляде на карту Шоорана мучила мысль: в каком направлении двигаться? Страна добрых братьев была совсем

рядом, если идти на восток, до неё оставалось три оройхона. Но там он наверняка оказался бы в густо населённых местах, где его появление, а точнее, появление новой земли, было бы сразу замечено. А Шооран не хотел громко объявлять о своём приходе. Название страны вызывало у него недоверие, пугало слишком категоричным утверждением, что уж здесь-то всё в порядке и алдан-тэсэг стоит именно тут.

Двигаясь вдоль стены Тэнгэра, можно было подойти незаметно к наверняка пустынным мёртвым краям, но этот путь казался слишком долгим, он должен был занять не один месяц. К тому же первый путь рассекал далайн на две части, и Шоорану нестерпимо хотелось узнать, как поведёт себя Ёроол-Гуй в этом случае, и можно ли вообще разделить далайн.

Едва кончился мягмар, Шооран повернул на восток.

Он и теперь двигался широкой полосой, помня, что в узком месте от Ёроол-Гуя не спрячешься, а запасной жизни у него нет. За восемь дней отдохнувший Шооран построил пять оройхонов и наконец со стыка последних двух различил вдали землю. До неё оставалась тройная дюжина шагов, на таком расстоянии низкий берег был почти незаметен, а верхушки суурь-тэсэгов сливались с облаками, но Шооран знал, что надо искать, и увидел.

Он был готов и к тому, чтобы перейти в страну добрых братьев, и к тому, чтобы стремглав бежать прятаться, ежели по перешейку хлынет толпа, как это было в прошлый раз, когда люди нашли дом старого илбэча. Однако не произошло ни того, ни другого. Он просто не сумел поставить оройхон. Это было равносильно попытке поднять заведомо огромную тяжесть, неподъёмную и для дюжины силачей. Далайн вздувался мощным бугром, но через минуту тот бесследно опадал. Кончилось всё тем, что явился Ёроол-Гуй и погнал неудачливого илбэча назад по выступу, к счастью, достаточно широкому, чтобы можно было ускользнуть от тянущихся рук.

Оставалось идти долгим путём. Вновь начались метания по стране, ставшей уже слишком большой, чтобы не считаться с расстояниями. Шооран скоро заметил, что Ёроол-Гуй не больно охотно проплывает узкий пролив, отделяющий молодую землю от добрых братьев. Очевидно, гиганту было тесно там. Шооран стал этим пользоваться. Он уходил на крайний юг страны, ставил оройхоны: один, два, а то и три, дожидаясь появления противника, а потом совершал бросок к стене Тэнгэра и работал там, зная, что Ёроол-Гуй появится не скоро. Стремясь побыстрей пробиться к цели, Шооран забросил поле, щедро проедал старые запасы и, не считая, колол бовэров, которых, впрочем, слишком много развелось на пустынных землях.

...Семь дюжин оройхонов, восемь дюжин. Месяц прошёл. Девять

дюжин. Конец пути приближался. Уже не с мыса, а просто с побережья стало видно, что на востоке маячит земля. Вечерами Шооран пытался представить, что говорят о нём на противоположном берегу. Ведь там тоже видна земля. Хотя, если страна добрых братьев не так густо населена, как государство вана, то его могут не обнаружить довольно долго. Любителей прогуливаться вдоль далайна не так много.

Девять дюжин восемь оройхонов. Следующий оройхон, который должен был увеличивать сухую полосу, не встал. Тот берег был слишком близко, остров слился бы с ним, отрезав часть далайна, и далайн вновь не позволил членить себя. Дальше предстояло тропить дорогу смерти.

Меньше всего Шооран хотел вновь ходить по огненным болотам, но другого выхода не оставалось, и Шооран начал тщательно готовиться к экспедиции. Он восстановил запас продовольствия, в очередной тайник спрятал карту. Сам он помнил её наизусть, а выдавать кому попало тайну новых земель — не собирался. Хватит с него и одного Хооргона. Окончив несложные приготовления, Шооран отошёл на юг и начал строить землю там. Он поставил полдюжины оройхонов, не уходя из опасных мест, пока не увидел Ёроол-Гуя. И лишь потом, надеясь на защиту узкого пролива, Шооран ступил на мёртвую полосу.

Два оройхона, отделявшие его от границ братьев, Шооран поставил в один день. Второй оройхон был ещё не завершён, когда Шооран внезапно почувствовал дурноту. Лишь мучительным усилием воли он заставил себя закончить строительство. Теперь надо было как можно быстрее уходить из опасного места, мчаться в страну добрых братьев или, на худой конец, назад, к себе, но Шооран не мог этого. Он шагнул пару раз трясущимися ногами и тяжело сел на свежий, только что родившийся камень. Сейчас он не вспоминал ни об опасности, ни об Яавдай. Думал лишь о пройденном пути.

Вот и всё. Минуту назад он решил судьбу мира, замкнув далайн сплошным кольцом оройхонов. Нигде больше жгучая влага не касается обветшалой стены и, значит, никогда не разъест её и не вырвется за пределы вселенной. Мрачная угроза Ёроол-Гуя не сбудется. Но будет ли это во благо? Спас ли он только что мир или, напротив, замуровал в тесноте ограждённого далайна? Тяжкая доля — делать, не ведая, что делаешь.

— Уж тебе это на пользу... — прошептал Шооран, с ненавистью глядя на облака.

Ни в небесах, ни среди влаги ничто не менялось.

Шооран встал, поправил на боку заранее собранную сумку и, опираясь на гарпун, словно на палку, медленно пошёл в неведомую страну, где, может быть, ждала его Яавдай.

* * *

Значит, так вышло. Речь пойдёт об одном илбэче. Кое-кто говорит, что это был Ван, но зря слушать болтунов не стоит. Незачем всё валить на Вана, оставьте и другим отведать этой чавги. Так вот, жил некий илбэч, жил он много лет, состарился, седой стал, как дух шавара, а дела своего не бросал. Но сколько ни строил — доволен не бывал. И однажды сказал себе:

— Старик Тэнгэр поставил всего-то пять оройхонов, до полудюжины не дотянул, а его все хвалят. Я создал пять дюжин новых островов, но меня никто не знает. Неужели я хуже древнего старика?

Задав такой вопрос, он подумал и сам себе ответил:

— Да, мудрый Тэнгэр искусней меня. Его оройхоны сложены огнистым кремнем, а мои легковесны, их камень можно крошить руками. Но я докажу всему миру, что я не хуже старика.

Илбэч выбрал место и начал строить. Вскоре оройхон был готов, хороший оройхон, ничуть не хуже всех остальных, но илбэч не успокоился и продолжал строить его всё больше и больше. Каждый камень он делал как тэсэг, а тэсэг — словно холм. Столбы под оройхоном сгибались от страшной тяжести, но илбэч ничего не замечал. Лишь когда верхушки суурь-тэсэгов скрылись в небесном тумане, гордый илбэч сказал:

— Старик Тэнгэр не умел делать такое. На подобном оройхоне должен быть и кремень, и многое множество иных чудес!

И он пошёл, чтобы взглянуть на сотворённые им чудеса. Но его малый вес оказался последней каплей, переполнившей чашу, и едва гордец ступил на чудовищный оройхон, как столбы, не выдержав, подломились, и илбэч исчез в пучине вместе со своим творением.

Вот и вся простая байка. Поучение пусть каждый выберет сам. Большинство скажет поговорку: «Из кучи чавги не слепишь одного туйвана», — и будут правы. Длиннобородые мудрецы, грозно подняв палец, внушительно объяснят, что такова судьба всякого, вздумавшего посягнуть на божье величие. С ними тоже согласятся. А некоторые — их мало, и они слывут глупцами — молча решат, что лучше провалиться в тартарары, чем жить, не поднимаясь выше того, что указано тебе кем-то другим.

ГЛАВА 6

Первый же человек, встретившийся Шоорану в стране добрых братьев, заслуживал самого пристального внимания. Несомненно, это был изгой, самый его вид надёжно разрушал басни о сказочной

жизни в далёкой стране. Но даже среди изгоев редко можно встретить столь изувеченного человека. На нём не было ни единого целого места, шрамы наползали на шрамы, словно человек был покрыт грубой буро-красной корой. Единственный глаз недобро смотрел из-под вздёрнутого века, вместо другого глаза слезилась покрасневшая воспалённая яма. На щеке пониже ямы зиял сквозной свищ.

Человек сидел на корточках, разрывая стеблем хохиура чавгу, и тут же ел её. Дыру на щеке он прикрывал рукой, из-под пальцев текли сок и слюна. Пальцев на руке оставалось всего два, и рука была похожа на диковинную клешню.

Но каков бы он ни был собой, у него можно узнать хоть что-нибудь о стране. Пусть он думает, что говорит со шпионом, доносить подобный тип всё равно не побежит.

— Привет! — сказал Шооран. — Как удача?

При виде незнакомца, внезапно возникшего перед ним, калека подскочил, затем полуприсел в странном поклоне. Рубцы и шрамы сложились в гримасу, должную изображать улыбку.

— Ждыавштвуйте, доввый шеловек! — через дыру со свистом выходил воздух, передних зубов у бродяги тоже не оказалось, и понять, что он говорит, было почти невозможно.

— Как тебя зовут?

— Ижвините, — невпопад ответил калека, прижимая остатки рук к груди.

В следующее мгновение он ударил.

Шооран никак не ожидал удара, да ещё с левой руки, в печень, и хотя успел отшатнуться, но клинок, возникший в руке изгоя, пробил жанч и, если бы не кольчуга, поранил бы Шоорана довольно ощутимо. Плетёная хитиновая рубаха, спружинив, отвела остриё, и через две секунды изгой был обезоружен.

— Умён! Ты долго думал, пустая голова?

— Виноват, доввый шеловек. Фогойяшилша.

— Чего?.. — не понял Шооран.

— Гойяший шлишком. Виноват.

— Ладно. Так как тебя зовут? Только без ножа говори.

— Ылаго-фьэ-фодоф-ный-штау-ший-вуат... — было неясно, силится изгой что-то произнести или нарочно мучает звуки, издеваясь.

Шооран добыл из сумки пластырь.

— Залепи щёку и отвечай толком. А то шипишь, как пойманная тукка, ничего не разобрать.

— А жашем уажбиуать? — ощерился изгой. — Не видишь што ли, што я маканый? — От злости, или перестав паясничать, он заговорил почти разборчиво. — Ешть выемя — тащши меня куда надо, а нет — фуаваливай к Ёоол-Гую!

— А ты не видишь, что я нездешний?! — взорвался Шооран. —

Я о ваших делах ничего не знаю! — В следующее мгновение он сообразил, что здесь, на дальней окраине, неоткуда взяться чужаку, и поспешил объясниться, впрочем, не меняя взбешённого тона: — Третью ночь ползаю по вашей стране, из конца в конец прошёл — ничего не пойму!

Изгой просветлённо хлюпнул носом, расправил смятый пластырь, вытер со щеки текущие слюни и водрузил пластырь на свищ.

— Так ты иж жемли штарейшин? — сказал он, лишь слегка пришепётывая. — Так бы и говорил шражу.

— То-то ты слушал, — укоризненно заметил Шооран.

Изгой разложил подстилку, устроился на ней поудобнее. Спросил:

— Тшево тебе рашкажывать-то?

— Сначала — вообще. Как вы тут живёте?

— Живём хорошо. Любим друг друга до шмерти.

— Это я уже понял, — Шооран сунул палец через пробитую в жанче дыру, проверяя, цела ли кольчуга. — Правит у вас кто?

— Никто не правит. У наш равенштво. Вше люди братья, только одни штаршие да умные, а другие — дураки.

— Ну а принадлежит всё — кому? Я с суурь-тэсэга смотрел, поля у вас огромные, одному такое не убрать.

— Обшее. Вше вместе работают.

— Ясно, — сказал Шооран, вспомнив, что рассказывал Энжин о стране старейшин. — Ну а ест кто? Мяса-то всем не хватит.

— Вше понемношку едят. Не мяшо, конешно. Мяшо, туйван — это тшерэгам. А протшим оштаётша только для нажвания.

— У вас, что, очень много народу живёт на оройхонах? — недоумевающе спросил Шооран. Рассматривая с высоты сухой оройхон, он не заметил слишком большого перенаселения.

— Много, штрашть школько.

— Больше тройной дюжины? — удивился Шооран.

— Не-е! Где такую прорву прокормить? Меньше.

— Ладно, — сказал окончательно запутавшийся Шооран. — Разберусь. А ты-то почему здесь? Ты бандит?

— Я — маканый, — странное слово звучало будто характеристика и вместе с тем как имя. — Бандитов у наш нет.

— Слушай, — сказал Шооран, переходя к главному для себя вопросу. — Я ищу одного человека, женщину. Около года назад она ушла в вашу страну. Подскажи, где она могла приткнуться, где её искать?

— Мы чужих не любим, — изгой вздохнул, пластырь на щеке вздулся пузырём. — Молодая она?

— Молодая. И красивая.

— Тогда её могли в какую-нибудь обшину принять, обшей женой.

— Это как? — насторожился Шооран.

— Я же говорю — у наш равенштво. Мушшины могут иметь много жён, а женшины ражве хуже? Они тоже могут. Ешли она шоглашитша вжать в мужья шражу вшех мушшин в общине, то её могут принять.

— Вообще, это называется не жена, а по-другому, — заметил Шооран. — Она не согласится. К тому же, она ребёнка ждёт... ждала тогда, сейчас уж родила давно.

— Ш ребёнком нигде не вожмут. Ей тогда одна дорога — на алдан-тэшэг.

Шооран вспомнил удивительные представления братьев о загробной жизни и промолчал. Потом спросил:

— А если всё-таки искать, то где?

— Где угодно. У наш швобода. — Изгой отвернулся от Шоорана и занялся чавгой. Потом сказал, не оборачиваясь: — На ближних оройхонах таких нет. Я тут вшех жнаю.

— А как вы друг друга зовёте? — спросил Шооран. — Чтобы мне не пугать всех подряд. Обычаи у вас какие?

Ответить изгой не успел. Из-за тэсэгов вышло с полдюжины вооружённых людей.

— Кто такие? — Острия копий упёрлись сидящим в грудь.

— Ах, доблешные тшерэги! — зашамкал изгой. — Што вам надо от двоих ушталых путников? Мы пришели отдохнуть...

— Ты молчи, недомаканый, — прервал старший. — С тобой всё ясно. А вот это что за диво из далайна? — он повернулся к Шоорану. — Обыскать.

— Не советую! — Шооран схватился за гарпун.

Удар копья болезненным толчком отдался в груди, но кольчуга выручила, а в следующее мгновение Шооран был на ногах. Он мог бы проткнуть потерявшего равновесие воина, но ещё надеялся закончить дело миром и не хотел убивать. Он лишь выбил копьё, ударив тупым концом гарпуна по пальцам, и тут же отступил на шаг.

— Я на вас не нападал. Что вам от меня надо?..

Удар не позволил ему договорить. Кто-то из противников, оставшийся в укрытии и не замеченный им, подкрался сзади и ударил по затылку.

Шоорана скрутили, сорвали сумку и жанч. Увидав открывшуюся под жанчем кольчугу, командир довольно протянул:

— Зна-акомая штучка! Как же ты попал так далеко от своей границы?

Шооран угрюмо молчал. В затылке часто стучала боль.

— Женшину он ишшет, — угодливо сообщил изгой. — Про женшину он шпрашивал.

Не переставая сгибаться в поклонах и прижав культяпки рук к груди, изгой поднялся и вдруг метнулся в сторону, намереваясь бе-

жать. Но цэрэгам была хорошо знакома эта уловка, один из них ткнул древко копья между ног бегущего, калека кувыркнулся в нойт.

— Ку-уда?.. — засмеялся дюженник. — Шустрый какой...

— Меня-то жа што, добрые люди? — захныкал изгой.

— А кто чавгу жрал?

— Не я! — почему-то испугался изгой. — Это вот он, дьяволопоклонник!

— То-то я не видел... Давайте, братцы, пошли. Отбегали своё.

* * *

Раздирая предутреннюю мглу, прогудела раковина, и сухая полоса закопошилась, просыпаясь. Каторжники нехотя поднимались с земли, встряхивали одежду, на которой спали, натягивали её и шли строиться на молитву. К этому мероприятию Шооран никак не мог привыкнуть. Дико было видеть, как десять дюжин взрослых мужчин становились на колени и повторяли вслед за старшим братом:

— Всеблагой господь, создатель вод, тверди и небесного тумана, вечный Тэнгэр! Благодарим тебя за прошедший день, просим дня будущего и жаждем жизни вечной на светлом алдан-тэсэге твоём. Охрани нас могучей мышцей твоей от многорукого Ёроол-Гуя и злых дел его. Тебе молимся и на тебя уповаем, ибо нет в мире бога, кроме тебя. Яви славу твою в делах светлых илбэчей твоих, их же любим благодарным сердцем... — каторжники нестройно выводили слова молитвы, и илбэч повторял вместе со всеми: — их же любим благодарным сердцем во все века, покуда стоит далайн.

Не мог он к такому привыкнуть. Тошно было.

Еды по утрам не полагалось, после молитвы заключённые отправлялись на работы. Кто-то со спутанными ногами и под строгим караулом уходил на мокрое за нойтом. Работа считалась не тяжёлой, но опасной. Явится Ёроол-Гуй — что тогда? Как бежать, если можешь сделать лишь небольшой шажок?

Другие, и Шооран в их числе, варили ухэры. Взгромоздив на авары костяные чаны, кипятили смердящий нойт, бросали в него искрошенные панцири собранных в мягмар тварей, высушенных ыльков, спутанный в клубки и ни на что больше не годный волос, иной хитиновый сор. Кашляя и задыхаясь, размешивали варево, а когда весь хитин растворялся, с надсадным криком снимали котлы с огня и выливали густую массу в огромную, выдолбленную прямо в скале ванну. Там наступала очередь мастеров, которые, впрочем, тоже были каторжниками. Возле ванны, поднимаясь чуть не на три человеческих роста, стояло странное сооружение. Костяные части делали его похожим на скелет невиданного, вставшего на дыбы зверя. На-

зывалось устройство: «макальник». Сверху на толстых верёвках — не хитиновых, упаси Тэнгэр, а из соломенной пряжи — висело тяжёлое аккуратно обточенное и тщательно отполированное бревно. От горячего нойта древесина стала чёрной и лоснилась, густо смазанная салом жирха. Под громкие крики работников макальник со скрипом сгибался и окунал бревно в раствор. Не дав нагреться, бревно поднимали и окунали в холодную воду. Затем снова в нойт и вновь в воду. Постепенно на бревне нарастала корка хитина. Через неделю макания она достигала нужной толщины, тогда болванку высушивали, обрезали с одного конца, извлекали многострадальное бревно, а полученную заготовку отправляли оружейникам, которые доводили будущий ухэр до готовности.

Шооранов знакомец, оказавшийся на каторге своим человеком, распоряжался у макальника. Он нечленораздельно орал на подчинённых, шипел и плевался через дыру в щеке. Пластырь у него содрали сразу же, чтобы он ничем не отличался от окружающих. «Швободы» на каторге было немного, а вот «братство» и особенно «равенство» процветали вовсю. Кстати, покалеченного изгоя Маканым называли все. Шооран, увидев макальник, подумал было, что Маканый побывал в ванне. Но он тут же отбросил эту мысль: в горячем нойте человек не выжил бы и секунды. Рубцы на лице и руках Шоорана, оставшиеся со времён большой охоты Ёроол-Гуя, подтверждали это. Скорее всего, Маканый получил прозвище за свою профессию.

Когда облака начинали краснеть, работа прекращалась, каторжников выстраивали на новую молитву, а затем всё-таки кормили. Давали недобродившую, скверно сделанную кашу. Разжёвывая хрустящие зёрна, Шооран недоумевал: неужели так трудно приготовить кашу хорошо? Она сама получится, надо лишь замочить зерно с вечера. Но, вероятно, тот, кто готовил пищу, считал, что каторжников надо содержать плохо, и дело своё исполнял.

После еды следовала третья молитва, во время которой присутствующие признавались в братской любви друг к другу. Затем пороли провинившихся. Наказывали за самые разные вещи: за плохую работу, за драку, за сказанное вслух чёрное слово. Особенно жестоко били сборщиков нойта, если обнаруживалось, что они собирали и ели чавгу. Есть чавгу считалось грехом и поклонением Ёроол-Гую. Маканого тоже пороли за это в первый день, а когда непонимающий, что происходит, Шооран сказал, что он вырос на чавге, то выдрали и его.

Лишь перед самой темнотой у каторжников оставалось немного времени, и тогда оказывалось, что они ещё способны жить. Кто-то пытался подлатать одежду, кто-то беседовал, а из сгущающейся тьмы долетал тенорок местного сказителя:

— Рассказать, братья, могу я про женитьбу Ёроол-Гуя. Раз про-

снулся он в далайне и удивился крайне. Смотрит, спал пока, выросла новая рука. Ёроол-Гуй, он такой — Многорукому не впервой. Рука — ерунда, но такой ещё не видал никогда. Не висит, не болтается, в локте не сгибается. И пальцев не разжать никак, хотя на конце есть большой кулак. Бедняга с рукой потерял сон и покой. Рука готова, а проку с неё никакого. Такою рукою ни тащить, ни хватать, а только пихать. Да вот беда: не знает куда. Досада взяла Ёроол-Гуя: думает, что ему делать с... рукою?..

Сначала Шооран решил, что при первой же возможности сбежит отсюда, но вскоре изменил намерение. Бежать было не так уж и трудно: лагерь стоял на сухой полосе всего лишь в одном оройхоне от огненных болот, которые уже не обрывались в далайн, как прежде, и куда было легко уйти. Но Шооран сначала хотел разузнать о стране как можно больше, ибо надежда отыскать здесь Яавдай ещё не совсем умерла.

Постепенно он начал выяснять, как живёт страна. Но только выяснять, а не понимать, поскольку понять это было невозможно. Здесь и в самом деле ничто никому не принадлежало, всё было общее. Никому не дозволялось иметь ничего, что отличало бы его от других. Но если с вещами выполнение закона можно было контролировать, то ел каждый в свой живот, и проверить съеденное не удавалось. На обширных полях процветало воровство. По ночам целые толпы отправлялись на соседние оройхоны, красть несозревший хлеб, а навстречу им выползали другие толпы, но с тою же целью. Общинники пытались выделять сторожей, но это лишь ухудшало положение: красть со своих полей было удобнее. Незрелая хлебная трава, которой в иных местах и цэрэги лакомились редко, здесь была на каждом столе, зато хлеба не хватало. Опасаясь грабежа и понимая, что попавшее в общие житницы потеряно навсегда, жители кололи бовэров, не давая им вырасти, сбивали туйван прямо с дерева, обдирая при этом цветы и не щадя зелёных плодов. Нигде во всём мире вино не было таким кислым. Если бы не наыс, исправно подраставший каждую ночь, в стране вовсе наступил бы голод.

Те крохи, что всё же бывали собраны, следовало делить поровну между едоками. Неудивительно, что новых людей в общину не принимали, и Маканый был совершенно прав, говоря, что женщина с ребёнком нигде не найдёт места, ведь её надо кормить. Более того, община имела право за богохульство и иные прегрешения против истиной веры изгонять своих членов. В результате даже среди поклоняющихся дьяволу старейшин не было столь ревностных блюстителей церковного благочиния и добровольных инквизиторов, как среди вольнолюбивых добрых братьев.

Единственное, что создавало в стране подобие порядка, была армия. Цэрэги следили, чтобы взаимное воровство не переросло в откровенный грабёж, и за это каждый оройхон был обложен данью,

причём не процентом с урожая, как в земле вана, а определённой, раз и навсегда установленной нормой. Горе тем общинам, которые не сдавали в срок положенного количества хлеба и иных произрастаний, добрые братья-цэрэги в таких случаях на время оставляли доброту и сурово наказывали виновных.

Армия была многочисленна, хорошо обучена, прекрасно вооружена и не терпела конкурентов. В стране действительно не было бандитов, отчасти из-за того, что ровная береговая линия не оставляла им достаточно места, в основном же потому, что большинство разбойников легко находили себе место в рядах цэрэгов.

Страна добрых братьев была самой обширной в далайне, но всё же не могла прокормить ни себя, ни своё войско. И войско нашло выход в войне. Если граница между царством вана и старейшинами была относительно мирной, а Торговый оройхон оправдывал своё название, то на другой границе у старейшин война не утихала. Цэрэги братьев атаковали противника чуть не ежемесячно. Чаще всего их атаки бывали отбиты, но иногда отрядам удавалось прорваться через заслоны. Тогда они сбрасывали в далайн вражеские ухэры и грабили идолопоклонников до тех пор, пока старейшины не подтягивали подкрепления. Удержаться в чужой стране, снабжаясь через длинную полосу мёртвых земель, братья не могли — и уходили. Но даже обречённый на неудачу, но поначалу успешный поход делал его участника обладателем множества запретных, но таких притягательных вещей. Поэтому каждый новый набор солдат стремился на войну.

Отряды стражников не только воевали и поддерживали порядок, они брали на себя заботу об изгнанных общинами, не допуская, чтобы те становились бродягами, давали им еду и работу. В царстве доброты редко наказывали людей. Шооран лишь через неделю с удивлением узнал, что он не был осуждён за шпионаж, а напротив, получил права гражданства, устроен на работу и теперь вместе с остальными возлюбленными братьями всего лишь отрабатывает свой хлеб.

Однако, как её ни называй, каторга оставалась каторгой. Выяснив всё, что хотел, и поняв, что Яавдай он здесь не найдёт, Шооран начал готовиться к побегу. Для бегства ему была нужна только обувь. Босиком по огненному болоту не побежишь, а буйи, в которых они работали возле аваров, на ночь отбирались. Вообще, в стране одни цэрэги имели право носить обувь, остальные ходили босиком, и Шооран не раз думал, что такой запрет куда действенней запретов на ножи или хлысты. Хорошо, что сияющий ван не додумался до такого или же не смог ввести новшество из-за всеобщего злоупотребления башмаками и буйями.

Разрешить вопрос с обувью Шооран не успел, судьба распорядилась иначе.

В тот день начинали макать новый ухэр. Казалось, всё было готово: клеевой раствор вонял на аварах, бревно, хоть и старое, но годное в дело, заново отполировано и густо смазано салом, но Маканый был недоволен. Он размахивал руками и злобно свистел:

— Уеёфки тъянь! Тууха!

Прибежал оружейник, ведавший хозяйством. Взглянул, куда указывал Маканый, и приказал начинать.

Но Маканый заартачился.

— Офоуётша! — твердил он.

Всем было ясно, что Маканый недоволен веревками и требует их заменить, но, или у оружейника не было в запасе верёвок, либо, что вероятнее, он посчитал ниже своего достоинства понимать шипение и бульканье калеки, но он презрительно отвернулся и махнул котельщикам, чтобы те лили клей в ванну. Макальник поклонился раз, другой, потом с резким струнным звуком одна из верёвок лопнула, бревно нырнуло в ванну, сверху посыпались обломки, и полуразрушенный накренившийся механизм замер.

Оружейник — немолодой апоплексического типа мужчина, тоже замер, перекосившись, ловя ртом воздух и наливаясь багровой краской..

— Ты что, гад недомаканый, сделал? Я тебе покажу, тварь вонючая, отучишься ломать!..

Маканый пятился, шипя неразборчиво. Обломок рухнувшего механизма полетел ему в голову, но Маканый быстро пригнулся, и массивная кость, просвистев над ним, ударила в висок одного из подручных. Это был придурковатый парнишка, почти мальчик, выгнанный за ненадобностью общиной и за это попавший на каторгу. Не издав ни звука, он покачнулся и рухнул в ванну. Шооран и ещё один котельщик, мрачный человек, о котором Шооран знал лишь, что его зовут Куюг, кинулись к ванне. Крюками, которыми двигали котлы, нащупали в мутной жиже тело, выдернули наверх. Признать человека в том, что они вытащили, было непросто.

Оружейник, кажется, и не заметил гибели одного из каторжников. Он продолжал наступать на Маканого, вслепую ища какое-нибудь оружие. Куюг аккуратно положил багор, не торопясь обошёл ванну и саданул не ожидавшему нападения оружейнику в зубы. Подавившись криком, оружейник свалился на землю.

Двое цэрэгов, с любопытством наблюдавшие с поребрика за происходящим, перехватили копья и с воплем ринулись вперёд.

«Только не вмешиваться, — подумал Шооран. — Моя жизнь дороже их всех».

Затем он шагнул, встав на пути у бегущих воинов.

Устрашающему боевому крику цэрэги были обучены превосходно, а вот что безоружный каторжник может знать приёмы рукопашного боя, в голову им прийти не могло. Иначе они не действовали

бы так прямолинейно. Шооран легко ушёл от нацеленного копья, ударом по ноге опрокинул одного воина, а второго крутанул, ускоряя его бег и изменив направление. Боевой крик на мгновение сменился отчаянным взвизгом, затем жарко хлюпнул нойт, и вопль оборвался.

Остальные каторжники как по команде бросились на упавшего цэрэга, принялись топтать его. Шооран подхватил валяющееся копьё.

— Надо уходить! — крикнул он.

На ближнем суурь-тэсэге выла раковина.

Беглецам не дали даже выйти с сухой полосы. Полторы дюжины вооружённых лишь крюками каторжников не могли оказать сопротивления обученному, снаряжённому и превосходящему числом противнику. Несколько каторжников были убиты, прочих связали и повели обратно в лагерь.

Суд был коротким. Вызванный из алдан-шавара старший брат выслушал рассказ забытого в суматохе и потому уцелевшего оружейника, затем обратился к связанным бунтовщикам:

— Возлюбленные братья! — такое обращение обычно предшествовало порке. — Я не осуждаю вас. Кто я такой, чтобы осуждать хоть кого-то? Один вечный Тэнгэр может судить людей за их дела и мысли. Я вас прощаю. Но вы сами понимаете, что погорячились сегодня, и ваш пыл следует охладить. Всем по шесть, зачинщикам — дюжина, — добавил он деловым тоном.

Зачинщиками были Шооран, Куюг и Маканый.

Шооран не обманывался относительно прощения. Он понимал, что эта фраза сродни надежде благополучно пройтись босиком по шавару. Не знал лишь к дюжине чего их приговорили, но спрашивать у собратьев по несчастью не стал. Скоро он узнает это и так. В своём поступке Шооран не раскаивался. Потом, если у него останется для этого время, он, может быть, и пожалеет о сделанном, а сейчас было только обидно, что всё так бездарно кончилось.

Преступников подняли и повели через сухой оройхон к далайну. По дороге к процессии присоединилась толпа народу, очевидно, зрелище обещало быть увлекательным. У кромки оройхона все дружно вытащили буйи и принялись обуваться. Шооран усмехнулся. Ну конечно, как иначе попасть к далайну в мягмар? А без кости на оройхоне не проживёшь. Вот только зачем нужен закон, который никем не исполняется? Разве только для того, чтобы все были виноваты.

Мокрый оройхон был угловым. На крошечном кусочке побережья Шооран увидел знакомый силуэт макальника. Теперь всё стало ясно.

Приговорённых раздели донага и привязали к костяным крестовинам, стоявшим на берегу, чтобы ожидающие экзекуции тоже могли наблюдать за процедурой.

Вперёд вышел старший брат.

— Мы не осуждаем вас, братья, мы любим вас и молимся за ваше исправление. Но сегодня вы погорячились, и излишний жар следует охладить. Пусть грех вернётся к своему родителю!

Далайн размеренно колыхал ледяную влагу.

Первого из возлюбленных братьев подвели к макальнику, начали обвязывать под мышками верёвкой. Маканый, распятый рядом с Шоораном, наклонил голову, прижал изуродованную щёку к голому плечу и сказал:

— Шешть раж — это терпимо. Можно выжить. На шебе жнаю. Когда опушкают, надо жжатша, а когда вытащат — дёргатша шильнее, штобы ыльков штряхнуть. А потом шнова ушпеть жжатша в комошек. Главное — мушшкие чашти шберечь. Они и не понадобятша больше, а беж них вшё одно иждохнешь. Нет, шешть раж — по-божешки. А вот дюжина — это конетш.

— Замолчи, будь добр, — попросил висящий слева от Шоорана Куюг.

Макальник с долгим скрипом разогнулся и начал наклоняться к далайну. Каторжник, висящий в петле, поджал ноги. Возможно, он делал это инстинктивно, а может быть, как и все, знал, как следует вести себя во время макания. Макальник склонялся всё ниже.

— Не-е!.. — выкрикнул несчастный, затем влага сомкнулась над ним.

Также неторопливо адский механизм начал распрямляться. Вскоре человек показался над поверхностью. Он бился, извиваясь, размахивал руками и невнятно выкрикивал что-то вроде: «Хы! Хы!..» Впившийся в мясо ыльк отлетел в сторону, упал на берег, запрыгал на камнях, разевая усаженный тонкими зубами рот. Макальник пошёл вниз.

— Не выживет, — тоном знатока сказал Маканый. — Не жжалша.

После третьего раза казнимый уже не кричал и не извивался. Он мёртво висел в петле, лишь изъеденные руки слегка подёргивались. Но всё же его продолжали макать.

На шестой раз вниз пошло тело без всяких признаков жизни. Оно ушло в глубину, но наверх уже не показалось. Могучий рывок натянул канат, внутри макальника что-то хрустнуло, и он завалился на бок. Канат, внезапно отпущенный, спружинив, подлетел в воздух. В разорванной петле никого не было.

Трое палачей удручённо разглядывали поломанную машину. В толпе раздались крики, многие показывали пальцами на далайн. Там, между бугров влаги появилось что-то похожее на частокол из костяных гарпунов, обтянутых серой кожей. Плавник быстро двигался, вздымая пенистые буруны. Маарах — огромная костистая ры-

ба, желанная добыча во время мягмара, барражировала вдоль берега, явно не собираясь уходить.

— Никто не выживет, — сказал Маканый. — Шажрёт вшех. Вишь, как ходит.

Палачи, понукая добровольных помощников, подняли упавший механизм, кто-то полез наверх заменять поломанную деталь. Маканый, на которого напал бес болтливости, что-то возбуждённо шипел, но Шооран не слушал. Несмотря на шум и толпу вокруг, он вдруг ощутил далайн. В конце концов, он илбэч и должен умереть как илбэч, а не быть проглоченным глупой рыбой! Работать, напустив на лицо отсутствующее выражение, не выдав себя ни единым жестом, было страшно трудно, но всё же у него получалось. Оройхон начал возникать.

Сначала берег взорвался испуганными голосами, потом упала мёртвая тишина, потом кто-то завыл, некоторые бросились бежать, словно увидели Многорукого, другие молились, иные лежали, упав лицом в нойт и не смея подняться. Шооран не замечал ничего, кроме далайна. Влага кипела, клубились шапки пены, зазевавшийся маарах выметнулся на воздух и остался монументом самому себе, навеки впаянный в камень. Далайн схлынул, отступая перед новым оройхоном.

«Вот и всё, — подумал Шооран. — Жить мне осталось один день. Но этим придётся строить новый макальник».

Наконец пришёл в себя и кто-то из начальства. Послышались команды, общинников погнали вон, оправившиеся цэрэги сняли с крестовин каторжников и повели их назад через умывающийся, залитый выступившей водой оройхон.

Ночь пленники провели запертыми в алдан-шаваре. Никто не разговаривал, лишь Маканый время от времени тряс шишковатой головой и повторял:

— Ну-у?.. Да-а...

Наутро в алдан-шавар прибыл старший брат. Не тот, что распоряжался в каторжных мастерских, а другой, очевидно, из самого высшего командования. Он остановился на пороге, оглядел повернувшиеся к нему серые лица и медленно, подчёркивая каждое слово, начал говорить:

— Я ни о чём вас не спрашиваю. И я не буду вас спрашивать. Вы понимаете, о чём я говорю. Больше с вами об этом не будет говорить никто. И вы не должны говорить об этом друг с другом. Вас, всех без исключения, будут кормить и ухаживать за вами. Потом вас приведут на берег и оставят одних. Если захотите, можете висеть там, пока не высохнет далайн. Но я бы хотел иного. Так что ваша жизнь в руках одного из вас. А теперь собирайтесь.

Брат вышел. Женщины с испуганными глазами принесли чистую одежду и воду для мытья. Маканый, мгновенно охамевший, по-

требовал пластырь на щёку. Брат, оставшийся при пленниках, проворчал, что разговаривать-то им как раз и не надо, но пластырь позволил.

— Должен же я молитша, — довольно сказал Маканый, — а беж плаштыря моя молитва неражбортшива.

— Знаю я твою молитву, — возразил старший брат. — Будь вас здесь святая дюжина — всё было бы ясно. Но вас — дюжина и один. Значит, лишний служит не господу, а Ёроол-Гую. И я догадываюсь, кто этот лишний.

— Ты не прав, потштенный. Нас ровно швятая дюжина и Он.

Услышав это «Он», сопровождаемое закатыванием единственного глаза к потолку, Шооран едва не расхохотался и сумел сдержаться, лишь до крови прикусив губу.

«В это верят только женщины», — вспомнил он. От кого достались ему эти слова? От язвительного насмешника Хулгала, или от отца, которого он не помнит? Во всяком случае, в божественный разум Ёроол-Гуя Шооран верил не больше, чем позволял ему собственный опыт, а Тэнгэра, загнавшего людей в далайн, ненавидел глубоко и искренне.

На следующий день чёртова дюжина бывших каторжников была накормлена (впервые каши было вдоволь, и она оказалась приготовленной как следует), затем их связали, правда, не грубой хитиновой верёвкой, а мягкими ремнями из шкуры бовэра, и партия отправилась в путь. Сопровождали их три дюжины цэрэгов и старший брат, прежде управлявший мастерскими, а теперь получивший неожиданное повышение.

— Ремешки-то раштягиваютша, — шепнул Шоорану Маканый, когда они вышли.

— И что? — спросил Шооран, показав глазами на цэрэгов.

— Так. Пригодитша.

О чуде знала уже вся страна. Общинники с сухих оройхонов высыпали смотреть на процессию. Многие кланялись идущим.

— Видишь, как все любят нас благодарным сердцем, — вполголоса заметил Маканому Шооран.

— Молтши! — шикнул тот, и Шооран лишь теперь понял, что, несмотря ни на что, Маканый относится к происходящему более чем серьёзно.

Шли долго, через всю страну. Глядя на расстилающиеся вокруг земли, Шооран и сам видел, что рассказы каторжников были правдой. Оройхоны были разорены, словно по ним только что прошла война. Тропинки пробегали прямо по полям, иногда рядом лежали сразу несколько широких дорожек — очевидно, всякий ходил, как ему удобнее. Всходы потоптаны, смяты, вырваны с корнем. Даже алдан-шавар, где они ночевали, оказался неухожен и вызывал уныние. До какой же нищеты можно довести страну, даже если всё в

ней растёт и плодоносит само, но нет руки, готовой любовно собрать и сберечь выросшее.

На второй день они прибыли к месту назначения, а на третий вышли к далайну.

Вновь их привязали к крестовинам, опутав руки и ноги мягкими ремнями, потом оставили одних. Шооран понимал, что цэрэги не ушли, что они поблизости, но никто не подсматривал, что происходит на крестовинах. Оройхон был важнее любопытства, а внезапно обретённый илбэч требовался властям всерьёз и надолго. Шооран обратил внимание, что между отдельными крестами стоят щиты, чтобы и сами прикованные не могли видеть друг друга.

Не стоило большого труда догадаться, куда их привели. Где-то неподалёку воняли дымом авары, значит, рядом мёртвая полоса — дорога в страну старейшин. Братья, не скопив своего, хотят добраться до чужих богатств.

Шооран вздохнул, собираясь с силами. На горе или на радость, ради высокой или низменной цели, свободным или связанным, но он будет исполнять свой долг. Пусть после его дел прольётся кровь и кто-то станет более несчастен, чем сейчас, но раз есть далайн и есть илбэч — илбэч обязан строить. Хотя бы просто для того, чтобы в мире стало одним оройхоном больше.

* * *

Следующий оройхон он поставил через неделю. А через неделю — ещё один. Потом их не трогали целый месяц, из чего Шооран заключил, что объявился Ёроол-Гуй и братья выжидают, не желая рисковать. Месяц истёк, и еженедельные выходы к далайну возобновились. Первое предположение Шоорана оказалось правильным: строилась широкая, в три оройхона дорога в землю старейшин.

Вечерами и в свободные дни зажиревшие от безделья каторжники сидели под стражей в алдан-шаваре, дулись в кости на интерес или вечернюю порцию мяса (теперь им давали и мясо, и наыс, и вообще всё, кроме вина) и старательно не говорили на запретную тему. Лишь Уйгак — тощий, но страшно прожорливый мужик, глупый и такой законопослушный, что неясно было, как он попал на каторгу, а потом в бунтовщики, вздыхал порой, придвигая миску с выигранным мясом:

— Ох, повезло нам, братья! Всегда бы так жить.

— Бовэр в ручье тоже небось думает, что ему повезло, — отвечал угрюмый Куюг, — и не знает, что гарпунок на него уже заострён.

— Скажешь тоже! — обижался Уйгак. — То бовэр безмозглый,

а то... — и он многозначительно поднимал к потолку палец, перемазанный в мясной подливке.

Шооран в разговорах участвовал мало, старался больше спать и не говорить, а слушать других. Его тоже преследовало сравнение с бовэром, и он ждал всяких неожиданностей. Кроме того, он постоянно представлял в уме карту мира и старался отметить на ней новые оройхоны. Не так много их было. Окажись он на свободе, он бы выстроил за это время куда больше.

Вскоре сон уже не шёл в отяжелевшую голову, и мясо стало казаться пресным. Выход Шооран нашёл в беседах с Маканым. Калеке достаточно было задать один вопрос, а дальше он рассказывал сам без остановок. Надо было лишь суметь разобрать его речь, и тогда выяснялось, что он рассказывает массу любопытных вещей.

— За что тебя первый раз приговорили?

— Не приговорили, а оштудили. Жа машку. Машку я шделал иж рыбей кожи. Ешли её харвахом шырым натереть, так она шветитша в темноте. Штрашно! Её надеть и ишшо на ходули штать. Ночью приду на поле, да как крикну шторожам: «Ужнаёте меня?!» Они и уполжают штаны чиштить. Вше оройхоны были мои. Но вшётаки поймали меня. Макали три ража. Шешть раж это уже потом, жа другое...

Одиннадцать дюжин первый оройхон соединил две страны, прежде отделённые друг от друга огненным болотом. Едва камень затвердел, как отряды цэрэгов, скрывавшиеся неподалёку, ринулись на приступ. В неожиданности они видели своё главное преимущество. Но неожиданного удара как раз и не получилось. На том берегу ещё неделю назад заметили замаячивший оройхон и, поняв, что происходит, успели подготовиться к атаке.

Цэрэги братьев шли не скрываясь, и залп татацев буквально выкосил их, от передовых дюжин почти никого не осталось. Остатки нападавших были смяты, старейшины сами пошли в наступление.

Охранники, занятые Шоораном и его товарищами, не успели ещё никого отвязать, когда из клубов дыма, по-прежнему тянущихся с бывшей мёртвой полосы, показались кольчужники врага. Грудь каждого за прозрачной чешуёй казалась открытой, в руках пели хлысты, короткие копья торчали за спиной. После мгновенной схватки охранники были перебиты, и наступающие пошли дальше. На привязанных к крестам людей они не обратили внимания — мало ли какие жертвы приносит противник великому Ёроол-Гую.

Берег опустел. Шооран понимал, что это ненадолго и сейчас у него единственный шанс получить свободу. Шооран напрягся, пытаясь освободиться. Мягкие ремешки не растягивались. Если бы заранее, прежде чем его привязали, напружинить мышцы, он, может быть, и смог что-то сделать, но сейчас он был беспомощен. Ему не было больно, под ногами стояла подставочка, он мог висеть так дол-

го, не испытывая заметных мучений, не жёстко, но плотно перебинтованный, неспособный шевельнуть и пальцем.

Шооран не помнил себя плачущим, но в эту минуту слёзы обиды и бессилия сами выступили на глазах. Он оказался не готов и не способен к борьбе, ему не к чему было применить свою силу, он не мог даже бестолково дрыгаться.

Рядом за щитом послышалась возня, невнятное бормотание, потом оттуда на землю спрыгнул один из его товарищей и, пригнувшись, побежал в сторону тэсэгов.

— Эгей! — крикнул Шооран. — Помоги! — но тот даже не оглянулся.

Шооран заскрипел зубами от злости и отчаяния.

— Беги, беги, раж тебе надо, — послышался сзади шепелявый голос. — А я не илбэтш, я могу и жадержатша.

Ремни начали ослабевать.

Вдвоём, а после втроём — освобождённый Куюг тоже присоединился к ним — они быстро развязали оставшихся пленников. Большинство, дождавшись свободы, тут же убегали, и вскоре у поребрика остались лишь четверо бывших каторжников и бывших чудотворцев: Шооран, Маканый, Куюг и Уйгак.

— Рашходимша по-одному, — сказал Маканый. — Шреди наш был илбэтш, а историю о пяти братьях хорошо слушать ветшером. Вжаправду я её не хотшу.

— Правильно, — поддержал Шооран, мысленно благодаря мудрого старика. Хотя, кто знает, сколько лет Маканому?

— Вы — куда? — растерянно спросил Уйгак. — Пошли обратно! Где ещё мясом-то кормить будут?

— Оройхоны ты станешь строить? — поинтересовался Куюг.

— Какие оройхоны? — обиделся Уйгак. — Мясо дают! Ну, вы как хотите, а я остаюсь.

Трое каторжников быстро пошли, пока ещё рядом, но каждый уже выбирая свою дорогу.

— Эгей! — окликнул Шооран Маканого. — Тебе сколько лет?

Тот остановился. Соображая, потёр лоб двупалой клешнёй.

— Две дюжины. Шкоро ишполнитша.

* * *

Шооран направился к стране старейшин. На новом оройхоне, ещё не затянутом нойтом и испачканном только кровью, он переоделся. Убитый цэрэг лежал на земле, поджав колени и положив руки под голову, словно спал. На разбитом кистенём виске выступила кровь. Стараясь не смотреть в молодое лицо, Шооран раздел покойника.

«Тебе уже не надо», — мысленно извинился он.

Башмаки с иглами заменили тоненькие буйи, в которых далеко не уйдёшь. Впору пришлась кольчуга. Поверх кольчуги Шооран натянул мягкий жанч, выданный братьями. Не стоит лишний раз показывать любопытным глазам своё снаряжение. Шооран подобрал копье, нож, скатал хлыст. Не тронул лишь забрызганный кровью шлем. Настороженно прислушался. Сзади нарастал шум битвы.

Ждавшие лёгкой победы братья пусть не сразу, но оправились от удара, и теперь начинало сказываться их численное превосходство. Цэрэги старейшин попятились.

Шооран видел, что он заперт на перешейке, словно тайза в своей норе. Впереди наверняка стоят заслоны при орудиях, сзади идёт сражение, да он ни за какие блага и не согласился бы возвратиться назад. Шум приближался, надо было что-то предпринимать.

Тайза, когда её вышаривает в норе гибкий осязательный ус гвараанза или рука бледного уулгуя, старается уйти в один из боковых закоулков. Шооран поступил так же. Он подошёл к шавару, пока ещё чистому и пустому, и скрылся в темноте, стараясь не представлять, что произойдёт, если разбуженный Ёроол-Гуй вздумает навестить этот оройхон.

Дважды в течение дня возле суурь-тэсэга вскипали схватки, но решающего перевеса не добилась ни одна из сторон. К вечеру войска отошли каждое на свои земли, но было ясно, что утром всё начнётся сначала. Разъединить враждующих мог теперь только Ёроол-Гуй, но такой исход никак не устраивал Шоорана. В шаваре уже резко воняло нойтом, и если крупные хищники появятся здесь ещё не скоро, то ядовитого зогга можно встретить уже сейчас.

Вечером Шооран выбрался из шавара и в последних отблесках красного света вышел к далайну. Опасно было находиться так далеко от спасительного поребрика, опасно было стоять на виду, на оройхоне могли оставаться отряды разведчиков, но Шооран не видел иного выхода. То, что он собирался сделать, поможет добрым братьям залить кровью соседнюю страну, поскольку старейшины не смогут удерживать широкий фронт. Но Шоорану не было жаль ни тех, ни других. Незаметно для себя он перешёл в состояние, неизбежное для человека, способного переделать мир: думать лишь о человечестве в целом и не жалеть людей вообще. Так, должно быть, чувствуют и мыслят ослепительный ван, блистающие одонты, старшие братья и мудрые старейшины. Таким же стал илбэч. Но у него, на великое несчастье, ещё осталась способность, любя человечество и презирая людей, бесконечно жалеть каждого отдельно взятого человека.

Оройхон увидели одновременно и с одного, и с другого берега. Завыли раковины, люди с факелами заметались вдоль поребрика. Братья кинулись ловить сбежавшего илбэча, старейшины спешно

перекидывали силы для отражения предполагаемой ночной атаки. А Шооран, первым пробежавший по новой земле, на четвереньках полз между тэсэгов, уходя подальше от всего этого шума.

Наутро фронт был прорван. Шооран вновь едва не попал в гущу сражения и вынужден был бежать на запад, где страна огромным мысом вдавалась в далайн. Дюжину дюжин раз благословлял он старейшин, замордовавших свой народ до того, что служители умели только молчать, кланяться и повиноваться. Да случись такие бои в его стране, каждый земледелец схватил бы гарпун, а то и припрятанный хлыст, и умер бы на месте, но никому не позволил бы ступить на своё нищенское поле, пока не убран хлеб. Бандиты совершали набеги лишь после уборки, зная, что иначе им придётся иметь дело не с цэрэгами, а с мужиками. Даже одонты, планируя облавы, сверялись с календарём.

Здесь приходилось остерегаться только вооружённых людей, а они все стянулись к границам и кресту Тэнгэра, где шли бои. Баргэды, которых в этой земле было страшно много, больше дюжины на каждый оройхон, смотрели испуганно и зло, но не смели ничего сказать.

Шооран вышел к далайну, но, не желая выдавать себя, не стал строить и пошёл назад. Он вспомнил, что где-то здесь находится родина старика, а он, его наследник, принёс на эти оройхоны столько бед. Почему-то Шоорану смертельно захотелось посмотреть места, где начинал жизнь Энжин. Шооран определился по трём выступающим оройхонам, поставленным в ночь казни Атай, и пошёл в глубь страны.

Оройхон старика ничем не отличался от всех остальных. Так же росли туйваны, колосились поля, палатки служителей облепляли толпы одинаковых тэсэгов, и никто не мог сказать, возле какого из них сидела Атай.

Шооран, откинув полог, вошёл в одну из палаток. При виде вооружённого человека хозяева, а вернее, бездомные служители великого Ёроол-Гуя забились в угол, прикрывая собой детей. Шооран присел на корточки и спросил:

— Где-то здесь, давно, жил один человек. Его звали Энжином. Вы такого не помните?

— Мы не знаем, — пробормотал глава семьи. — Ничего не знаем...

— ...И ещё девушка — Атай. Её убили во время мягмара, сбросили в далайн.

— Нет, нет... Мы никого не трогаем!

— Да не вы! — рассердился Шооран. — Это было давным-давно, когда жил тот человек. Жена у него была — Сай.

— Сай здесь живёт, — подала голос хозяйка. — Только мужа у неё нет, и сама она совсем старуха.

— Она и должна быть старухой, — сказал Шооран. — Проводи меня к ней.

Женщина, безмерно обрадованная, что опасный гость покинул палатку, провела Шоорана между тэсэгами и остановилась возле крошечного навеса или даже накидки, наброшенной поверх четырёх колышков. Казалось, там не может поместиться человек, но когда женщина постучала по колышку и крикнула:

— Сай, тебя требуют! — Полог откинулся, и из-под него показалась сморщенная старушка.

— Ты Сай? — спросил Шооран. — У тебя был муж Энжин?

Старуха выползла наружу. Её руки, голова мелко тряслись, и было непонятно, боится ли она пришельца и вообще понимает ли, что ей говорят. Потухшие глаза не выражали ничего.

— Это я, — сказала она, — и муж у меня был.

— Расскажи мне об Энжине, — попросил Шооран.

У него было ощущение, будто он разговаривает с Ваном или ещё кем-то из героев старинных легенд.

— Он был хорошим мужем, — старуха говорила медленно, короткими фразами. — Мы жили дружно и никогда не ругались. Ни разу за всю жизнь. И он никогда не бил меня. Он погиб давно, на северной границе, когда ловили илбэча. И я живу одна. Я всю жизнь работала и всегда выполняла норму. Я и сейчас работаю, а мне второй день не дают есть.

Что мог сказать Шооран? Рассказать об Энжине, о том, что тот был илбэчем? Но это значит сказать, что он не умер, а просто бросил её как ненужную вещь. Надо ли это знать трясущейся старухе? Сама-то она теперь верит, что ни разу между ней и покойным мужем не проплывала тень Ёроол-Гуя.

Шооран встал, подошёл к растущему неподалёку туйвану, хлопнул ладонью по стволу. Вниз посыпались созревшие плоды. Шооран набрал полную сумку и высыпал на колени Сай.

— Это от Энжина, — сказал он.

Покинув дряхлую Сай, Шооран направился на север. Нужно было, пока в стране неразбериха, пересечь границу.

Пройдя чуть больше одного оройхона, Шооран остановился в изумлении. Он увидел стену. Нечто подобное встречалось ему на Царском оройхоне, но здесь стеной был обведён не суурь-тэсэг, а целый оройхон и, возможно, даже не один. Стена была выше человеческого роста, её гребень щетинился частоколом рыбьих костей, наверняка отравленных. На углу оройхона, где сходились идущие по поребрикам дороги, стояли ворота. Они были расколоты, очевидно, выстрелами из татаца. В проходе лежало несколько трупов. Ни одного живого человека не было видно, верно, братья выбили ворота и пошли в глубь огороженного оройхона.

Шооран осторожно заглянул в проём. Потом он не мог сказать,

какие чудеса ожидал увидеть, увидел же обыкновенный оройхон. Те же, что и повсюду, деревья, поля, ручьи. Хотя поля были не такими. Земля на них была не чёрной, а рыжей. И тэсэги здесь тоже были не такими. Каждый камень на запертых оройхонах был сокровищем. Здесь не было лёгких пористых камней, что валялись в иных местах. Здесь лежал жёлтый искристый кремень, осколки белого кварца, плотные чёрные кругляши, из которых делают гири и самые лучшие кистени, шершавый красный камень, что так ценится резчиками по кости. Это был крест Тэнгэра — единственная настоящая земля.

Шооран поднял маленький камушек, непривычно яркий и тяжёлый, и, не заходя в глубь оройхона, поспешил в обход стены. Надо торопиться. Раз братья вошли в крест Тэнгэра, значит, сопротивление сломлено повсюду. Оставалось надеяться, что, разбив гарнизон южной границы, братья ещё не поставили там свои заслоны.

К сожалению, оправдались худшие предположения. Граница была закрыта. На новом месте цэрэги не чувствовали себя в безопасности, и шансов прокрасться незамеченным — не было.

Вновь Шооран попытался применить приём, позволивший ему прорваться сюда. Правда, теперь перед ним был не узкий перешеек, который можно перекрыть одним оройхоном, а самое длинное из оставшихся огненных болот. Пока Шооран, укрывшись в куче костяного хлама, работал, никто из цэрэгов не тронулся с места. Слишком уж удивительным зрелищем было рождение оройхона, и вряд ли многие из них видели его прежде, когда пленный Шооран строил проход в страну старейшин. Но едва остров встал, один из воинов побежал за подкреплением, а остальные кинулись перекрывать новый оройхон. Дорога возле аваров опустела.

Пригибаясь и стараясь держаться ближе к чадящим скалам, Шооран двинулся вперёд. И лишь, выйдя на открытое пространство, увидел, что проход закрыт по-прежнему. Один из цэрэгов остался на месте. Лица стражника было не видно из-за примотанной губки, но это был явно кто-то из тех, кто раньше охранял их и знал всех в лицо. Хотя у Шоорана тоже была губка, но пятна ожогов на виске и переносице выдавали его.

— Вот и ещё один, — довольно сказал цэрэг. — И, похоже, самый главный. Стоять! — предупредил он движение Шоорана.

Но Шооран и не думал бежать. В его руке упруго разворачиваясь, запел ус царха.

— Я ничего тебе не говорил, — произнёс Шооран, обращаясь скорее к судьбе, чем к противнику, — и мне нет дела до твоих домыслов, потому что сейчас ты умрёшь.

Голоса звучали глухо и невнятно, и если Шоорану это было на руку, то цэрэг не мог кликнуть подмогу. Хотя он был опытный воин

и не испугался оружия. Ус парха, вибрируя в искусно дрожащей руке, стоял почти неподвижно, лишь самый кончик исчез из виду, размытый бешеным движением. Но эта струна готова была выбить из рук копьё, рассечь одежду и тело. Немногие умели так обращаться с хлыстом. Когда-то юный Шооран целыми днями упражнялся с запретным оружием и теперь хвалил себя за то давнее упорство.

Цэрэг, отставив копьё, чтобы, избави Тэнгэр, не попало под ус, левой рукой вытянул из-за пояса кистень. Тяжёлая кость бовэра загудела в ременной петле. Достать кистенём противника цэрэг не мог, но ремень не боялся дрожащего уса и был способен, обмотавшись, погасить его колебания. Тогда у обоих воинов останутся только копья, но у Шоорана копьё будет в левой руке.

Ловя удобный момент, они закружили по узкой площадке, усыпанной хрустким сором. Первым нанёс удар Шооран. Время было не на его стороне, он не мог слишком долго выжидать. Приподняв хлыст, он метнул своё копьё, но не в противника, которого защищал панцирь, а в руку с кистенём. Цэрэг успел отдёрнуть кулак, но остановить движение ремня уже не мог. Копьё отлетело за спину, кистень бесполезно обвис, и Шооран, не давая вновь закрутить его, секанул хлыстом по прозрачному шлему. Шлем брякнул о камни, цэрэг покачнулся и, падая, ударил копьём. Он видел кольчугу за распахнувшимся жанчем и потому метил в незащищённое лицо. Острая кость вспорола кожу чуть ниже виска, но хлыст уже снова обрушился на неприкрытую больше шею, и крик цэрэга превратился в хрип.

Подхватив копье и не оглядываясь на убитого, Шооран побежал по тропе, ведущей к Торговому Оройхону. Больше всего он хотел, чтобы хоть там никого не оказалось.

* * *

Гуйлах, командир одной из дюжин, держащих границу священного государства ванов, служил здесь последний день. Завтра его переводят начальником охранной дюжины, и дальнейшая служба будет протекать не на мёртвой полосе, где нечем дышать, и от запаха которой невозможно отмыться, а в алдан-шаваре. Перевода на это место он ждал долго, но давняя история с безумной Нарвай сильно испортила его карьеру.

Гуйлах не любил вспоминать те события. Казалось бы, он исполнил свой долг — разгадал в грязной бабе илбэча и поймал его, не позволил уйти к врагу. Но смерть илбэча легла на его имя тёмным пятном, и повышения пришлось ждать два года. А ведь Ёроол-Гуй проклинал илбэча, а не того, кто его поймает. Видно, недаром гово-

рится: «Беда тому, кто тронет безумца». Но всё же радостный день пришёл: служить в болоте осталось всего три часа. Скоро его сменят навсегда.

Однако помечтать о приятном Гуйлаху не удалось — он увидел человека. Тот перелез вал всякого старья, накиданного, чтобы затруднить проход, и, крадучись, пошёл в направлении к Гуйлаху. Рядом с Гуйлахом был лишь один цэрэг, остальные дежурили возле ухэров. Сам Гуйлах отправился в секрет, потому что воздух здесь был почище. И вот — подышал.

Гуйлах дал знак цэрэгу и вслед за ним выскочил навстречу нарушителю. Тот мгновенно остановился, пригнувшись, готовый и бежать, и броситься на врага. Во всей его повадке чувствовался бывалый боец. Лицо нарушителя было изуродовано ожогами, на виске запеклась кровь, но всё же Гуйлах узнал его. Перед ним был фальшивый гонец, который в тот проклятый день пытался пройти на Торговый оройхон, будто бы разыскивая какую-то женщину. Потом выяснилось, что благородный Ууртак никого не посылал на границу, и подозрительная история с гонцом-самозванцем тоже послужила будущей опале.

— Вот и встретились, — злорадно произнёс Гуйлах. — Какую красавицу ищешь на этот раз?

Человек сделал молниеносное движение, хлыст, неведомо откуда взявшийся в его руке, выбил раковину у собравшегося трубить цэрэга.

— Ты хочешь проверить, как я умею драться? — свистящим шёпотом прошипел гонец. — Проверь. Я прошёл с боем там, пройду и здесь.

Гуйлах попятился, заслоняясь пикой, показавшейся вдруг очень ненадёжным оружием.

— Так-то лучше! — гонец беззвучно рассмеялся. — Ступай на пост. Страна старейшин захвачена добрыми братьями. Скоро у вас будет беспокойно.

Ложный посланец взмахнул хлыстом и исчез за тэсэгами. Гуйлах беспомощно оглянулся на цэрэга.

— Вот что. Раз ты не сумел задержать его, то молчи! Ничего не было. Понял?

* * *

Шооран шёл через мокрый оройхон. Копьё он нёс в руке, рукоятка свёрнутого хлыста торчала из-под жанча. В безбородом лице не оставалось ничего юношеского. Вооружённый изгой шёл по земле изгоев. Два года потребовалось ему, чтобы обойти весь мир, и домой вернулся другой человек.

* * *

В древние времена весь мир занимала земля, а далайн был так мал, что едва мог дышать. Но в мире не было счастья, потому что люди, имея столько прекрасной земли, не умели на ней жить, и каждый говорил своему брату:

— То, что ты видишь — моё, и всё иное — тоже моё.

Тогда между людьми начались войны и пропала любовь.

Среди людей самым могучим был Ёр — воин в плаще из чёрной кожи. Он завоевал половину мира и давно потерял счёт захваченным оройхонам, но алчность его не убывала и, завоевав новый край, он вонзал в землю копьё, говоря:

— Эта земля моя, отныне и до тех пор, пока стоит мир!

Но когда Ёр отправился завоёвывать вторую половину вселенной, навстречу ему вышел непобедимый Гур в плаще из шкуры пёстрого бовэра. Он тоже не знал числа своим землям, но хотел иметь их ещё больше. Захватив оройхон, он ударял тяжёлой палицей, дробя тэсэги, и возглашал:

— Эта земля моя, и всякий, посягнувший на неё, — умрёт!

Они встретились посреди мира и поглядели друг на друга с ненавистью. За плечами каждого стояло великое войско. Один вонзил в камень копьё, другой ударил по тэсэгу палицей, и каждый назвал землю своей.

И началась битва.

Они сражались друг с другом месяц и год, воины в чёрных и пёстрых плащах умирали рядом с ними, и никто не мог победить. Пыль поднималась от вытоптанной земли, словно здесь никогда не росла хлебная трава, а была лишь полоса у аваров — сухая и бесплодная.

Но на сожжённой войной земле ещё стоял один росток. На самом видном месте стоял он, распустив два хрупких резных листка. И росток сказал:

— Опомнитесь, люди, посмотрите, во что вы превратили землю! Вы убиваете её, она больше не может нести вас на себе. Один я держу землю своими слабыми корнями. Дайте мне вырасти, дайте стать могучим туйваном, и я буду держать землю долго.

Но голоса зелёного пророка никто не услышал, а вскоре колючий башмак одного из героев раздавил его, размазав по камню два хрупких резных листа.

И тогда мир начал трескаться. Ничто больше не скрепляло оройхоны, они отделились друг от друга, каждый стал сам по себе, словно враждующие люди, и в трещины хлынула влага далайна. Полководцы и их войска рухнули в пучину, но никто не слышал их воплей за рёвом бездны.

Зло вернулось к своему прародителю. Ёр и Гур и все их цэрэги стали руками страшного Ёроол-Гуя. Но и там они не прекратили вражды. Всякий, видевший князя далайна, знает, что его чёрные руки враждуют с пёстрыми, перехватывают и отнимают добычу, хотя потом несут в единую пасть.

Те оройхоны, на которых пылала война, и теперь безлюдны и покрыты огненными болотами, разделяющими людей, чтобы они не могли вцепиться друг другу в горло.

Так изменился мир, и Ёроол-Гуй, проплывая там, где прежде высились оройхоны, усмехался:

— О люди! Тэнгэр создал вас на погибель мне, но вы никогда не сможете совершить предначертанное, ибо слишком любите убивать. Телом вы похожи на старика, но душа у вас моя. Поэтому я спокоен и знаю, что вечно буду плавать в холодных глубинах далайна.

ГЛАВА 7

Никому из наместников божественного вана изгои не приносили столько бед, как благородному Моэрталу. После того, как он помог хитрому старикашке Ууртаку уменьшить земли изгоев в его владениях, всё отребье стягивается сюда. Вот уж верно: добрые дела не проходят безнаказанно. И главное — изгоев не стало меньше, хотя уже два года, как пришло известие о смерти илбэча, и два года не рождается новых земель. Но народ не верит, вспоминая, что илбэч однажды затаился на дюжину лет. К тому же охотники и сборщики харваха говорят, что Ёроол-Гуй по-прежнему приходит слишком часто, а это значит, что илбэч жив.

Не верил в смерть илбэча и Моэртал. Сумасшедшая баба — это, конечно, хорошо и похоже на правду, но одонт помнил, что где-то есть ещё дуралей-сказочник, который живёт слишком долго для простого изгоя. И он странно сумел бежать из тюрьмы. Мальчишка-охранник был обязан Моэрталу всем, но всё же предал. Значит, тому были немалые причины. Интересно было бы узнать их.

И вот недавно доносчики, которых на мокром было достаточно, сообщили, что объявился Шооран. Беглый цэрэг не счёл нужным даже сменить имя. А ещё через несколько дней откуда-то пришёл Чаарлах. Всё это было неспроста, и дальновидный Моэртал начал готовиться к экспедиции. Конечно, главным здесь был не илбэч, который, скорее всего, всё-таки умер, а банды. Моэртал хотел спать спокойно, а не вскакивать среди ночи при известии, что склады разбиты и унесено всё. Поэтому прежде всего следовало разгромить отряды изгоев и навести ужас на уцелевших.

Дюжины цэрэгов прочёсывали мокрое на окраинах владений

Моэртала. Словно случайно они оставляли изгоям путь для отступления, и те сопротивлялись вяло, предпочитая уходить. Так уже бывало прежде. Моэртал запирал противника на длинной, уходящей в далайн полосе мокрых оройхонов, а затем ждал, когда они перемрут, не выдержав безвылазного существования на мокром, или начинал наступление, стремясь побыстрее уничтожить врага. Впрочем, атаковал он лишь дважды и оба раза успеха не имел. Изгои, в свою очередь, искали слабое место в блокаде, стараясь вырваться и уйти. Правила этой кровавой игры были известны всем, и никто не мог предвидеть случившегося.

Однако на этот раз кампания с первых же шагов пошла не так. Запертые изгои затаились и ни разу не попытались выйти наружу. Можно было подумать, что на узком мысе никого нет, но когда Моэртал выслал вперёд одну из дюжин, цэрэги встретили такое сопротивление, что с трудом сумели отойти, потеряв двух человек. Оставалось ждать, и Моэртал выбрал этот, казалось бы самый безопасный путь. Но успеха не принёс и он. В дело вмешался Ёроол-Гуй.

Сначала, когда Моэрталу донесли, что, судя по звукам, Многорукий напал на один из оройхонов с изгоями, одонт обрадовался. Но потом Ёроол-Гуй выкинулся на берег, занятый цэрэгами. И хотя все солдаты уцелели, но зато два поставленных на позиции ухэра оказались сброшены в далайн. Сутки Моэртал не находил от ярости места, проклиная всё на свете. Сгоряча он отдал приказ немедленно атаковать противника. К счастью, цэрэги не успели втянуться в бой, потому что взбесившийся владыка далайна обогнул мыс и напал с другой стороны, полностью лишив одонта тяжёлой артиллерии. А если бы цэрэги успели выступить, то погибла бы и часть войска. Услыхав о таком счастье, Моэртал потерял на время дар речи и был уведён лекарем в алдан-шавар. И это было плохо, потому что целые сутки не пускали к одонту приползших со стороны изгоев шпионов. А известия, которые они принесли могли поднять с постели умирающего или, напротив, убить любого здоровяка.

* * *

Цэрэги наступали двумя рядами. Это был старый, проверенный строй. Хотя площадь, которую они прочёсывали, оказывалась невелика, но зато к любому из воинов немедленно могла подойти помощь. И когда из-за тэсэгов с нестройными криками выбежало дюжины полторы изгоев, стражники не растерялись. Они стянулись ближе к поребрику и пошли навстречу противнику, хотя тех было больше. Обычно изгои бились бестолково, каждый сражался сам за себя, и цэрэгам легко удавалось рассеять их, но на этот раз бандиты

действовали слаженно. Особенно на одном из флангов, где сражались двое совсем молодых парней, вооружённых хлыстами. С хлыстом хорошо нападать, хотя им трудно защищаться. Но такая пара, прикрывающая друг друга, оказывается неуязвима, подступа к ним нет, сбить их можно только из пращи или огненным боем. Один из цэрэгов, оказавшийся на пути, был убит сразу, второй пытался оказать сопротивление. Чтобы погасить ус парха коротким копьем, удержав своё оружие в руках, требовалось немалое искусство, и цэрэгу это удалось. С криком «Га-а!» — он прыгнул к врагу, зная, что на близком расстоянии хлыст бесполезен, но второй изгой подсёк ему ноги. Хитиновые поножи выдержали удар, но цэрэг упал, успев ещё заметить, как опускается ему на голову массивная рукоять хлыста.

Цэрэги, брошенные вперёд озлобленным Моэрталом, отступили. Победители-изгои быстро раздели убитого. Ээтгон наклонился над вторым цэрэгом.

— Эге, да он жив!

Тонким шнурком Ээтгон стянул за спиной руки пленника, потом дунул ему в нос, приводя в чувство. Цэрэг поперхнулся и очумело замотал головой.

— Ну что, — спросил Ээтгон. — Понял, куда попал?

Пленник молчал, затравленно глядя на нож в руках изгоя. Подчиняясь неприметным движениям пальцев, на острие появлялась и исчезала чёрная точка ядовитого жала.

— Понял, — сказал Ээтгон, подождав несколько секунд. — Теперь давай разговаривать. Ухэры меня не интересуют, а вот где стоят ваши татацы и сколько их?

— Не буду я с тобой разговаривать, — хрипло произнёс цэрэг.

При звуках его голоса Шооран, отошедший было в сторону, вздрогнул и подошёл ближе. Перед ним сидел связанным бывший его сослуживец — Турчин. Ну конечно, кто ещё умел так ловко обращаться с копьём?

— Бу-удешь... — протянул Ээтгон. — Заговоришь.

— Шёл бы ты в свой шавар, — Турчин отвернулся.

Шооран понимал, что Турчин не настолько глуп, чтобы не сообразить, что с ним сейчас будет. Но Шоорану были известны и другие черты характера бывшего товарища, в частности, его упрямство или, если угодно, верность.

— Он ничего не скажет, — произнёс Шооран. — Я знаю.

Турчин повернул голову. Лицо его исказилось.

— Ты?! — только и мог выговорить он.

— Как видишь — я, — ответил Шооран.

— Ты... ты предатель! — взорвался Турчин. — Тебя мало бросить в шавар! Тебя удавят волосяной петлёй на глазах у всех! Тебя скормят зоггам!..

— Это будет не сейчас. — Шооран отвернулся, несколько секунд стоял неподвижно, потом наклонился к Турчину и перерезал верёвку. — Иди, — сказал он, — и постарайся больше не попадаться. Второй раз не выкрутишься.

Турчин, не заставляя себя упрашивать, быстро поднялся и сначала пошёл, потом побежал.

Ээтгон, молча наблюдавший эту сцену, привстал было с места, но, вспомнив что-то, сел и, лишь когда цэрэг пропал среди тэсэгов, проворчал:

— Любишь ты... отпускать.

— Что делать, — ответил Шооран. — Иначе не умею.

Победители, оставив дозорных, пошли в глубь своих земель. Уходя, они слышали голос далайна: Многорукий искал цэрэгов. Изгои злобно просветлели лицами.

Шооран шёл вместе со всеми, иногда ловя на себе косые взгляды Ээтгона. Так, вдвоём, словно приклеенные, они ходили уже давно, хотя между ними не появилось даже намёка на приятельство. Более того, Шооран постоянно ощущал глухую неприязнь, идущую от молодого изгоя. В этом не было ничего удивительного, люди часто испытывают подобные чувства к тем, кому они чем-либо обязаны. Объединяла их только привязанность к Чаарлаху, не менее странная, чем взаимная нелюбовь. То есть с Ээтгоном в данном случае всё было ясно: Чаарлах когда-то подобрал его больного, выходил, и потом они бродили по оройхонам вместе. А Шооран... возможно, его тянуло к Чаарлаху просто потому, что сказочник тоже был не такой, как все.

Лагерь изгоев находился на скрещении поребриков, где сходились углами четыре оройхона. Один из них появился на свет совсем недавно, когда изгои уже были заперты здесь Моэрталом. Шум, поднявшийся в лагере после появления земли, был немедленно и жестоко прекращён. Ээтгон зарубил двоих крикунов, причём одного убивал долго и мучительно, на глазах у привыкших ко всякому, но всё же ужаснувшихся людей.

— Чтобы я не слышал больше слова «илбэч»! — кричал Ээтгон. Хлыст, падающий на жертву, вдруг менял направление, и бритвенно-острые кромки не впивались насмерть, а лишь срезали с истерзанного мяса кровавую пену. — Он лучше видит, что надо делать! — Хлыст рубил хрипящую плоть. — Вы не знаете, что может он, и ничего не можете сами! — Новый разрез прошёл по бьющемуся телу. — Так оставьте его в покое! — На этот раз рука не отдёрнулась, милосердно добив лежащего.

Убийства среди изгоев были делом обычным, но такая казнь возымела действие. Толпа затихла и покорно сгрудилась на поребрике, где теперь стало вольготно жить. Результаты послушания сказались довольно быстро: в течение недели появилось ещё три

оройхона, и узкий мыс превратился, по выражению Чаарлаха, в благодатнейшую болотину. Бандиты, бродяги, сборщики харваха, женщины, овдовевшие и выгнанные с сухих мест — все были довольны своей предусмотрительностью и втайне ждали сухих оройхонов. Ах, если бы ещё не было солдат Моэртала, грозящих будущему благополучию!..

Единственный, кто чувствовал себя несчастным, был Чаарлах. Подозрение, павшее на него три года назад, теперь превратилось в уверенность. На сказочника смотрели с ужасом и благоговением, ни один человек, кроме Ээтгона и Шоорана не осмеливался подойти и заговорить с ним. Даже присутствие на вечерних представлениях, которые продолжал давать Чаарлах, превратилось для большинства из удовольствия в немного жутковатую обязанность. Чаарлах не мог не видеть этого и молча переживал, хотя внешне не выдавал себя никак, разве что сказки его становились всё язвительней или, напротив, печальней.

Вечером после атаки, так удачно отбитой, изгои собрались на совет. Никакой особой иерархии у них не было, все они равно ходили под смертью, и потому те, кому было что сказать — говорили, а прочие — слушали. Первым начал говорить немолодой мужчина, которого все звали Суваргом. Несмотря на музыкальное имя, он был вспыльчив и жесток и прославился как опытный и безжалостный боец. Подобно Шоорану он был некогда цэрэгом, чем-то не угодил благородному Ууртаку, но вместо того, чтобы покорно сносить немилость, взбунтовался и едва сумел унести ноги, бросив на произвол судьбы двух жён и кучу детей. Год Суварг охотился за осторожным Ууртаком, да и сейчас не оставил планов мести, хотя изрядно поостыл.

— Надо решать, что станем делать, — произнёс он. — Сейчас, когда у Моэртала не осталось пушек, можно легко пробиться и уйти. Раньше, когда тут были гиблые места — так бы и сделали. Как поступим теперь? Лучшего места всё равно не найдём. Если бы не цэрэги, тут можно год сидеть.

— Как же! — возразил незнакомый Шоорану изгой. — От цэрэгов можно отмахаться, а вот Ёроол-Гуй со всех сторон обложил. У нас один охотничий оройхон остался, всё остальное пожрано. Завтра Ёроол-Гуй туда вынырнет — что есть станем? Уходить надо.

— Может, здесь скоро сухой оройхон будет? — подал голос кто-то.

— Жди, — ответили ему. — Рассчитывай на себя.

— Это верно, — согласился тот же голос. — Чаарлах совсем плох стал.

— Замолкни, падаль, — процедил Ээтгон. — Размажу как зогга, следа не останется.

— Если уходить, то только к Ууртаку, — высказался давний шо-

оранов знакомец Жужигчин. — На востоке сейчас гибло, туда полармии стянуто. Что-то ван со старейшинами повздорил.

— Нет больше старейшин, — поделился новостью Шооран. — Их добрые братья слопали. А теперь сюда лезут.

— Братьев нам ещё недостаёт...

— Хватит болтать! Думайте: здесь торчим или к Ууртаку уходим?

Шооран расположился чуть в стороне от остальных. Сидел на корточках, мастерил, вспоминая рассказы Маканого, маску из рыбьей кожи и убеждал себя не вмешиваться в спор. Зачем, спрашивается, ляпнул про старейшин? Только привлёк к себе ненужное внимание. И без того он слишком заметен. Лишний риск ни к чему. Он и так будет рисковать, когда поползёт через авары в царство толстощёкого дурня Хооргона, чьи кости уже без остатка сгрызены жирхами, а потом пойдёт огненным болотом в свою землю. Огромную и пустую. Там больше трёх дюжин пустых оройхонов, и каждый из них может прокормить всех этих и ещё многих иных людей. Только во что они превратят его землю? Это сейчас, загнанные словно звери, они напоминают людей, а так... дай им волю, и из Жужигчина получится превосходный старший брат, Суварг вновь станет цэрэгом, дюженником, а то и одонтом. Шооран вспомнил изгоев, первыми пришедших на оройхоны старика, вспомнил бегущую толпу и дребезжащие стоны бесполезно убиваемых бовэров. Нет, он не может отдать людям свою зе́млю, они сожрут её. Ведь это изгои образовали когда-то нищую страну всеобщего братства.

Правда, здесь же, среди грязи и смерти бегает чуть не две дюжины детишек, забывших, что значит быть сухими, и никогда не пробовавших хлеба. Это им он обещал показать дух шавара и теперь готовит страшную маску. И ещё где-то бродит Яавдай, которую он так и не нашёл.

— Не надо уходить к Ууртаку, — сказал Шооран. — Есть другое место.

Все лица повернулись к Шорану.

— Пройти вдоль мёртвой полосы на земли Хооргона, — в последнюю минуту Шооран решил не говорить о новых землях, понимая, что в этом случае ему просто не поверят.

Кто-то присвистнул.

— Здесь пройдём, а дальше — как? Хооргон вана боится, он границу держит. У него же ухэры! Хрустнем, как чавга под каблуком — и все разговоры.

— Можно пройти, — сказал Шооран. — Ночью. На авары кожи накидать и пройти, пока они горят. Я ходил, ближние авары не такие горячие.

— Чего ж тогда ван не прошёл?

— А ему зачем? Ну, поставит он нового одонта, так тот опять отделится.

Ненадолго все замолкли, обдумывая сказанное. Потом Жужигчин, словно радуясь чему-то, крикнул:

— Не-е! Ну, пройдём мы туда, а дальше? Там же и прятаться негде, всего побережья — пять оройхонов. Я там был, когда тот край только нашли. А потом еле убёг, когда Хооргон прищёл. Я знаю, там негде прятаться.

— Мы и не будем прятаться, — решив что-то, произнёс Суварг. — Мы станем в алдан-шаваре жить. Пусть Хооргон прячется.

— С ума сошёл! — закричал незнакомый Шоорану изгой с вмятиной от кистеня над бровью. — У Хооргона две двойных дюжины солдат, а нас втрое меньше, да увечных половина. Перебьют!

— Найдём людей, — успокоил Суварг. — Для такого дела люди будут. Выходим послезавтра. Завтра всем собраться, оружие чтобы было в порядке, бабам чавги заготовить. Будем прорываться, пока Моэртал палить не может.

Никто не возразил. Каждый знал, что, если захочет, сможет остаться здесь или отстать от отряда, прежде чем он дойдёт до границы, например, во владениях того же Ууртака. Поэтому спор сразу прекратился, изгои начали расходиться, устраиваясь на ночь. Шооран незаметно отошёл в сторону. Он хотел осуществить одну мысль, пришедшую в голову на совете.

Прежде, остерегаясь ночного нападения, изгои ставили на подходах к своему оройхону дозорных. Но теперь, когда цэрэгов шуганул Ероол-Гуй, вылазки явно не произойдёт, и посты не были выставлены. Но это значит, что шпионы, а их наверняка немало среди толкущегося вокруг банды сброда, побегут с докладом именно сегодня.

Шооран притаился неподалёку от поребрика и стал ждать. Прошло от силы полчаса, и на фоне потухающих облаков появилась спешащая фигура. Женщина! Что же, тем лучше. Шооран, прикрывшись полой, натянул на лицо готовую маску и неожиданно вырос перед доносчицей.

— Узнаёшь ли ты меня?! — прорычал он, раздув живот, чтобы голос звучал гулко и незнакомо.

Увидав нависшую над собой уродливую светящуюся харю, женщина издала короткий нутряной вскрик и повалилась без памяти. К этому Шооран был готов. Он подхватил падающую женщину и правой рукой хлестнул по щеке. Почувствовав, как в обмякшее тело вернулась жизнь, Шооран вновь разинул усаженную иглами зубов пасть и, играя призрачной личиной, зарокотал:

— Так ты узнала меня, несчастная?

— В-ва-а... — невнятно загундосило из темноты.

Шооран едва не прыснул со смеху. Он второй раз изловил одну

и ту же шпионку! Только тогда он был блестящим цэрэгом, а сегодня — злым духом, демоном шавара или ещё неясно кем, за кого могла принять его перепуганная баба. Интересно было бы взглянуть на неё, чтобы потом признать на свету.

Добавив в голос хрипа, Шооран принялся вещать:

— Иди к своему одонту и скажи, что, если он хочет получить то, что просил у сказочника, пусть немедленно уведёт войска и две недели не смеет подходить сюда, а на суурь-тэсэге поставит знак — копьё с цветком туйвана. Если же он не послушает, то из одонта станет моей тенью! Ты всё поняла?

— В-ва-а...

— Ну так ступай!

Доносчица умчалась так быстро, словно оройхон был залит дневным светом. Шооран скатал маску и пошёл спать.

Наутро никакого знака на суурь-тэсэге он не увидел. Впрочем, ему рано появляться: вряд ли Моэртал выслушивает доносы и днём, и в ночи. Хотя, может быть, он просто не поверил шпионке и по-прежнему хочет извести изгоев и поймать илбэча. Впрочем, Моэртал умён, и, даже не веря в духа шавара, может согласиться отвести войска.

Шооран вернулся в лагерь. На полпути ему встретилась девчонка, одна из сирот, что были выкинуты на мокрое. Увидав Шоорана, она крикнула:

— Иди скорее! Там Чаарлах помирает!

Последние дни Чаарлах чувствовал себя худо и поднимался из колыбели лишь вечером, чтобы рассказать очередную историю. Но Шоорану и в голову не приходило, что старик, пять дюжин лет ходивший по мокрому, может умереть.

Вдоль поребрика царила суета. Народ сбегался со всех сторон. Ээтгон, сжимая рукоять хлыста, стоял возле постели Чаарлаха, цепким взглядом перебирая собравшихся и, очевидно, выискивая, кто мог произнести запретное слово. А сам Чаарлах с безмятежным видом сидел на постели, словно ждал тишины, чтобы начать рассказ.

— Собрались? — сказал Чаарлах, и Шооран отметил, что голос сказителя ничуть не изменился. — Хорошо. Мне было бы грустно умирать молча. Кроме того, я должен вам кое-что сказать. Обо мне ходит много слухов, а ещё больше врал о себе я сам. Я никогда не опровергал выдумки, а сегодня говорю: всё неправда. Может быть, уже через неделю вы убедитесь в этом. Но я прошу: не надо его искать, пусть он работает спокойно. И я не знаю, кто среди вас илбэч. Когда я мог увидеть его, я действительно закрыл глаза, чтобы они не лопнули от любопытства. А мои догадки — это всего-лишь догадки, и они умрут вместе со мной. Вот вам сказка. Может быть, она не лучшая, но она последняя, и она обо мне:

Как случилось на нашем мокром оройхоне чудо небывалое — объявилось место грязное. Завелась грязища густая да липкая — никто мимо пройти не мог. Охотники шли — ногами увязли. Женщины промышляли — поискали чавги. Мальчишки бежали — поиграли в мышку. Девочки ходили — замесили малашу.

И так все они грязь измяли-переболтали, что слепилась из неё пребольшущая Чвака-кака. Посмотрела Чвака-кака по сторонам — всюду грязь вонючая, хохиур пушистый, тэсэги высокие — и говорит:

— Мир прекрасен, а я, Чвака-кака, лучше всех! Пойду, свет посмотрю, всех счастливыми сделаю!

Пошла Чвака-кака по оройхону, видит: безногая тайза прячется.

— Ты меня, тайза, не бойся, я Чвака-кака хорошая, хочу свет кругом обойти, всех счастливыми сделать. И тебя тоже, тайза безногая.

— Неужто тебя и есть можно, такую большущую?

— Можно, тайза, можно! Вот только свет кругом обойду.

Пошли они вместе. Впереди Чвака-кака шагает, за ней тайза ползёт. Идут, а навстречу — жирх. Чваку-каку увидел, со страху извиваться стал.

— Ты меня, жирх вонючий, не бойся, я Чвака-кака хорошая, хочу свет кругом обойти, всех счастливыми сделать.

— Тебя и есть можно, такую здоровенную?

— Можно, жирх, можно! Вот только свет кругом обойду.

Пошли дальше. Первой Чвака-кака шагает, за ней тайза ползёт, сзади жирх извивается. Навстречу им тукка. Увидала Чваку-каку — ощетинилась.

— Не бойся меня, колючая тукка. Я Чвака-кака хорошая, хочу свет кругом обойти, всех счастливыми сделать.

— А есть тебя можно?

— Можно.

Пошли в путь. Чвака-кака шагает, тайза ползёт, жирх извивается, позади тукка бежит. Навстречу — парх. Чваку-каку увидел — усы распустил.

— Ты меня, парх усатый, не бойся. Я Чвака-кака хорошая, хочу свет обойти, всех счастливыми сделать.

— А тебя, такую сильную, есть можно?

— Можно. Пошли вместе.

Парх согласился. Пошли дальше и встретили гваараиза.

— Ты меня не бойся, гваараиз крепкоспинный! Я Чвака-кака добрая, хочу свет кругом обойти, всех счастливыми сделать.

— А ты вкусная?

— Вкусная, страсть вкусная! Пошли с нами. Кругом света обойдём, а там и поедите.

Пошли дальше. Впереди Чвака-кака шагает, за ней тайза ползёт, следом жирх извивается, тукка бежит, парх прыгает. Последним гвааранз волочётся, а на хвосте у него зогг-молчальник сидит. Его никто не звал, так он сам увязался. Шли-шли и обошли весь оройхон. Вернулись на старое место. Чвака-кака и говорит:

— Везде мы побывали, всё повидали, а краше родного шавара не свете нет. Значит, тут вам счастливыми быть. Ешьте меня, родные, ешьте, любимые!

И растеклась грязною лужей.

Чаарлах помолчал немного и добавил уже обычным голосом:

— Здорово я вас обманул. Три года все думали: «Вон илбэч идёт», — а я — Чвака-кака.

— Отец, — спросил Шооран, — неужели всё счастье в том, чтобы съесть другого?

— Понял... — сказал Чаарлах. — Молодец. А заметил ли, что ты единственный понял это? Ну-ка, идите сюда, вы двое...

Шооран и Ээтгон подошли, присели на корточки. Лишь коснувшись руки Чаарлаха, Шооран понял, что слова о его близкой смерти недалеки от истины. Чаарлах говорил, смотрел и улыбался как и прежде, но рука была такой холодной, словно в голубые дорожки вен влилась мертвящая влага далайна.

— Вас тут двое... небезразличных, — проговорил Чаарлах. — Дайте-ка руки! Да не мне... Не любите вы друг друга, а кабы вместе держались, так и сносу бы вам не было... — Чаарлах усмехнулся. — На себя посмотрите, вы же оба отмеченные. К кому судьба неравнодушна, того она в щёку целует, а там, сколько ни мойся — след останется.

Шооран вспомнил Маканого и кивнул, соглашаясь. Вот только у Ээтгона бита левая щека, а у самого Шоорана — правая.

— Я-то вас обоих люблю — одного потому, что я его понимаю, другого — потому, что он меня. Согласия меж вами не бывать, один прямой, как гарпун, второй все закоулки в шаваре видит. Обещайте хотя бы друг другу не вредить. У вас разные дороги, ходите по ним.

— Мы уже сделали себе всё зло, какое могли, — сказал Ээтгон, глядя в сторону. — Оно ещё долго будет всплывать.

— Но нового пусть не будет. — Чаарлах устало откинулся на заботливо постеленную Ээтгоном шкуру бовэра, закрыл глаза.

Шооран с Ээтгоном ждали, и молча стояли вокруг люди, словно сказитель ещё говорил с ними. Чаарлах медленно приподнял веки.

— Вы здесь? Я хотел попросить: когда я... в общем, завтра, не относите меня в шавар. Я всю жизнь боялся туда попасть. И далай-

на я тоже боялся... Может, потому и жил так неприлично долго. А теперь, идите все... Я хочу спать.

Вечером, когда стало ясно, что Чаарлах не проснётся, Ээтгон, словно младенца, поднял на руки лёгкое тело и отнёс на вершину одного из суурь-тэсэгов. Шооран шёл позади. Он видел, что Ээтгон не примет его помощи, и не предлагал ее. Остальные изгои проводили их взглядами, но остались в лагере, не решаясь далеко отходить от поребрика.

Назад шли, так и не сказав ни слова. Шооран, как и прежде, шёл сзади, но думал не о похоронах, а о том, что с вершины суурь-тэсэга он сумел рассмотреть на соседнем оройхоне белую черту копья и привязанную к нему алую ветку туйвана. Мудрый Моэртал подавал знак духу шавара.

Так они шли и не ускорили шага, даже когда гулкий удар пронёсся над оройхонами — многорукий бог далайна явился за сказителем, который так долго ускользал от него.

* * *

Так в жизни всегда: то бесконечно ждёшь новостей, а их нет и нет, но зато потом они обрушиваются потоком, и думаешь: поменьше бы. Две недели одонт Моэртал требовал сведений о том, что делается среди изгоев, а тут разом вернулись двое соглядатаев. И рассказывали они такое... Жирным одонтам с внутренних земель подобные вещи рассказывают на ночь, чтобы крепче спалось. Сходились доносчики в одном: среди изгоев прячется илбэч, на мысе прибавилось четыре новых оройхона. Этому Моэртал поверил, да и как не поверить, если Ёроол-Гуй выныривает по шесть раз на дню. А вот дальнейшее... От рассказов шпионки Моэртал сначала попросту отмахнулся, а вот доклад второго соглядатая заставил его задуматься. Отослав шпионов, он долго размышлял, то садясь в кресло, поставленное под деревом, то вскакивая и принимаясь быстро расхаживать.

Изгои собрались завоёвывать угловые земли! А ведь это идея! Это выход на многие года! Давно известно, что примерно раз в шесть лет изгоев становится так много, что они начинают угрожать государству, и приходится начинать с ними правильную войну. А теперь их можно направлять на угловые земли. Пусть завоёвывают себе царство. Победят — значит уйдут. Проиграют — остатки неудачников легко перебить. Так что, действительно, имеет смысл пропустить бунтовщиков на запад. Чем он рискует, если будет обманут? Изгои, запертые в ловушке, уйдут. Но без артиллерии он всё равно не может взять их, особенно если за их спинами восемь оройхонов. — Моэртал поёжился, подумав, как ему придётся доклады-

вать о потерянных ухэрах. — Что ещё? Сбежит илбэч... — секунду Моэртал стоял неподвижно, потом опустился в заскрипевшее кресло. Лицо его просияло. — Так вот, что это было! Не врёт баба! И никуда илбэч не денется. Что ему делать на угловых землях? Там он заперт, словно загнанная тайза, а илбэчу нужен простор — большой и пустынный берег. Вот он и просит его. И неважно, откуда он добыл своего злого духа — на то он и илбэч. — Моэртал нервно растёр лицо ладонями. — Что же делать? Выпустить изгоев, а потом прочесать оройхоны, каждую пядь, шавар вычерпать... Или всё-таки окружить земли, но не входить туда, не трогать илбэча. В конце концов, он хочет строить. Так пусть строит. Харваха больше у того, кто добр с сушильщиком. — Моэртал представил, как на севере появляется не два, а дюжина сухих оройхонов, и сладко поёжился. — Он не станет подобно Ууртаку просить, чтобы эти земли отдали ему. Большая провинция — это большие хлопоты и большая зависть врагов. Он предложит на совете одонтов создать там новую провинцию, которая прикроет его от вечно бунтующего побережья. Он сам станет жирным одонтом внутренних земель, и цэрэги ему будут нужны лишь для почёта и славы. Лишь бы илбэч не обманул, лишь бы не сбежал... Но ведь должен хоть кто-то в мире держать своё слово!

Моэртал поднялся, хлопнул в ладоши и сказал подбежавшему охраннику:

— Срочно двух гонцов — к Ууртаку и на западную границу. И ещё: боевые дюжины пусть отойдут на сухое и ждут приказов. А на мокром поставить на дальний суурь-тэсэг копьё и привязать к нему это. — Моэртал, не глядя, протянул руку и обломил большую ветвь туйвана, украшенную алыми цветами и плодами, похожими на неумеющее лгать человеческое сердце.

* * *

Последний приход Ёроол-Гуя окончательно разорил оройхоны, и когда выяснилось, что Моэртал, должно быть, испугавшись Многорукого, отвёл войска, уходить решили все.

Утром, когда лагерь уже гудел, Шооран отозвал в сторону Ээтгона.

— Это на тот случай, если я не дойду, — сказал он, протягивая заново вычерченную карту. — Смотри: здесь страна вана, это угловые оройхоны, а здесь, за огненными болотами — пустая земля. Там сухие оройхоны: хлеб, вода и много бовэров. Я знаю, ты мне не веришь, но сходи — и увидишь сам.

— Ты и там был? — недружелюбно спросил Ээтгон.

— Был. Год назад.

— А чего же не остался, если там так прекрасно?

— Одинокому везде плохо. Сначала мне надо найти одного человека, и только потом я смогу пойти в эту землю.

— Хорошо, — голос Ээтгона был холоден как влага далайна, и ледяными оставались глаза. — Я пройдусь по этой полосе и посмотрю, что там.

Он сунул карту за пазуху и ушёл, бормоча неестественно сдавленным голосом:

— Везде мы побывали, всё повидали...

Когда последняя группа переселенцев скрылась за тэсэгами, Шооран бросил сумку, собранную лишь для виду, и отправился к далайну. Его не оставляло странное ощущение, словно он вернулся на год назад и строит дорогу в страну добрых братьев. Возможно, это оттого, что он вновь один на огромном пространстве, где даже с самого высокого суурь-тэсэга нельзя никого увидеть. А может быть, оттого, что он, пусть не называя имени, сказал другому человеку, что без Яавдай ему не нужна самая распрекрасная земля.

Странно Ээтгон принял его известие. Не о Яавдай, конечно, а о земле. Кажется, он поверил, но ничуть не обрадовался. И вообще, Ээтгон странный человек. В каждом его слове, в каждом движении сквозит ненависть. Почему? Ревнует к Чаарлаху, что тот с первой минуты выделил Шоорана из толпы? Оскорблён, что в их схватке Шооран оказался сильнее, и жив Ээтгон лишь благодаря великодушию победителя? Или, если это всё-таки чудом спасшийся Бутач, он не может простить своего нечаянного уродства?

Шооран поморщился, загоняя поглубже мешающие мысли, и сказал, обращаясь к далайну:

— Ну, здравствуй.

В один день он поставил два оройхона и справился бы и с тремя, если бы ему не помешал Ёроол-Гуй. Он не выметнулся на берег единым махом, а долго раскачивал в небе бесконечным множеством гибких рук, выбирая, откуда напасть, а Шооран, напружиненный, готовый к прыжку, отступал по поребрику и, словно Ван из древней легенды, кричал:

— Тебе всё равно меня не поймать! И я всё равно буду счастлив!

Выстроенный мыс загогулиной перегораживал чуть не половину далайна, не столько нужный людям, сколько мешающий Ёроол-Гую, которому теперь, чтобы попасть с западного побережья королевства вана на восточное, пришлось бы сделать изрядный крюк.

На следующий день Шооран, вспомнив, что данное слово нужно держать, выстроил оройхон там, где большой мыс граничил с отдельно стоящим островом изгоев. Владения бродяг в результате уменьшились, зато у Моэртала появилось разом два сухих участка.

Ещё не приступив к работе, Шооран решил, что сразу вслед за тем он уйдёт отсюда. Нечего зря искушать судьбу. Многорукого он

не боится, а вот людей... У каждого из них только две руки, но все вместе они куда цепче Многорукого. Не успеет схлынуть вода, как на сухое бросятся толпы народу, и чем дальше он будет в это время, тем лучше.

Уйти Шоорану не удалось. Он поставил оройхон вечером, чтобы было удобней скрыться, но, пробираясь между тэсэгов в сгущающейся тьме, вдруг услышал свист. Шооран замер, всматриваясь. Рослая фигура стояла в тени тэсэга неподалёку от поребрика. Если бы дозорный не свистал от скуки, Шооран мог вылезти прямо на него. Хвала мудрому Тэнгэру, что на посту оказался растяпа!

Шооран повернул назад, в полной темноте вышел к другому краю мыса. Там тоже были цэрэги. Они даже не скрывались: фигуры стояли прямо на поребрике, в стороне тлела в костре солома и слышался голос Киирмона:

— От такой большой неудачи Многорукий едва не плачет. Страсть, как охота жениться, а жена опять не годится...

Оставалось рваться напрямую через сухие оройхоны, где каждый встречный знал его в лицо. Но и там тоже стояло оцепление. Услышав, как фальшиво напевает сидящий в засаде Турчин, Шооран прыснул со смеху. Так вот в чём дело! Нет никакого разгильдяйства, цэрэги нарочно шумят, чтобы илбэч ненароком не попался им и в то же время не смог уйти. Моэртал запер его здесь, чтобы он строил для провинции землю, много земли. Не так уж это отличается от приёмов добрых братьев. Но там хотя бы мясом кормили, а что он будет есть тут? У Шоорана ещё оставалось несколько чавг и пяток туйванов, сорванных с ветви, щедро подаренной Моэрталом. Но туйван нужен, чтобы пропитать губку, когда он пойдёт через мёртвую полосу.

Проплутав ночь, Шооран вернулся к далайну. Так или иначе, но раз можно строить, то строить надо. Встал на берегу, поднял руки — это не обязательно, но так привычней и проще — глубоко вздохнул, сосредотачиваясь, и... опустил руки. Нет, он не будет ничего строить в тюрьме. Вернее, будет, но только для того, чтобы выбраться отсюда.

Далайн, который он за два года сократил на пятую часть, безучастно соглашался: «да, можно и не строить». Среди бугров влаги Шооран заметил качающийся мешок плавающего моллюска. Случайный всплеск выкинул его на берег. Шооран натянул рукавицы, подошёл и поднял подарок. Костяной палочкой извлёк склизкую плоть, заглянул в розовое нутро раковины. Если сточить у раковины острый конец, а потом сильно дунуть в него — раздастся неприятный, но очень громкий звук. Интересно, что подумают стражники, когда услышат сигнал? Хотя прежде раковину надо вымыть. Шооран спрятал будущую трубу, достал карту и начал выбирать, где он поставит отвлекающий оройхон.

Ему пришлось построить два оройхона, прежде чем Ёроол-Гуй

явился. Второй из оройхонов был юбилейным, он завершал двойную дюжину, но об этом Шооран вспомнил много времени спустя. А тогда он сначала привычно удирал от Ёроол-Гуя, а потом шёл через мыс, строить ещё один остров. Теперь, когда Ёроол-Гуй был заведомо далеко, Шооран мог ставить оройхон и не отходить назад, а идти, не опасаясь ни цэрэгов, ни глупого бога. С собой Шооран нёс корзину, где под слоем харваха были спрятаны все его вещи. Едва оройхон встал, Шооран подхватил корзину и поспешил наискосок через новую землю. Путь его лежал в глубь страны, подальше от слишком беспокойного побережья.

Пройдя чуть больше восьми оройхонов, Шооран присел отдохнуть. Крестьянин, возившийся неподалёку, поглядывал недружелюбно, но ничего не сказал, решив, верно, не связываться с Шоораном, раз тот не сошёл с поребрика.

— Эгей! — окликнул земледельца Шооран. — Купи раковину. Мне нужна вода, — Шооран показал пустую флягу, — и полдюжины хлебцев.

Мужчина подошёл, взглянул на раковину, молча кивнул и пошёл за водой. Конечно, витой рог стоит много дороже, и после мягмара владелец легко сбудет его цэрэгам, но Шооран предпочитал держаться от цэрэгов подальше.

Крестьянин вернулся с бурдюком и хлебцами. Делали хлебцы, круто замешивая муку на перебродившей каше, а потом высушивая. Если размочить такой хлебец в воде, через полчаса получится полная миска каши.

— Харвахом промышляешь? — спросил мужик.

— Есть-то надо, — ответил Шооран.

— Ох, дела шаварные! — земледелец, очевидно, был не прочь поболтать. — Весь мир перевернулся. Раньше харвах скребли бабы да детишки, а мужики, коли прижмёт, в сушильщики шли, но с хохиуром дела не имели. А теперь всё наоборот! Этакий бугай харвах собирает, а баба — сушильщик! Каково?..

— У меня мать была сушильщиком, — сказал Шооран. — Ты что, её знал?

— Да не!.. — отмахнулся земледелец. — Это тут поблизости. Ещё дура нашлась, кроме твоей мамаши. Сушильщица!.. Ходит гордая, словно жена вана, на человека и не взглянет. Тьфу! Хоть бы подорвалась скорее — не жалко.

— Трепло ты, — сказал Шооран, вставая. — Смотри, как бы тебе чего не оторвало.

— Эгей! — воскликнул мужик. — А меняться? Вот, я принёс.

— Не буду я с тобой меняться, — сказал Шооран. — Хлеб у тебя вонючий.

— Раковина твоя вонючая! — злобно крикнул вслед хозяин. — Сушильщице отнеси, она тебя приголубит!

Шооран уходил, кусая губы. Больше всего сейчас хотелось выдернуть из-под харваха хлыст, чтобы сволочь, походя плюнувшая в память матери, превратилась в булькающий кровью кусок мяса. Хотя, какая он сволочь? Он просто тупая тварь, мелкий зогг, что, задрав ядовитое жало, оберегает перед входом в норку доставшийся ему кусочек снеди. Но совет эта тварь дала хороший: он действительно пойдёт к сушильщице и расскажет про землю, что лежит на западе. А потом, как и обещал, возьмёт Койцога и тоже уведёт его. Не дело, что люди занимаются смертельным и ненужным промыслом, особенно женщины — в этом тот тип прав.

За очередным оройхоном открылась выжженная приаварная полоса. Шооран приостановился и решительно пошёл направо. Кислый смрад сушащегося харваха лучше любых объяснений подсказывал, куда надо идти.

Как всегда, сушильщик занимал самый большой авар, что дальше прочих вдавался в свободное пространство. Сушильщица была за работой. Столбом поднимался пар, пучился, шевелясь, харвах, пел, сгорая, хитин, и женщина тоже пела медленную печальную песенку, никак не соотносящуюся с мгновенными движениями рук, спасающими её от неизбежной смерти:

Мой милый ушёл на охоту,
По далёким ушёл оройхонам
И оставил меня одну.
Уулгуй, тонкорукий и светлый,
Отнеси ему сочную чавгу,
Передай привет...

Кончился харвах на аваре, и на полуслове оборвалась песня.

— Здравствуй, Яавдай, — сказал Шооран.

Она повернулась, взглянула на него безо всякого удивления.

— Нашёл, — голос прозвучал бесцветно.

— Я тебя искал, — произнёс Шооран, чувствуя, что происходит совсем не то, о чём он думал, представляя, как найдёт Яавдай. — Я даже к добрым братьям ходил, потому что ты так Киирмону сказала. Смешно, правда?

Шооран говорил, стремясь словами заглушить нарастающее беспокойство, а Яавдай стояла, праздно опустив обожжённые руки, и молчала.

— ...зато я нашёл место, где можно жить. Не цэрэгом быть, не сушильщиком, а просто жить, как люди. Я не знаю, кто тебя заставил так поступить, но ты теперь не бойся, мы уйдём туда, там нас никто не сможет тронуть...

Яавдай медленно покачала головой.

— Я не пойду.

— Почему? — глупо спросил Шооран.

— Потому что я никогда тебя не любила. Я любила тогда и люблю до сих пор другого человека.

— Почему же ты сразу не сказала? — мёртво прошептал Шооран.

— А ты спрашивал?

— Да! И ты сказала, что согласна!

— А что я могла ответить? Убить мать, брата, сестёр? Прости, мне надо было уходить раньше, сразу, как только Яавдалу исполнилось двенадцать.

Шооран повернулся, шагнул, чтобы уйти. Куда угодно, подальше от себя самого. Значит он, словно наворовавший добра баргэд, просто купил девушку, не поинтересовавшись даже, что у неё на душе... Но неужели он должен был спрашивать: «Дорогая, а не влюблена ли ты в кого-то другого?» Какая бессмыслица! Хотя это уже ничего не меняет.

— Подожди, — сказала Яавдай. — Я должна... В общем, подожди минуту.

Она подхватила корзину с высушенным харвахом и пошла к поребрику, где подальше от аваров теснились палатки. Шооран покорно двинулся следом. Яавдай нырнула под навес, принялась развязывать какой-то узел. Шооран не смотрел, что она делает, он глядел туда, где неподалёку на горячей сухой земле возились несколько детей. Девочка лет полутора поднялась с земли, преувеличенно твёрдо ступая, как ходят недавно научившиеся дети, подбежала к Яавдай, ухватила за край жанча, спрятала лицо, потом повернулась, и снова на Шоорана глянули любопытные серые глаза. Это лицо Шооран много раз видел, когда после смерти старика, оставшись один, часами сидел над ручьём, разглядывая своё отражение.

— Яавдай, — перехваченным голосом произнёс Шооран. — А как же она? Это же наш ребёнок.

Яавдай вскинула голову. Глаза её зло блеснули.

— Ну уж нет! Я согласна была спать с тобой, но ребёнок не твой. Он от того человека, которого я люблю.

— Неправда! — выкрикнул Шооран. — Я же вижу. Она похожа на меня.

— А вы с тем человеком вообще похожи, — Яавдай невесело усмехнулась, — только ты красавчик... был, а он — мужчина.

— Дядя! — сказала девочка, указывая на Шоорана.

— Да, дядя, — быстро согласилась Яавдай. — Чужой дядя. Иди, Бутай, к девочкам, поиграй с ними. Я сейчас. — И ты не найдёшь этого человека, — повернулась она к Шоорану. — Я знаю о нём всё, даже его настоящее имя, но тебе не скажу ничего.

— Я его тоже знаю, — проговорил Шооран. — Я же слышал, как ты назвала девочку. Но я не буду его искать.

— Вот, — сказала Яавдай, выпрямляясь. — Это твоё.

На протянутой ладони свернулось лазоревое ожерелье.

— Я ни разу не надевала его. И не продала. Я знала, что мы встретимся и его надо будет отдать. Когда ты рассказывал о своей матери, я долго не могла поверить, что тебя, оказывается, тоже можно любить. Это её вещь. Возьми и уходи.

Ожерелье перетекло из узкой ладони Яавдай в его горсть. Под ноги покорно легла плывущая дорога. Здесь, на сухой полосе, она была широкой, иначе он не смог бы пройти по ней непослушными ногами. Шооран не смотрел по сторонам, не видел, куда идёт. Смотрел лишь на ладонь, и пальцы одну за другой перебирали голубые жемчужины. Каждая из них казалась живой. Жемчужина — отец, погибший слишком рано. Вторая жемчужина, пронзительно голубая и с чёрной крапиной ожога — это мама. Третья, словно тронутая сединой, но с негаснущим огнём, пробивающимся наружу — старый илбэч и его подарок. «Ты ещё устанешь проклинать меня». Да, ничего не знать, быть никем куда проще. Новая жемчужина, чистая, почти прозрачная — Чаарлах. Наивный слепец! Кого ты считал прозорливым? Не так трудно увидеть второе дно в сказке, куда сложнее понять самого простого человека. Жемчужина Ээтгон. Блестящая, в неё смотришь словно в зеркало. «Мы уже сделали себе всё зло, какое могли. Оно ещё долго будет всплывать». Ещё жемчужина, сияющая холодным отрешённым блеском — это Яавдай, а следом крохотная, но горящая ярче других — чужая, не его дочь. Сколько ещё в ожерелье жемчужин-бед, жемчужин-слёз, жемчужин-вопросов? Долго тянется нить жизни и жестоко проклятие Ёроол-Гуя.

* * *

Вновь своё спасение Шооран нашёл в работе. К утру он вышел к побережью, в то самое место, откуда уходил. Даже копье, оставленное в хохиуре, оказалось цело. И заграждение, окружающее пустые оройхоны, всё ещё стояло. Народу на мокром не было. Все, имеющие или не имеющие право, сейчас делили землю. Что же, тем больше чавги достанется голодному илбэчу.

Шооран за спинами дежурящих цэрэгов вышел к далайну и поставил оройхон. Это был знак Моэрталу, что илбэч ушёл из окружения. На первом же суурь-тэсэге новой земли Шооран водрузил моэрталово копьё, наколов на остриё большую чавгу.

— Ты меня угостил туйваном, — бормотал он под нос, — а я тебя, извини, чем могу. Ты меня запер, а я — убежал.

На следующий день оцепление исчезло, но и облав тоже не было — Моэртал понял, что илбэча лучше оставить в покое.

Нагрузившись чавгой и сменяв-таки раковину на хлеб, Шооран вернулся на мыс, с которого так стремился бежать два дня назад. Первым же ударом он создал там сухой оройхон, отделённый от остальной страны лентой в два мокрых оройхона. Поскольку эта местность была опустошена Ёроол-Гуем, а илбэч отсюда ушёл, можно было надеяться, что недели три его никто не потревожит. Устраиваясь на житьё, Шооран громко разговаривал сам с собой о чавге, тэсэгах, Ёроол-Гуе — обо всём на свете кроме Яавдай, маленьких детей, счастье и других несущественных предметах.

В тот же день Шооран поставил ещё два оройхона, повторив давний подвиг Энжина. С рассветом круг начал повторяться. Шооран выстроил один оройхон, потом увидел Ёроол-Гуя и, перейдя на другую сторону мыса, следующий остров соорудил там, высушив ещё один ненужный ему участок. Лишь после этого странная истерика погасла.

Шооран сидел на умывающемся оройхоне среди потоков слёз Бовэра и думал, как жить дальше. В мире оставались лишь два человека, которые относились к нему по-людски: сказитель Киирмон и сушильщик Койцог. Но Киирмон благополучен, его чаша не бывает пустой. Значит, остаётся Койцог, если, конечно, он ещё жив.

Шооран собрался и без сожаления покинул мыс и сухие оройхоны, где скоро начнётся столпотворение: делёж земли и власти. Он шёл на запад по стыку сухих и мокрых оройхонов, по самому опасному месту, потому что здесь обычно больше всего стражи. Но сегодня цэрэги отдыхали, обрадованные уходом ночных пархов, а земледельцы не трогали бродяг, поскольку вся страна жила ожиданием чудес.

Он пересёк владения Ууртака и крошечную провинцию, где некогда властвовал Хоргоон. Оставил позади Свободный оройхон, где когда-то родился и где не осталось ничего: ни прежних людей, ни прежней свободы. Ступил на остров изгоев, не ставший уютнее с тех пор, как безобиднейшая Нарвай смертельно напугала здесь малолетнего Шоорана. Так же, как и десять лет назад, уходила вдаль мёртвая полоса, стлался дым и жил своей жизнью далайн. Правда, теперь возле огненного болота стояла застава, караулящая ушедшего на угловые земли недруга. Впрочем, нападения оттуда никто не ждал, так что пройти в огненный смрад было несложно.

Шооран оглядел открывшееся пространство. Почему, собственно говоря, он должен задыхаться здесь? Всего один оройхон — и сухая полоса соединит угловые земли со страной вана. Погибнет крошечное государство, рождённое тщеславием Хооргона. Стоит ли о нём жалеть? Зато люди смогут ходить безопасно. Довольно и он мучился здесь в завалах и горячем нойте. Сегодня это болото исчезнет.

В полчаса оройхон был создан, и Шооран в третий раз за свою

жизнь очутился на угловых оройхонах, поставленных когда-то старым илбэчем и, отчасти, им самим.

Даже на первый взгляд за два года оройхоны изрядно переменились. На мокром никого не было, пустынной оказалась и сухая полоса. Очевидно, немало народу ушло вместе с войском изгоев. Шооран сумел незамеченным добраться к последнему оройхону, который целиком принадлежал аварам и сушильщику.

Койцог был на месте. На нём была та же старая одежда, лишь на груди висела ладанка с давно погибшим и высушенным пальцем Ёроол-Гуя. Кусочек иссушенной земли тоже казался заповедником старых времён. Изменился лишь сам Койцог. Исчез отрешённый, безразличный ко всему взгляд, и Шооран подумал, что пришёл вовремя: сушильщики с беспокойным взглядом долго не живут.

— Я не смог тогда вернуться, — сказал Шооран, — но зато сейчас я пришёл забрать тебя. Ты, должно быть, и сам знаешь куда — в новые земли на севере.

— Туда не пройти, — сказал Койцог. — Тройгал не пустит. Туда слишком много людей ушло, так теперь Тройгал там границу держит крепче, чем от вана. Там и жирх не проползёт.

— А мы проползём, — уверенно сказал Шооран.

— Мы-то проползём, — голос Койцога звучал словно виновато, — но я теперь не один. Тамгай... её выдали мне в жёны, по договору, даже не спросив. Да и как спрашивать, она же бездомной осталась. Мы тогда потребовали женщин, так просто, оттого, что не знали, что ещё требовать. Всего год назад она была мне никем, а теперь... я не пойду без неё, а она не сможет ползти ночью по мёртвой полосе.

— Если... — Шооран запнулся, не зная, какое слово подобрать, — если она в самом деле захочет пойти с тобой, то ей не придётся ползти. Мы пойдём по мёртвой полосе днём и не скрываясь. Там нас пропустят и дадут землю, среди изгоев у меня много знакомых. А с этой стороны, думаю, заслон уже снят, все брошены на границу с ваном. Ты же слышал, как трубили тревогу? Сегодня последний день этого царства.

Койцог пренебрежительно усмехнулся, и на мгновение в нём проглянул прежний сушильщик.

— Сходи, посоветуйся с Тамгай, — сказал Шооран, — а я сбегаю по делам. На час, не больше. Кстати, как поживает палач Боройгал?

— Что ему сделается? Живёт. Говорят, клад нашёл.

— Нашёл, значит? — переспросил Шооран. — Что же, пусть пользуется. Я скоро вернусь.

Шооран выбрался на заселённый оройхон, открыто пошёл по тропе. Раз Боройгал сумел выжить и отыскать его тайник, то «дороги тукки» больше нет и остаётся надеяться, что совершить задуман-

ное ему поможет паника, вспыхнувшая из-за гибели огненного болота.

При входе в алдан-шавар суетилось с дюжину женщин, но не было ни одного цэрэга. Если на Шоорана и обратили внимание, то не посмели остановить. А в нижнем ярусе и вовсе никого не было. Пружинила под ногами земля, ползали слизни, сытно пахло наысом.

«Беглый камень» оказался цел и пропустил Шоорана в сокровищницу. За последнее время здесь ничего не изменилось. Шооран подошёл к стене, снял талх. Материя казалась невесомой, и ничего не весили, тонкие, как высохший лист, диски. Шооран сложил наряд, поколебавшись секунду, снял и доспех, оказавшийся неожиданно гибким и лёгким. Среди украшений на стене внимание привлекли заколки для волос, диадемой охватывающие голову воображаемой красавицы. Неужели — те? Шооран протянул руку, осторожно взял два светлых полумесяца.

Всё. Пора уходить. Он собирался подарить это платье Яавдай, а теперь отдаст незнакомой ему Тамгай, если, конечно, та согласится пойти за своим сушильщиком.

Шооран вышел из сокровищницы, аккуратно закрепив камень, хотя и понимал, что вряд ли ему придётся вернуться сюда ещё раз.

Койцог ждал неподалёку от своего авара. Рядом с сушильщиком сидела маленькая некрасивая женщина. На коленях она держала собранный узел. Второй узел держал Койцог.

— Здравствуйте, — сказала Тамгай. — Койцог мне всё рассказал. Конечно, мы пойдём. Вы не беспокойтесь — я дойду. Понимаете, я очень хочу, чтобы он бросил эту работу. Я так боюсь за него...

— Понимаю, — сказал Шооран.

У Тамгай было блёклое невыразительное лицо, но оно так менялось, когда женщина смотрела на длинную физиономию Койцога, что Шоорана невольно обдала горячая волна зависти.

Шооран забрал у Тамгай тяжёлый узел, а вместо него вручил пакет с царскими нарядами.

— Это подарок, — сказал он. — Скоро мягмар, тогда наденьте это. А сейчас — пора идти.

* * *

Несчастья преследовали бывшего дюженника, а ныне одонта Тройгала все последние годы. Падение старого Хоргоона грозило ему нечаянной смертью, поскольку назначенный одонтом Пуиртал знал о двойной сути дюженника и не стал бы терпеть при себе доносчика. Поэтому Тройгалу ничего не оставалось делать, как под-

держать авантюру юнца Хооргона, а потом вместе с ним бежать на угловые земли. Там поначалу всё шло хорошо, хотя слова прямодушного глупца Мунага сбылись, и цэрэги были недовольны дежурствами на границе. Но даже недовольство Тройгал обратил в свою пользу. Он мягко оттеснил мальчишку от власти, получив из его же рук титул одонта, и потихоньку вступил в переговоры с настоящим ваном. Вечносухой государь благосклонно принял вести от бывшего соглядатая, и дела вроде пошли на лад. Ван соглашался утвердить Тройгала одонтом угловых земель и принять под своё покровительство, но требовал выдачи Хооргона и казны. Тройгал соглашался выдать только Хооргона, который, ни о чём не подозревая, почивал в своих покоях. К сожалению, так лишь казалось Тройгаяу, потому что в тот самый момент, когда ван согласился удовольствоваться одним Хооргоном (но обязательно целым и невредимым!), мятежный юнец исчез. Он пропал прямо из опочивальни, у входа в которую стояли верные Тройгалу люди, и найти его не удалось. Ван был разгневан, переговоры надолго прервались.

Два года прошли в мучительной неопределённости. Объявить ваном самого себя Тройгал не решился — это значило отрезать возможные пути к отступлению, и оставался одонтом неясно при ком. Между тем, цэрэги роптали, и даже земледельцы начинали повышать голоса. Применять к солдатам жёсткие меры Тройгал опасался, хотя и понимал, что недовольство может вылиться в открытый бунт.

Так обстояли дела в тот момент, когда среди ночи Тройгала подняло известие, что граница прорвана. А ведь Тройгал был уверен, что ван не пойдёт на подобное безумство, которое не могло принести ему ничего, кроме потерь и лишних волнений. Но потом оказалось, что границу преодолели не войска, а толпы изгоев. Как они сумели пройти, было известно лишь им и погибшим цэрэгам заграждения. Во всяком случае, ухэры не успели выстрелить ни разу.

Два дня в крошечной стране шла война, цэрэги, понимая, что с такими гостями не договоришься, дрались бешено, и Тройгал уже загадывал, как после победы станет казнить предводителей противника, но неожиданно противник исчез. И лишь через сутки выяснилось, что изгои ушли на север по мёртвой полосе, которая, как было отлично известно, обрывалась в далайн.

Но теперь оказалось, что огненное болото идёт не на два, а на три оройхона, а за ним начинается настоящая земля, куда и ушли изгои. Причём они не просто сбежали, а заняли проход, поставив там захваченные у Тройгала ухэры. Крошечное царство было зажато с двух сторон.

Взбешённый Тройгал вызвал дюженника Цармуга, который три года назад ходил по мёртвой полосе, проверяя, куда она идёт, и страшно избил его.

— Вонючка! Гнилоед! — орал он. — Поленился лишний оройхон пройти! В нойте утоплю!

— Я ходил! — брызгая кровавой слюной, кричал Цармуг. — Не было там ничего!

— Врё-ёшь!.. — и Тройгал снова бил, хотя и понимал, что Цармуг прав. Прозевали илбэча и землю тоже прозевали.

Самое страшное, что теперь нечем было обороняться. Четыре последних татаца, прежде грозно украшавших вход в алдан-шавар, были перенесены к границе. Больше орудий у Тройгала не было, не было и мастеров-макальщиков — каторжные заводы стояли на восточных окраинах государства вана.

Вновь Тройгал вступил в переговоры, но теперь ван требовал не только казну и ежегодную дань, но и заложников. Утешало самозваного одонта лишь то, что ван всё же ответил ему, и, значит, можно ещё поторговаться. Отвечал Тройгал уклончиво, так что было невозможно понять, какое именно сокровище не может он отдать — сыновей или оружие и жемчуг. Ван требовал и то, и другое. В ответ Тройгал смирено отослал списки, утаив двух сыновей из шести и самое ценное среди сокровищ. Ван напомнил, что ему нужны не клочки кожи, а сами драгоценности и, в первую очередь, пропущенные в списках, доспех из чёрного уулгуя и талх, расшитый дисками уулгуя бледного.

Тройгал ещё не решил, как будет отвечать, когда новый удар обрушился на него: на востоке возник оройхон, граница исчезла.

Испуганный и растерянный он стоял, глядя на огромное пространство, которое было невозможно оборонять. Мунаг, быть может, и умудрился бы держаться здесь, но Мунага нет в живых.

— Надо бежать, — сказал один из дюженников. — Иначе раздавят, как только ван подтянет войска.

— Погодите... — простонал Тройгал. — Ещё есть выход. Я вёл переговоры с ваном. Отдадим казну: доспех, дорогое оружие, царское платье, и все останутся на местах. Ван обещал...

— Ну, давай, — сказал кто-то, и Тройгал с холодным ужасом заметил, как изменились взгляды и голоса окружающих.

Тройгал спешно вернулся в свои — бывшие свои! — покои. Двое командиров и десяток солдат из недовольных боевых дюжин шли за ним, не то охраняя, не то конвоируя. Тройгал отомкнул хитроумный замок, с натугой отворил тяжёлую дверь. Спустился вниз.

Гладкая стена была пуста. Такое представлялось ему иногда в ночных кошмарах: он заходит в сокровищницу, а там ничего нет.

Тройгал подошёл ближе, потрогал стену, посмотрел внизу, по сторонам.

— Где они?.. Где?.. — бормотал он, бегая кругами по сокровищнице.

— Ну?! — крикнул от дверей Цармуг. — Скоро ты там, корм шаварный?

Тройгал подошёл к столу, сжал тонкий нефритовый нож.

Собирался ли он пробиваться на волю или зарезать себя? Копьё, пущенное Цармугом, пробило руку. Нож выпал. Солдаты посыпались по лестнице, разом навалились на одонта.

— Живьём взять мерзавца! — закричал Цармуг.

* * *

Три оройхона мёртвых земель показались Шоорану неожиданно лёгкой и простой дорогой. Возможно, оттого, что он шёл не один, а может быть, из-за того, что недавно прошедшее войско расчистило путь. Гораздо больше, чем за себя, Шооран опасался за попутчиков. Но привычный к жаре и смраду Койцог ломил прямо, словно рвущийся к добыче гвааранз, да и худенькая Тамгай стойко переносила трудности, хотя было видно, каких мучений стоило ей сдержать кашель.

В беспокойном клубящемся тумане проступили очертания земли, той самой, где Шооран потерял юношескую красоту, получив взамен рубцы и бурые пятна ожогов. Здесь он умудрился добыть палец Ёроол-Гуя. Ничто вокруг не напоминало о тех событиях, нойт и время стёрли следы. Зато сразу было видно, что эта земля теперь обитаема. Отбросы далайна не громоздились вдоль берега, а были уложены поперёк дороги, образуя высокий защитный вал. Далее, занимая весь поребрик, зевали в лицо идущим четыре ухэра. Они стояли один за другим, на специальных станках, позволявших, ежели появится Ёроол-Гуй, опрокинуть ухэр на безопасную сторону. Сразу ясно, что тот, кто устанавливал орудия, понимал толк в обороне.

— Ого! — воскликнул Койцог. — Я недаром унёс с собой весь сухой харвах, что у меня был. Здесь это зелье тоже требуется.

— Откуда столько ухэров? — удивился Шооран. — У Хооргона их было всего два...

— Штой! — раздался окрик из-за завала. — Кто такие?

И тут же знакомый голос караульного изменился, грозные ноты сменились радостным кличем:

— Шооран?! Ты?.. Какой Ёроол-Гуй тебя жанёш?!

Через засеку перебросили лестницу, на вершине вала, над частоколом изломанных костей появилась изуродованная, но сияющая радостью, знакомая образина Маканого.

Койцог быстро перелез через завал, помог перебраться Тамгай. Последним спрыгнул Шооран.

— Вот наша земля, — сказал он. — Тут и будем жить.

* * *

Велик труд Тэнгэра и непостижим для ума! Чем можно вырыть далайн без дна, каким бурдюком наносить в него воду? Человек успеет умереть, прежде чем поймёт это. А Тэнгэр создал такое и, отряхнув с ладоней землю, сказал:

— Таков должен быть далайн, иначе он не вместит вечного Ёроол-Гуя.

Сверху Тэнгэр настелил небесный туман и сказал так:

— Здесь будет положен предел взгляду и разумению, чтобы никакая смертная тварь не проникла в сокровенные тайны алдантэсэга и не сравнялась со мной.

Всё сущее — и бездна, и небо, и крепкая стена послушествовали слову старца. Лишь когда пять оройхонов были заселены зверями ползающими, бегающими и прыгающими, и пришла очередь человека, Тэнгэр встретил непослушание.

— Ты должен думать о вечном, — молвил Тэнгэр, — ибо таков мой уговор с Ёроол-Гуем.

Но человек сказал на это:

— Нельзя думать о вечном, когда дети плачут от голода и не знаешь, чем накормить их.

— Ты можешь есть всё, что растёт на оройхонах, — объяснил Тэнгэр, — а из зверей тебе годны для пропитания прыгающий парх, быстрая тукка и вонючий жирх, от которого выворачивает нутро. Но не вздумай брать в пищу ничего из того, что плавает в далайне. Это корм Ёроол-Гуя, и ты умрёшь от него.

— Спасибо, добрый Тэнгэр, — сказал человек и ушёл собирать чавгу и ловить зверей шавара.

Тэнгэр ждал человека целую неделю и, не дождавшись, пошёл по его следам. Он отыскал пропавшего и грозно спросил, как тот посмел бежать от своего создателя.

— Я не бежал, — ответил человек, — я заблудился, потому что этот мир мне незнаком.

— Что же, — молвил Тэнгэр, — видно, прежде мне придётся обучить тебя простым вещам, чтобы они не мешали мудрому. Знай: то, что над твоей головой — зовётся небом, а то, что под ногами — твердью. У всякого оройхона четыре стороны, и, значит, в мире есть четыре пути. Там, где стена мира всего ближе — находится восток, а там, где она дальше всего — запад.

— Мудрый Тэнгэр, — возразил человек, — даже там, где стена далайна ближе всего, она слишком далеко. Я не вижу её.

— Как ты глуп! — воскликнул господь. — Вон там — запад, а там — восток. Это ты запомнить можешь?

— Да, мудрый Тэнгэр. Я запомню это.

— А если ты станешь так, чтобы по правую руку у тебя был восток, а по левую — запад, то перед твоим лицом окажется север, а сзади — юг. Зная это, ты никогда не заблудишься на оройхонах. Это всё, что тебе надлежит знать о мире.

— Но ведь в мире есть не только твердь, — удивился человек. — Ещё есть далайн, и он больше земли.

— Далайн я создал для Ёроол-Гуя, — ответил Тэнгэр, — но многорукий Ёроол-Гуй должен быть ненавистен тебе, поскольку он зло, а я — добро.

— Почему?

— Да потому, — загремел Тэнгэр, — что я создал тебя, а Ёроол-Гуй тебя съест!

— Не сердись, я понял, — сказал человек. — Ты добр, ибо создал меня на съедение Ёроол-Гую. Но мне неясно иное. Если по правую руку у меня будет добро, а по левую — зло, то что окажется перед моими глазами, и что за спиной?

— Ты ещё глупее, чем кажешься! — вскричал Тэнгэр. — Ты никогда не сможешь думать о вечном!

И раздосадованный Тэнгэр ушёл прочь и лишь много веков спустя заметил, что неторопливые мудрые мысли отравлены глупой загадкой: что находится перед лицом стоящего между добром и злом. И как ни гнал старик Тэнгэр этот вопрос, он не мог ни избавиться от него, ни дать ответ.

А человек, оставшись один, просветлел лицом и воскликнул:

— Я понял! Впереди будет жизнь, а за спиной — мёртвая вечность. Но у меня нет глаз на затылке, поэтому я буду смотреть вперёд.

ГЛАВА 8

Полгода назад, избавившись от «сладкой каторги» и освободив товарищей, Маканый повернул в родные места. Он понимал, как мало у него надежды остаться непойманным. Наверняка приметы бежавших разосланы по всем оройхонам, и за поимку каторжников обещана награда. И если остальные двенадцать могут остаться неузнанными, то уж его приметная морда запомнится всем.

Действительно, бои в земле старейшин ещё не остыли, а облавы шли одна за другой. Через неделю восемь изловленных беглецов составляли компанию смирному Уйгаку. Умница Уйгак кушал вкусное мясо, не уставая хвалить себя за предусмотрительность.

Затем, старшие братья, поняв, что остальных так просто выловить не удастся, решили рискнуть, и девять пленников были распяты на берегу далайна. Они провисели там два дня, так что жалобные причитания Уйгака отчаянно наскучили караульным. На тре-

тий день чёрный уулгуй высунул из далайна руки и по одному перетаскал к себе связанных людей. Уйгака он уволок в пучину вместе с крестом.

История пленения илбэча закончилась.

Маканого не было среди пленников. Всё это время он прятался на сухом, днём отлёживаясь в зреющей хлебной траве, а ночью переползая с одного оройхона на другой. Появиться на мокром не решался, догадываясь, что ждёт его там. Лишь узнав из обрывка подслушанного разговора о судьбе своих неудачливых товарищей, он вышел к побережью и отправился на запад. Облав он с этой минуты не опасался — до тех пор, пока страна дьяволопоклонников-старейшин не усмирена окончательно, в западных провинциях некому проводить облавы. Спешить Маканому было незачем, он отлично понимал, что рано или поздно его изловят, и, значит, надо всего лишь удачно прожить украденные дни. Поэтому он обогнул единственный в стране мыс, где могли бы скрываться изгои и где наверняка ждали беглецов, и, преодолевая от силы по оройхону в день, начал смещаться в сторону родной каторги. Теперь он преступно питался чавгой, и на сухое вылезал лишь ночами.

Судьба благоволила каторжнику, даря одну неделю свободы за другой. Маканый вышел на западный берег, длинный и прямой, и подумывал, а не повернуть ли ему обратно в сторону старейшин, где всё, должно быть, закончилось. Но вышло по-иному.

На очередную днёвку Маканый устроился недалеко от поребрика, чтобы можно было дать дёру, если вдруг вынырнет Ёроол-Гуй. И в то же время надо было держаться подальше от сухого, где его могли заметить и донести цэрэгам. Такую задачу Маканому приходилось решать ежедневно, и сегодня его решение совпало с поступком другого беглеца.

Маканый сразу узнал вышедшего ему навстречу человека, и даже припомнил имя: Коайхан. Это был один из четырёх уцелевших чудотворцев, который так же, как и Маканый, метался по побережью, безуспешно ища пристанища.

— Привет! — воскликнул Маканый, кривя в улыбке беззубый рот.

Вместо ответа Коайхан ударил. Костяная дубинка косо скользнула по голове, обратив в кровавую кашу изорванный остаток уха.

— Ты што!? — закричал Маканый, прижимаясь к скале и судорожно нащупывая спрятанный в рукаве нож.

— Попался, илбэч!.. — прошипел Коайхан, поднимая двумя руками дубинку. — Ты у меня получишь за всё: за каторгу, за макальник, за кресты... За то, что я теперь, как тварь шаварная, прячусь...

— Дурак! — каркнул Маканый. — Притшём тут илбэтш? Ешли бы не он, тебя бы давно ыльки ражъели...

— Не-ет!.. Я знаю — ты илбэч, и я убью тебя!

Коайхан обрушил свою дубину, но мгновением раньше Маканый прыгнул вперёд, ткнув клинком в живот противнику. Коайхан забулькал, словно густой нойт, хлюпая, хлынул из открытой раны, и повалился на бок. Горящие сумасшедшиной глаза остановились.

— Перештаралша... — огорчённо произнёс Маканый.

Он быстро обыскал труп, взяв себе кое-что из скопившегося в сумке и поясе хлама, подхватил Коайхана под мышки и потащил к шавару.

— Глупый ты, — бормотал он дорогой, — жатшем ты это шделал? Теперь наш вшего трое, а это и мне опашней, и илбэтшу. А вдруг ты и ештъ илбэтш и меня хотел убить, штобы я не жнал?.. — Маканый остановился, заглянул в мёртвое лицо. — Ты илбэтш? — спросил он, хотя и понимал, что убил не чудесного строителя, а просто дурака. — Ну и ладно, пушть ты илбэтш, а ешли появятша ишшо оройхоны, жначит уже новый илбэтш родилша. Но што ты умер — никто не ужнает. До швиданья, глупый илбэтш.

Маканый столкнул тело в черноту, постоял, прислушиваясь к закипевшей возне, чавканью и хрусту, а потом понуро побрёл к далайну. Он сам не мог сказать, что привело его туда, Маканый не любил далайн, и причины для нелюбви были вескими, но сегодня ноги сами привели его на побережье. И здесь, поднявшись на крайний тэсэг, Маканый различил своим единственным глазом дразнящую тень далёкой земли.

Неделю Маканый ходил по побережью, то теряя землю из виду, то вновь замечая её. Наконец, пройдя в опасной близости от лагеря каторжников, он ступил на мёртвую тропу и через четыре часа уже стоял на другом берегу.

Некоторое время он прожил в одиночестве, объедаясь мясом, к которому так и не успел привыкнуть, затем с юга пришло войско изгоев.

Сначала Маканый страшно перепугался, что его примут за илбэча, но ничего такого не случилось, изгои, среди которых каждый второй был увечным, легко признали бродягу своим. Вожди изгоев — заросший чёрной бородой Суварг и молодой с жёстким прищуром серых глаз Ээтгон — допросили гостя с севера и позволили жить вместе со всеми. А узнав, что новый край имеет выход на страну добрых братьев, причём как раз к тому месту, где стоят каторжные мастерские, изгои устроили мгновенный набег и, не потеряв ни одного человека, вдевятеро увеличили мощь своей артиллерии, унеся не только новенькие ухэры и татацы, но и хранившийся в арсеналах запас харваха. Потом, правда, пришлось налаживать оборону и держать границу против опомнившихся братских войск.

За всеми этими делами Маканый отвлёкся от тревожных мыслей об илбэче. Появление Шоорана вновь пробудило их. Ситуация

очень напоминала известную сказку о братьях илбэча. Только братьев было пятеро, а их оставалось всего трое: сам Маканый, Шооран и угрюмый бунтовщик Куюг. Можно было бы, кроме того, думать и на Коайхана, если бы Маканый не узнал, что в тот самый день, когда он сбросил тело Коайхана в шавар, илбэч был жив и строил землю на другом конце мира.

Шооран и двое пришедших с ним получили участки земли совсем рядом с полем Маканого. Это радовало и вместе печалило калеку. Если завтра родится земля, он будет знать, кто её создал, и тогда проклятие Ёроол-Гуя обретёт силу, а этого Маканый не хотел. Единственное, что сохранилось в его душе от внушаемой с детства веры, были слова молитвы: «яви славу твою в делах светлых илбэчей твоих, их же любим благодарным сердцем...»

Прошло несколько дней, и случилось событие, заставившее Маканого обрадоваться и встревожиться ещё больше. В новый край явился Куюг. Как и Шооран, он обогнул мир и пришёл через земли вана. Куюгу досталась земля на южной оконечности страны, и это втайне радовало Маканого. Убедившись, что Шооран и Куюг не горят желанием увидеться, он сообщил им, каждому в отдельности, будто и Коайхан тоже живёт где-то поблизости. Теперь илбэч мог чувствовать себя относительно спокойно, и результат не замедлил сказаться: оройхоны начали появляться.

По настоянию Ээтгона было объявлено, что на мокрое разрешается выходить лишь на третий день недели — остальные дни принадлежат илбэчу. Маканый молча вздыхал, слушая указы свежеиспечённых властей. Сейчас, когда земли в достатке, всё это имеет смысл, но через два-три поколения добрые начинания выродятся во что-то страшное, и как бы новорожденное государство не затмило бессмысленностью и жестокостью все прочие страны далайна. Но пока люди радовались хорошему и ждали лучшего, и один Маканый знал, как непрочно их благополучие.

Между тем, слухи о новой земле разлетелись по миру, достигнув даже креста Тэнгэра, и хотя с обеих сторон край был обложен войсками, всё же бездомные, в одиночку и толпами, шли и шли через огненные болота в поисках земли и счастья. Особенно много было общинников из страны добрых братьев, которых сама мысль о владении землёй приводила в исступлённый восторг. Вскоре свободных участков уже не оставалось, несмотря на то, что в один месяц родилось пять новых оройхонов, и каждый приносил сухие земли.

Потихоньку на заселённых оройхонах общинники начали устанавливать свои порядки. Каждый из них хранил личное поле, а кормиться предпочитал на участке соседа. Тут-то Маканый доказал, что не только болтал в своё время, но слышал каждое слово, оброненное Шоораном во время их совместного пленения. Прежде, чем болезнь приняла повальный характер, он явился к Суваргу, уже

почти недоступному для простых людей, заставил его выслушать и понять своё шипение. План Маканого был принят, и с этого дня пойманных на воровстве наказывали единственным способом: клеймили и гнали в страну добрых братьев. Маканый собственноручно выжег горячим нойтом знаки на лбу первой дюжины преступников. Эту операцию они перенесли безропотно, но когда их выставили за пределы защитного вала и предложили убираться, начались крики. К утру половина наказанных ещё была на мёртвой полосе. Некоторые так и предпочли смерть от удушья возвращению на счастливые оройхоны любимой родины.

Наказание подействовало, ночные набеги сократились. А когда начался мягмар, именно бывшие общинники с особым рвением потащили с берега колючую кость и принялись сооружать бесчисленные ограды и заборчики, снабжать их бренчащими ловушками, отравленными шипами и иными радостями свободного мира.

Маканый в этой суете не участвовал. Его поле было ограждено от воров памятью о жестокой расправе. Но и хозяйством Маканый почти не занимался. Он нёс службу на границе, а в остальное время предпочитал нянчиться с новорожденным сынишкой Койцога и вести с Тамгай долгие разговоры ни о чём. С Шоораном Маканый встречался редко, стараясь не знать, где тот бывает. «Их же любим благодарным сердцем», но лучше было бы не подозревать друг друга в величии, а просто жить, как добрые соседи.

* * *

Вот и ещё год прошёл. Завтра мягмар. Уже второй мягмар в стране, словно созданной для него. Впрочем, она и создана им для самого себя, а успокоившийся народ всего лишь не мешает доброму чудотворцу строить всё новые и новые земли. К началу прошлого мягмара он поставил здесь всего полдюжины оройхонов, зато за этот год их выросло ещё три дюжины восемь штук. Лишь когда он пробивал дорогу к братьям, он сумел за год сделать больше. Новый оройхон уже не считают чудом, и об илбэче говорят безо всякого уважения, словно земли растут сами по себе, как наыс после мягмара. И это хорошо, так спокойней жить, когда ты никому не нужен. Совсем никому.

Конечно, он легко мог бы завести себе новую семью — двух или даже трёх жён, но из памяти не шли слова Яавдай о том, как трудно поверить, что его тоже можно любить, и Шооран боялся даже просто смотреть на женщин. Страшно было вновь купить человека, предложив в обмен на одиночество кусок хлеба и нелюбовь. Да и труд илбэча ревниво забирал все силы, убивая даже мысль о женщинах. Шооран ухаживал за своим полем и нёс службу на границе,

говорил в совете и делил вместе с другими воинами землю, но вечером он уходил не к семье, а к далайну, и ночами ему снились не женщины, а огонь. Но порой случались пустые вечера и бессонные ночи, когда в памяти слышалась песня об ушедшем милом, песня, которую он так самонадеянно примерял к себе. И детский палец указывал ему в грудь, прожигая сердце, словно разогретое в нойте тавро:

— Дядя!

Тогда Шооран, как за последнюю надежду, хватался за суваг и спешил на вершину холма. Разбуженные звоном волосяных струн, собирались к суурь-тэсэгу люди, обступали плотным кольцом, и Шоорану казалось, что он не один. Медленно перебирая струны, Шооран рассказывал о бессмертной любви красавицы Туйгай, о бродяге Мозолистая Пятка, который умел ходить по аварам, повествовал о Великой улитке — отце всех плавающих раковин, на которой покинутый мальчик Коох уплыл в далайн и унёс веселье недобрых людей, оставив им одну сытость. И лишь сказку о пяти братьях Шооран никогда не рассказывал, хотя уже знал пропущенный когда-то конец этой истории.

Послушать Шоорана собиралось много народу, заглазно Шоорана называли «молодым Чаарлахом», и только Ээтгон ни разу не приходил на звон сувага. Не бывало в толпе и Маканого, но если первого гнала прочь ненависть, то второго — приязнь. Хотя не всё ли равно, по какой причине ты одинок?

Зато всегда в первом ряду виднелась махонькая фигурка Ай. Кто она такая и откуда взялась — никто не интересовался. Ай — не имя, так можно кликнуть любую маленькую девочку, когда не знаешь, как к ней обратиться, можно позвать и взрослую женщину, если ты богат, знатен и привык наступать на чужую гордость. К Ай так обращались все. Даже ничего не зная о ней, можно было понять, что она родилась на мокром, но почему-то не умерла, а продолжала тихонько тлеть. Ростом Ай вышла с шестилетнего ребёнка да и разумом недалеко ушла от этого возраста, хотя нойт успел обозначить на крошечном личике совершенно старческие морщины.

У Ай не было земли и никаких прав, да она и не смогла бы работать на земле. Даже здесь, в сытой стране, Ай перебивалась чавгой. Таких, как Ай, вообще было решено не пускать в страну, но Шооран однажды нарушил закон и теперь был наказан привязанностью уродца, похожего на странного двуногого зверька. Если бы не Ай, всюду ковылявшая по его следам, Шооран за этот год мог бы сделать гораздо больше. Он слишком поздно обнаружил, что если сказать уродинке, что идёт по делам и скоро вернётся, то Ай остановится и тихонько пошлёпает в обратную сторону.

Что Ай может выдать его, Шооран не опасался. Даже если бы

она увидела создание оройхона, вряд ли она смогла связать чудо с его творцом. А другие, более догадливые люди, ничего не узнали бы от неё, хотя бы просто потому, что один лишь Шооран знал, что Ай умеет говорить. При посторонних она не произносила ни слова.

Прокормить Ай не составило бы труда, если бы она согласилась на это. Но когда Шооран предлагал ей нормальную еду, Ай подцепляла грязным пальцем немного каши, причмокивая, жевала тонкими бесцветными губами, потом трясла головой и убегала собирать чавгу. Зато порой она сама подходила к Шоорану, произносила скрипучим голоском:

— Я ва-зьму хле-еба... — и, сорвав несколько гроздьев хлебной травы, исчезала. А на следующий день потчевала Шооранa горькой, замешанной на чавге кашей.

Так шла жизнь. Целый год.

На третий день мягмара — всеобщий день рождения — Шооран охранял границу. В этот день семьи стараются не отпускать из дому именинников-мужчин, и службу в основном несут неженатые. Так Шооран попал в отряд, которым командовал Маканый.

Обычно такие случайные встречи проходили радостно. Приятели болтали, делились незначащими воспоминаниями, рецептами холостяцкой жизни и молчали о главном. Но сегодня Маканый был не в духе. Он отмалчивался и часто вздыхал, отчего пластырь на щеке вздувался пузырём.

Шооран, не выдержав, спросил, что случилось.

— Жубы болят, — ответил Маканый.

— Так они у тебя давно в далайне, — попытался поддержать разговор Шооран.

— Вот в далайне и болят.

В конце концов Шооран отступился от Маканого и, устроившись возле костяной баррикады, стал смотреть в дымное марево мёртвой полосы. Теперь в мире оставалось совсем мало мёртвых болот, Шооран позаботился об этом в первую очередь, так что и от царства вана, и от добрых братьев государство изгоев отделяло лишь по одному непроходимому оройхону. А вся западная часть далайна, ещё недавно самая большая, превратилась в два узких, шириной в один оройхон, залива, отделяющих страну изгоев от старых земель. Ёроол-Гуй не заплывал в эти шхеры, но тем страшнее он свирепствовал на открытом побережье.

Заливы и крошечные кусочки огненных болот Шооран сохранял специально, чтобы не разжечь ещё одну войну и не погубить не успевшее окрепнуть государство изгоев.

Мягмар — время, когда особенно тяжело пересекать огненные болота, но даже в это время к засекам прорывались люди, бегущие в счастливую страну. Они шли, хотя знали, что здесь больше нет свободных земель и, скорее всего, их просто не пропустят через грани-

цу. Гнать прочь неудачников — именно это и должен был делать Шооран.

В дыму замаячила тень, вскоре Шооран различил фигуру, с трудом бредущую узкой тропой между огнём и горой ещё не вполне издохших тварей. Лица идущего было не видно под слоем намотанных тряпок, фигура скособочилась от завёрнутой в жанч ноши, но всё же что-то заставило Шоорана, задохнувшись от предчувствия, спрыгнуть с баррикады навстречу пришельцу. Секунду они стояли друг напротив друга с укутанными лицами и глазами, спрятанными в чешуе, в надвинутых капюшонах, позволяющих не узнать друг друга. Потом Яавдай глухо произнесла:

— Пропустите нас. Если надо — я согласна быть сушильщиком. Я знаю это ремесло.

Это была ложь, а вернее — полуправда. Шооран успел заметить, что на правой руке Яавдай не осталось ни одного пальца, и, значит, она соглашалась, если потребуется, всего лишь умереть возле авара.

Шооран молча помог Яавдай перелезть через заграждения, махнул рукой, чтобы она уходила дальше от дыма. Ему казалось, что он слышит, как хрипит, задыхаясь, укутанная в материнский жанч девочка.

Сам Шооран остался у заграждения, чтобы не видеть, как Яавдай станет разворачивать дочь. Маканый подошёл к Шоорану.

— Жачем ты их пропуштил? — спросил он. — Их вшё равно будет негде пошелить.

— Это она, — сказал Шооран. — Та женщина, которую я искал, когда мы с тобой встретились в первый раз.

— Жначит, нашёл.

— Нет.

Шооран помолчал, собираясь с мыслями, и сказал, словно отдавая приказание, словно не он Маканому, а Маканый подчинялся ему:

— Посели их на моей земле, только пусть они не знают этого. И пусть они не гонят Ай, она не объест их. А мне придётся уходить. Подержи их здесь с полчаса, девочку покорми, а я сбегаю домой, заберу кое-что и уйду. Видишь, как вышло. Но это хорошо. Я не пропаду, а они бы пропали. Спасибо тебе. И прощай.

— Подожди, — прошамкал Маканый. — Тебе не обяжательно уходить. Я ведь понимаю, почему это. Подожди, утряшётша...

— Нет, — сказал Шооран.

— Ну, как жнаеш, — согласился Маканый. — Я шделаю по-твоему. И ты тоже прошшай.

Шооран бегом вернулся к дому, в несколько минут собрался, взяв одежду, оружие, на день еды. Потрепал по голове Ай (бледная кожа просвечивала сквозь жидкие волосёнки), подавив стыд, выдавил условную фразу:

— Я ухожу по делам, но скоро вернусь, — и быстро ушёл.

Пробираясь краем мокрого оройхона, он увидел, как по поребрику с важным видом шагает Маканый с Бутай на руках, а следом идёт Яавдай. Покалеченную руку она прятала в пройме жанча, и Шооран увидел лишь лицо, густо испещрённое точками от сгоревшего харваха.

Шооран проводил их взглядом и, когда они скрылись, пошел дальше уже не прячась и не останавливаясь.

* * *

Ну, вот и всё. Переделаны дела, розданы долги. Хотя у него никогда не было долгов — сначала никто не давал, потом он сам не брал. И всё же долги отданы. Даже на границе он отстоял свой срок до последней минуты, не убежал, как Шооран, на час раньше. А потом пошёл и выполнил просьбу Шоорана — поселил женщину с ребёнком на освободившейся земле. Сначала хотел на выбор предложить им два участка, но потом решил, что Шоорану будет приятнее, если сушильщицу поселят на его земле. Любит Шооран сушильщиков... хотя это как раз понятно — память матери. А может быть, это и в самом деле та женщина, девчонка-то словно слита с Шоорана, родство не скроешь. Но тогда получается, что женщина появилась в тот самый день и чуть ли не в тот час, когда Шооран решил бежать. Хотя не всё ли равно, отчего бежит Шооран? Даже если он не знает о вчерашних событиях, все равно ничего не меняется.

Вчера к Маканому пришёл гонец с северной границы. То есть, конечно, не гонец, кто такой Маканый, чтобы посылать к нему гонцов? Прибежал просто «свой человек», сидящий на северной границе на случай всяческих неожиданностей. На этот раз неожиданность была страшной, хотя посланник думал, что сообщает рядовое, хотя и неприятное известие. Цэрэги добрых братьев попытались проникнуть в страну. Затея была лишена всякого смысла: первая настоящая земля лежала в четырёх оройхонах от границы, а до этого тянулась лишь сухая полоса, легкопроходимая, но почти незаселённая, не имеющая для грабителей никакой ценности. Зато остановить здесь врагов, даже если бы они прорвались через границу, можно было дюжину дюжин раз. Но в эту попытку цэрэги не дошли даже к сухой полосе. Напоролись на ухэры, когда-то для них и делавшиеся, и удрали, потеряв пять человек. А у защитников погиб всего один. Этого одного звали Куюг.

Угрюмый каторжник и на новом месте продолжал жить на особицу. Он не обзавёлся семьёй, не стал получать землю и, вообще, если бы не палатка, стоящая на сухой полосе в опасной близости от

аваров, можно было бы сказать, что и в стране изгоев есть свой изгой. Время от времени Куюг переселялся на один из цветущих оройхонов в палатку какой-нибудь одинокой женщины, жил там неделю, а то и месяц, работал на поле, поправлял хозяйство, сам округлялся от ласковой жизни и сытных харчей, а потом, не сказав ни слова, беспричинно уходил в тот самый день, когда случайная жена начинала думать, что одиночество кончилось.

Единственное, к чему Куюг относился ответственно, были дежурства на границе. Стоя на самой кромке огненного болота, Куюг вглядывался в задымленное пространство, и, если там появлялись фигуры с копьями, лицо Куюга озарялось радостью, и два тяжёлых, из подлинного камня, кистеня начинали с гудением вращаться на длинных ремнях. Цэрэги отходили, не приняв боя, и даже пальнуть им вдогонку Куюг не имел права, потому что в счастливой стране никто не хотел быть сушильщиком, и харваха не хватало. В конце концов добрые братья решили, что ухэры вовсе не заряжены, и попёрли прямиком. Троих убило выстрелом, двоим расколол головы Куюг, нетерпеливо выскочивший навстречу врагу.

Но, даже имея два кистеня, нельзя сражаться в одиночку, особенно, если в руках противника точно такое же оружие.

Товарищи вынесли на сухое убитого Куюга, потом молодой воин побежал докладывать Суваргу о нападении, а вернее о том, что пришлось стрелять. Посланный не поленился пробежать пару лишних оройхонов, чтобы рассказать обо всём Маканому. Так Маканый узнал, что из бывших чудотворцев в живых осталось двое.

Любой человек, вздумавший искать илбэча, должен был бы выбирать одного из четверых: Маканого, Шоорана, Куюга или исчезнувшего Коайхана. Каждый из них был странным человеком и вполне мог оказаться илбэчем. Шоорану и Куюгу приходилось выбирать из трёх: они верили, что Коайхан жив и где-то прячется. У Маканого оставалось два варианта. И если завтра на побережье родится новая земля, то выбирать будет уже не из кого — Маканый будет знать, а это смерть для илбэча. А если илбэч погиб вчера в сражении, то стоит ли тогда жить?

...Их же любим благодарным сердцем...

Полный день Маканый провёл рядом с Шоораном. Разговаривать, шутить было невмоготу, и Маканый подавлено молчал, но далеко не отходил, присматривался, думал и старался понять. Хотя что здесь особенно понимать? Сначала Шооран был спокоен, он явно ничего не знал — и вдруг вскинулся бежать. Вряд ли это из-за женщины. Если она ему опасна, он легко мог прогнать её на верную смерть. А если нет, то зачем бежать?

Маканый вздохнул потёр пальцем лоб. Не о том он сейчас думает. Сейчас вообще не надо думать, чтобы ненароком не раскрыть тайну. Сейчас, пока тайна ещё прикрыта, надо действовать. Надо

успеть уничтожить человека, который стал слишком опасен для возможного илбэча.

Когда-то за дерзкие грабежи его макали три раза, да и то старший брат ласково объяснял, что наказывают его не за воровство, а за то, что переоделся духом шавара. Тогда он потерял имя, даже для себя самого стал Маканым. Второй раз преступление было более серьёзное. Тайничок с кое-какими вещичками и жратвой был квалифицирован как подрыв основ государства. Так, во всяком случае, объявили собравшимся поглазеть на макание. Макали шесть раз. От дюжины, полагавшейся за попытку спорить с начальством, он счастливо уклонился. А теперь четвёртое преступление, самое страшное — знать. Он ещё не совершил его, но одна лишь возможность подобного требует возмездия. Илбэч, если, конечно, он жив, должен жить спокойно.

Торопиться некуда, вряд ли сегодня в далайне что-то изменится, но и задерживаться — зачем? Чтобы сжамкать ещё одну миску каши? Дела переделаны, женщину он отвёл к палатке, представил соседям, показал поле, познакомил с Ай. Дурочка взглянула исподлобья и убежала куда-то, должно быть, в нарушение приказа, шастать по мокрому. Сушильщица вне себя от счастья бормотала какие-то слова. Потом села кормить ребенка. Трудно ей будет управляться с одной рукой, ну да как-нибудь... Кому есть для чего жить — тот справится.

Маканый зашел к себе, собрался. Надел башмаки (у него теперь прекрасные башмаки!), хитиновые поножи и панцирь, глухой шлем. Взял связку соломенных факелов, два гарпуна, нож. Есть не стал, отбитое нутро плохо принимало пищу, так зачем мучить его напоследок? Натянул толстые рукавицы и пошёл. Шёл не торопясь и к шавару добрался под вечер. Хотя не всё ли равно? Внутри всегда ночь.

Он зажёг просмолённый соломенный жгут и пригнувшись шагнул в пасть шавара. Вокруг ног сомкнулась жижа, кто-то заскрёб зубами по поножам. Маканый ткнул гарпуном, выдернул из плеснувшего нойта жирха. Вот и первая добыча — стряхнул с острия многоногую тварь и пошёл дальше. Паутинки зоггов налипали на прозрачный щиток, мешая смотреть, и потому факел он нёс перед собой, чтобы паутина сгорала.

Сначала пол поднимался, и он почти вышел на твёрдое. Вспугнул семейство тукк, чавкавших над грудой слизи — видно, и в шаваре что-то растёт — не останавливаясь пошёл дальше. Светлое пятно входа давно исчезло из виду, факел догорел, и пришлось зажечь новый. Пол пошёл под уклон, нойт колыхался уже выше колен, но охотничья одежда берегла тело.

Коридор ещё раз свернул, впереди открылся обширный зал. Он был высок, даже вытянувшись во весь рост не удавалось достать по-

толка, в котором светлели бойницы окон. Как тут будет хорошо, когда этот оройхон станет сухим! Но для этого надо, чтобы илбэч жил.

По смоляной поверхности нойта пробежало волнение, в воздухе появились осязательные усы, верхняя пара клешней, потом дрожащие на тонких стеблях глаза. С минуту гвааранз рассматривал человека, и человек стоял неподвижно, подняв руку с гарпуном и с ужасом думая, что он будет делать, если вдруг ему угораздит убить зверя. Потом сказал:

— Ну иди же. Я жду.

Сухо клацнув всеми четырьмя клешнями, гвааранз двинулся вперёд.

* * *

У сытого человека душа жиром заплывает.

Во времена великого Вана во всём мире оставался один изгой — сам Ван. Любой человек имел землю, каждый жил на сухом, но илбэч должен строить, ему некогда молотить хлеб и ждать, пока забродит каша. Так и получалось, что все ели сладкие лепёшки, а Ван — чавгу. Недаром говорится: нельзя повидать далайн, не замочив ног. Ноги Вана не просыхали.

Счастливая жизнь, когда у каждого было всё, длилась три дюжины лет, и люди считали, что она будет такой всегда. И никто не думал, что Ван стал стар и ему трудно ходить. Но больше старости и болезней терзала Вана обида, что он, сделавший мир счастливым, остался несчастен.

Однажды Ван вышел на сухое и сел на поребрике. Люди собрались вокруг и стали смотреть на грязного старика.

— Это изгой, — сказал один.

— Как он отвратителен! — удивилась молодая девушка. — И от него воняет.

— Когда-то их было много, — объяснили ей. — Такие люди шатались повсюду и бродяжничали, потому что не желали работать.

— Смотри, — сказал отец сыну, — станешь лоботрясничать — вырастешь таким же.

— Дайте мне хлеба, — сказал Ван. — Я голоден и болен, силы оставили меня.

— Старик, — сказал крестьянин, — каждый должен есть свой хлеб. Где твоё поле?

— Немощных должны кормить их дети, — добавила женщина. — Где твоя семья?

— У меня их нет, — прошептал Ван, — и не было никогда.

— Ты не хотел работать, — сказали люди, — ты бездельничал всю жизнь и не позаботился даже о собственной старости, а теперь хочешь влезть на шею тем, кто трудился? Не выйдет. Уходи, бродяга.

— Я трудился всю жизнь, — возразил илбэч. — Я скоро умру, но я хотел бы умереть по-человечески.

— Он работал? — закричал один из толпы. — Лжец! Где мозоли от серпа на твоих ладонях? Где след резца на руке? Где шрамы, что украшают охотника и цэрэга? Где, хотя бы, ожоги от харваха? Ты всю жизнь валялся в нойте и жрал дармовую чавгу — это сразу видно. Так иди, валяйся там и дальше.

— Мне уже всё равно, — произнёс Ван, — поэтому я скажу вам правду. Я не собирал хлеб и не резал кость. Моя работа иная. Я илбэч Ван. Я строил для вас землю. А теперь перед смертью я прошу немного хлеба и доброты.

И тогда все захохотали.

— Он илбэч! — заливался один, хлопая себя по лбу. — Вот уморил! Ха-ха-ха!

— Илбэч Ван — герой, он подобен богу, а ты — грязный старикашка! Хо-хо-хо!

— Построй себе землю, илбэч, и живи там, а нас не смеши. Хе-хе!

— Хи-хи-хи-хи!..

Ван поднялся. Сил его хватило, чтобы перешагнуть поребрик. Там он упал в нойт и умер.

— Смотрите!.. — закричали люди. — Он так захотел славы, что умер, притворившись илбэчем!

— Он всё-таки заставил нас работать на себя. Придётся волочить его в шавар.

— Станешь лоботрясничать, — сказал отец сыну, — помрёшь так же.

— Но каков наглец! — захлёбывался самый горластый. — Хотел уверить нас, что он илбэч! Завтра или послезавтра появится новый оройхон, и мы вдоволь посмеёмся над хвастуном!

— Ха-ха-ха!

— Хо-хо-хо!

— Хи-хи-хи!

Они стащили тело старика в шавар, смеясь над его гибелью. И на следующий день они смеялись, и через день, и ещё долго.

ГЛАВА 9

Узкий промежуток между двумя странами Шооран преодолел без особых затруднений. Даже для виду на другом берегу не было

поставлено никакой охраны. Оно и понятно, поток переселенцев двигался лишь в одну сторону, а ставить заграждения значило подвергать соседей соблазну напасть и захватить орудия и харвах.

Шооран быстро миновал угловые оройхоны и, пока не совсем стемнело, двинулся дальше. Бывшая дорога смерти, где он в бреду говорил с уулгуем, превратилась в сухую полосу и уже год, как была обжита. Застав не оказалось и здесь, поскольку угловое царство благополучно скончалось. Почти все жители угловых оройхонов тогда бежали в страну изгоев, не без оснований опасаясь резни. Сдавшиеся цэрэги были прощены и отправлены на восточную границу, ставшую с некоторых пор местом ссылки неугодных. Кажется, один Боройгал не тронулся с места. Уж он-то был в безопасности — палачи, как и сушильщики, требуются всегда.

Беглецы рассказывали, что именно Боройгал исполнил приговор вана и скормил самозваного одонта зоггам. Дюженника Тройгала привезли туда, где он творил бунт. Здесь его ждала плаха — панцирь рыбы, установленный возле поребрика, чтобы все могли видеть конец вора. Преступник был раздет — на голом теле ясно виднелись следы пыток — ван хотел знать, куда делись сокровища. Тройгала привязали к широкому панцирю, и палач опрокинул ему на живот коробочку, в которой копошились дюжины три выловленных накануне зоггов. Выждав некоторое время, чтобы как следует истомить жертву, Боройгал взмахнул пушистой метёлкой хохиура. Целый час крик преступника был слышен даже караульным в стране изгоев. Так судьба наказывает тех, кто забывает, что мир меняется быстрей, чем люди.

На ночь Шооран остановился на своём родном оройхоне. К сухой полосе приближаться не стал: как и дюжину лет назад, это было небезопасно. Зато на мокром можно было ночевать, не боясь никого. Вряд ли Ёроол-Гуй станет залезать в узкий, как кишка, залив, который оставил ему Шооран. Богу далайна нужен простор.

Шооран расстелил выдубленную кожу и соорудил постель. Лежал на спине, глядя на клубящиеся в тёмной вышине волны небесного тумана, почти невидимые, а скорей угадываемые благодаря многолетней привычке. Наконец он был один и никому ничего не должен, и можно было просто лежать, не думая о завтрашнем дне. Память милосердно унесла его в давнее прошлое, когда пределом мечтаний было стать цэрэгом и пройтись в панцире, башмаках и с копьем в руке под завистливыми взглядами мальчишек. Он жил тогда здесь, по этим местам гнался за туккой. С тех пор он вырос: был и цэрэгом, и изгоем, и земледельцем. Но главное — он стал илбэчем и сумел изменить мир. Конечно, Ван, если верить легендам, поставил больше оройхонов, но Шооран сумел замкнуть далайн в кольцо и тем решил судьбу богов. Он создал новую страну, а древнейшее государство мира — уничтожил, присоединив к добрым братьям.

Пусть воины и баргэды думают, что это дело их рук — без илбэча их стараний никто бы и не заметил. Действительно, мир за последние годы перевернулся, но родной оройхон остался неизменным. Те же тэсэги, тот же хохиур, тот же далайн, хоть и съёжившийся так, что в полдень удаётся разглядеть другой берег. Поэтому нельзя сказать, будто мир стал совсем другим, ведь в детстве он был заключён в этом оройхоне, а оройхон остался прежним.

Запутавшись в необязательных мыслях, Шооран задремал. Разбудило его лёгкое прикосновение. В первое мгновение душу сковало ужасом: разом вспомнилось, что сейчас мягмар, и прикосновение может означать, что к нему подползает выгнанный наружу парх или гвааранз. И лишь затем Шооран понял, что его касаются человеческие пальцы.

—Кто?.. — хрипло со сна выдохнул Шооран.

— Я-а... — донеслось из темноты, и снова шершавая ладошка коснулась лба.

Неживой, с сипящим придыханием голос было невозможно спутать ни с чем.

— Ай? — Шооран сел на постели. — Откуда ты здесь?

— Я тибя иска-ла... За-чем ты отдал миня-а? Я не хачу с той женщиной. Я хачу с табой.

— Ну что ты... — забормотал Шооран, отчаянно пытаясь сообразить, как избавиться от неожиданной попутчицы. — Никому я тебя не отдавал. У меня дела, я же говорил... Ты пока там поживи. Яавдай добрая, только ей помочь надо, у неё рука больная.

— Ана злая-а... — казалось, Ай с присвистом тянет заунывную песню. — Я знаю, ты савсем ушёл. И я с табой. Ты миня не праганяй, а то я умру. — Ай издала странный звук, похожий на отрывистый смешок, и лишь через секунду Шооран запоздало понял, что она всхлипнула. — Скоро у женщин день раждения, — продолжала выпевать Ай, — я савсем взрослая, а не вырасла-а. И ты миня не люби-ишь. Ты ту люби-ишь, злую, я зна-ю... А я хачу быть тваей радостью и усла-дой...

В ночной тишине, когда лишь пятна гнили блазнят взгляд, под рокот бушующего новогоднего далайна, эти слова не казались смешными, в них чудилась нечеловеческая сила, словно не сумасшедшая уродинка, а сама душа выморочных земель заявляла права на непослушного илбэча.

Шоорану стало страшно. Невидимые пальцы расстегнули ему жанч и бессильно заскребли по хитину кольчуги. Ай снова всхлипнула, на этот раз громко и отчётливо.

— Я не брошу тебя, — сказал Шооран единственное, что мог сказать. — Завтра мы пойдём вместе.

— Скажи, что ты будишь маей опорой и защитой...

— Я буду твоей опорой и защитой.

— Харашо, — произнесла Ай и успокоенно ткнулась мордочкой в хитин.

Несколько дней они бродили по знакомому до оскомины побережью. После ухода изгоев здесь стало гораздо спокойнее. Едва закончился мягмар, народ схлынул с мокрых оройхонов, побережье опустело, и, если бы не Ай, можно было бы работать, не опасаясь, что его заметит случайный бродяга. Но Ай ходила за ним, словно привязанная верёвочкой. Они миновали ровные пространства западного берега, где можно было бы поставить оройхон и уйти прежде, чем хоть кто-нибудь обнаружит его, пересекли перешеек возле земель Моэртала, где в тесном заливе можно не страшиться Ёроол-Гуя, выбрались на восточный берег. У этого места тоже были свои преимущества: прежде Шооран почти не бывал здесь, и значит, тут не ожидают илбэча. Но все эти места приходилось миновать впустую из-за того, что позади шлёпала по грязи крошечная Ай, не сводившая с Шоорана преданного взгляда.

Когда впереди замаячили дымы огненного болота, отделяющего землю вана от древних земель, Шооран решился. Он демонстративно разложил на тэсэге всё свое барахло и сказал Ай:

— Я ухожу по делам и вернусь завтра вечером. Жди меня здесь.

Ай безмятежно смотрела пустыми глазами, было неясно, понимает ли она сказанное и согласна ли ждать. Но когда Шооран, пригибаясь и высматривая караулы, двинулся к границе, Ай осталась возле вещей ковырять тростинкой дюжину раз перекопанную грязь.

Границу он привычно перешёл в сумерках, зная, что в это время никто особо караулить не будет. Зато темнота застала его на полпути к Торговому оройхону. Хотя сейчас тьма не мешала, а, скорее, оказалась помощником. Ёроол-Гую было всё равно, когда приходить: днём или ночью, а илбэчу безразлично, когда строить. Новый оройхон гладкой дорогой лёг под ноги. В темноте Шооран перешел Торговый остров и ударил второй раз. Этот оройхон должен был поднять тревогу на том берегу, но, по-видимому, братья, так любящие нападать на соседей, сами нападения не ждали и сняли охрану.

От перенапряжения и ядовитых испарений горящего болота нестерпимо болела голова. Казалось в мозгу пульсирует огромный, готовый прорваться нарыв. Хотелось лечь, обхватить голову руками, зажать уши и ни о чём не думать. Но этого было нельзя, надо, пока не рассвело, бежать отсюда, а это можно сделать лишь выстроив ещё один — третий за ночь оройхон.

Держась подальше от задымленных мест, Шооран вернулся к границе, чтобы стереть последний в этих краях участок огненного болота. О Ёроол-Гуе он старался не думать, поскольку понимал, что бежать от него всё равно не сможет.

Оройхон дался с невероятным трудом, и на этот раз его работу заметили. Вдалеке завыла труба, заметались факелы.

«Трубите, трубите... — думал Шооран, пробираясь среди тэсэгов. — Завтра вы увидите, что это не просто оройхон. Теперь вас соединяет с врагом сухая полоса, и вам придётся или погибнуть, или научиться жить в мире. Трубите громче: я своё дело сделал».

Посты Шооран миновал уже под жёлтыми облаками. Сейчас можно было не опасаться засады — цэрэгам было не до того. Через полчаса Шооран вернулся к тому месту, где оставил Ай. Он поспел вовремя: какая-то женщина, отмахиваясь от наскакивающей Ай, собирала его вещи. Инструмент, спальная кожа, даже суваг, который никому, кроме сказителя, не нужен, были упакованы, грабительнице оставалось лишь завязать узел, и Шооран разом лишился бы своего имущества. Собственно говоря, вещи были бы давно унесены, если бы не Ай. На щеке у неё алела царапина, под глазом взбухал синяк, но всё же карлица продолжала нападать на воровку. Выйдя из зарослей хохиура, Шооран успел увидеть, как Ай подпрыгнула и, вцепившись зубами, словно кусачий ыльк, повисла на руке соперницы. Женщина сдавленно заверещала, пытаясь освободиться. Свободной рукой она била Ай по голове, но калека, кажется, не замечала ударов и лишь крепче сжимала зубы.

— А ну! — крикнул Шооран издали.

Женщина испуганно замерла, а Ай, мгновенно отлепившись от жертвы, сердито произнесла скрипучим голоском:

— Вот. Муж.

Шооран подошёл, погладил Ай по слипшимся волосёнкам.

— Молодец, — сказал он. — Умница.

— Ты гляди... — произнесла женщина. — Действительно муж. Слушай, парень, зачем тебе эта штучка? Иди лучше ко мне. Я тебя сберегу не хуже, чем она. Я, как-никак, настоящая женщина, а эта тебе на что? С ней и спать-то нельзя.

Шооран перевёл взгляд с опухшей от побоев мордочки Ай на женщину. Та стояла, вызывающе глядя на него. Жанч, накинутый на голое тело, распахнулся, позволяя видеть пустые мешки тощих грудей.

Да, она, конечно, женщина и будет честно выполнять обещание. Не любить, конечно, что за любовь в шаваре? — но быть женой и хозяйкой. Вот только любопытство своё она никуда не денет, и оно будет вечной угрозой жизни. Так что замызганное тело, с готовностью предлагаемое ему — на самом деле ловушка, расставленная судьбой. Хвала Тэнгэру, что у измученного илбэча женское тело не вызывает совершенно никаких чувств.

— Уходи, — сказал Шооран, поднимая руку со сжатым кулаком.

Женщина метнулась к тэсэгам.

— Дурак! — крикнула она, поняв, что Шооран не станет гнаться за ней. — Ещё пожалеешь!

Шооран и не собирался наказывать воровку. Сейчас он мечтал только о тишине и покое. Но прежде надо было хоть как-то подлечить Ай. Шооран достал флягу, собираясь промыть Ай ссадины, однако уродинка молча вывернулась из рук и отбежала в сторону. Настаивать не было сил, тем более, что никакого лекарства Шооран не имел. Покорно убрав флягу, Шооран раскатал кожу для постели и не лёг, а упал на неё.

— Я хочу спать, — сказал он, не зная даже, слышит ли его Ай. — Если что-то случится — разбуди.

Проснулся он на следующий день утром. Ай по-прежнему оставалась неподалёку, голова на неестественно тонкой шее медленно поворачивалась, высматривая опасность. Можно было бы подумать, что Ай так никуда и не отходила, но возле локтя Шооран увидел три больших чавги, значит Ай не просто торчала на одном месте, но и промышляла где-то.

Они собрались и двинулись в обратный путь. Уходя, Шооран прислушивался, стараясь различить шум боя на бывшей границе, но там было тихо.

* * *

Казалось бы, последние события должны были взорвать плавное течение жизни, но именно этого и не случилось. Разрушение границы взбудоражило армию и одонтов, но поскольку соседи почему-то не нападали, прочие жители остались безразличны к случившемуся. Да и то сказать: все, кого обуревало беспокойство, кто мог и хотел уйти с насиженных мест, ушли ещё год назад, и теперь страна была образцом, о каком мечталось одонтам прошлых лет. Возможно, поэтому власти не стали искать илбэча. Одонтам внутренних земель это было ни к чему, а прочих Моэртал сумел убедить, что свободный илбэч принесёт больше пользы, чем пойманный.

И Шооран оправдал высокие надежды. Каждую неделю то здесь, то там возникал оройхон. Большинство из них приносили сухие участки, так что успокоившаяся страна вновь пришла в движение, только на этот раз верноподданническое. Добрые граждане один за другим получали большие поля из рук законной власти, и царские баргэды путались в тройных и четвертных дюжинах, подсчитывая грядущие доходы.

Так прошёл месяц, и второй, и все были довольны.

Всё это время Шооран вёл жизнь сказителя. Ходил по мокрым оройхонам, стараясь только не забредать в глубь болота, чтобы избавить себя от ненужной беготни в случае визита Многорукого. Вечерами собирал вокруг себя людей и повествовал о мире, людях и богах. Иногда, когда боялся, что не хватит голоса, говорил под му-

зыку, но чаще, в подражание Чаарлаху, старался обойтись без сувага. Пел о том, что слышал в чужих землях, порой придумывал своё. Но в конце всякий раз звучала история о смерти Чаарлаха, певца, выдававшего себя за илбэча, чтобы илбэч мог спокойно жить.

Известность Шоорана росла, его и крошку Ай узнавали издали, и теперь они могли бы спокойно идти через сухие земли, не боясь предусмотрительной ненависти мужиков. Но зато и строить становилось всё тяжелее. Сказитель всегда на виду. Чтобы отвести от себя подозрения, Шооран дожидался, пока утомлённые люди разойдутся, потом вслепую совершал ночной бросок, куда-нибудь в сторону, в предутренние часы ставил оройхон и возвращался к Ай, покорно караулившей уложенный в колыбель суваг. После этого приходилось день или два отсыпаться, а затем можно было начинать всё сначала.

Единственное место, где Шооран старался не останавливаться надолго, был мыс около владений Моэртала. Здесь помнили, что он беглый цэрэг и объявлен вне закона. Зато именно сюда чаще всего прибегал Шооран ночами, увеличивая новую провинцию, которой управлял Ыуртак — взрослый сын зажившегося на свете одонта Ууртака. Полуостров рассекал далайн на две приблизительно равные части, пролив, соединявший их, с каждой неделей становился всё уже, так что скоро можно было надеяться увидеть вдали берег — проклятую страну добрых братьев.

Безумный илбэч за два года не принёс стране вана ни единого сухого оройхона, Шооран создал их больше полутора дюжин. И это не считая собственной страны и работы в плену у общинников. Лишних земель по-прежнему не было, но всё же всякий здоровый мужчина мог найти себе место. Изгоями оставались калеки и женщины. Им не давали земли здесь и не пускали в новую страну, позволяя умирать на мокром. Впрочем, облав на них тоже не устраивали — калеки не опасны, а выловить их, прочесав изрезанное и бесконечно растянутое побережье — непросто. Среди этого однообразно-пёстрого люда Шооран становился всё более заметен, так что начинал подумывать, а не бежать ли ему обратно в свою страну или, напротив, поближе к кресту Тэнгэра. Но пока продолжал изображать сказителя, а ночами работать, надеясь, что Ай ничего не поймёт.

— Я ухожу по делам, — ему больше не приходилось добавлять, что он скоро вернётся, это подразумевалось само собой.

Ай кивнула, соглашаясь, и он исчез в сгущающейся багровой тьме. В разобранной колыбели остался лежать суваг. Шооран знал, что, пока он не вернётся, Ай не ляжет в постель и будет спать, соорудив гнездо из каких-то обрывков.

Шооран спешил на север. Сейчас, когда стало известно, что Ёроол-Гуй плавает по другую сторону мыса, надо успеть нанести удар с этой стороны, сузив пролив до крайнего предела. Шооран бежал, привычно нащупывая почти невидимую дорогу. Перешагивал кам-

ни, старался обходить слишком глубокие лужи — берёг башмаки, изрядно стоптанные за последнее время. И чуть не упал, наступив на что-то мягкое.

В темноте вскрикнули. Шооран наклонился, стараясь понять, не поранил ли он человека, неосторожно улёгшегося спать поперёк дороги. Высек искру на свитый из соломенной пряжи фитиль, раздул огонь. Тлеющее пятно расползлось по концу фитиля, смутно осветив лицо Шоорана и женщину, приподнявшуюся на локте из похожей на корыто плохо разложенной колыбели. Это была воровка, которая пыталась ограбить Ай пару месяцев назад.

— Ты? — произнесла женщина. — Пришёл... Я знала, что никуда ты не денешься.

Невозможно было сказать, будто он спешил по делам и споткнулся об неё случайно. Женщина, двумя руками обхватившая его за шею, не поверила бы, да и сам он в эту минуту не верил в такую случайность. Вместо этой ничтожной правды вспыхнула другая истина: никакая самая адская работа не сможет погасить зов крови, жарко застучавшей в висках. Женщина откинулась назад, притягивая Шоорана к себе. Тлеющий фитиль с шипением упал в грязь.

От никогда не мытого тела кисло пахло застарелым потом, но это Шооран заметил, лишь когда умолк стук крови в ушах и вернулась способность понимать.

— Ну вот, видишь, как хорошо, а ты меня гнал, глупый, — шептала женщина, прижимаясь к нему. — Ведь хорошо, правда?

Шоорану было противно и стыдно, и очень хотелось оказаться сейчас где-нибудь далеко.

— Знаешь что, — сказала женщина, — давай останемся здесь? Этот оройхон, может быть, уже сегодня высохнет, и мы получим землю. Тебе дадут, я знаю.

— С чего ты взяла, что он высохнет? — произнёс Шооран.

Ещё утром он колебался, работать ли здесь или бежать на оконечность мыса, и лишь в последнюю минуту выбрал второй вариант. А теперь выясняется, что здесь его ждали.

— Это проще, чем чавгу съесть, — улыбнулась невидимая собеседница. — Думай сам: Многорукий у восточного берега — значит илбэч — тут. Не станет же он к Многорукому в пасть прыгать. В центре он строил, на юге — строил. Там сейчас землю делят, там шумно. Что ему, жить надоело? Значит, он или мыс дальше двигать станет, или наш оройхон сушить. Ясно?

Шоораном овладел страх. Воровка дословно повторила все его недавние рассуждения. Казалось, она вот-вот скажет: «А ведь илбэч — это ты». Но, по счастью, последнего шага женщина не осилила. Слишком уж заманчиво маячило перед нею будущее счастье. Она принялась гладить Шоорана по голове, плечам и быстро, боясь, что её прервут, зашептала:

— Землю получим, поставим палатку, будем хорошо жить, как люди. Ты не думай, я молодая, во всяком случае, моложе тебя. Мне ещё трёх дюжин нет. Я сильная, я всё буду делать для тебя, а ты станешь рассказывать свои истории. Я же знаю, ты сказитель, я тебя слышала, хоть ты меня и не замечал. У тебя славные истории, ты хорошо поёшь. А я буду тебя лелеять...

— Нет, — выдавил Шооран, чувствуя, как скручивает его чужая воля.

— Ну что ты?.. — всполошилась женщина. — Если хочешь, мы и коротышку твою возьмём. Пусть живёт — жалко, что ли? Я ведь тогда не со зла её ударила, я же не знала, что это твои вещи...

Шооран лежал неподвижно, но мысль его металась, словно загнанная тукка.

Бежать отсюда как можно скорей! Бежать и никогда не возвращаться, пока его не вычислили и не раскололи, будто пустую скорлупку. Только как вырваться из чужой, провонявшей потом постели, куда его зашвырнуло одиночество и собственная глупость? Почему-то другие умеют легко находить себе женщин, а потом легко бросать их и не узнавать при встрече, а он чувствует себя связанным, хотя ничего не обещал. Но если он хочет остаться собой, эти ремни должны быть разорваны.

— Нет! — повторил он громче, разжал обхватившие его руки и сел. — Это было случайно и больше не повторится. Я не останусь, и мне не надо ни земли, ни твоего счастья.

Он ждал слёз, жалоб или язвительного смеха и оскорблений, но ничего этого не было. Женщина тихо сказала:

— Ну, как знаешь... — И молчала всё время, пока он наощупь натягивал одежду, лишь на прощание произнесла: — Если надумаешь вернуться — приходи.

Шооран ничего не ответил. Он поднялся и быстро пошёл назад. Тяжёлое чувство не оставляло его. Почему-то казалось, что Ай звериным чутьём уловит чужой запах и скажет: «Больше по таким делам не уходи». Но Ай безмятежно спала, устроившись неподалёку от устроенной для неё постели.

Едва забрезжил свет, они собрались и по тропе между сухими и мокрыми оройхонами поспешили на восток. Несколько раз им приходилось прыгать в грязь и пережидать, пока мимо пройдут тянущиеся к восточной границе отряды цэрэгов.

* * *

Дальновидные старейшины не зря притесняли в своих владениях илбэчей. Они-то прекрасно понимали, что устойчивой монолитной власти илбэч не принесёт ничего, кроме смут и расстройства. И всё

же зараза, которую с таким трудом удавалось обуздать внутри страны, проникла извне и разрушила государство. Чужие, чудно вооружённые цэрэги и чужие старейшины, которых приказано было величать братьями, заменили привычное начальство. Если бы дело ограничилось этим, да порками за поминовение запрещённого отныне Ёроол-Гуя, то можно было бы считать, что ничего не изменилось. Но с приходом новой власти сломался весь старый порядок. Уцелели лишь баргэды, присягнувшие захватчикам и переименованные в старших братьев. Добро Ёроол-Гуя было объявлено общим, но, как и прежде, распоряжались им баргэды, выдавая инструмент свободным отныне служителям, когда те направлялись на работы. А вот выдача еды прекратилась. На жалобы голодных людей баргэды разводили руками: «Ничего нет, всё вывезли братья», — и беззвучно шептали, призывая на головы обидчиков гнев опального бога.

Первыми взбунтовались резчики камня. Эта удивительная профессия процветала только на кресте Тэнгэра. Даже здесь далеко не каждый камень годился в дело, и мастера из поколения в поколение передавали секреты: как расколоть упругий кремнёвый желвак, чем сточить мешающий выступ и каким образом смастерить наконечник копья, чтобы им одинаково удобно было и высекать искру и протыкать врага. Камнерезы составляли особый клан и жили по своим законам. В незапамятные времена их потомки заселили крест Тэнгэра, и старейшины разумно не вмешивались в их жизнь. Здесь были свои баргэды, свои обычаи и чуть ли не своя вера. Мастера недолюбливали Ёроол-Гуя и кланялись большущей глыбе полосатой яшмы, которую называли алдан-тэсэгом.

Прокормить себя древнейшие оройхоны не могли, поскольку земля, изрытая на много локтей вглубь, давно потеряла плодородие. Во втором ярусе алдан-шавара тоже ломали камень, так что и здесь плодородный слой был снесён. Но, поскольку добыча и обработка камня составляли богатство всей страны, то мастера не знали недостатка ни в чём, справедливо полагая, что шесть с лишком дюжин сухих оройхонов смогут прокормить их. За стеной из вульгарного легковесного камня всегда было много огня, вина и мяса. Но зато и старейшины никогда не знали нужды в кремне.

Ничего подобного добрые братья не пожелали принимать во внимание. Закон один для всех, исключений из него быть не должно. И со всей твёрдостью, на какую способна лишь военная власть, крест Тэнгэра был превращён в каторжные мастерские. Камнерезов принялись выстраивать по ранжиру, загонять в штреки и к шлифовальным станкам под рёв раковины и кормить раз в сутки нарочно испорченной кашей. Семьи мастеров — жёны, малолетние дети и прочие «посторонние» были выставлены за стены и распиханы по сельским оройхонам. Тогда и произошло первое возмущение, подав-

ленное быстро и решительно. Обглоданные ильками тела зачинщиков были повешены над воротами, и порядок в мастерских восстановился. Правда, вдруг оказалось, что погибли или были «охлаждены» в далайне все мастера-оружейники до единого. Поставки кремнёвого оружия практически прекратились, а те ножи, кистени и копья, что с грехом пополам были изготовлены, разлетались вдребезги при первом же ударе.

Впервые старшие братья задумались: правильно ли они ведут себя в завоёванной стране. Но предпринять ничего не успели — в одну ночь крест Тэнгэра опустел. Лишь к вечеру сбившаяся с ног охрана поняла, что непокорные мастеровые ушли под землю.

Ломка камня на кресте Тэнгэра длилась много поколений, и подземные выработки уходили на неведомую глубину. Под вторым ярусом алдан-шавара располагался третий и четвёртый, а наклонные штольни уходили ещё глубже, но там не бывал никто из чужих, а сами работники ревниво оберегали тайны подземелий, так что всякая выдумка могла оказаться правдой, а самые правдоподобные рассказы не имели никакого отношения к истине. Но, видимо, там оказался не только камень, но и вода, а может быть, и какие-то харчи, во всяком случае, ни сдаваться, ни помирать с голоду бунтовщики не собирались. А вот из цэрэгов, пустившихся следом, почти никто не вернулся.

Немногие уцелевшие рассказывали о камнях, неожиданно срывавшихся с потолка, про обвалы, погребающие разом дюжину воинов, о тёмных колодцах под ногами, где не умолкает крик падающего, и ещё о дюжине дюжин страхов подземного царства. Лишь непокорных камнерезов цэрэги так и не видели.

В ту пору ещё были возможны переговоры и примирение, но братья выбрали более жёсткий и, как им казалось, верный путь. Прочесав окрестные оройхоны, они выловили семьи камнерезов и потребовали от восставших покорности, угрожая, в противном случае, перебить заложников. Чтобы доказать серьёзность своих намерений, они казнили троих стариков.

Этого нельзя было делать ни в коем случае! Старики, хранители мастерства, были в особом почёте на каменном кресте. В тот же день верхний, освоенный цэрэгами ярус алдан-шавара превратился в ловушку для тех, кто вздумал жить под крышей. Когда к вечеру солдаты убрали тяжёлые плиты, разом закрывшие все входы, они обнаружили, что верхний ярус полон дыма. Больше двойной дюжины цэрэгов задохнулось в запертом алдан-шаваре, и лишь через несколько дней удалось достать их тела. А пока разъярённые завоеватели сладострастно изобретали пытки для схваченных женщин, землекопы устроили новую каверзу. Под утро участок земли, где стоял один из лагерей, с грохотом провалился в глубь оройхона, а выскочившие в буквальном смысле слова из-под земли бунтовщики пере-

били растерявшуюся охрану и, освободив своих домочадцев, увели их в нижние ярусы источенных словно губка оройхонов.

Потери этого дня оказались больше, чем при завоевании всей страны. Устрашённые братья отошли с древних колдовских оройхонов, хотя попыток обуздать мятежников не оставили. Они пытались выкурить камнерезов дымом, но дым не шёл в нижние ярусы. Хотели затопить шахты, отведя в алдан-шавар один из ручьев, но успеха не добились и здесь. Оставалось ждать, пока запертое в глубинах население перемрёт с голоду. К сожалению, один из пленных старейшин сообщил, что именно на кресте Тэнгэра располагался главный продовольственный склад, и «если доблестные братья не вывезли провизию... ах, им не было известно о складе? Как жаль!.. Склады всегда были на каменных оройхонах — там много сухих пещер, которые всё равно пустуют... Какое воровство? Там бывает только охрана и добытчики камня, а им красть незачем, у них и так всё есть. На сколько хватит хлеба? Если бережно расходовать, то года на три. Но там ещё наыс есть, сушеный туйван, вяленое мясо...»

Положение сложилось безвыходное. Вместо доходов вожделенный крест Тэнгэра приносил одни потери. В бесполезной войне с подземной цитаделью прошёл год, а братья не только не усмирили непокорных, но уже и днём не осмеливались показаться в пределах полуразрушенных стен.

К этому времени созрел новый заговор. На этот раз взбунтовалась всего дюжина человек, но последствия их возмущение повлекло столь же тяжкие, как и война камнерезов. Забастовали сушильщики.

Издревле в земле старейшин сушильщики были презираемой кастой, так что с приходом новых властей в их жизни мало что изменилось. Сторож на суурь-тэсэге мог сколько угодно дудеть, оповещая о начале работы, подойти к авару сушильщика и проверить, чем тот занимается, он всё равно не смел. Из недобродившей каши сушильщики пекли на аваре лепёшки, а в корзинах с мокрым харвахом контрабандой получали от сборщиков чавгу, а порой и пахучее мясо шаварных зверей. Такое существование могло бы продолжаться долго, но наступил мягмар — великий праздник бессмертного Ёроол-Гуя. Прошлый праздник прошёл почти незаметно, в стране ещё не стихли бои, и народ предпочёл затаиться, хотя победители не успели навести своих порядков. Но сейчас, когда установился мир, причин для отмены праздника не было. И пусть не шли к далайну канувшие в прошлое старейшины, пусть охотники сменили пики на серпы и даже в новогодние дни не приближались к запретному шавару, сушильщиков всё это не касалось. Дюжина опалённых огнём людей построилась в жиденькую колонну и направилась к берегу, нестройно распевая: «О отец наш, Ёроол-Гуй!».

Выходка была настолько неожиданной, что разленившаяся охра-

на перехватила беглецов лишь у самой границы мокрых оройхонов. Преступление было серьёзным: побег и явное поклонение дьяволу. За такие дела полагалось не менее полудюжины маканий, но судья помнил, что за люди перед ним, и потому ограничился поркой. Экзекуцию сушильщики перенесли стоически, и жизнь, казалось, пошла по старому пути... но, как говорится, по той же тропе, да в другую сторону.

Неприкасаемость сушильщиков имела свою изнанку: они были нищи и всеми презираемы, но зато свободны от наказаний. Собственно говоря, это были единственные свободные люди в стране. Они соглашались жить впроголодь и умирать возле аваров, но плетей они не простили.

Спешить и действовать сгоряча сушильщики не привыкли — на подготовку ушло у них почти две недели. Но начав, они действовали быстро и решительно, понимая, что, когда харвах шипит на аваре — не время раздумывать.

Утро того дня началось как обычно, но вечером сигнальщик напрасно трубил конец работы — от аваров никто не появился. Сушильщики были в это время возле самой границы. Они шагали плотной группой, не скрываясь, так что пограничная стража заметила их издали. Две дюжины цэрэгов вышли навстречу, собираясь гнать нарушителей в лагерь. Цэрэги видели, что беглецы безоружны, и не ожидали сопротивления. Так что вряд ли они успели понять, что происходит, когда в них полетели дымящиеся свёртки, и над далайном загрохотали взрывы. Ещё ни в одной войне харвах не расходовался так щедро и неэкономно. Заряд, которым можно было уничтожить вчетверо большую армию, разнёс стражников в прах. Не желая оставлять обидчикам плоды своего труда, сушильщики выпалили из стоящих возле поребрика ухэров и ушли в царство вана, где были приняты с нескрываемой радостью.

Немудрено, что, когда через день исчезло огненное болото и сухая полоса соединила две страны, добрые братья нападать не смогли, а армия вана, напротив, начала готовить вторжение, собираясь если не захватить всю страну, то хотя бы отобрать бывшие земли старейшин и, главное, — крест Тэнгэра. И, как ни странно, лучшими помощниками вана в этом деле оказались войска добрых братьев.

Первый урожай после мягмара всегда самый обильный. В этом году взбудораженный далайн бушевал особенно сильно, и созревшая хлебная трава ломалась, не выдерживая тяжести зерна. Но в мисках у освобождённых служителей ничего не прибавилось. Их жизнь ничем не отличалась от существования каторжников. Те крохи, что им перепадали, хрустели неперебродившими зёрнами и не могли не только накормить, но и просто поддержать силы.

— Всё увезли братья... — вздыхали баргэды.

Это казалось правдой. Огромная нищая страна ринулась кор-

миться в захваченной области. Теперь чуть не любой общинник мог стать цэрэгом, и они шли туда дюжинами дюжин. Армия захватчиков выросла невиданно и потеряла боеспособность. Новобранцев никто особо не учил военному делу, а облагать оройхоны всё новыми и новыми податями они научились сами.

Вряд ли даже голодным цэрэгам удалось выгрести весь хлеб до последнего зерна. Потом говорили, что с большого поста начался бунт баргэдов, недовольных потерей положения, но не смевших возмутиться открыто. Но именно тогда в руках служителей будто случайно остались тяжёлые цепы и ножи для срезания колосьев. В прежние времена опасный инструмент отбирался сразу по окончании работ. Говорили ещё, что в житницах баргэдов оставался хлеб, и людей можно было с грехом пополам, но прокормить. Хотя, не всё ли равно, что могло быть?.. Главное — что произошло на самом деле.

Служители были неорганизованы и не годились на роль заговорщиков. Лишь на двух оройхонах гарнизоны были вырезаны внезапным ударом, так что цэрэги не успели схватиться за кистени. Во всех остальных местах вооружённому неповиновению предшествовал долгий крик, что позволило цэрэгам собраться и дать отпор бунтовщикам. Если бы оройхоны занимали те дюжины, что некогда захватили страну, то на этом восстание превратилось бы в усмирение, но служителям противостояли вчерашние общинники, столь же немощные в военном деле, что и восставшие. Битва выродилась в гигантскую драку, копья использовали как палки и лишь изредка, чтобы проткнуть упавшего. Силы оказались примерно равны: служители брали числом, а у братьев была какая-никакая, но выучка.

Ночь склонила чашу весов в сторону восставших: цэрэги нуждались в отдыхе, а служители могли атаковать, беспрерывно сменяя друг друга. Несколько отрядов, укрывшихся в алдан-шаваре, были удушены дымом, повалившим со второго яруса, хотя там, казалось, было нечему гореть. В толпе восставших верховодили вынырнувшие невесть откуда кольчужники, и это могло окончательно убедить беспристрастного наблюдателя, найдись он сейчас, что бунт не случаен, а спланирован тщательно и заранее.

Однако утром положение изменилось. С севера по широкому коридору, проделанному пленным илбэчем, двинулись обученные дюжины братьев. Сопротивляться им служители не могли: началась паника, а следом и резня. Именно этого и ждали стянутые на сухую полосу у Торгового оройхона войска вана. Теперь их встречали как спасителей и лучших друзей, а братья, уставшие рубить безоружных, откатились на свои земли почти не огрызаясь.

Мир заключён не был, но бои на широкой, в три оройхона, перемычке шли вяло. Умирать никому не хотелось, а жить мирно братья

не умели. Война тлела вдоль поребрика, глупая и неизбежная, словно огненное болото.

Вместе с отрядами сияющего вана шёл по древней земле и сказитель Шооран. Шёл, не опасаясь быть узнанным, борода, наконец пробившаяся на щеках, скрыла выжженные шрамы, а его имя было неизвестно добрым братьям, обещавшим не расспрашивать пленного илбэча и сдержавшим слово.

Шооран сопровождал войска на свой страх и риск, но был зато неподотчётен никому из командиров. Сегодня он развлекал солдат, завтра, окружённый служителями, пел на краю мокрого оройхона славу вечному Ёроол-Гую, а ещё через день, затерявшись в толпе, смотрел, как выходят из-под земли неукрощённые камнерезы, а мудрый Моэртал, командующий войсками вана, обещает от имени своего владыки вернуть мастерам все права и привилегии.

Местные жители, прореженные войной и потерявшие способность трезво оценивать происходящее, казалось, вовсе забыли о том, что надо не только радоваться победе, но и жить: кормиться самим и кормить войско. Не обращая внимания на пристальные взгляды баргэдов, они шатались с одного оройхона на другой и так усердно причащались милостям Ёроол-Гуя, что Ай приходилось немало повозиться, чтобы набрать чавги на обед себе и Шоорану.

Между тем, началась раздача земель — ван переустраивал страну по знакомому образцу. Первыми выгоду предприятия поняли баргэды, которых с избытком оставалось в стране. Часть чиновников вернулись к своими книгам, остальные быстренько стали землевладельцами, получив наделы, каких и в земле изгоев ни у кого не было. Простодушные служители, отликовав своё, обнаружили, что они никому не нужны и могут отправляться в далайн, шавар и на четыре стороны света. Воцарившиеся хозяева оставляли на своей земле лишь тех работников, без которых не могли обойтись, а прочих гнали долой. Мокрые земли стремительно начали заполняться изгоями. Все они были испуганы, растеряны и не знали, как существовать дальше. Смерть ждала их у каждого тэсэга, и они покорно умирали, не умея прожить без начальственного окрика и ежедневной миски каши. Спасти их мог только илбэч, если бы он создал новые сухие участки.

Первое время Шооран ничего не строил, опасаясь, что здесь его высчитают ещё быстрее, чем в родных местах. Лишь однажды пробежал часть пути к земле вана и поставил оройхон — копию Торгового, в надежде, что тот облегчит ему будущую работу. Но теперь, насмотревшись на мучения изгнанников, Шооран решил взяться за дело всерьёз. Первый оройхон в этих краях он пристроил рядом с тремя островами Энжина. Сам он при этом откочевал подальше, чуть не к самой линии фронта, и потом долго хвалил себя за предус-

мотрительность. Рождение оройхона вызвало в стране взрыв, но совершенно не такой, какого ожидал строитель. Не было ни радости, ни удивления, почти никто даже не стремился вернуться на сухое. Все искали илбэча, чтобы убить его. Илбэч уничтожил границу! Он сломал спокойную жизнь! Он оскорбил Ёроол-Гуя!!! Толпы выброшенных на побережье людей затаптывали насмерть всякого, кто казался хоть чем-то подозрительным. Шооран был чужим, его выдавала одежда, говор, походка, но он вовремя понял, что происходит, и успел примазаться к одному из отрядов, которые должны были наступать на страну добрых братьев, а на самом деле стояли, не желая подставлять головы под копья и кистени. Скучающие цэрэги с радостью приняли сказителя, о котором и дома кое-кто слыхал. Но одно дело — слыхать, совсем другое — слушать. То, что молодой Чаарлах вышел именно к ним, льстило воинам, хотя они, как и большинство народа, древним легендам предпочитали анекдотический рассказ о женитьбе Ёроол-Гуя. И Шооран послушно говорил то, что хотели слушать цэрэги:

— Многорукий влез на оройхон: Нет ли тут хотя бы пары жён? Стать моей женой — большая честь, я её не буду даже есть. На зубах жена хрустит, утоляет аппетит. Но сейчас жена, даю вам слово, мне нужна для кой-чего другого...

Вдалеке, медленно нарастая, родился шум. Вскоре можно было слышать отдельные голоса и выкрики, хотя разобрать, о чём кричат люди, не удавалось. Но и без того было ясно, что происходит на мокром: очередная жертва попала под подозрение, и сейчас её бьют, заставляя сознаться во всех грехах вселенной, или тащат к далайну, чтобы с благочестивым воплем: «О отец наш, Ёроол-Гуй!» — сбросить в пучину. Шооран зябко поёжился, отгоняя чересчур яркую картину. Нет страшнее зверя, чем сорвавшийся с привязи раб.

— Держи-и её!.. — донёсся с мокрого взвизг.

А ведь там убивают женщину... Шооран прервал рассказ, приподнялся, окинул взглядом слушателей. Их было не так много: дюжины полторы цэрэгов, вовсе не обративших внимания на крик, земледелец из бывших чиновников, пришедший не ради сказителя, а чтобы лишний раз попасть на глаза властям, ещё несколько случайных человек.

— Где Ай? — спросил Шооран. — Кто её видел?

Слушатели, покорные воле рассказчика, повернулись, словно высматривая: где же Ай?

Ай не было.

— Уйдё-от!.. — голосили за тэсэгами.

Шооран побежал на крик. Сзади застучали сапогами цэрэги. За последнюю неделю солдаты привыкли к Ай. Время от времени то один, то другой подходил к уродинке и, протянув чавгу и зрелый

туйван, предлагал: «Выбирай, чего хочешь?» — а когда прозрачные пальчики снимали с ладони чавгу, воин хохотал и радостно вопил, обращаясь к товарищам:

— Видали, чавгу выбрала!

Из-за этой однообразной, но в общем безобидной шутки Ай стала как бы своей в отряде, и цэрэги были не прочь заступиться за неё, тем более, что это обещало новые развлечения.

При виде цэрэгов бродяги, толпившиеся возле-суурь тэсэга, бросились врассыпную. Шооран, жалея, что в руках нет хлыста, ринулся за ними, догнал одного, сшиб с ног, тут же, ухватив за ворот заставил подняться и, приблизив расширенные от бешенства глаза к лицу изгоя, прошипел:

— Где она?!

— Я-не-виноват! — коротко, в одно слово, вскрикнул пойманный. — Она сама!..

— Где она!?

— Там... — Изгой мотнул головой в сторону тёмного зёва пещеры и закатил глаза, ожидая расправы.

Шооран толчком опрокинул его в нойт и бросился к шавару. Цэрэги с гневным рычанием били пойманных. Из шавара тянуло холодом и мёртвым спокойствием, которым не было дела до творящегося вокруг.

— Ай! — безнадёжно крикнул он в стылую тьму, не ожидая ответа и надеясь лишь, что в шаваре нашла свой конец какая-то другая женщина, а Ай бродит где-нибудь в поисках чавги.

Но неожиданно у самого входа от стены отлепилась тень, и знакомый голосок протянул:

— Я-а ту-ут...

Шооран, пригнувшись, нырнул под свод шавара, выдернул Ай из липкой жижи, вынес к свету.

— Больна-а... — выговорила Ай.

Она освободилась из рук Шоорана и прямо на мокром принялась стаскивать изодранные буйи, спасшие её на недолгие минуты от зубов хищной мелочи. Из складок одежды на голую припухшую коленку свалился зогг. Ай, не глядя, щелчком скинула его на землю и снова занялась буйями.

— Ты гляди... — удивился кто-то из цэрэгов, — живая! Вот уж действительно — тварь шаварная, ничто её не берёт.

Шооран помог Ай стащить набрякший нойтом кожаный чулок, вновь подхватил уродинку на руки, быстро пошёл к поребрику, шепча в прижатое к черепу звериное ушко:

— Сейчас, сейчас, всё будет хорошо... Там вода, помоешься, болеть перестанет...

Ай прижималась к нему и тихо постанывала. Цэрэги, оставшиеся возле суурь-тэсэга, со смехом стаскивали в шавар забитых на-

смерть людей. Тела убитых казались кучами падали, что валяются вдоль далайна. Вид их не вызывал у Шоорана ничего, кроме чувства досады.

* * *

Почти месяц Ай болела. Обожжённые ноги покрылись язвами, карлица не могла ходить и, если бы не Шооран, вовсе бы погибла. Шооран поставил палатку на сухом, возле самого алдан-шавара, где и прежде запрещалось жить служителям. Владелец земли не смел прогнать сказочника, которому покровительствовало воинское начальство, и Шооран откровенно этим пользовался. Вместе с цэрэгами он требовал себе провиант и откармливал недовольную Ай сладкой кашей и мясом.

Ай поправлялась медленно, и Шооран целыми днями сидел возле неё. Думал. Ни разу в голову не пришла мысль: зачем он спасал никчемушное, искалеченное существо? Ай мешала ему, не давала как следует работать, словно верёвка, опутывающая ноги каторжника, но без этих пут Шооран уже не мыслил себя. Ай была не нужна ему, но он был нужен Ай, а это гораздо больше. Ай был нужен не муж, не сказитель, не илбэч, а просто человек по имени Шооран. Ай ничего от него не требовала, она лишь хотела, чтобы он, пусть не всегда, но обретался где-то неподалёку, и чтобы это было ради неё. Не такое уж большое желание и не столь обременительный труд, если забыть о долге илбэча.

С некоторых пор Шоорану казалось, что все люди должны быть такими, как Ай: мелкими, скомканными и изуродованными, а те большие и красивые, что благоденствуют на сухом или беспомощно пропадают на мокром — это не люди, а просто особые существа, вроде шаварных, но хитрее и опаснее. Как и прежде, Шооран оставался илбэчем, но месяц возле постели чудом уцелевшей уродинки изменил его. Отныне он строил не для людей, а против далайна. Люди превратились в толпу, которую надо было обвести вокруг пальца. Этот душевный излом готовился давно и был закономерен, ведь и прежде по следам Шоорана шёл Ёроол-Гуй, так что илбэчу приходилось жить, зная, что люди умирают из-за его дел. Гораздо проще справляться с такой работой, если не считать людей за людей. Удобнее. Вот только когда недочеловек смотрит тебе в глаза и в лице у него мука... Шооран ходил, опустив взгляд к земле. И ещё он перестал сочинять и рассказывать новые сказки. Но этого никто не замечал.

За месяц Шооран четыре раза выбегал к южному побережью и ставил оройхоны. Разбрасывал их как придётся, заботясь о собственной безопасности, а не о сухих землях. Ёроол-Гуй порядком потрепал ряды неопытных бродяг, так что лишь во время пятого похода

Шоорану пришлось выдёргивать из-под одежды хлыст и отмахиваться от насевших изгоев. Особой опасности в том не было: охотники и уцелевшие кольчужники были при деле, перейдя в ополчение, созданное Моэрталом, а бывшие служители сражаться не умели. Они бестолково наскакивали, размахивая кулаками, а увидев загудевший в руках Шоорана хлыст, остановились и попятились. Ещё минута, и они обратились бы в бегство, но именно в это время из-за тэсэгов появился повернувший на крик дозор.

— Стоять всем! — знакомо гаркнул молодой дюженник, явно только что назначенный и не утративший ещё служебного рвения.

Шооран опустил хлыст и сгорбился, стараясь остаться неузнанным. К нему, держа наготове копьё, подходил Турчин. Свеженаклеенный значок дюженника ярко выделялся на его доспехе.

— Я сказитель, — сипло произнёс Шооран. — Пришёл сюда вместе с войсками пресветлого вана, а эти бродяги напали на меня!

— Ска-азитель... — протянул Турчин, пристально разглядывая Шоорана. — Прочих — гнать! — распорядился он, не оборачиваясь. Приказание было лишним, местные изгои давно разбежались.

— Меня называют молодым Чаарлахом, — сказал Шооран, всё ещё надеясь, что Турчин не признает в заросшем и грязном оборванце бывшего товарища.

— Значит, сказитель, — повторил Турчин. — А это, — он кивнул на хлыст, — твой язык. Длинноват немного.

— Война, — объяснил Шооран. — Без оружия нельзя, сами видите.

— Что же, сказитель, — Турчин явно принял решение. — Расскажи нам, в таком случае, про объевшегося чавгой.

Шооран молча кивнул и, окружённый солдатами, направился к недалёкому поребрику. Сел, не торопясь скатал хлыст, хотел спрятать за пазуху, но один из цэрэгов со словами: «Дай-ка сюда!» — отнял хлыст. Шооран не возражал. Его сейчас беспокоило одно: узнал ли его Турчин, а если узнал, то как поступит. Хотя в последнем особых сомнений не было, Шооран знал, что душе Турчина благодарность чужда, и ни былое приятельство, ни память о прошлом спасении не заставят Турчина отпустить пойманного дезертира. Так что остаётся надеяться, что лохмотья и отросшая борода надёжно похоронили блестящего цэрэга.

Вот только почему Турчин потребовал именно байку про объевшегося чавгой? Когда-то, рассказывая Турчину о встрече с Чаарлахом, Шооран упомянул непрозвучавшую сказку. Почему-то Турчина задело, что сказки он так и не услышал. Он потом долго приставал к Шоорану, выясняя, о чём же всё-таки повествует эта история. Возможно, при звуках знакомого имени в нём всколыхнулось старое любопытство, а может быть, он так издевается, прежде чем схватить

разоблачённого преступника. В любом случае, играть следует до конца. Шооран вздохнул и начал:

— Жил на свете Хапхуун — богатый человек. Было у него три поля с хлебом, три туйвана с плодами, три ручья с бовэрами да подземелье с грибами. А чавги у него не было. Всё ел Хапхуун, в дюжину глоток пихал, лишь чавги ни разу не пробовал. Самому копать — боязно, у людей покупать — достатков жаль. Так и маялся в мечтах: что за чавга такая вкусная?..

Через минуту Турчин самозабвенно ржал над нехитрыми поворотами побасенки.

— Ну, уморил!.. — хрипел он, отмахиваясь рукой. — Во дают! Значит, от каждого по чавге, а если не съешь, то за всё вдвойне платить!.. Не, ты только послушай!..

Когда Шооран умолк, Турчин ещё долго икал, отплёвывался и утирал раскрасневшееся лицо.

— Да где же ты раньше был, дорогой? Ты всегда ко мне приходи, хоть каждый день. И если обидит кто — тоже ко мне иди — дюженника Турчина все знают!

Шооран поклонился медленно и церемонно, как кланялся после представления Чаарлах, потом подошёл к цэрэгу. Протянул ладонь:

— Хлыст верни.

— Чево?! — возмутился солдат. — Хлыст ему? Скажи спасибо, если живым отпустят!

— Отдай! — приказал Турчин. — Он свой изгой, с наших земель. Я его вроде даже припоминаю. Ему безоружным нельзя, от местных-то надо отбиваться...

Солдат нехотя вернул секущий ус, и Шооран, ещё раз поклонившись, ушёл. Уходя, он даже не особенно горбился, теперь Турчин видел в нём всего лишь сказителя, и Шооран мог больше не беспокоиться, что его узнают.

И всё же рисковать Шооран не стал. В тот же день он собрал свои пожитки и вдвоём с оправившейся Ай ушёл в страну добрых братьев. Он не ожидал там ничего хорошего, но пошёл этим путём, потому что считал его самым безопасным. Пара случайных бродяг, скорее всего, легко пройдёт через страну, увлечённую войной и иными важными делами.

* * *

Мокрые земли в стране добрых братьев поражали пустотой. Лишь сборщики харваха появлялись здесь, да и те ходили большими группами, ревниво присматривая друг за другом. Охота и сбор кости разрешались общинникам только в дни мягмара, а остальное время прибрежные оройхоны стояли пустыми. Нетронутая чавга хрустела

под ногами, и Ай блаженствовала в этих райских, по её мнению, местах.

Шооран вёл Ай почти по самой середине мокрых островов, где не бывало людей. Правда, от Ёроол-Гуя здесь вряд ли удалось бы сбежать, но к этой опасности путешественники притерпелись и не принимали её в расчёт. Лишь на ночь они устраивались поближе к поребрику, и тогда вечером или рано утром Шооран мог полюбоваться страной всеобщего равенства.

За прошедшие годы страна обнищала окончательно. Те из общинников, кто был хоть на что-то годен, бежали в землю изгоев или устроились в отряды цэрэгов. Остальные вовсе махнули рукой на сохранность урожая, тем более, что после захвата страны старейшин налоги на общинников были снижены. Шооран, поднявшись на тэсэг, разглядывал проплешины вытоптанных полей и старался представить, что начнётся здесь через месяц, когда старшие братья поймут, что склады пусты, а потерянные завоевания назад не вернуть. Но пока нелепое государство беспечно доживало последние отпущенные судьбой недели, бодро проедая остатки своих богатств.

За три дня Шооран и Ай прошли больше половины страны, приближаясь к западным границам. Сначала Шооран остерегался строить в этих местах, представляя, как закипит взбудораженный известием народ. Но потом понял, что если не высушивать землю, то ещё много времени ни одна живая душа не заметит его работы. Ведь к самому далайну не выходят даже сборщики харваха.

На четвёртый день Шооран оставил Ай пастись неподалёку от поребрика, строго наказав прятаться, если поблизости появятся люди, а сам, вернувшись на пару оройхонов назад, начал работу. Он находился напротив того места, где страна вана узким мысом рассекала далайн. Два месяца назад встреча с воровкой не дала ему сжать пролив до одного оройхона. Сегодня рядом не было никого, и Шооран поставил два острова, а затем ушёл, не опасаясь ни людей, ни бога. Ай ожидала его возле кучи отобранной и перемытой чавги, и, пока он ел, сидела рядом, держа его за рукав жанча и негромко гулила, словно полугодовалый младенец, что служило признаком самой искренней радости.

Неделю они кочевали, вполне довольные жизнью и друг другом. На нетронутой чавге Ай легко кормила Шоорана, а тот постепенно превращал ровный прежде берег в сплошную цепь шхер и узких мысов. Наконец Шооран настолько осмелел, что начал работать, оставив Ай поблизости. Он лишь запретил ей приближаться к далайну, зная, что запрет она не нарушит. Действительно, Ай ковырялась в грязи там, где он оставил её, и даже, когда гулко хлопнул далайн и недостроенный оройхон превратился в фонтан крутящейся влаги, Ай не кинулась бежать, а лишь встала возле вещей, готовясь защищать их от незваного гостя.

Разрушение недостроенного оройхона било по Шоорану так, словно все камни нерожденного острова падали на него разом. Превозмогая дурноту и боль, Шооран отступал по поребрику. Он уже видел, на какой оройхон поднимается Ёроол-Гуй, но не торопился отбегать, зная, что Многорукий может вдруг переметнуться на соседний остров, и тогда вновь придётся бежать. Бросив мгновенный взгляд в сторону, Шооран увидел Ай. Она стояла, гневно сжав кулачки, и вовсе не собиралась отступать перед каким-то там Ёроол-Гуем.

Ёроол-Гуй наползал лавиной, повсюду с сочными шлепками падали извивающиеся руки, вцеплялись в камень, пружинисто тащили зелёно-прозрачную массу бесконечного тела. И хотя соваться на занятый оройхон было чистым самоубийством, Шооран соскочил с поребрика, в три прыжка долетел к Ай, подхватил её и ринулся обратно. Ему оставалось сделать не больше шага, когда резкий рывок опрокинул его. Шооран упал грудью на спасительный поребрик, Ай скатилась на безопасную сторону, но самого Шоорана потащило назад. Истончившийся до невидимости отросток щупальца вцепился в ногу и волок Шоорана прочь от поребрика, туда, где выплясывали, ожидая, другие руки, готовые передраться из-за его растерзанного тела. Шооран не глядя полоснул ножом, хотя знал, что волосяной щупалец так просто не перережешь. Нож скользнул словно по струне, не причинив никакого вреда. Свободной рукой Шооран отчаянно хватался за поребрик, Ай, покраснев от натуги, тянула его за ворот жанча. И неожиданно безжалостная хватка разом исчезла, Шооран вместе с Ай перевалились на другую сторону поребрика.

Лишь потом, когда вернулась способность соображать, Шооран заметил, что остался босым. На буйе лопнул подгнивший ремень, и Многорукий содрал обувь с правой ноги. Что же, бог далайна всё сгрызёт — не сумел сожрать илбэча, позавтракает старым буйем. Шооран разобрал уцелевший буй на отдельные кожаные чулки и смастерил из них какое-то подобие обувки. Потом осмотрелся, раздумывая, как жить дальше.

Жадный бог не пощадил ничего из барахла, у них не осталось ни запасной одежды, ни инструментов, ни постелей. Даже оброненный нож был подобран и пожран Ёроол-Гуем. Сохранился лишь сунутый за пазуху хлыст, карта и спрятанные драгоценности: заколки и мамино ожерелье.

Прожить на мокром голышом — невозможно. Даже безумцы вроде Нарвай или Ай в те годы, когда она жила одна, таскали за спиной изрядные тюки. Случалось, изгой терял своё добро, но и в этом случае оставался выход. Что-то можно было смастерить заново, что-то выменять на чавгу или харвах. Иной раз другие изгои делились с неудачником обносками. Здесь не было других изгоев,

показаться общинникам было равносильно гибели, а голыми руками нельзя добыть и обработать ни кожу, ни кость.

Ай, у которой хотя бы рукавицы уцелели, беспечно возилась невдалеке от поребрика, на нетронутой Ёроол-Гуем стороне, добывая горы бесполезной чавги. Шооран размышлял. Выходило, что надо либо возвращаться к кресту Тэнгэра, либо быстро идти вперёд, пробиваясь в землю изгоев. Страна изгоев была гораздо ближе, но там предстояло пересекать огненное болото. Вряд ли то, что у него на ногах, выдержит такое путешествие. Но и дальнюю дорогу к старейшинам ему тоже не одолеть.

Решила всё мысль о Ёроол-Гуе. Дорога назад шла вдоль открытого побережья, где хозяин далайна мог явиться в любую минуту. А в узкий залив, отделяющий землю изгоев, он сунется вряд ли.

Шооран подозвал Ай и, ничего не говоря, показал рукой, в какую сторону им надо идти.

* * *

Всего в мире оставалось два участка огненных болот, ограничивающих на севере и юге землю изгоев. В этих двух местах некогда безбрежный далайн касался уже не стены Тэнгэра, а всего лишь пограничных оройхонов. Болота простирались на три оройхона каждое, но, подойдя со стороны мокрых краёв, можно было сократить путь до одного оройхона. Впрочем, Шооран знал, что именно там всегда стоят дозоры и секреты, и потому заранее свернул в дымную и влажную преисподнюю. Ай не колеблясь пошла за ним и лишь покашливала время от времени, зажимая рот.

Привычный путь среди кипящего нойта показался в этот раз особенно тяжким. Шооран ощущал, как ненадёжна его обувь, горячая земля жгла ноги сквозь тонкий чулок, а любое неловкое движение могло разорвать рыхлую, потерявшую прочность кожу. И когда впереди показались завалы, за которыми стояли пикеты изгоев, Шооран не стал скрываться, а пошёл прямо, стремясь поскорее уйти со смертельной тропы.

— Назад! — раздался голос от завала. — Убирайтесь вон, вы здесь не нужны!

— Я сказитель Шооран! — крикнул Шооран. — Это моя земля. Я ходил странствовать, обошёл вокруг света, а теперь вернулся домой!

Над костяным валом появилась фигура цэрэга. В свободной стране не любили слово «цэрэг», воинов никто так не называл, но сейчас Шооран обратил внимание, что перед ним именно цэрэг. Прекрасная одежда, отличное вооружение и привычная жестокость. Цэрэг

скинул прикрывающую глаза маску, сдвинул с лица губку, и Шооран увидел Жужигчина.

— А я тебя сразу узнал,* — сказал Жужигчин. — Здравствуй, парень. Вот и встретились. Думаешь, я забыл, каков вкус игл с твоего башмака? Пришла пора поквитаться... — Жужигчин хотел спрыгнуть вниз, но, увидев, что Шооран сунул руку за пазуху, на всякий случай остался наверху. — Мотай отсюда! — крикнул он злобно. — Топай обратно, там тебя очень ждут!

Из-за частокола хитиновых колючек донёсся хохот.

— Идём, — сказал Шооран Ай и, осторожно переставляя ноги, двинулся в обратный путь.

Они сумели второй раз пересечь тлеющий ад и выйти живыми, не попав на глаза беспечной страже добрых братьев. Хотя последние шаги Шооран делал через силу, едва выдерживая боль. Раскалённый нойт просачивался сквозь стоптанную подмётку и разъедал ноги.

К вечеру они выбрались к сухой полосе и переночевали в развалинах разорённых каторжных мастерских. Там же прятались и следующий день. Шооран разодрал на части свой жанч и навертел на ноги чудовищного вида опорки. И речи не могло быть о том, чтобы пройти в них сколько-нибудь приличное расстояние даже просто по мокрому, не говоря уже о гиблых краях, но Шооран и не собирался совершать дальних походов. Он хотел всего лишь пройти в свою страну, невзирая на жужигчинов, не желающих его туда пускать.

Ночью они перебрались ближе к проходу, к самой кромке мокрых оройхонов. Два года назад этот участок был высушен, но всё же вдоль поребрика валялись кучи сора, а вдалеке нелепо торчал разбитый остов макальника. Подобные вещи уже не удивляли и не возмущали Шоорана. Разумеется, в нормальной стране всё было бы давно убрано, на месте свалки рос хлеб или стояли палатки, но здесь не нормальная страна. Здесь всё общее и, значит, некому убирать.

Ай сползала на мокрое, принесла чавги. Зарывшись в мусор, они провели остаток дня, а когда начало темнеть, на мокрое ушёл Шооран. Обрывки жанча плохо защищали и без того ошпаренные стопы ног, но всё же Шооран вышел к далайну. Первый поставленный им оройхон уничтожал огненные болота в этой части мира, второй высушивал три оройхона разом, открывая широкую дорогу в страну изгоев.

На заставах по обе стороны границы тревожно ревели раковины, метались огни факелов. Две армии готовились отражать нападение. Спокоен оставался только Шооран. Окончив работу, он вернулся за Ай. Та спала, свернувшись калачиком под иссохшим рыбьим панцирем, где Шооран оставил её. Шооран осторожно поднял Ай, и она, не просыпаясь, выпростала из-под накинутого жанча руку и обхва-

тила его за шею. Опорки свалились с ног Шоорана, он шагал по щиколотку в выступившей воде, бережно, словно младенца, прижимая к груди маленькое бесполое существо, которое заменило ему жену, дочь, а пожалуй, и всё человечество.

* * *

Попасть в страну изгоев мог ныне далеко не каждый, но внутри нравы были ещё достаточно вольными. Если не бросать нескромного взора на чужое имущество, то всякий мог, не сходя с поребрика, шагать в любую сторону. А сухая полоса так и вовсе была открыта для всех желающих. Шооран и Ай легко добрались к своему оройхону — бывшему «своему», где прежде находилось поле Шоорана и где остались немногие друзья.

Однако на крошечном участке Маканого возились какие-то незнакомые люди. Шооран не стал ни о чём расспрашивать их и отправился к дому Койцога. Остановился у палатки, постучал по колышку. На стук появилась Тамгай. Мгновение она, не узнавая, смотрела на Шоорана, потом тихо охнула, произнесла: «Ты? Вернулся...» — и вдруг заплакала.

— Вернулся, — сказал Шооран. — А где Койцог?

Тамгай подняла покрасневшие глаза и движением, ставшим, верно, привычным за последнее время, указала в сторону далайна.

— Взорвался.

— Как?! — не понял Шооран. — Зачем? Он же не хотел больше заниматься этим поганым ремеслом!

— Так вышло, — произнесла Тамгай. — Он не хотел, а пришлось. Ты, наверное, не знаешь, ты уже ушёл, а тут — указ. Границу держать нечем, сушильщиком быть никто не соглашается, вот совет и решил: с каждого поля — налог: три ямха высушенного харваха в год. Это вроде и немного, но где его взять? А он, — Тамгай запнулась, не решаясь назвать умершего по имени, — он умел, это все знали. И пошли к нам люди, все с детьми маленькими. В ногах валялись, плакали в голос, последнее отдавали. А он на малышей спокойно смотреть не мог, вот и согласился это зелье сушить. У Хооргона на службе он так не работал. Других выручил, а сам... — Тамгай, очевидно, уже не замечая того, снова повела в сторону пальцем.

— Вот, значит, как... — сказал Шооран. — Ясно. Построили, значит, страну счастья... С земли вас, хотя бы, не гонят?

— Нет, у нас всё-таки не царство вана, женщины тоже могут землю иметь, а за этот год у нас заплачено. До конца года нас никто не тронет.

На первое время Шооран и Ай остановились у вдовы сушильщи-

ка. Тамгай предложила Шоорану одежду, оставшуюся от Койцога, так что Шооран снова был полностью экипирован. Через пару дней, почувствовав себя сносно, Шооран отправился на промысел. Год назад, увеличивая страну изгоев, он создал узкий и довольно длинный выступ, который должен был мешать Ёроол-Гую. Там, на землях, отделённых от прочего мира двумя рядами мокрых оройхонов, вряд ли часто встречаются люди. Изгои, разбогатев, потеряли вкус к ходьбе по грязи. Шооран предупредил Ай, что вернётся на следующий день, взял самую большую торбу и отправился в путь. За день он наскрёб полную торбу харваха, а вечером и утром выстроил пару оройхонов, стремясь, по возможности, рассечь далайн на части и затруднить жизнь своему многорукому противнику.

Подходя к палатке Тамгай, Шооран услышал тихий стонущий скрип. Такие звуки издавала Ай, когда Шооран смазывал язвы на её больных ногах жгучей настойкой из смолы туйвана. Шооран откинул полог, вошёл. Ай лежала на животе, Тамгай влажной губкой протирала ей спину. На серой коже густо вздувались багровые, сочащиеся сукровицей рубцы.

— Что с ней? — быстро спросил Шооран.

— Плеть, — ответила Тамгай, не разгибаясь. — Её поймали, когда она возвращалась с чавги, а сегодня день илбэча, простым людям выходить на мокрое нельзя.

— Тоже новый указ?.. — проскрипел Шооран.

— Новый. Оройхоны перестали рождаться, так Суварг объявил, что это оттого, что люди продолжают шататься по побережью, когда им заблагорассудится, и мешают илбэчу. С тех пор пойманных на мокром в непоказанные дни начали пороть.

— Чушь! — крикнул Шооран. — А если им встретится сам илбэч, они его тоже?

— Сказали, что илбэч предпочтёт быть поротым, но живым, — пояснила Тамгай.

— Что они знают об илбэче?.. — гневно начал Шооран, но тут же поспешил поправиться: — О нём вообще ничего не известно кроме того, что он ходит один. Я чуть не всю жизнь провёл на мокром, и кто знает, может быть, и илбэч сидел среди моих слушателей, но я не взялся бы ничего решать за строителя оройхона. А эти гады жирхоголовые... — Шооран не договорил и, присев на корточки, принялся легонько гладить по волосам скулящую Ай.

На следующий день он собрал несложный инструмент Койцога, подхватил суму с харвахом и ушёл к аварам. Глазомер не подвёл Шоорана, за день страшной, на грани гибели работы он изготовил ровно шесть ямхов взрывчатого порошка. Вряд ли ему удалось бы сделать столько, если бы не «лёгкая рука» и бесшабашное сознание, что так просто он погибнуть не должен. Хотя, когда новоявленный сушильщик возвращался к дому, его лёгкие руки болтались, словно

усы у обожравшегося парха, и, чтобы двинуть ими, надо было сделать заметное усилие.

Три ямха харваха Шооран отдал Тамгай. Мягмар близок, и вряд ли на будущий год Суварг с Ээтгоном отменят налог, — а второй пакет отнёс ночью к палатке, стоящей возле соседнего поля. Он легко преодолел наивные хитрости самодельных заграждений и долго сидел в темноте возле палатки, слушая дыхание спящих. Потом сунул свёрток под полог и ушёл.

От Тамгай он знал, что Яавдай так и живёт вдвоем с дочкой. Бутай уже подросла и вместе с другими детьми бегала на вытоптанной площадке возле суурь-тэсэга. Шооран видел её издали, и, хотя сразу признал, но подходить не стал, мучаясь и не зная, что он может ей сказать.

Сутки после огненной работы Шооран отдыхал: спал и отъедался хлебом, затем стал собираться в путь.

— Я ухожу, — сказал он Ай, — а через две недели вернусь за тобой.

Ай завозилась, стараясь подняться.

— Я тоже пайду...

— Нет. Тебе нельзя. Сначала ты должна выздороветь. Я вернусь, и мы пойдём вместе.

— Я с табой...

— Я действительно вернусь...

Шооран беспомощно оглянулся, не зная, как уговорить уродинку. Потом достал тщательно спрятанный голубой материнский жемчуг, осторожно надел ожерелье на шею больной.

— Теперь ты веришь?

Ай провела пальцами по неожиданному украшению, покорно закрыла глаза:

— Ты только прихади скаре-е...

Две недели Шооран провёл на мысе, уводя его дальше в далайн. Ёроол-Гуй обитал где-то неподалёку и то и дело появлялся, мешая работе, но, даже когда он успевал разрушить недостроенное, Шооран всего лишь переходил на другую сторону мыса и ставил оройхон там. Он уже не мучился так тяжело от ударов Многорукого, порой ему даже казалось, что натиск бога ослабел, в нём нет прежней силы. А может быть, он просто привык к ежедневной боли.

Всякий день ему удавалось создать кусок земли, а в иные дни и по два, так что к концу второй недели он смог обозначить на карте дюжину и три оройхона, пара из которых оказались даже сухими. С противоположных концов полуострова можно было разглядеть берега добрых братьев и земли, принадлежащие вану, но Шооран давно потерял интерес к такого рода экскурсиям, и на оконечность оройхонов не ходил, стараясь держаться привычного поребрика.

Назад Шооран вышел в день, разрешённый для всех людей. До-

быча у возвращавшихся была невелика, и Шооран ничем не выделялся среди прочих искателей чавги. Правда, нёс большой моток живого волоса и изогнутую кость, годную для нового сувага.

Ай уже оправилась от экзекуции, но Шооран прежде отпросился ещё на день и, сбегав на крайний юг страны, уничтожил последнюю границу и последний во вселенной участок огненных болот. С этого дня ничто не прикрывало государство изгоев от соседей, держать границу стало невозможно, всякая армия могла свободно идти, куда только пожелают её командиры. Впрочем, Шооран уже понял, что безупречно храбрые цэрэги не пылают желанием атаковать таких же воинов, как они сами. Так что большая война вряд ли вспыхнет, даже если позволить солдатам вцепиться друг в друга. К тому же он не видел причин, по которым должен был заботиться о безопасности и сохранении власти Суварга, Жужигчина и даже Ээтгона.

Шооран выждал несколько дней, чтобы помочь Тамгай с уборкой урожая, и, едва на заставах утихла беготня, взял Ай и ушёл, продолжая бесконечное кружение около сужающегося далайна. До очередного мягмара оставалось совсем немного времени, и надо было успеть выйти на восточное побережье и поставить там хотя бы полдюжины островов.

* * *

Мозолистая Пятка не зря получил своё прозвище. Среди всех бродяг он был самым неугомонным. Он и в детстве был таким: бегал на соседний оройхон в том возрасте, когда другие дети ходить не умеют. Его и ругали, и наказывали, и буйи отняли — так он босиком бегал. От этого ступни его покрылись мозолями, грубыми и твёрдыми, словно кость, и не было такой колючки, которая могла бы причинить ему боль. Даже на мокрое Мозолистая Пятка выходил босиком и разгуливал там словно в башмаках на двойной подмётке.

Родители Мозолистой Пятки умерли, оставив сыну поле и здравый смысл, но бродяга не сумел распорядиться наследством. Здравый смысл подсказывал: «Надо жить возле своего поля и есть свой хлеб», — но Мозолистая Пятка собрался в дорогу, а поле досталось чужим людям.

Потеря не огорчила Мозолистую Пятку.

— Я всё видел на родном оройхоне, — сказал он, — а теперь хочу посмотреть остальные чудеса, слухи о которых живут под небесным туманом.

Он обошёл все оройхоны в стране и повидал всякие диковины, что есть на них, и здравый смысл сказал ему:

— Ты видел всё, теперь остановись и отдохни.

Но Мозолистая Пятка лишь усмехнулся и пошёл дальше. Он обошёл все мокрые оройхоны, босиком спускался в каждый шавар, потому что боялся пропустить интересное, а твари, шевелящиеся в нойте, ничего не могли сделать с ним. Перья гваараиза ломались о крепкие мозоли и иглы тукки не причиняли бродяге вреда. Наконец ему надоело дразнить зверей, а в шаваре не осталось неисхоженных закоулков. Тогда снова подал голос здравый смысл.

— Вернись домой, — сказал он, — и живи, как все люди.

Но Мозолистая Пятка не согласился, ведь на свете были ещё огненные болота. Он обошёл дымные царства, где нет ничего, кроме огня и грязи, где тлеют на ходу и рассыпаются самые крепкие башмаки, но босые ноги не знали усталости и не боялись дороги. В последнем путешествии он не встретил ничего любопытного и вернулся недовольным.

— Вот видишь, — уговаривал здравый смысл, — ты зря не послушал меня. Теперь-то, когда вселенная исхожена, ты, может быть, угомонишься?

— Нет, — сказал Мозолистая Пятка, — раз у человека есть ноги, он должен идти. Раз у человека есть глаза, он должен видеть новое. Я пойду дальше.

— Куда? — воскликнул здравый смысл. — Ведь ты обошёл все земли!

— Я поворачивал и ходил по кругу, — сказал Мозолистая Пятка, — а человеку следует ходить прямо, иначе недолго сбиться с пути.

И он пошёл прямо, никуда не сворачивая.

Вскоре тропа кончилась, впереди замаячили авары.

— Стой! — встрепенулся здравый смысл. — Дальше пути нет!

— Значит, я пойду без дороги, — сказал Мозолистая Пятка и ступил босой ногой на авар.

— Остановись! — заклинал здравый смысл. — Туда нельзя идти! Если уж так неймётся — сверни в сторону!

— Я не жирх, — ответил Мозолистая Пятка. — Я хожу прямо.

И он пошёл в глубь огненной страны, где не бывал ни один человек.

Здравый смысл скулил и плакал, авары жгли тусклым пламенем, но Мозолистая Пятка продолжал идти, ибо постиг смысл своей жизни: не останавливаться, не сворачивать и не возвращаться. Обугливалась грубая кожа натруженных ног, и султан дыма отмечал его путь. С каждым шагом вокруг становилось страшнее, здравый смысл потерял от испуга остатки разума и мог лишь молиться и твердить:

— Бог создал это, чтобы ты не ходил.

— Значит, я должен идти, — усмехался Мозолистая Пятка, — иначе не нужен ни бог, ни его запреты.

Наконец перед ним встала стена, выстроенная в незапамятные времена многомудрым Тэнгэром. Стене не было края ни в одну, ни в другую сторону, а вершина её купалась в небесном тумане.

— Это конец! — зарыдал здравый смысл.

— У дороги нет конца, — возразил Мозолистая Пятка. — Это лишь преграда на пути.

— Это твой конец, дурень! — возопил здравый смысл. — Взгляни на свои ноги — мозоли больше не помогут тебе, их нет, они превратились в уголь! Ты не сможешь вернуться назад и скоро сгоришь тут, не доказав ничего и никому!

— До стены ещё три шага, — сказал Мозолистая Пятка: — Я должен пройти их. Но и там я не поверну, а буду биться в эту стену, потому что сильнее боли и страха желание знать, что впереди!

Мозолистая Пятка не вернулся к людям, и вскоре истаял одинокий дымный султан над дальними аварами. Нетрудно догадаться, что произошло там, возле стены Тэнгэра. Но неисправимые бродяги врут, будто иногда с той стороны тянет ветром, словно сквозняк дует в распахнутую дверь. И тогда им кажется, будто Мозолистая Пятка всё ещё идёт куда-то, за гранью мира, по ту сторону бесконечности.

ГЛАВА 10

«Счастье государства в руках поваров», — дюжину раз прав мудрец, изрекший эту истину! Изысканный повар ублажает желудок государя и веселит его сердце. А из веселия государя напрямую проистекает благоденствие подданных и счастье государства. Горе народу, если изделия дворцовых кулинаров отягощают царственное нутро и вызывают колики и помрачение чувств. И что делать мудрому правителю, если царство его оскудело мастерами кухни и вокруг одни неучи, от стряпни которых урчит в кишечнике? В таком случае монарх, пекущийся о благе подданных, сам берётся за миски, ножи и вертела.

Невежды полагают, будто хороший вертел можно выточить из кости. Мол, мясо и прежде было на костях... Чужая кость сушит мясо! Шампур должен быть только деревянным, причём не из ветки, а из средней части смолистого ствола. Только тогда появится должная степень аромата. А вино? В сладком вине мясо можно тушить — жирное завернув в листья; к постному добавив мелко порубленной водяной травки — а для вымачивания годится только кислый напиток из специально собранных недозрелых плодов!

Владыка полумира, сияющий ван, да пребудут его ноги сухими, устало опустился на скамью и вытер перемазанные салом руки. Лишь на малой дворцовой кухне он мог быть самим собой, сюда запрещался вход кому бы то ни было, кроме двоих старых прислужников, весьма искусившихся в разведении огня: лёгкого соломенного, сухого угольного или ленивого, сытного пламени масляного светильника. Всякое горячее блюдо надлежит готовить на своём огне. На боку авара можно печь или томить варево в тонкой непрогорающей посуде, а для нежного искрящегося отвара нужна солома.

Ван вздохнул. Не так часто он мог уединиться здесь, чтобы собственноручно приготовить обед для себя и двух-трёх любимых жён. Чаще государственные дела отнимали время, и приходилось довольствоваться стряпнёй поваров, хотя ни один из этих кулинаров не мог соперничать в поварском деле со своим повелителем. Ван был мастером редкостным, изысканным, умевшим при одном взгляде на сырые продукты представить вкус будущего блюда. «Съесть можно всё, — любил повторять он, — главное как следует приготовить».

Как-то в подтверждение этих слов он решил изготовить нечто съедобное из самой мерзкой вещи в мире — из шаварного нойта. Целую неделю один из дворцов Царского оройхона смердел, словно авары мёртвых земель, но в конце концов государь добился своего: нашёл, что высушенный и умеренно прокалённый нойт обращается в серый порошок жгучего вкуса, оказавшийся великолепной приправой. Рецепт порошка ван хранил в тайне, помня, что «пожиратель нойта» — оскорбление, которого не прощают даже гнилоеды.

С тем большим удовольствием ван потчевал блюдами с секретной приправой своих гостей. Правда, сам он нойт больше не сушил, а лишь прокаливал высушенную субстанцию до нужного градуса.

О кухне вана ходили легенды и анекдоты, а приглашённые на парадный обед одонты, вернувшись домой, вытрясали душу из слуг, требуя от них тех блюд, что вкушали за царским столом.

Накормить дрянью так, чтобы все были в восторге — в этом кулинария схожа с политикой. Есть у них и ещё одно сходство. Покойный отец царственного вана тоже не гнушался посещать кухню, но лишь с одной целью: положить в какое-нибудь блюдо ломтик выброшенной далайном рыбы, а потом поднести смертельное угощение неугодному царедворцу. Царствующий ван на пирах такого не позволял, не желая оскорблять искусство приготовления пищи, а в политике... почему бы и не угостить рыбкой чересчур прыткого деятеля?..

Вчера ван собирал Малый совет. Входили в него люди, не имевшие никаких должностей, и потому особо влиятельные. Малый совет обсуждал два вопроса: ход военной кампании и судьбу илбэча. С последним всё было ясно: чудотворец вновь появился в стране, и

нужно было не выпустить его. Один за другим в восточных провинциях появились семь оройхонов. Они были не слишком удобны для управления и принесли только два сухих участка, но опытные баргэды, имевшие поручением предсказывать поведение илбэча, утверждали, что в действиях безумца видна система. Везде, где только можно, он сужал проливы, вероятно, для того, чтобы легче избегать Ёроол-Гуя. И хотя илбэча по привычке звали сумасшедшим стариком, ван был убеждён, что сегодня по стране ходит совсем другой человек.

Мешать илбэчу ван не собирался, он давно воспринял мысль Моэртала, что строителя лучше оставить в покое; а вот аккуратно его направить — необходимо. Если баргэды не врут, илбэч захочет перейти в землю старейшин или добрых братьев, чтобы сжать горловину последнего из широких заливов. Но этого не хотел ван — илбэч должен строить здесь, преумножая ближайшие земли. Совету мудрецов ван внял и поставил караулы поперёк перешейка, где ещё недавно коптили огненные болота и торчал Торговый оройхон. Официально караулы были выставлены против изгоев, ведь ныне на этом месте не было никакой границы, страна старейшин принесла присягу и покорилась войскам, которые привёл туда одонт Моэртал.

Отсюда-то и проистекала вторая забота и головная боль царственного вана. Безупречный Моэртал, которого не в чем было упрекнуть... Моэртал, который удачно управлял неудобной провинцией, а потом отказался от новых земель... Моэртал, который успешнее прочих воевал с изгоями... Когда возник вопрос, кого поставить во главе войск, выбор пал на Моэртала. Но тогда никто не думал, что удастся одержать столь полную победу и приобрести не просто пару оройхонов, а целую страну вместе с бесценным крестом Тэнгэра. Сегодня в руках прибрежного одонта провинция, превосходящая все мыслимые размеры, и войско, восхищённое победителем. К тому же, как сообщают соглядатаи, в завоёванной стране осталось довольно своих баргэдов и даже цэрэгов, выживших под властью братьев. Все эти люди считают повелителем Моэртала, а ван как бы остался в стороне. Выходит, что победы одерживать ещё опаснее, чем подвергаться нападению. Рухнули границы, и не знаешь, куда обращать взор. На западе тоже не всё ладно: одонт Юхааз сообщает, что изгои вошли на угловые земли, а ведь их так недавно удалось усмирить!

Ван поднялся, с удивлением глянул на передник, раздражённо сорвал его. Ладно, десерт пусть готовят повара, думать надо не только об обеде, иначе тебя самого съедят. Всё-таки кулинару проще предугадать, что сварится в его котле. Политическая кухня сложнее. Благородный Юхааз назначен западным одонтом после смещения Хоргоона и бунта его сынка. Выбор пал на Юхааза, поскольку он глуп и беспредельно верен. Но едва изменилось соотношение сил, Юхааз прошляпил угловые земли. Два оройхона — не шутка! Моэр-

тала выбрали, ибо он умён и талантлив. Но зато теперь он стал опасен, и решено призвать его на совет, осыпать почестями, а потом потихоньку угостить рыбой. А земли разделить на дюжину провинций и назначить новых одонтов: четверых от армии, ещё четверых из заслуженных баргэдов, а остальных из знати. Тогда они не смогут договориться и будут зорко присматривать друг за другом. Вот только на севере, где не кончается война, нужен хороший военачальник вроде Моэртала, жаль, что его имя решено отдать Многорукому... Кулинария хороша ещё тем, что ненужную в данный момент приправу можно отложить до следующего раза. Увы, человек — продукт скоропортящийся.

Государь вымыл руки тёплой водой, распорядился насчёт десерта и приказал прислужникам нести обед в покои. Вкушение пищи не являлось столь священным действом, как её приготовление, так что великий самодержец успел выслушать несколько сообщений. Первое из них порадовало вана. Приближённый баргэд скользнул в зал, склонившись в царственному уху, прошептал:

— На востоке новый оройхон, — затем, подчиняясь еле заметному движению, расстелил карту и показал, где именно родилась земля.

Ван удовлетворённо кивнул. Он всё-таки опасался, что илбэч сумеет уйти во время мягмара, но чудотворец остался в стране. Хотя оройхон возник на восточных окраинах, а это значит, что правы мудрецы, предупреждавшие, что илбэч станет искать дорогу в древние земли. Всё-таки и длиннобородые на что-то годятся: несложно управлять тем, чьи поступки известны заранее.

— Удвоить караулы, — повелел ван. — Чтобы мимо и жирх не прополз! Но никого не убивать, ни единого бродягу. Заворачивать всех назад, и пусть идут, откуда пришли.

Перед самым концом обеда чиновник принёс вторую весть:

— Пришли гонцы от Моэртала. Просят аудиенции.

— Отвести в зал приёмов, — промолвил ван, встал и, не удостоив взглядом запечёные фрукты, вышел в сад. Не торопясь прошёлся среди деревьев. Спешить было нельзя, незачем посланцам знать, что государь ожидал их прихода. Это они должны ждать приёма и трепетать.

Ван поднялся на тэсэг, что остался нетронутым с тех времён, когда знаменитый предок вызвал к жизни эту землю. Над тэсэгом возвышался старый, как мир, туйван. Морщинистый ствол казался вырезанным из камня. На корявых ветвях не было ни единого листа. Ван вновь вздохнул. Он надеялся, что после мягмара засохшее дерево оживёт, как уже бывало прежде. Но нет, туйван умер окончательно. А незадолго до того подох древний бовэр, на которого ходили любоваться все, допущенные на Царский оройхон. Зверь сильно одряхлел за последнее время, а тут ещё перед мягмаром не-

бывало обмелели текущие по оройхону ручьи. Другие бовэры могли переползать с места на место, да и попросту потерпеть немного, а старик лишений не выдержал. В один год ван лишился двух диковин своего сада, и это огорчало его не меньше, чем тупость поваров.

Однако пора было идти. Ван вернулся во дворец, через потайное окно оглядел ждущих аудиенции. Посреди зала стояли четверо дюженников. Один из них держал в руках резной ларец. На секунду вана захлестнула странная смесь гнева и страха. Слишком уж это похоже на посольство, гонцы не должны приходить с дарами. И вообще, давно пора ввести в армии новое звание, а то смотришь и не знаешь, кто перед тобой: командир крошечного отряда или доверенное лицо, имеющее право говорить от имени своего одонта.

Взгляд государя задержался на ларце. Чётко представилось, что внутри лежит заряд харваха, а эти четверо — убийцы, подосланные Моэрталом. Хотя цэрэг, который держит ларец, не похож на смертника, слишком уж явно он глазеет по сторонам, не умея скрыть удивление, очевидно, он впервые здесь. Значит, можно пойти и выслушать, что скажут гонцы. И, в любом случае, быть благосклонным, иначе Моэртал может заподозрить неладное.

Ван прошёл в зал, уселся на троне. Шуршащий полог взвился под потолок, открыв царскую особу глазам ожидающих. Дюженники опустились на колени.

— Говорите, — кивнул ван.

— Одонт Моэртал послал нас к сияющему вану, чьи ноги не ведают сырости... — начал старший из дюженников.

«Будет просить пополнений, — подумал ван. — Не дам».

— ...неусыпные заботы ослепительного и величайшего вана, — повторял дюженник заученный текст, — позволили одержать победу, однако управление столь большой провинцией недоступно одному человеку, а местные баргэды хоть и многочисленны, но доверия не вызывают. Одонт, ваш вечный слуга, просит прислать в помощь должное число опытных чиновников, которые могли бы достойно блюсти интересы светозарного вана...

Ван растерялся. Моэртал сам просил о том, что хотели навязать ему власти. Дюженник, между тем, продолжал:

— Кроме того, велено сказать следующее: во время мягмара на побережье провинции был выброшен волной многорукий зверь уулгуй. Одонт Моэртал, исполненный верноподданнических чувств, посылает пресветлому вану его царское достояние!

Молодой дюженник шагнул вперёд и открыл ларец. Там лежал белый костяной обруч. Он был чуть меньше, чем те два, что хранились в сокровищнице, и ван с радостью подумал, что неудобствам со слишком просторной короной приходит конец.

— Я слышал, — произнёс ван, — что в казне старейшин хранилась ещё одна корона.

— Мы не нашли казны, — виновато сказал дюженник. — Подземелья пусты, противник украл всё задолго до нашего прихода.

— Говори дальше, — разрешил ван.

— Прочая кость сейчас снимается с тела зверя и вскоре будет доставлена сюда. Одонт Моэртал почтительнейше просит дозволения оставить себе третью часть дисков, как то было принято в прошлые времена.

Забирать третью часть дисков было законным правом одонта, в чьей провинции найден чёрный уулгуй, поэтому ван благосклонно кивнул и вновь залюбовался искрящейся белизной кости. Всё-таки жизнь не так мрачна: что-то уходит, но взамен появляются новые радости. А Моэртала он пока обождёт угощать рыбой — такого слугу следует поберечь.

— Я слышал, провинция переполнена изгоями? — спросил ван гонцов. — Как одонт намеревается бороться с этой угрозой?

* * *

Весь мягмар Шооран и Ай пробатрачили на побережье. На хлеб Шооран мог заработать и сказками, но он решил пока не раскрывать своего имени и поменьше бывать на виду. Семь оройхонов, поставленные до мягмара, отсекли большой юго-восточный залив, куда Шооран собирался заманить Ёроол-Гуя, прежде чем уйти к Моэрталу, чтобы там взяться за почти нетронутые просторы далайна.

Но, как всегда, борьбе с Многоруким помешали люди. Шооран не ожидал застав возле Торгового оройхона, ведь теперь это была центральная часть страны. Впрочем, встреча с цэрэгами окончилась благополучно: путников всего лишь остановили и предложили поворачивать обратно.

— Там и без того полно бродяг, — глядя пустыми глазами, произнёс цэрэг. — Лезут днём и ночью. Так что проваливайте.

— Мы не изгои, — возразил Шооран. — И, потом, мы идём в страну старейшин, а не оттуда.

— Тем хуже. Говорят — проваливай, пока цел.

Шооран и Ай покорно повернули назад. Во время перебранки Шооран успел заметить, что посты развёрнуты на юг, значит, охранник лжёт, цэрэги поставлены не против беженцев. Возможно, дальше есть вторая цепь караулов, но эти явно следят, чтобы никто не ушёл к Моэрталу. Неужто удачливый одонт настолько зарвался, что вздумал отделяться? Должен же он понимать, что завтра далайн может отступить, и он окажется лицом к лицу с противником. Если он этого не понимает, то будет наказан.

Отойдя на безопасное расстояние, Шооран, как обычно, оставил Ай промышлять чавгой, а сам вернулся и создал оройхон, которым должна была начаться широкая дорога к кресту Тэнгэра. Об этом оройхоне и докладывали великому вану за обедом.

Выстроить дорогу не позволил Ёроол-Гуй, послушно зашедший в залив. Шооран, посетовав, что не сумел вовремя перебраться на другой берег, поспешно отошёл на запад, между делом создал клочок земли там, а потом решил идти через страну изгоев и добрых братьев. Что-то там происходило непонятное, слухи доходили странные и противоречивые, и Шоорану хотелось самому посмотреть, чем обернулась его месть Жужигчину.

Ай на вопрос, согласна ли она идти обратно, протянула привычное: «Я с табой...» — и они пошли.

На западе путь тоже был перекрыт, но Шооран был готов к этому и довольно легко прошёл через заставы, тем более, что здесь цэрэги действительно стояли лицом к противнику и не могли караулить каждого путника. В предутренний час Шооран и Ай проползли по зарослям хохиура и на рассвете были на угловых оройхонах.

После того, как месяц назад илбэч высушил здесь последние огненные болота, война вновь пришла к многострадальному дому старика. Суварг двинул армию изгоев и отнял угловые земли у вана. Впрочем, на самих оройхонах это никак не отразилось. Так же рос хлеб, в тех же палатках жили земледельцы, получившие звонкий титул «свободных изгоев». Как только не переименовывают мужика власти, а он почему-то так и остаётся мужиком!

Шооран шёл по поребрику сухого оройхона. Строил этот оройхон Энжин, но высушил его Шооран, давным-давно, больше шести лет назад. С тех пор он законно считал его своим и сейчас любовался молодыми туйванами, сгибающимися от первого обильного урожая. Только когда зацветут туйваны, можно считать, что земля родилась, а илбэч стал вровень с древними строителями. Через три года ему исполнится две дюжины лет, но задолго до этого он закончит вторую дюжину оройхонов. Теперь он знает, что легенды о Ване — правда. Можно, если ты силён и открыл свой дар в юности, построить хоть шесть раз по двойной дюжине островов. Главный враг не Многорукий, а ты сам — твоя усталость, боль, одиночество среди бесконечных толп народа. Народа, который не нужен тебе, так же как ты не нужен ему. Важна лишь земля, вот эти туйваны, которые зацвели, где прежде тёк нойт.

Шооран изогнулся над колючей изгородью, с трудом достал и подтянул цветущую ветвь, вдохнул чистый аромат цветов. Мягко отпустил стебель, долго стоял, глядя, как дрожат, успокаиваясь, цветы. Осторожно снял с отравленных игл ограды опавший лепесток, протянул его Ай. Личико уродинки сморщилось в довольной грима-

се. Ай пристроила подарок в волосах, и алый лепесток оживил её лицо, сразу потерявшее мертвенный серо-зелёный цвет.

— Идём, — сказал Шооран. — Нам ещё много идти.

Они шли по промежутку между оройхоном старого илбэча и первым сухим оройхоном Шоорана. Когда-то он мог бегать здесь, не глядя по сторонам, всё вокруг принадлежало ему. Теперь не стоило без лишней нужды спрыгивать с общей тропы. Хотя, когда навстречу идёт вооружённый караул — лучше посторониться.

— Вот он! — закричал человек, идущий впереди воинов. — Это он хватал мой туйван!

Патрульные настороженно и недовольно разглядывали Шоорана, и он в который уже раз подумал, что в стране изгоев изгоев как раз и не осталось, ночные пархи на удивление быстро привыкли к новой роли, а эти солдаты, судя по всему, никогда не мыкались на мокром, скорее всего, это настоящие цэрэги, вовремя смекнувшие что к чему и перешедшие на сторону сильного, чтобы сохранить своё положение. Прежде они знали бы, что делать с бродягой, а сейчас не вполне уверены и колеблются. С удивлением Шооран увидел, что среди цэрэгов возвышается огрузневшая, но всё ещё могучая фигура Боройгала. За поясом у палача красовался широкий резной тесак — символ власти одонта.

— Я ничего не брал, — произнёс Шооран. — Я свободный изгой и иду по свободной земле.

— Не брал?! А это что?! — крестьянин кинулся к Ай, ухватил её за волосы, стараясь вытащить лепесток.

Шооран ударил хама по руке, оттолкнув так, что мужик отлетел на несколько шагов, врезавшись спиной в затрещавшую изгородь.

— Это опавший лепесток, — сказал Шооран. — Он ничего не стоит.

Цэрэги без интереса следили за перебранкой и были готовы уйти, оставив владельца дерева самого разбираться с похитителем лепестка. Но тут вмешался Боройгал.

— Ты кто такой? — спросил он Шоорана, глядя поверх его головы. — Что-то мне твой голос знаком.

— Мой голос знаком многим, — сказал Шооран. — Я сказитель.

— Не-ет! Ты не крути. Я сказочки слушать никогда не ходил, но голосок твой мне очень знаком...

Боройгал подошёл ближе, посмотрел на Шоорана с одной стороны, потом с другой, так, чтобы не было видно шрамов, стянувших правую щёку. Удовлетворённо хмыкнул.

— Шпион вана! Ты был здесь, когда исчез Хооргон. А теперь тебя подослали убить меня? Да? Не выйдет! Вяжите его!

Шооран рванул из-под жанча хлыст, но Боройгал стоял слишком близко, чтобы можно было успеть раскрутить оружие. Шооран ударил Боройгала в лицо тяжёлой рукояткой, но копьё одного из цэрэ-

гов вонзилось Шоорану в запястье, двое воинов повисли на плечах, Шоорана сбили с ног и, нещадно заламывая раненую руку, начали вязать. Ай, замершая в первую секунду, молча метнулась и вцепилась зубами в щёку упавшего Боройгала. Великан взревел и замахнулся кулачищем. Любую женщину такой удар убил бы на месте, но Ай оказалась слишком лёгкой. Она лишь отлетела в сторону, но тут же вскочила, шипя, как рассерженная тукка, и готовая вновь броситься в атаку.

— Беги! — закричал Шооран. — Беги к Ээтгону, пусть выручает!

Ай развернулась и поскакала вдоль поребрика. Когда было нужно, её шлёпающая походка исчезала, и уродинка мчалась впереди многих. Иначе она не смогла бы вовремя удирать от Многорукого.

— Схватить! — прохрипел Боройгал.

Шооран, на спине у которого сидели двое цэрэгов, сумел извернуться и, зацепив ногой, уронить солдата, рванувшегося исполнять приказ. Пока тот поднимался, Ай унеслась далеко.

«Лишь бы добежала до мокрого, а там — уйдёт», — подумал Шооран. Он-то знал, как бессмысленно ловить Ай в зарослях хохиура.

Цэрэги сгрудились вокруг связанного Шоорана и принялись его бить. Не каждый удар достигал цели, иглы башмаков с трудом пробивали толстый жанч, но уже через минуту Шооран потерял сознание от боли.

* * *

Боройгал был назначен одонтом три дня назад. Конечно, в государстве изгоев слово «одонт» было как бы под запретом, но как ещё назвать человека, поставленного управлять приобретёнными ороихонами? Так что Боройгал с лёгким сердцем украсил себя костяным тесаком, а наедине с собой величал себя одонтом.

Вообще-то, когда отряды ночных пархов вступали на угловые земли, Боройгал не думал о возвышении, а дрожал за свою шкуру. При трёх последних правителях он был палачом и затолкал в шавар немало изгоев, так что для страха основания были. Но потом он решил, что надо быть смелее. В конце концов, палачи нужны любой власти, а охотников на эту должность не так много. Поэтому, увидев Суварга, шествующего в окружении охраны, Боройгал громко крикнул:

— Здравствуй, правитель Суварг! Я рад тебя видеть!

Нельзя сказать, что правитель Суварг тоже обрадовался этой встрече. Был в его прошлой жизни один шаварный закоулок, в который он не хотел бы пускать посторонних. До сих пор никто не спро-

сил предводителя изгоев, как удалось ему не только вывести отряд из владений Моэртала и пройти затем половину страны, но и увеличить при этом армию изгоев чуть не вдвое. Бродяги считают, что им так повезло. Тэнгэр оставил мысли о вечном и позаботился о них. Нет, о них думал предусмотрительный Суварг. Не договорившись с одонтами, такую операцию не провернуть. Но попробуй сказать об этом вслух, и клеймо предателя уже не смыть. А кто мог знать тогда, что отыщется эта страна и сегодня он сможет говорить с ваном на равных и даже отнимать его земли? Тогда, чтобы выжить, пришлось кое-что обещать, да и выполнять обещанное. Своими людьми и своей страной он не поступился, а что до лазутчиков, проходивших с его ведома в области братьев, то надо было сохранять мир. Только как объяснить это увечным и калеченным членам совета, которые знают лишь чувство непримиримости? Даже Ээтгон среди этих закостеневших типов кажется гибким политиком. Ээтгон о многом догадывается и молчит, но если скандал выплывет, то и он окажется среди противников. А ведь пока на угловых оройхонах сидел запутавшийся в интригах Тройгал — всего-то пара недель! — связь с ваном шла через этого громилу, что, скверно улыбаясь, машет ему рукой.

И Суварг кивнул благосклонно, а потом беседовал с палачом наедине и поставил его главным над этими оройхонами. И то сказать, соглядатая лучше держать на виду, да и связь с ваном так сразу рвать не стоит. Мало ли что может случиться...

Поимка Шоорана стала первым деянием Боройгала на высоком посту. Признав в Шооране своего давнего обидчика, Боройгал загорелся местью. Но, будучи палачом, он слишком хорошо знал, как быстро умирают жертвы даже в самых опытных руках, а Боройгал хотел мести сладкой и долгой. К тому же публичная казнь сразу после назначения на должность была нежелательной, а тайная, ежели секрет вдруг выплывет, вовсе грозила крупными неприятностями.

Размыслив, Боройгал велел запереть пленника в подземелье, решив не торопиться с казнью.

Первые сутки, а возможно, и несколько — счёт времени он потерял — Шооран валялся в горячке, вызванной ядовитыми иглами. Всё тело вспухло, там, где иглы вонзились в плоть, образовались язвы, рана на руке нагноилась. Большую часть времени Шооран не сознавал себя. В темноте к нему приходил мёртвый уулгуй, уговаривал, звал в далайн. Шооран ругался на него и гнал, а вынырнув к действительности, промывал рану собственной мочой и вновь проваливался в бред. Всё же он выплыл и, очнувшись однажды, понял, что чёрный уулгуй отпустил его. С этого дня Шооран пошёл на поправку и начал замечать происходящее вокруг.

Тюрьма была обустроена ещё при Хооргоне, причём сделана на

совесть, по образцу темницы, оставшейся на Западном оройхоне. Так что, очнувшись, Шооран не мог сказать, в каком из помещений насквозь знакомого алдан-шавара он находится. Углы были спрямлены, вход забран дверью, а стены и пол выложены плотно пригнанными костяными пластинами. Ногти скользили по гладкой кости, бессильные зацепиться хоть за что-нибудь. Сделано это было для того, чтобы скучающие узники не развлекались рытьём ходов в рыхлом камне. Подходить к двери не позволялось — примерно посредине камеру перегораживала решётка, открыть которую можно было лишь снаружи. Изучив своё обиталище, Шооран вынужден был признать, что у Моэртала ничего подобного не было.

Время от времени костяная дверь щёлкала, тюремщик вносил миску с водой и немного чавги или наыса. Шооран не знал, кормят его три раза в день или раз в три дня, время в глухом мешке остановилось, ни зрению, ни слуху было не за что зацепиться. Свет слизня, с которым входил тюремщик, казался ослепительным, но, уходя, сторож забирал его с собой. Любой человек в таких условиях скоро сошёл бы с ума, но Шооран, привычный к одиночеству, не сдавался. Он пел, рассказывал сказки и истории, воображая, что тюремщики сидят под дверьми и слушают его.

Однажды дверь распахнулась с грохотом и появившийся сторож принялся налеплять на стены ярких слизней. Через минуту в камеру вошёл Боройгал. При виде потерявшего человеческий облик Шоорана его лицо растянулось в ухмылке.

— Сидишь, красавчик? Сиди. Как видишь, я не прощаю обид. Но я справедлив. Ты не убил меня, я не убиваю тебя. Или ты уже сам хочешь в шавар? Тебе помочь?

Шооран молчал, не реагируя на слова. Боройгал вытащил небольшую коробку, осторожно потряс её. Обострившийся слух Шоорана уловил зловещий шелест. Перед ним было знаменитое орудие палача — коробка с зоггами.

— Ты хочешь сыграть со мной в щелчки? — проговорил Шооран. — Идёт. Как будем играть — в одежде или голые до пояса?

«Щелчки» — смертельная игра, на которую отваживались лишь самые отчаянные люди, потерявшие всякий интерес в жизни. Двое усаживались друг напротив друга, выпускали на гладкий камень пойманного зогга, затем один из самоубийц щелчком отправлял ядовитую букашку в лицо другому. Надо было, подставив ноготь, отпарировать удар, откинув разозлённого зогга обратно. Чаще всего через полминуты жало вонзалось в цель, и один из игроков исходил криком под сочувствующими взглядами любопытных. Хотя случались мастера, которые перещёлкивались зоггом до тех пор, пока не погибал избитый зогг.

Шооран никогда не чувствовал желания испытать в этой игре судьбу и собственную ловкость, особенно сейчас, когда, просидев бог

знает сколько времени в темноте, он полностью утратил точность движений. Но всё же что-то в его голосе заставило Боройгала испугаться. Палач проворно убрал коробку. Некоторое время он грозил, хвастался, ругался — Шооран думал об одном: останутся ли в камере слизни, когда Боройгал уйдёт. Наконец, распалившись до бешенства, но так и не решившись пройти за решётку, Боройгал выбежал из камеры. Шооран, с трудом дотянувшись, достал одного слизня и спрятал под жанч. Может быть, служитель и заметил исчезновение светляка, но не придал этому значения, и в течение нескольких дней Шооран сидел при свете.

Одно время он мучился идеей подкупить сторожей. При аресте цэрэги больше заботились, чтобы как следует побить Щоорана, а вот обыскали его небрежно, поскольку предположить, что у нищего бродяги окажется что-то ценное — не могли. Так у Шоорана уцелели зашитые в рукав жанча заколки, когда-то принадлежавшие матери Бутача. Теперь Шооран раздумывал, а не предложить ли тюремщику белые полумесяцы в обмен на помощь в бегстве. Но чем больше вариантов он перебирал, тем яснее видел, что либо ему просто не поверят, либо заколки будут немедленно отняты. Сил на то, чтобы отстоять себя, у Шоорана не было.

По прошествии неведомых времён похищенный слизняк начал тускнеть и наконец полностью погас. Шоораном овладело уныние. Всё чаще он думал, что лучше бы вместо заколок скрыл в рукаве жало зогга. На освобождение он уже не надеялся, должно быть, Ай не сумела выполнить его просьбы, либо Ээтгон не посчитал нужным выручать человека, с которым он обещал всего лишь не враждовать.

Темнота и безмолвие гасили разум, и лишь Боройгал, сам того не зная, помогал выжить. Время от времени одонт спускался в подземелье и, усевшись перед решёткой, подолгу говорил: издевался, старался запугать. Пугать Шоорана было нечем, зато эти посещения позволяли не сойти с ума. Шооран ждал приходов врага, стараясь уязвить его хотя бы словом. Палач не понимал иных выражений, кроме грубых, так что весь расчёт сводился к тому, чтобы выбрать время, когда сказать гадость.

— Боройгал, ты мелкий жирх, — говорил Шооран в самый, казалось, неподходящий момент, и мучитель давился монологом, принимаясь рычать:

— Я сотру тебя в порошок! В харвах пересушу!

— Давай, — соглашался Шооран. — В своей норе и жирх кусается, а ты тут в родном шаваре.

Боройгал заходился проклятиями и убегал, а Шооран ещё долго переживал встречу и изобретал, что скажет в следующий раз.

Но потом Боройгал перестал приходить, так что Шоорану остались только сказки и песни, которые он пел всё более заунывно и страшно.

* * *

Суварг умирал. Немногие понимали это, слишком уж нелепо всё произошло. Предводитель изгоев уже давно не ходил в сражения, а лишь посылал других, наблюдая за битвой с суурь-тэсэга. И кто мог предполагать, что братьям вздумается палить из ухэра вдаль, чуть не за полоройхона, и что камни долетят? Обломок на излёте ткнул Суварга в грудь, но Суварг тут же поднялся, костеря на чём свет стоит гнилоголовых братьев и всё их потомство и тот тухлый шавар, из которого они выползли.

Казалось, всё обошлось. Лишний удар ничего не значит для человека, на чьём теле оставили отметины гарпуны изгоев и хлысты кольчужников в ту пору, когда Суварг служил в цэрэгах, а затем копья бывших сослуживцев и укусы шаварного зверья, на которое пришлось охотиться в годы неудач. И всё же в нём что-то сломалось. Суварг исхудал, позеленел, боль в груди не отпускала, а во время кашля изо рта летели красные брызги. Суварг лежал в своих покоях, скучно выслушивал доклады, а за решениями отсылал к Ээтгону.

Постепенно Ээтгон собрал в своих руках всю власть. Совет изгоев, куда входили первые переселенцы, уже ничего не решал. Тех членов совета, что были потолковее, Ээтгон назначил управлять провинциями, сделав, фактически, одонтами, или поставил во главе войск. Остальные выслушивали мнение Ээтгона и покорно кивали, соглашаясь.

А дела в стране шли неважно, и решений приходилось принимать много. На севере не утихала война. Там были братья, среди которых, кажется, вовсе не осталось земледельцев, а одни цэрэги: оборванные, плохо обученные и скверно вооружённые, но голодные и потому неукротимо лезущие вперёд. С такими соседями война не могла не вспыхнуть. Когда вместо огненного болота в одночасье образовалось три сухих оройхона, оба государства немедленно попытались присвоить их. До этого земли северо-западного угла числились за изгоями, и, хотя на сухой полосе никто не жил, но стояла застава, не пускавшая через болото противника. Орда братьев буквально смела заставу, Жужигчин погиб во время бегства, и с тех пор в углу продолжалось бесконечное сражение, словно воскресли и вцепились друг в друга сказочные Ёр и Гур. Туда уходили силы страны, там был контужен Суварг, оттуда исходило зло. Война не давала заняться иными делами, которых тоже немало скопилось. Народ начинает проявлять недовольство. Когда они просились сюда, когда клянчили землю, то обещали всё, что угодно, а теперь возомнили себя хозяевами, и налоги, далеко не такие большие, как у вана, приходится брать силой. Плюс к тому — свары между переселенцами с юга и беглыми общинниками. Да ещё и неурожай, пришедшийся на последний год.

Хорошо хоть на границе с ваном всё спокойно. Сосед стерпел потерю земель, а скорее всего, слишком втянут в войну с общинниками, говорят, там заваруха ещё круче здешней. Надо бы это использовать: договориться и вместе ударить по братьям. Хотя, что потом делать с покорённой страной, уже сейчас больше похожей на гнилой труп, способный заразить весь мир? Жаль, никто не придумал шавара для целой страны.

Ээтгон поёжился. Какие мысли стали приходить в голову! Вряд ли они понравились бы Чаарлаху, хотя считается, что так и должен думать правитель. Многие, кстати, так и думают. Особенно южный наместник — Боройгал. Зачем Суварг назначил его? Говорил, что хочет сохранить устоявшийся порядок... но зачем же возвышать палача? И вот теперь ему доносят, что Боройгал завёл темницу и ночами пытает людей. Такого в свободной стране быть не должно, но нет времени заняться сомнительным наместником. Главное, что харвах поступает с юга вовремя, и когда речь зашла о том, что надо бы самим наладить изготовление ухэров, то именно Боройгал вызвался строить мастерские у себя. Все были довольны, и никто не подумал, что же они делают. Решили, что работать в мастерских будут только добровольцы. Но много ли найдётся желающих в обмен на вкусную кормёжку и алдан-шавар варить нойт? Значит, придётся посылать преступников... и получается, что он своими руками создаёт каторгу, которую так ненавидел и боялся в прошлой жизни.

Ээтгон заскрипел зубами от бессильной злости на самого себя. Ну уж этого он не допустит! Хватит с людей и одного налога на харвах. Каторги не будет, как бы этого ни требовала безопасность страны. Он сегодня же, сейчас же пойдёт проверять, как идёт строительство мастерских, а в первую очередь — свободны ли помещения в алдан-шаваре, или там опять живут чьи-то родственники, и готов ли запас продуктов — страна велика, а туйван растёт лишь на двух оройхонах, остальные края ещё слишком молоды. Пусть лучше без вина останутся солдаты и даже он сам, но макальщики должны иметь всё.

Откладывать принятые решения Ээтгон не любил. Предупредив охрану, чтобы через час она была готова к походу, Ээтгон вышел из алдан-шавара. Прежде надо сказать о своем намерении Суваргу, который хотя и лежит безразличный ко всему на свете, но всё же остаётся главой государства.

Оройхон, на котором находилась ставка правительства, ничем особо не выделялся. Алдан-шавар здесь был точно такой же, как на любом недавно обжитом оройхоне. Лишь большущая дверь изменяла его первозданный облик. А вокруг лежали ничем не примечательные поля, поднимались привычные тэсэги.

У выхода Ээтгон внутренне сжался. Он знал, что сейчас произойдёт.

Едва он появился на воздухе, как сморщенная карлица, грязная и оборванная, поднялась с земли и закричала тонким тягучим голосом:

— Адонт схва-атил Шаарана!

Уже полгода этот крик преследовал его. Когда впервые уродина появилась у его дома и прокричала эти слова, Ээтгон подозвал её и попытался выяснить, что случилось. Но дура оказалась неспособной хоть что-нибудь объяснить. Она лишь махала рукой: «Там!» — и требовала: «Идём!».

Ээтгон разузнал, что Ай действительно последний год бродяжничала вместе с Шоораном, одновременно с ним исчезала и появлялась, но это ничуть не помогло ему. В конце концов, что он может сделать? Даже если Шооран действительно схвачен каким-то одонтом, что же, из-за сказителя начинать войну с сильнейшим соседом? К тому же, скорее всего, Шоорана уже нет в живых. Только как это объяснить пустоглазой упрямице? Она караулила его у входа, тащилась вслед за конвоем на пылающий войной север, ждала, пока он разбирал споры между склочными земледельцами, и время от времени заунывно повторяла призыв:

— Адонт схва-атил Шаарана!

Ну и что? Ещё немного, здесь появятся свои одонты, ровно такие же, как у вана. Так что не стоит напрасно беспокоиться.

Ээтгон кривил душой, убеждая себя, что ему нет дела до этих криков. Мысль о Шооране засела в мозгу, как заноза. «Цэрэг» — так с самой первой встречи Ээтгон прозвал Шоорана. Не было слова более ненавистного. И хотя от удачливого красавца не осталось и следа, но для Ээтгона Шооран оставался цэрэгом, ибо с лёгкостью взял всё, о чём мечтал, но не мог получить Ээтгон.

Десять лет Ээтгон ходил вслед за Чаарлахом, ловил каждое слово названного отца, с готовностью сменил имя, потому что новое нравилось старику больше. Он поступал так не оттого, что Чаарлах спас его когда-то, вылечил и выкормил, а потому что Чаарлах был Чаарлахом; голос его заставлял сердце плакать и радоваться одновременно. Ээтгон заучивал наизусть долгие легенды и бесхитростные сказки, мучился сам и мучил струны сувага, но Чаарлах лишь улыбался снисходительно и повторял: «...ты замечательный мальчик, но это — не твоё. Займись чем-нибудь другим». А едва появился Шооран и произнёс два слова, Чаарлах назвал его поэтом. Не было в жизни большей муки, и Ээтгон мстил удачливому сопернику, как умел. И в то же время, когда они плечом к плечу дрались против солдат Моэртала, Ээтгон оберегал Шоорана больше, чем себя самого. Возможно, поступал так, желая победить в честной борьбе, а может быть, оттого, что имя Шооран будило иные воспоминания, пришедшие из невообразимо далёкого детства. Хотя имя могло просто совпадать.

Покои Суварга находились на этом же оройхоне в соседнем алдан-шаваре. Суварг, натужно дыша, лежал в большой светлой комнате на широкой кровати, когда-то принадлежавшей Хооргону. Вздувшийся за последние дни живот горбом выпирал вверх. Ээтгон присел возле постели, выдержал необходимую паузу и сказал:

— Я иду на два дня на юг. Проверять мастерские.

Лицо лежащего не изменилось, казалось, он вовсе не слышал обращённых к нему слов.

«А ведь когда вернусь, он уже умрёт», — подумал Ээтгон.

Суварг открыл глаза.

— Ты... — сказал он. — Хорошо, что пришёл. Слушай. Скоро страна твоя будет, больше некому, так ты запоминай. Страна маленькая, молодая, обычаев ещё нет. Не дай сожрать... Главное — государство сберечь. С ваном мирись, с ним торговать лучше, у него кремень. Мирись, а сам братьев науськивай, пусть они друг с другом дерутся.

— Я знаю, — сказал Ээтгон.

— И ещё. Поймай илбэча.

— Зачем?.. — изумился Ээтгон. — Он же...

— Знаю! — Суварг произнёс это слово резко, своим обычным грубым голосом. — Он создал нашу страну, но он же её и убьёт. Может быть, Тэнгэр научил его думать о вечном, но о людях он не думает. Это он начал войну, когда сломал границу. И никто не знает, что он сделает в следующий раз. Поймай и убей.

— Я не смогу издать такого указа. Меня самого убьют.

— И не издавай. Прославляй его вовсю, а сам усиль охрану побережья. Чтобы илбэчу, мол, не мешали. Рано или поздно он попадётся.

— Людей нет. Война.

— Не будет илбэча, и война кончится. Запомнил? А остальное ты сам сообразишь. Иди.

Ээтгон вышел от умирающего правителя в смятении. В словах Суварга был смысл, но всё же Ээтгон не собирался им следовать. Куда вернее говорил мудрый Чаарлах: «Илбэч меняет мир, и это хорошо. В непостоянном мире людям труднее заплесневеть». Суварг был удачлив и умён, но он давно покрылся рыжим харвахом, и ему хочется постоянства.

Охрана ожидала возле выхода из алдан-шавара. Дойти к угловым землям можно было часа за четыре, а Ээтгон славился быстрой ходьбой. Ни носилок, ни паланкинов, в каких путешествовало начальство соседних стран, у изгоев не полагалось. Да Ээтгон счёл бы оскорблением, если бы ему предложили такой экипаж. Только больного Суварга несли с фронта на руках.

Маленький отряд двинулся в путь по жаркой сухой полосе. Через полчаса Ээтгон заметил, что сзади семенит Ай. Её никто не

гнал, обиженный безумец отнимает удачу. Видно, судьба, чтобы за ним, словно дух шавара бродил этот уродец.

К цели Ээтгон добрался, когда небесный туман ещё вовсю сиял белым. Можно было успеть в мастерские, взглянуть, как роют и смолят ванны, монтируют макальник, но Ээтгон первым делом прошёл в ближайший алдан-шавар. Всё оказалось, как он и подозревал. В светлых залах жили семьи бывших цэрэгов, девки, существующие вольным промыслом, ещё какие-то подозрительные личности, чуть ли не дальние родственники вана. Разумеется, никто из них не собирался освобождать помещение. Зато склады содержались идеально. Нашлось и вино, и всё остальное. Другое дело, для кого берёг наместник это добро.

Прибежал запыхавшийся, вызванный с соседнего оройхона Боройгал. Принялся путано объяснять, что помещения освободит, как только появятся первые рабочие.

— Где они будут мыться? — перебил Ээтгон.

— Что? — не понял Боройгал. — Как мыться?

— Шесть дюжин людей должны после работы где-то мыться и переодеваться. Или они так и пойдут в алдан-шавар перемазанными в нойте?

— Я... не подумал, — пробормотал Боройгал.

— Надо было думать, раз взялся за это дело.

Вокруг правителя и растерянного Боройгала собралось не меньше дюжины цэрэгов и всякого мелкого начальства. Ээтгон выговаривал наместнику прямо при них, Боройгал потемнел, но слушал, кланялся и соглашался. А что можно сделать, если Суварг болен, вся власть у этого мальчишки, а подчинённые ненавидят выскочку-одонта и за глаза называют палачом?

— Алдан-шавар освободить, — приказывал Ээтгон. — Выделить место в устье одного из ручьёв, того, что возле мастерских, поставить навес...

— Будет исполнено... завтра же... прямо сейчас... немедленно...

Осмотрев склады, они поднялись наверх.

— А-адонт! — раздался знакомый крик.

Нет, с этим надо что-то делать. Сколько ещё будет позорить его перед страной тронутая страхолюдина!

Но тут же Ээтгон сообразил, что на этот раз Ай кричит иное:

— Вот адонт! Это он схва-атил Шаарана!

— Что это значит? — Ээтгон повернулся к Боройгалу.

— Н-не знаю... — попятился тот. — Первый раз её вижу.

— Врё-ёшь! — торжествующе крикнула Ай. — А кто тибя кусил?

— Где была темница у прежних властей? — потребовал Ээтгон.

Несколько рук с готовностью указало дорогу. Боройгал был чёрен.

Они спустились во второй ярус соседнего шавара. Здесь почти не оставалось теплиц с грибами, а тоже располагались кладовые, сокровищница, какие-то пустые комнаты, выложенные гладкой костью. Ээтгон поморщился: в подземельях должен расти наыс, и нечего зря тратить место.

Дальняя дверь бесконечного тупика была заложена мощной дверью, сквозь которую просачивалось какое-то невнятное бормотание.

— Ключ! — потребовал Ээтгон.

— Нету, — пряча глаза ответил Боройгал.

— Ломайте дверь!

— Сейчас ключ принесут, — сдался Боройгал и побежал за поворот.

Вынырнул он оттуда через пару секунд, размахивая вытащенным ключом. Ээтгон вставил выточенную кость в скважину, замок щёлкнул, дверь туго поддалась. Шум в камере смолк, затем хриплый, но полный язвительности голос произнёс:

— Приполз? Не можешь прожить без кутузки? Давай, переселяйся сюда, тебе тут самое место.

— Свет! — выдохнул Ээтгон.

Несколько человек помчались за светляками, стражник высек искру и запалил факел.

В камере за решёткой на полу, превратившемся в сплошной слой нечистот, сидело существо, меньше всего напоминающее человека. Оно прикрывало чёрной лапой отвыкшие от света глаза и силилось подняться с пола. Но голос, осипший и потерявший звучность, оставался голосом сказителя.

— Ээтгон?.. Ты долго шёл. Но всё равно, спасибо.

Ээтгон шагнул к решётке, бешено рванул её. Почему-то ему казалось, что прутья сломаются от рывка, словно стебли хохиура, но рыбья кость видывала и не такое и устояла.

— Ломайте! — рявкнул Ээтгон.

— Вот ключ, — робко сказал Боройгал.

— Ломайте, говорят! Хотя — стоп! Ты сам будешь сидеть здесь, пока не сгниёшь. Давай ключ.

Шооран наконец сумел выпрямиться и стоял, держась за решётку, всё ещё отделяющую его от воли.

— Не надо, — сказал он. — Он недостоин. Пусть возвращается в палачи.

Решётка упала, открыв проход, и вместе с ней упал Шооран, который уже не мог сам стоять на ногах. Шоорана вынесли из камеры, затем и из алдан-шавара. На воле уже сгущался вечер, но всё же багровые облака показались Шоорану нестерпимо яркими. Он застонал, загораживая лицо.

— В тень отнести, в комнату? — быстро спросил Ээтгон.

— Нет, к воде.

Шоорана отнесли к ручью, опустили на берегу. Взбаламутив ленивые струи, Шооран влез в воду. Сначала лежал неподвижно, потом принялся стаскивать намокшую одежду, тереть чёрную кожу илом, словно пытался смыть самое воспоминание о подземной клетке. Подбежал слуга, притащивший еду: миску каши и горячего, только что сваренного наыса.

— Потом, — отказался Шооран. — Сначала отмыться.

Ээтгон обвёл взглядом собравшихся. Те с серьёзными лицами наблюдали за мытьём узника, словно перед ними происходило действо, от которого зависит будущее государства. Лишь один воин, на панцире которого виднелся след плохо содранного значка, стоял спокойнее других.

— Кто такой? — спросил молодой правитель.

— Дюженник Цармуг! — отрапортовал воин.

В следующе мгновение он сообразил, что произнёс запретное слово, но не стал ни поправляться, ни извиняться, а продолжал неподвижно стоять, глядя в лицо Ээтгону.

— Отвыкай! — произнёс Ээтгон и добавил: — Будешь на этих оройхонах старшим. Хозяйство знаешь? — Цармуг молча кивнул. — Ну и хорошо. А с этим... — Ээтгон повернулся, ища глазами Боройгала, но того не было. Зато с соседнего оройхона, от границы донёся взвизг раковины. Трубили тревогу.

— Ишь-ты, где он уже, — подал голос Шооран. — Через полчаса у вана будет. Вану палачи нужны. Так что всё-таки выйдет по-моему.

* * *

На следующий день правитель Ээтгон покинул угловые оройхоны. Перед уходом он зашёл проведать Шоорана. Сказитель категорически отказался ночевать в алдан-шаваре, после долгого заключения вид тесных стен мучил его. Для Шоорана поставили палатку неподалёку от поребрика, откуда был виден мокрый оройхон. Возле локтя больного стояло блюдо с мясом, прозрачная фляга с тёмным вином и чашечка с густо уваренным сладким соком туйвана. Власти оройхона не могли понять, кого освободил из заточения правитель Ээтгон, но на всякий случай спешили проявить заботу о пленнике.

Неподалёку от расставленных яств лежала горка перемытой чавги, собранной наконец-то прорвавшейся к Шоорану Ай. Сама Ай сидела в ногах постели, ревниво посматривая на каждого, подходившего близко. Ээтгон присел напротив приподнявшегося Шоорана, некоторое время молча разглядывал его, словно сравни-

вая с каким-то сложившимся в душе образом. Лицо молодого правителя было непроницаемо, и Шооран подумал, что ещё два года назад все чувства Ээтгона можно было с лёгкостью прочитать по глазам. Но тогда это был загнанный одиночка, которому удар хлыста заменял любую политику. Теперь к Шоорану склонился государственный муж, умеющий многим поступиться ради главной цели, и невозможно сказать, какие чувства подавляет он в душе в эту минуту.

— На севере война, — произнёс Ээтгон, — и я не могу держать на южной границе большой отряд. Мне нужен здесь командир, который хорошо дерётся, но ещё лучше сохраняет мир. Я хочу, чтобы это был ты.

Шооран покачал головой.

— Я бродяга. Мои ноги привыкли быть мокрыми, а в каменные стены меня больше не заманишь и сдобной лепёшкой. Я привык к чавге. Она для меня слаще, чем самый густой сироп.

— Прежде ты был цэрэгом, — напомнил Ээтгон, — и не жаловался на судьбу.

— Это было давно. Тогда я хотел от жизни иного... — Шооран запнулся на мгновение, но спросил: — Ты знаешь, что Яавдай живёт в двух ороихонах от тебя?

Ээтгон кивнул.

— Почему ты не женишься?

— Зачем?

Они снова молчали, вглядываясь друг в друга — два человека с одинаково искалеченными лицами, но разными судьбами, и одна Ай, строго взиравшая из-под насупленных бровей, могла видеть это странное зеркало, где не было отражений, а только живые люди.

Потом Ээтгон произнёс:

— Не можешь простить?

— Не в этом дело, — покачал головой Шооран. — Я думаю, как поступил бы отец? Понравилась бы ему такая страна?

Шооран долго ждал ответа на свою двусмысленную фразу. Наконец Ээтгон произнёс:

— Ты выбрал лёгкий путь. Проще всего — уйти. А я этого не могу. Тебе кажется, что мне сладко жить, сытому, в сухости и тепле. А я должен отвечать за всех людей. Каждое моё слово, сказанное и несказанное, может стоить жизни дюжинам дюжин народу. Думаешь, я не вижу, что происходит? Но если бы не было этого, то было бы ещё хуже. Мне приходится распоряжаться чужими жизнями, и самое страшное, что я не знаю, к чему приведут жертвы, станет людям легче или я окончательно убиваю их. Впрочем, тебе этого не понять.

Шооран сидел потупившись. Ему казалось, он слышит собственные мысли, эхо безумных разговоров с чёрным уулгуем.

Ээтгон встал.

— Я распоряжусь, чтобы тебя свободно пропускали через границу и в одну и в другую сторону.

— Не надо. Я пройду и так. Пусть только мне вернут хлыст. Всё-таки я последний из вольного братства ночных пархов, я не хочу ходить как простой бродяга.

Ээтгон ушёл. В тот же день вечером собрался в путь и Шооран. Он ещё плохо держался на ногах, но не хотел лежать, принимая заботу испуганных и недоумевающих жителей алдан-шавара. На прощание Шоорана одели во всё новое, дали с собой запас продуктов. Старый хлыст найти не удалось, зато в арсенале, куда его беспрекословно пустили, Шооран отыскал хлыст, изготовленный им много лет назад из усов первого убитого им парха.

Нести узлы Шооран был не в силах, и все вещи взвалила на спину безмерно счастливая Ай.

Они с лёгкостью пересекли границу, очевидно, Ээтгон всё-таки распорядился на их счёт, и в течение недели потихоньку подвигались на восток. Ай собирала чавгу, Шооран целыми днями сидел неподалёку от далайна и бесцельно глядел на мутные бугры. Влага расплёскивалась, убивая ыльков, колючих рыб, волосатых червей. Каждое движение приносило смерть, и не было в нём никакого смысла.

Силы постепенно вернулись к Шоорану, не вернулась лишь уверенность в себе. Прекрасная земля больше не привлекала его, не было и любви к людям. Какой толк любить людей, если их нельзя спасти, им нельзя помочь, нельзя сделать счастливыми? И люди, и мир нуждаются в одном — чтобы их оставили в покое.

Шооран сидел на расстеленной коже и плёл верёвочку из живого волоса, набранного вдоль далайна. В этом деле был смысл: верёвочка нужна, чтобы удобнее перетянуть тюк с вещами. Правда, если она попадёт в чужие руки, то этой же бечёвкой можно будет связать человека. Но пока верёвка у него, она безопасна. Значит, её можно плести.

Подошла Ай, присела рядом. Погладила лапкой по жёсткому жанчу, певуче произнесла:

— Ты савсем забалел.

— Ну что ты, — отозвался Шооран, продолжая рукодельничать. — Я здоров.

— Забалел. Раньше ты ухадил по дилам, а я тибя жда-ала. А типерь ты не такой...

— А ты хочешь, чтобы я был как раньше? — спросил Шооран.

— Очинь.

Шооран усмехнулся. Вот единственный человек, которому есть до него дело. Ай хочет, чтобы он продолжал свою работу до самого конца, до гибели Ёроол-Гуя. Только как будет жить несчастная уро-

динка без породившего её болота, без чавги, без вечных переходов по унылым мокрым оройхонам? Хотя до этого дело дойдёт ещё очень не скоро.

— Хорошо, — сказал Шооран. — Завтра мы пойдём туда, где есть дела.

Он достал из котомки кусок светлой, тонко выделанной кожи. Эту кожу Шооран собирался сменять на хлеб. Но сейчас он достал нож, вырезал из середины прямоугольный лоскут и начал по памяти чертить карту, обмакивая тростинку в чёрную сепию, выцеженную накануне из раздавленного тела многоногой твари.

* * *

Лучшим местом для работы по-прежнему оставался обширный залив между землёй старейшин и страной добрых братьев. Правда, там до сих пор шли бои, но Шооран решил, что это будет на руку ему: среди всеобщей неразберихи его труднее найти. К тому же вмешательство илбэча может спутать планы военачальникам и заставить их подумать о мире.

Решившись на действия, Шооран воспрял духом. Он вновь взялся за суваг и прошёл через страну, напомнив людям, что молодой Чаарлах не умер. Лишь у Торгового перешейка он спрятал инструмент, и дальше они с Ай шли скрываясь.

Страна старейшин уже почти не отличалась от остальных провинций сияющего вана. Впрочем, присланные ваном одонты отлично понимали, что землю им в управление дал всё-таки не ван, и не ленились поддерживать не только государя, но и Моэртала, благо, что у человека есть для этого две руки. Моэртал распределил оройхоны так, что преданные ему одонты заняли земли возле перешейка, а пришлые оказались как бы в окружении, и к тому же быстро попали в зависимость от местных баргэдов. Так что им ничего не оставалось, как помогать Моэрталу правой рукой, а на долю вана оставить левую. Но ведь всем известно, что левая рука ближе к сердцу и, значит, искренней.

Шооран с удивлением заметил, что изгоев на побережье стало значительно меньше, причём это были исключительно женщины. Он прошёл половину страны, не встретив ни одного бродяги. Вопрос разрешился просто: оказывается, Моэртал объявил набор в армию. Любой желающий мог стать цэрэгом, а после победы над добрыми братьями получить землю на присоединённых оройхонах. Идея была не лишена смысла — теперь, когда граница проходила не только через мокрые, но и по сухим оройхонам, преимущество получала та армия, у которой было больше людей. Месяц вооружённые чем попало служители тренировались в приёмах рукопашного боя и вооб-

ражали себя цэрэгами, а два дня назад отряды ушли к пылающей вспышками харваха границе.

Пользуясь безлюдьем мокрых мест, Шооран впервые после полугодового перерыва поставил оройхон, собираясь наутро догнать войско и затеряться в нём. Но наутро по оройхонам побежали гонцы. Они останавливались на скрещении поребриков, трубили в раковины и громко выкрикивали:

— Победа! Противник разбит и отброшен на четыре оройхона!

Вряд ли это была крупная победа. Шооран знал эти четыре оройхона. Он сам их построил и высушил, когда был в плену у добрых братьев. Четыре сухих оройхона выстроились по одному, соединяя две страны. Выходило так, что братья не разбиты, а всего лишь оттеснены в свои земли. Войти туда Моэртал не решился. Интересно, как он в таком случае собирается раздавать поля волонтёрам? Четырёх оройхонов на всех не хватит, а обманывать людей в таком вопросе нельзя, ополчение может взбунтоваться.

Но как бы ни обстояли дела, затеряться можно только среди добровольцев. Ай и Шооран быстро направились на север. К полудню они были на захваченных оройхонах, вернее, на мокрой кромке вдоль них. Чем дальше они продвигались, тем более не по себе становилось Шоорану. Казалось бы, сейчас здесь должен быть шум, человеческая толчея, крики, а вместо того оройхон поражал безлюдьем. На сухом кто-то был, оттуда слышалось заунывное пение, иногда крики, не воинственные, а скорее пьяные, а на мокром не было никого, не встречалось даже караулов. Хотя, караулы, конечно, находятся ближе в фронту. Но ведь здесь тоже ещё утром шли схватки, а нет никаких следов. Не потоптаны заросли хохиура, отблескивает зеленью белесый, не смешанный с грязью нойт, лишь в одном месте протоптана широкая тропа, словно здесь долго ходили взад и вперёд. Неужели Моэртал повёл наступление только в сухих областях? Ведь это значит подставить солдат под выстрелы ухэров, а потом бросить поредевшие цепи необученных добровольцев против отборных войск добрых братьев. После того, как Моэртал вошёл в страну, противник уже не держит здесь новобранцев.

Встревоженный Шооран поспешил по размешанной ногами дороге. Тропа оборвалась у входа в шавар. Из обычно молчаливых глубин сейчас доносился плеск, хлюпанье, какие-то вздохи. Шооран высек искру, зажёг скрученный соломенный жгут, что обычно носил с собой. Пляшущий свет озарил пещеру. Такого шавара Шоорану ещё не доводилось видеть. Впервые шаварное зверьё не могло управиться с доставшейся ему добычей. Шавар был чуть не доверху забит телами людей. Может быть, даже наверняка, здесь были цэрэги братьев, но всё же в основном сюда стащили погибших добровольцев. Многие дюжины людей, отправившихся в поход за землёй, а

нашедшие конец в глубинах шавара. Конечно, погибли не все, и тот, кто выжил, сейчас получает землю — Моэртал, несомненно, сдержит слово. Но большинству никакая земля уже не понадобится.

Мудрый одонт второй раз воспользовался беспроигрышным способом, позволяющим разом решить две проблемы: изгоев и внешних врагов. Теперь враг разбит, а изгоев, тех, что могли представлять опасность, тоже нет. Через день шавар управится с непосильной кормёжкой, и останется только победа. Всё рассчитано и принято во внимание, не учтено лишь, что полководцу может помешать илбэч.

Шооран отвёл Ай на несколько оройхонов назад, привычно приказал дожидаться его, а сам, едва сгустились сумерки, один за другим поставил три оройхона. Они вытянулись вдоль старой полосы, высушивая большую его часть. Выступившая вода залила шавар, прикончив обожравшееся и неспособное бежать зверьё. Через день вода схлынет, оставив после себя дохлых тварей и груду обезображенных человеческих тел. Вряд ли те, кто будет оттаскивать их дальше, скоро забудут это зрелище. Моэрталу придётся постараться, чтобы его запомнили как счастливого завоевателя и доброго правителя. Куда вероятней, что за ним останется прозвище «кормилец шавара».

День Шооран отсыпался под охраной верной Ай, а вечером пересёк взбудораженный перешеек и завершил строительство, поставив ещё один оройхон. Теперь две страны соединялись таким широким проходом, что его нельзя было считать перешейком, а просто частью суши. Хотя Шооран больше не питал надежды, что плотное соседство заставит людей жить мирно. Людей вообще нельзя принудить ни к чему. Тэнгэр бессилен их помирить, а Ёроол-Гуй поссорить, если они сами того не захотят. Сейчас они хотят драться. Может быть, потом будет по-другому. Но сколько ещё шаваров придётся набить мертвецами, пока наступит это «потом»!

По новому оройхону Шооран и Ай перешли в страну братьев. Делать здесь было нечего, но Шооран догадывался, что из владений Моэртала надо убираться пошустрей. К тому же Шоорана не оставляла мысль, что на другой границе, где сражается войско Ээтгона, может произойти нечто подобное. Конечно, Ээтгон не Моэртал, но ведь и в стране изгоев многое изменилось за последнее время. Вдруг Ээтгон решит, что именно это надо сделать для счастья тех, кто останется в живых. Ведь не секрет, что в мире слишком много людей.

За прошедшее время страна всеобщего братства одряхлела ещё больше, хотя и вела успешные войны разом на двух фронтах. В общинах оставались только женщины, которые и кормили всю страну, выполняя как женские, так и мужские работы. Мужчины поголовно считались цэрэгами. Сказочная добыча, затопившая страну после захвата креста Тэнгэра, давно рассосалась неведомо куда, новых приобретений заметно не было, но весь народ от несчастной затрю-

ханной общинницы, до самого старшего брата жили надеждами на счастливое будущее, а значит, не жили вовсе.

В результате, охотничий промысел, и без того не процветавший, захирел окончательно, харвах собирался только у самого поребрика, а население лишь в дни мягмара высыпало на побережье, чтобы заготовить хитин для неустанно работающих макальников. Артиллерия у братьев оставалась лучшей в мире, а вот остального оружия явно не хватало. Хлысты, ножи, ядовитые иглы — всё добывается в шаваре, а женщин туда не пошлёшь. Армия братьев была вооружена летучими кистенями, и едва ли у каждого третьего имелась костяная пика или короткое копьё. Части, сражавшиеся на фронтах, были экипированы лучше, а дозоры, проверявшие порядок на мокром, случались и вовсе безоружными.

Такой порядок вещей как нельзя лучше устраивал Шоорана. Путники двигались через мокрые острова в стороне от поребриков, рискуя лишь случайной встречей с Ёроол-Гуем.

Грешно было бы не воспользоваться таким положением дел. Единственным условием безопасности оказывалось — не делать сухих участков. Но этого Шооран и сам не хотел. Он уже подарил этой стране несколько сухих оройхонов, а потом с болью смотрел на поломанные и засохшие туйваны. В самом деле, кому они нужны, если урожай на них появится ещё так не скоро?

Удар по далайну Шооран нанёс с уступа, украшавшего побережье страны. По рассказам Маканого, прежде здесь не переводились караулы, вылавливающие дьяволопоклонников и беглых общинников. Но теперь страна оскудела и преступниками, и стражами порядка. Уступ позволял наращивать землю в ином направлении, чем хотелось Шоорану, но это было не так и важно. В первый день он сделал два оройхона, во второй — один. Можно было бы и во второй день справиться с двумя, но Шоорану почему-то стало не по себе, показалось, что сейчас придёт Ёроол-Гуй. На самом деле Многорукий приплыл ночью и долго штурмовал пустой берег, заплывая с разных сторон и заставляя Шоорана и Ай то и дело перетаскивать вещи через поребрик.

Мечущийся Ёроол-Гуй был не самым лучшим соседом, и, едва забрезжил рассвет, Шооран ушёл с негостеприимного выступа. Теперь им приходилось держаться ближе к поребрику, хотя в том не было особой беды — громовые шлепки Ёроол-Гуя разогнали караулы на много оройхонов вокруг.

Путешественники миновали узкий створ, где далайн был стиснут надвинувшимися оройхонами и куда Ёроол-Гуй не любил соваться. В западной части страны тоже были болотистые мысы, построенные уже самим Шоораном, и здесь илбэч решил повторить ставшую привычной операцию. Он уже не опасался присутствия Ай, если бы она была способна осознать происходящее, она бы сделала

это давно. Значит, либо разум его подруги не может подняться выше чавги и самых обыденных дел, либо проклятие Ёроол-Гуя оказалось бессильным перед существом и без того слишком страшно проклятым жизнью. Шооран привычно оставлял Ай стеречь имущество, а сам уходил к далайну, зная, что за спиной всё будет в порядке.

Два оройхона с первого захода, два со второго. На третий день предполагался один остров, но не из-за Ёроол-Гуя или людей, а просто оттого, что дальше строить было негде. Далайн становился заметно тесен.

Вернувшись к временной стоянке, Шооран увидел, что Ай нет. Исчезли и вещи, оставленные рядом с тропой, чтобы в случае беды Ай могла сама перевалить их на безопасную сторону. На поребрике была натоптана масса следов, уводящих в сторону сухих земель. С первого взгляда стало ясно, что здесь произошло: какой-то не в меру ретивый караул забрёл слишком далеко в глубь мокрых земель и обнаружил их стоянку. Судя по всему, цэрэги решили отличиться и, вместо того, чтобы убить Ай, поволокли пойманное существо к своему начальству.

Шооран кинулся в догон. Он настиг цэрэгов, когда они были ещё на мокром. Двое совсем молодых парней волокли упирающуюся Ай, третий тащил тюк с вещами. Шооран не заметил никакого оружия, кроме кистеней. Юнцы громко обсуждали происшествие и вовсе не думали, что вряд ли Ай могла в одиночку переть все это имущество, и значит, на оройхоне остался по меньшей мере ещё один человек. Цэрэги выглядели героями и полагали себя в безопасности.

«Позорно в спину бить...» — подумал Шооран, вытаскивая из-за пазухи хлыст.

В следующее мгновение обратившийся в мерцающий круг конец хлыста срубил одного из парней. Это напоминало не битву, а скорее рубку хохиура. Так бойцы тренируют руку, сшибая косо торчащие стебли, закручивая хлыст то в одну, то в другую сторону, чтобы он ни разу не успел обвиснуть. Второй цэрэг был зарублен прежде, чем повернулся на свист оружия. Третий бросил тюк и, взвизгнув, метнулся в сторону, но острый край уса уже достал его, и парень кувыркнулся в нойт.

— Правильно, — сказала ничуть не удивлённая и не испуганная Ай. — Не будут драться.

— Замолчи, — приказал Шооран.

Оттаскивая убитых с дороги, он старался не смотреть в их лица, но всё равно видел, как безнадёжно молоды они были. Особенно тот, который пытался бежать: должно быть, в минувший мягмар ему исполнилась дюжина лет. Только юнцы и могли, выполняя дурацкий приказ, забраться так далеко.

Шооран не считал себя хоть сколько-то виноватым: парни долж-

ны были понимать, на что идут и чем рискуют. Всякий, ступивший на мокрое, может не вернуться домой. Хотя, конечно, ничего они не понимали, война казалась им игрой, своей жестокости они не чувствовали и, хвала Тэнгэру, что хотя бы двое из них умерли, не зная, что умирают. На их лицах, совсем детских, осталось только удивление.

Три тела канули в шавар, и Шооран, стараясь заглушить ненужные мысли, вернулся к далайну, поставил последний из возможных здесь оройхонов, а потом долго мучился, вздымая влагу бессмысленным пузырём, желая вызвать из глубины Ёроол-Гуя. Приход бога, который, конечно же, услышат на сухом, объяснит братьям, куда исчез караул, и тогда истинный убийца ещё некоторое время может остаться незамеченным. Но, видно, и многорукому исчадью не хотелось брать на себя чужое, и он не появлялся.

Впустую растратив гнев, Шооран вернулся назад, забрал Ай и как можно быстрее покинул бесконечно длинный и бессмысленный полуостров.

Следующий участок обещал быть столь же бесполезным. Здесь Шооран пробыл три дня. Словно искупая вину, которой он не ощущал, Шооран принялся ставить по три оройхона в день. В результате, в суженном донельзя далайне объявился квадрат суши с жилым оройхоном, далеко отстоящим от остальной страны добрых братьев. Такую штуку Шооран уже проделывал в стране изгоев и у вана. Заканчивая работу, Шооран жалел лишь, что страна старейшин больше не существует, а Моэртал знаком с приёмами илбэча, так что четвёртый раз приём не пройдёт.

Дождавшись воды, Шооран смыл многонедельную грязь, заставил выкупаться Ай. Уродинке новая земля не понравилась.

— Зачем ты миня сюда привёл? — сказала она. — Тут чавги нет, и даже хахиура нет. Пойдём атсюда.

— Хорошо, — согласился Шооран. — Завтра пойдём.

Перед уходом он хотел поставить ещё три оройхона, которые окончательно зажимали далайн в этом месте. Хотя и без того новый участок был прекрасно виден и со стороны вана, и от изгоев. Так что немало народу знало, где сейчас илбэч, но все эти люди жили на другом конце мира и никак не могли бы помешать Шоорану. Оройхоны он поставил, хотя потом пришлось бежать от Ёроол-Гуя, всё-таки втиснувшегося в узкий пролив.

Вид залитого водой умывающегося оройхона произвёл на Ай удручающее впечатление. Она морщилась, вздыхала, чесала пальцем темя, а потом потянула Шоорана:

— Идё-ом!

Оставаться здесь и в самом деле было незачем. В западной части мира далайна почти не осталось. Страны разделялись узенькими заливами, которые лишь кое-где расширялись до нескольких оройхо-

нов. Место для Ёроол-Гуя и для работы илбэча оставалось лишь на востоке, но всё же Шооран отправился на запад. Там шла война, а Шоорана мучило воспоминание о шаваре, который не может сожрать всех брошенных в него людей. Шавар, полный мальчишек, не успевших понять, что с ними происходит.

Шооран видел, что его вмешательство лишь усиливает потоки крови, но понимал, что эта кровь неизбежна, и, зажав в кулак жалость, совесть, все остальные не успевшие истлеть чувства, продолжал строить. «Через два поколения дела его покажутся прекрасными, — сказала когда-то мама, — но не допусти мудрый Тэнгэр жить с ним рядом». Шооран всегда помнил эти слова, хотя порой толковал их по-разному и то вообще бросал работу, то принимался строить лихорадочно быстро, словно стремясь скорей закончить болезненную, но неизбежную операцию. Если кому-то придётся погибнуть, пусть он умрёт сейчас. Тем быстрее мир успокоится, и люди начнут жить нормально.

Хотя и в эти правильные мысли то и дело вкрадывались сомнения. Полгода, проведённые за решеткой, вселили в Шоорана прочную нелюбовь к стенам, отнимающим у человека свободу. А ведь вся вселенная — это одна большая тюремная камера, в которую вместе с Ёроол-Гуем посажены и люди. Можно сколько угодно благоустраивать свою тюрьму, она всё равно останется тюрьмой. Но в этом виноват тот, кто сотворил мир: благой и всемогущий господь, будь он проклят во веки веков!

Но и сквозь праведный гнев чудотворца в свою очередь прорастала еретическая мысль: а вдруг мудрый Тэнгэр просто не знал, не подумал, сглупил? В конце концов, виновным всегда оказывается тот, кто делает. Но ведь делать-то надо! И значит, следует не искать виноватых и не мучиться напрасным самоедством, а работать, стараясь, чтобы самое мучительное окончилось как можно быстрее. Люди перестанут попадать в шавар, когда последний шавар исчезнет с лица земли. Но как жить в мире, если в нём не будет далайна, дающего кость, хитин, кожу, иные вещи, без которых немыслима жизнь? На этом заколдованный круг замыкался, можно было сколько угодно кружить среди рассуждений, словно вокруг далайна, и решение могло прийти, только если круг сольётся в точку, а далайн исчезнет. Возможно, тогда станет ещё хуже, и в этом будет виноват он. Виновен тот, кто делает. Значит, будем виновны.

Шооран уходил на запад. По дороге он дважды ставил оройхоны, каждый раз одну штуку, там, где они могли поместиться. Его не слишком волновало, идёт ли за ним Ёроол-Гуй или же он вернулся в открытую часть далайна. За прошедшие годы илбэч сроднился со своим врагом, научился предугадывать его поведение и легко уходить от преследования. Куда страшнее люди, но здесь, где и прежде жило не так много народу, а ныне добрая треть населения ушла на

войну, ему угрожала лишь встреча с чрезмерно ретивыми мальчишками-охранниками. А их должна сдерживать близость Многорукого.

Создание новых земель стало таким рутинным делом, что Шооран лишь через три дня вспомнил, что среди последней тройки оройхонов был и юбилейный остров, завершивший вторую двойную дюжину. Впрочем, кому есть дело до юбилеев? Остров — как остров. Строить пока ещё осталось больше, чем он уже построил.

На четвёртый день путники вышли к оконечности залива. Ёроол-Гуй не заплывал сюда уже добрых два года, и столько же времени здесь не утихала война. Короче, это было неудобное место. К тому же один раз он уже проходил здесь, создавая оройхоны, и наверняка обе стороны, умудрённые прошлым опытом, приняли меры, чтобы не упустить илбэча. Хотя, зачем им илбэч? Вряд ли они сами могут это сказать. Скорее всего, их беспокоит, как бы илбэч не выстроил чего-нибудь противнику. И вообще, илбэч на свободе — это неучтённая величина, угрожающая власти. Думается, Ээтгон мог бы немало порассказать об этом. Что же, завтра у Ээтгона прибавится хлопот.

Постоянство — оборотная сторона беспорядка. Старая свалка и даже обломки макальника пребывали нетронутыми. Путешественники спрятались в том же трухлявом остове истлевшей рыбы. Дождавшись темноты, Шооран ушёл к линии фронта. Теперь она была гораздо ближе, чем в прошлый раз. Идти пришлось два оройхона, и даже в темноте Шооран преодолел их за час.

Как и ожидалось, рождение оройхона вызвало панику на успокоившемся к ночи поле боя. Судя по движению факелов, на обоих берегах узкого залива находились войска братьев, а изгои были отогнаны на два оройхона южнее. Теперь братья спешно занимали оборону вдоль дальнего поребрика, а то место, где укрылся Шооран, вероятно, считали своим тылом. Значит, можно обождать здесь немного, тем более, что в ночи вряд ли кто станет прочесывать остров. К тому же трудно сказать, на чьей территории прячется илбэч. Первый удар явно был в пользу изгоев, которым станет проще подтягивать войска. Значит, братья решат, что илбэч работает с дальнего берега. Ведь они наверняка не забыли времён, когда строитель был в их руках и делал, что им казалось выгодным. Теперь они будут подозревать в том же своих противников.

В самом деле, когда часа через три Шооран начал создавать второй оройхон, он различил, как на другом берегу двинулись вперёд цепи факелов — братья предприняли ночную вылазку, надеясь захватить илбэча. Сквозь редкий туман выстрелы татацев доносились глухо, а воинственные крики и рёв раковин казались мирным шумом и ничуть не пугали. Атака была легко отбита изгоями, а Шооран спокойно кончил работу и ушёл, с трудом подавив искушение

поставить ещё один оройхон. Он разбудил спящую Ай, коротко сказав: «Цэрэги!» — и через четверть часа они пробирались сквозь предутреннюю тьму в двух оройхонах от того места, где продолжалась стычка.

Шооран предполагал вернуться в восточную часть страны, некоторое время работать там, а к началу мягмара, когда его труды, несомненно, будут замечены, уйти к Моэрталу. Но уже на следующий день он пожалел, что не попытался переползти к изгоям. Прежде пустынные мокрые земли теперь прочёсывались патрулями. За один день Шооран заметил три группы цэрэгов. Конечно, это были дурно вооружённые и беспомощные новобранцы, Шооран мог бы идти сквозь них, усыпая путь рассечёнными телами, но это было свыше сил. И без того слишком большой груз висит на нём. Шооран старался спрятаться, скрыться среди тэсэгов или в цветущем хохиуре, переползал с места на место, пачкаясь в нойте и кося глазом: поспевает ли за ним Ай. Дурнушка по первому знаку Шоорана покорно падала в грязь, подолгу лежала, затаившись среди стеблей хохиура, и, сдерживая сопение, ползла вслед за своим господином. Опасность, которую несли с собой цэрэги, была отлично знакома ей и не затрудняла убогий разум.

Из разговоров проходивших мимо солдат Шооран понял, что его оройхоны обнаружены и илбэча решено поймать. Выручало то, что сыщики смертельно боялись чудотворца, перед самым именем которого привыкли преклоняться. Воины поминутно касались лба и щёк кончиками пальцев, словно не они охотятся за святым чудотворцем, а за ними гонится дух шавара, которого приходится отгонять ритуальными жестами.

За трое суток измученные бессонницей путники едва прошли две трети пути и достигли последней группы оройхонов, поставленных Шоораном по дороге на запад. Дольше обходиться без сна было невозможно, Шооран решил остановиться на днёвку, надеясь, что на самый конец выступа караулы не сунутся.

Спали по очереди. Первым дежурить взялся Шооран. Он поступил так, зная, что Ай не разбудит его, а целый день просидит, следя за опасностью и ожидая, пока Шооран проснётся сам.

Половина дня прошла спокойно, и Шооран наконец смог уснуть, велев Ай разбудить его, как только стемнеет. Однако ему не пришлось отдохнуть и двух часов. Посторонний звук проник в сознание, заставив открыть глаза и насторожиться, а в следующее мгновение Ай коснулась плеча, потому что тоже услышала шум.

Шооран поднялся на суурь-тэсэг, прищурившись, оглядел даль. Крошечные человеческие фигурки, растянувшись длинной шеренгой, двигались по соседнему оройхону. Несомненно, это была облава, хотя и странная. Шооран различил, что большинство в цепи составляют женщины, лишь кое-где виднелись доспехи цэрэгов. Не-

умолчный крик доносился со стороны загонщиков. Вскоре Шооран разобрал и слова:

— ...яви славу твою в делах светлых илбэчей твоих, их же любим благодарным сердцем, во все века, покуда стоит далайн!

Шооран усмехнулся. Этого следовало ожидать — всё приходит к своей противоположности. Теперь он не случайный пленник, его ловят с молитвой на устах, зная, кого хотят поймать. Ну, так и быть, раз они просят, явим дела светлых илбэчей!..

Ставить оройхон, по которому можно было бы перебежать на материк, было уже поздно. К тому же это значило бросить здесь Ай. Шооран поспешно спустился с холма, схватил котомки, позвал Ай и через пару минут был на берегу. Укрыл Ай за крайним из тэсэгов, приказал:

— Смотри туда и не оборачивайся ни в коем случае! — а сам, сжав зубы, шагнул к далайну.

Если бы женщины были одни, то, увидев бушующие волны и встающую из бездны землю, они бросились бы в бегство. Но, верно, среди цэрэгов находились не только мальчишки. Им удалось остановить попятившуюся цепь. Но Шооран и не рассчитывал на лёгкую победу. Едва оройхон встал, он кликнул Ай и, не давая ей времени сообразить, что произошло и почему всё вокруг изменилось, побежал через оройхон к дальнему его концу. Двигаться приходилось перебежками, укрываясь среди камней, чтобы беглецов не заметили с вершины какого-нибудь суурь-тэсэга. Неизвестно, что тогда случится, но добра это явно не сулит.

Они переползли завалы ноздреватого камня и укрылись на дальнем конце острова. Отсюда можно было ставить землю, которая откроет путь на материк. Сзади доносились истерические рыдания, крик, слова молитв и команд. Но было ясно, что через полчаса цэрэги справятся с беспорядком и заставят бабье войско двигаться вперёд. За полчаса надо уйти.

Двадцать минут ушло на оройхон. Пересекать его тоже пришлось скрываясь, а это значит, что у противника было достаточно времени, чтобы поспеть с другой стороны и преградить дорогу. Оставалось уповать на неразбериху.

Продираясь сквозь усыпанный дохлыми тварями поребрик там, где прежде был берег далайна, Шооран заметил спешащие вдалеке фигуры. Он кинулся было на восток, но и там показался отряд, не меньше двух дюжин цэрэгов, идущих чуть не по самому берегу. Они даже не считали нужным скрываться, а шагающий впереди дюженник, дико фальшивя, горланил песню:

Для того цэрэг на свете есть,
Чтоб за всех за них и пить, и есть!

У нырнувшего в хохиур Шоорана отлегло от сердца. Он узнал Турчина. Значит, фронт прорван, сюда идут войска Моэртала.

Им тоже не стоит показываться на глаза, но и ловить илбэча они не расположены. Шооран выждал, когда скроется передовой отряд, и пошёл на восток, подальше от места неудачной стоянки. Ай неутомимо месила грязь и лишь вечером, когда они устраивались на ночлег, сказала:

— Уф! Здораво бижали! Устала...

Ни о каких чудесах она не помнила, а может быть, просто не заметила их.

* * *

Обычно последний урожай перед мягмаром бывал скудным. Источники воды слабели, и хлебная трава не наливалась как следует. Но в этом году засуха наступила раньше, и уже одиннадцатый урожай был беден. Прежде такое событие породило бы толпы голодающих и беспорядки во всех частях света. Теперь земли было довольно, так что государство вана и республика изгоев легко пережили неудачный конец года. А для живущей впроголодь страны добрых братьев неурожай оказался роковым. Войско могло сколько угодно грозить женским общинам, но если еды нет, то никакие угрозы не помогут, придётся затягивать пояса.

Голод быстро сломил непобедимую армию: в обмен на хлеб цэрэги открыли фронт и дюжинами дюжин стали переходить на сторону Моэртала. Тут-то и пригодились великому одонту заранее вытребованные у вана баргэды. Привыкшие к порядку и повиновению, они строго управляли обретёнными областями.

Моэртал не спешил захапать побольше земель, тем более, что кое-где братья ещё оказывали сопротивление. Вместо этого, он ещё раз изъявил полную покорность вану и через своих послов (сам ехать на Царский оройхон остерёгся, сославшись на многие дела) наладил поток переселенцев. Моэртал хорошо изучил врага и понимал, что разгромить войско ещё не значит победить в войне. Самая большая опасность скрывалась в наплевательском отношении ко всему на свете и в неистребимой привычке к воровству. Неизвестно, знал ли одонт о мерах, принятых Маканым, но действовал он похожим образом. Земли покорённой страны щедро раздавались переселенцам с юга, так что общинники оказывались в окружении людей, привыкших беречь и защищать своё добро. Часть младших братьев была отправлена в земли вана, где освободилось немало полей.

Догадываясь, что на двенадцатый месяц хлеб уродится ещё хуже, Моэртал объявил, что с первого урожая налог браться не будет. Никто не разбогател на этом распоряжении, но наместник приобрёл славу доброго и щедрого правителя. Слух об этом дошёл до ушей вана, вновь пробудив подозрения самодержца, но теперь государь уже

не мог диктовать свою волю Моэрталу. Пожалуй, в случае конфликта верх взял бы Моэртал. Но тот понимал, что воюет счастливо только потому, что старается воевать поменьше. Уроки активной войны против изгоев многому научили его. «Лучшая война — это мир», — повторял командующий и легко принимал на службу и кольчужников старейшин, и вооружённых братьев, и всех остальных своих врагов. Не забывал только делать так, чтобы они зависели от него и, значит, поддерживали его власть. Тем более не собирался Моэртал ссориться с ваном. Лучше иметь плохого союзника, чем хорошего врага. Сейчас ничего не стоило отделиться от метрополии, с Царским оройхоном его связывала сухая полоса, которую не так сложно перекрыть, но Моэртал помнил, что мир меняется быстрее, чем люди, а илбэч жив и ходит рядом.

Илбэч объявился в стране вскоре после вторжения к добрым братьям. Сперва известие о том, что шавар с мертвецами пересох, привело одонта в бешенство, но, успокоившись, он был даже благодарен за урок. Теперь он знал, что чудотворца следует принимать в расчёт при каждом деле, а страшные слухи о горах изгрызенных трупов удалось погасить. В конце концов, за погибших власть не отвечает, а живые получили земли даже больше, чем им обещали.

Некоторое время спустя илбэч вернулся, и то в одном, то в другом месте начали возникать оройхоны. Сегодня Моэртал уже не был заинтересован в новых областях, но мешать строителю не собирался. Не выставил караулов и у сухой полосы, хотя знал, что ван год назад поступил именно так. Правда, неподалёку от дороги в метрополию располагались каторжные мастерские страны старейшин, которые Моэртал давно восстановил. На мокрых землях там собирали нойт, а рядом, конечно, дежурили конвоиры. Но ведь это не секреты и не заставы, которые можно рассматривать как враждебный акт. Просто илбэчу будет здесь неуютно.

Так и надо действовать. Только теперь, разменяв пятую дюжину лет, из которых две дюжины он пробыл одонтом, Моэртал чувствовал себя настоящим государственным деятелем. А началось всё с того времени, когда его путь пересёкся с дорогой илбэча. Не только тропы на оройхонах пересекаются, скрещиваются и человеческие судьбы, и люди идут дальше иными. Всегда и всюду Моэртал чувствовал себя уверенно, заранее знал, что могут сказать и сделать другие люди, и только илбэч оставался тайной. Не раз в мыслях Моэртал беседовал с загадочным строителем, одного его спрашивал и лишь от него ждал ответа. Илбэч представлялся маленьким старичком с ехидным взглядом. Моэртал давно признал, что ошибался, считая Чаарлаха илбэчем, но избавиться от старого представления не мог, и илбэч неизменно представал в облике сказителя. Он сидел на топчане в тюремной камере, у дверей стоял вооружённый цэрэг, и сама дверь была наглухо закрыта, но всё же илбэч оставался на свободе.

Он, улыбаясь, произносил что-то такое, отчего запоры падали, а самый верный из цэрэгов уходил следом за стариком. Тайна илбэча не давала Моэрталу успокоиться и берегла его от ошибок. Моэртал мучился невозможностью понять чудотворца и был благодарен ему за это.

Неустрашимый одонт был готов, если очень понадобится, выступить против кого угодно, но не против илбэча. Пусть ходит где угодно, он не станет мешать, в крайнем случае, осторожно направит в нужную сторону. А то, что за последние две недели на побережье выросло восемь новых оройхонов, так вреда от этого нет. Пусть баргэды потрудятся. Если хохиур не растёт, он покрывается рыжей плесенью и с этой минуты обречён сгореть в мгновенной и бессмысленной вспышке. За примерами далеко ходить не надо.

* * *

Мягмар был близок, и Шооран овладело беспокойство. Слишком легко им с Ай стало жить в опустевших мокрых краях. Такое было с ним в землях изгоев, а потом на северной оконечности страны вана. Оба раза его едва не высчитали и не разоблачили. С тех пор благополучие пугало Шоорана, и он решил обязательно уйти отсюда прежде начала мягмара. Жаль было покидать насиженное место, тем более, что Шооран подготовил хороший плацдарм, чтобы зажать северо-восточный залив. Но ведь не один он понимает, как удобно здесь работать. А то, что вокруг спокойно, так перед появлением Ёроол-Гуя далайн становится особенно тих.

Оставалось выбрать путь. В агонизирующую страну добрых братьев идти не хотелось, у вана тоже всё было знакомо до омерзения. Умел бы ходить по аварам, ушёл бы вслед за Мозолистой Пяткой. Бесконечно мала вселенная по сравнению с миром человека. Тесно и некуда идти.

Шооран выбрал край вана. Чтобы попасть туда, ему пришлось несколько раз пересекать область старейшин, сбивая со следа тех, кто захотел бы угадать выбор илбэча. Разбросав в течение трёх дней пять островов, Шооран поздним вечером, когда охрана убралась с мокрого ближе к лагерю каторжников, перешел на соседний материк и удалился от перешейка на безопасное расстояние. Никакой охраны он не встретил, решив, что перехитрил сторожей, не ожидавших, что илбэч в один день и поставит оройхон, и уйдёт из страны.

Истекали дни плохого, неурожайного года. Как и предвидел Моэртал, последний месяц оказался голодным. Ручьи пересохли, бовэры беспомощно хлопали короткими лапами по камню и недовольно разевали пустые пасти. Хлебная трава на полях скукожилась и по-

желтела. Скупо текущей из расщелин воды едва хватало на питьё. На мокром вновь появился народ. Это были не изгои, а добропорядочные земледельцы, которых неурожай погнал за чавгой. Страшно подумать, что было бы, случись такое в те времена, когда оройхоны были перенаселены.

Все ждали мягмара и новой воды.

В положенный час далайн вскипел, покрывшись пеной и щедро кидая свои дары пришедшим людям. Шооран к тому времени был на центральном мысе. Там они с Ай и провели весь мягмар, занимаясь привычным ремеслом: охотой и разборкой завалов. Жаль, что никто пока не соглашался менять кожу и кость на хлеб.

Едва опали пенные тэсэги, мокрый край опустел. Женщины круглые сутки заготавливали наыс, мужчины правили инструмент и караулили урожай. Шооран и Ай остались на берегу одни. Через неделю-другую, когда схлынет грибная страда, здесь снова появятся люди, а пока можно работать безбоязненно.

За четыре дня Шооран поставил девять оройхонов, а потом, уступая уговорам Ай, ушёл на запад, в землю изгоев. Ему и самому хотелось узнать, как там обстоят дела, а может быть, и помочь знакомым, которые ещё оставались в тех местах. Хотя чем он мог помочь? Только строить землю, как и всюду. А потом снова идти вокруг сужающегося далайна. И снова строить, и идти дальше, не зная, куда приведёт его кружение на месте.

* * *

Со времён великой битвы за алдан-тэсэг не было у бессмертного Ёроол-Гуя большей мечты, чем поймать и пожрать илбэча Вана. Но когда бы ни выныривал Многорукий из мутных волн, Ван был наготове и успевал уйти от жадных рук, перепрыгнув через неприступный для владыки далайна поребрик. И однажды, устав от бесплодной погони, Ёроол-Гуй сказал:

— Зачем ты убегаешь от меня, илбэч Ван? Разве ты не видишь, что победа всё равно останется за мной? Ведь я вечен, а ты скоро умрёшь. Зато в моих руках смерть будет быстрой и не такой мучительной, как от старости и болезней.

— Может быть, ты и прав, — возразил Ван, — но я пока не собираюсь умирать. И вообще, я не хочу, чтобы ты меня ел.

— Тогда давай заключим договор, — предложил Ёроол-Гуй. — Что бы ты хотел получить в обмен на то, что позволишь себя сожрать?

— Ты полагаешь, такая вещь есть? — воскликнул удивлённый Ван.

— Конечно, — подтвердил Многорукий. — Надо только вспом-

нить, что ты хочешь сильнее, чем прожить до конца свою бесконечно короткую жизнь.

— Что же, — воскликнул Ван. — Я согласен. Я всегда хотел знать, правда ли, что у далайна нет дна?

— Конечно, нет, — сказал Ёроол-Гуй. — Я свидетельствую тебе об этом.

— Нет, так дело не пойдёт. Сплавай и узнай, правда ли там нет дна, а если его нет, то что там есть?

— И тогда ты сам пойдёшь в мою пасть?

— Да Клянусь!

И Ёроол-Гуй нырнул, думая про себя:

«Если старик вырыл бездонный далайн, что мне стоит проплыть его из конца в конец?»

Месяц Ёроол-Гуй не появлялся у берега, а когда приплыл, то сказал Вану:

— У далайна нет дна. Я нырнул так глубоко, что догнал камень, брошенный мне в жертву самым первым человеком в самый первый день далайна. Камень всё ещё падает в бездну.

И Ёроол-Гуй разинул свой самый большой рот.

Но Ван проворно отскочил за поребрик и сказал:

— А может быть, дно находится ещё ниже? Ведь камень не кончил падать, и глубина далайна не иссякла. Ты не смог доказать, что у далайна нет дна. Ступай и нырни как следует.

Разметав горы влаги, Ёроол-Гуй упал в глубину, и его не было год. Но по исходе года он вынырнул и позвал илбэча.

— У далайна нет дна! — возгласил он. — Я нырнул так глубоко, что влага там сгустилась как плотное тело. Когда камень достигнет тех глубин, он повиснет, не в силах падать дальше.

— Так может быть, это и было дно? — спросил Ван.

— Нет! — объявил бог далайна. — Камень не сможет падать дальше, но я поплыл сквозь эту густую влагу и спускался ещё двенадцать недель, но не видел никакого дна.

— Я думаю, ты просто его не достиг, — сказал Ван. — Ведь глубина далайна не иссякла.

— Что же мне, так и плавать взад-вперёд, кружа словно подбитая тукка? — вскричал Ёроол-Гуй. — Найти можно только то, что есть, а если дна нет, как я докажу тебе это?

— Ты должен проплыть всю бездну далайна, — сказал Ван.

— Но ведь у него нет конца! Чтобы проплыть его, потребны бесчётные века! За это время ты успеешь умереть своей смертью. Только вечность ещё глупее дурной бесконечности. О них славно думать, сидя на алдан-тэсэге, но нырять в угоду тебе я больше не стану!

— В таком случае, тебе не придётся меня съесть, — сказал Ван, спрыгнул с поребрика и ушёл на дальние оройхоны, насвистывая песню и сбивая пыльцу с метёлок цветущего хохиура.

ГЛАВА 11

Наступил странный год.

Никогда прежде Шооран не строил так много и не жил так пусто. Когда он создавал свою страну, он знал, чего хочет достичь. Кроме того, в те времена создание оройхона представлялось новым и трудным делом, и если в какой-то день он ставил два оройхона, то потом приходилось долго отдыхать. Теперь и три оройхона не казались сложными, но не ставить же себе ближайшей целью застроить весь далайн?.. Конечно, задача выполнима, но пока за десять лет он не решил её и наполовину.

В детстве и потом, потеряв Яавдай, он подолгу жил отшельником, но так происходило оттого, что людей не было рядом. Теперь вокруг были толпы народу, но он оставался один. Бессловесная Ай заменяла ему всё человечество. Хотя на одиночество Шооран не жаловался: может быть, просто привык или боялся потерять единственное близкое существо. Со времени освобождения из тюрьмы Шооран ни разу не взглянул ни на одну женщину. Те ночи, когда не надо было спешить к далайну, он проводил рядом с Ай, и иногда, проснувшись среди ночи, прислушивался в темноте к дыханию уродливого бесполого существа и с нежностью думал, что, вопреки всем проклятиям, он не одинок.

Месяц они провели в земле изгоев. Пока не был снят первый урожай, и люди жили впроголодь, Шооран не появлялся у Тамгай и вообще старался не выходить на сухое, тем более, что такое хождение могло обернуться плетьми. Зато строил он чуть не ежедневно.

Дело облегчалось тем, что, как только начали появляться оройхоны, жители стали беспрекословно выполнять введённый ещё Суваргом закон, и в запрещённые дни на мокром никого не было. К тому же и Ёроол-Гуй за месяц не появился ни разу, очевидно, махнул на эти гиблые места всеми своими руками и предоставил илбэчу творить здесь всё, что угодно. Вскоре почти не оставалось мест, куда можно было бы пристроить новый участок суши. Тогда взор Шоорана обратился на оконечности заливов. Два узких рукава по-прежнему отделяли страну изгоев от вана и разорённых добрых братьев. Конечно, на границе давно не было огненных болот, но всё же перешейки оставались довольно узкими. Когда-то это позволяло стране уцелеть. Теперь ей предстояло научиться жить.

Последние месяцы война на севере замерла, хотя мира никто не заключал. Просто братья были уже неспособны вести войну, их отряды превратились в банды, грабящие собственную страну и согласные помогать любому, кто даст хлеб, мясо и вино. Но ни изгои, ни Моэртал не спешили захватывать всю страну. Правители прекрасно

понимали, что эту землю надо не завоёвывать, а осваивать. Мирные жители, развращённые «ничейностью» земли, были здесь гораздо опаснее, чем воинская сила.

Ээтгон вернул угловые земли, когда-то потерянные Жужигчином, оттеснил братьев ещё на пару оройхонов вглубь и остановился. Теперь граница проходила как раз по развалинам каторжных мастерских. Идти дальше, на широкий простор, который было невозможно оцепить солдатами и хоть как-то изолировать, Ээтгон не решился. И Шооран задумал подтолкнуть его на этот шаг. Всё равно рано или поздно узкие заливы придётся уничтожать.

К тому времени созрел первый урожай, и Шооран позволил себе выйти на сухое и объявиться у Тамгай. Вдова сушильщика пережила голодное время довольно благополучно. Неделю Шооран отдыхал, работая на поле, помогая управиться с первым после мягмара и потому обильным урожаем. Вечерами пел для живущих в округе земледельцев, рассказывал сказки и правду о том, что творится на другом конце мира, который он обошёл кругом. Возился с сынишкой Тамгай и даже смастерил подрастающему тёзке маленький, но вполне настоящий суваг. А потом выбрал время и с мешком сырого харваха отправился к аварам. Ведь уже наступил новый год, и вновь надо было платить огненный налог.

Как и в прошлый раз, он изготовил шесть ямхов порошка, аккуратно разделив его на две равные части. При виде харваха Тамгай расплакалась, а вечером долго вспоминала Койцога и всё старалась угостить чем-нибудь вкусненьким Ай. Ай сидела неестественно прямо, время от времени поворачивала голову, словно и здесь высматривала грозящую опасность. Рассказы выслушивала молча со всегдашним сосредоточенным видом, а к угощению не притронулась. Тамгай вздыхала и гладила Ай по голове, пытаясь расчесать редкие бесцветные волосы.

Со вторым пакетом харваха Шооран пошёл ночью на соседний оройхон. В полной темноте прокрался к палатке, приподнял угол навеса и замер, услышав негромкий и очень спокойный голос Яавдай:

— Не надо это. Забери.

В первое мгновение Шооран даже не понял, что ему говорят. Им вдруг овладело чувство, что всё это уже было однажды: ночь, найденная наощупь палатка и неестественно спокойный голос неспящей женщины. Лишь потом он вспомнил, что такое было не с ним. Это Энжин тайно возвращался домой в ночь после казни Атай.

— Это харвах, — невпопад произнёс Шооран.

— Я знаю, — донеслось из темноты. — Мне не надо, я уже насушила свою долю сама. Это подари кому-нибудь другому.

— Я его сделал для тебя, — сказал Шооран. — С ним ничего не случится, оставь, пусть он лежит до будущего года. Ты не думай, я

ничего не потребую от тебя. Я скоро опять уйду и не знаю, когда сумею вернуться. Но я хочу быть спокойным за тебя. Возьми это хотя бы ради дочери.

Темнота долго молчала, потом снова донёсся ровный голос:

— Я, наверное, причинила тебе много горя. Прости меня, но иначе я не могла.

— Ничего, — сказал Шооран. — Так и должно быть.

Он положил пакет на землю, бесшумно шагнул в сторону и через минуту уже шёл, привычно нащупывая ногой кромку поребрика.

Через день он совершил набег на северный залив. К вечеру вышел на его дальнюю оконечность, дождался темноты и начал строить. Мысль, что каждый оройхон создаёт за его спиной три сухих, подстёгивала и без того возбуждённую психику. Вновь он напоминал себе безумного Энжина, когда тот бежал вслед за отступающим далайном, грозя ему и уничтожая. Энжин упал, создав три острова, Шооран справился с четырьмя, а потом торопливо ушёл, попросту убежал, даже не прислушиваясь к шуму, не думая, заметили его работу или же изменившийся мир предстанет изумлённым глазам лишь завтра.

На следующий день набег повторился, хотя на этот раз сил хватило лишь на три оройхона. Через день узкий залив уступил место ещё трём участкам суши. Шооран хотел идти туда и четвёртый раз, но вовремя передумал. Надо было считаться с тем, что Тамгай может сопоставить ночные путешествия гостя с возникновением цепи оройхонов, о чём уже трубили по всей стране.

Теперь северная граница тянулась на дюжину оройхонов — расстояние воистину сверхъестественное! Ни о каких военных действиях со стороны братьев не могло быть и речи, зато нищие общинники хлынули на запад рекой. На самом деле их оставалось не так много, но страна была велика, и даже это небольшое количество грозило захлестнуть край изгоев. Земли изгоев ощетинились колючими изгородями, бывшие бродяги и переселенцы взялись за хлысты и гарпуны. Нашествие остановилось. Вероятно, вскоре оно вновь началось бы, и никакие ограды не смогли бы остановить голодных людей, но через пару дней очистившиеся земли дружно зазеленели всходами хлебной травы, и вскоре большинство участков оказалось захвачено недавними общинниками. В неначавшейся войне победили заборы. Один за другим поделённые оройхоны просили у Ээтгона помощи и защиты.

Шооран в это время был далеко. Верный привычке уходить от шума, он бежал в земли вана. Ай, без которой он уже не мыслил себя, безропотно шла следом. Выйдя к уцелевшей части далайна, Шооран узнал, что здесь об Ёроол-Гуе не забывали. Чуть не каждый день приходили известия, что Многорукий разграбил один из

прибрежных участков. Ёроол-Гуй приходил так часто, что во многих местах чавга не успевала вырасти и путешественники жили впроголодь, хотя были, наверное, единственными бродягами на всём побережье.

Месяц в стране вана принёс ещё дюжину оройхонов, причём большинство из них приращивало сухие земли. Местом стоянки Шооран выбрал западное побережье, где Ёроол-Гуй не появлялся. На западе Шооран мог представляться сказителем, и никто не связывал его имени с делами, творившимися на восточном побережье. Людям, годами сидящим на одном клочке земли, не под силу представить, что за день можно пройти такое расстояние. Ведь это так далеко: полстраны! А на самом деле — четыре или пять часов хорошего хода. Не так длинны оказывались дороги Мозолистой Пятки, можно понять его недовольство.

Через месяц Шооран засобирался в путь, но вновь встретил кордоны на пути к Моэрталу. На этот раз Шооран не повернул, а твёрдо решил пройти дальше. Он начал прокладывать дорогу, расширяя перешеек. Поставил один оройхон, ожидая облав, отскочил назад, создал уже не для Ёроол-Гуя, а для людей пару отвлекающих оройхонов: пусть в совете вана думают, что илбэч повернул назад, вновь вернулся к заставам, увеличив проход до целого сухого оройхона, но и теперь не стал уходить, а направился на запад. Шёл напрямик через сухие земли, благо что был хорошо одет и предлагал для продажи добытый на берегу волос и костяные иглы. На западе ещё оставалось несколько мест, где можно ставить оройхоны, и Шооран в одну ночь поставил сразу три. Потом, хотя его качало от усталости, отправился в обратный путь. Вернулся засветло, вечер и часть ночи отсыпался под присмотром Ай, а перед рассветом безо всяких треволнений ушёл к Моэрталу. Уже на другом берегу, оглядываясь на ленту пройденной дороги, подумал, а стоило ли устраивать эти броски, не пытается ли он перехитрить самого себя? И сам себя успокоил: «стоило». Ведь земли в результате стало больше, а далайна — меньше. Словно прощаясь со страной вана и обещая вернуться, Шооран поставил оройхон, начинающий новую, ещё более широкую полосу, а сам скрылся на дальней оконечности страны, где далайн оставался достаточно велик. Всего в нём оставалось пространства чуть меньше, чем на две двойные дюжины оройхонов: за последние скучные, лишённые ярких событий месяцы Шооран переломил ход жизни в далайне.

В огромной провинции Моэртала людей на мокром почти не встречалось, а редкие группы охотников или сборщики харваха ещё прошлыми властями были приучены не соваться в чужие дела. Здесь Шоорана почти никто не знал. С одной стороны, это было удобно: меньше бросаешься в глаза. Но зато незнакомому сказителю не так просто прокормиться в чужой стране. Хотя, пока были припасы,

Шооран хотел только одного — нанести удар в самое сердце Ёроол-Гуя, если, конечно, у того есть сердце.

Шооран привычно работал ночами, ставя по два оройхона за раз. Он не обманывался, понимая, что люди замечают его труды, хотя оройхоны и не приносили сухих земель. Но пока ни он, ни Ай на сухом не появлялись и не знали,что творится там. Зато Шоорана вновь начал волновать Ёроол-Гуй. Ведь здесь оставалось едва ли не последнее место, где многорукий бог чувствовал себя вольготно. Здесь он проводил большую часть времени и, значит, мог объявиться в любую минуту. И всё же его не было. Лишь когда Шооран, закончив третью пару оройхонов, устало брёл под светлеющим небом к своей стоянке, влага далайна разверзлась, и Многорукий рванулся на берег.

Шооран не кинулся бежать и даже не слишком торопился. Он переступил на свободную сторону и долго смотрел, как стволы бесчисленных рук дробят камень на ещё безжизненном оройхоне. И то ли Ёроол-Гуй чувствовал присутствие илбэча, то ли это произошло случайно, но именно сюда, к дальнему поребрику, перетекла большая часть липкого тела, взгромоздилась выше суурь-тэсэгов и открыла огромные главные глаза.

— Что ты хочешь мне сказать? — потребовал Шооран. — Говори! Всё равно я поступлю по-своему и задушу тебя вместе с твоим далайном. Понял?..

Лишь теперь Шооран осознал, почему он так стремился именно сюда, где опасность была всего выше. Он хотел видеть врага, уже год прятавшегося где-то. В вечном чудовище скрывался смысл и оправдание борьбы и надрывной испепеляющей работы. Давно уже Шооран не думал о людях не умеющих или не желающих позаботиться о себе и наладить в мире сносную жизнь. Тот пяток человек, чья судьба была небезразлична илбэчу, так или иначе устроились и не нуждались в нём. Крошке Ай тем более не нужны новые земли, и вообще, никто не мог сказать, что ей нужно. Оставался враг, вот этот, жрущий и убивающий всё, до чего может дотянуться. И Шооран искал его, чтобы выплеснуть ненависть.

— Что ты молчишь? — надрывался Шооран. — Говори! Я хочу слышать тебя!

Ёроол-Гуй смотрел, не отрываясь, свет разгоревшихся облаков бликовал в зрачках глаз. Шооран схватил камень, метнул в чёрную глубину глаза. Глаз мигнул, смаргивая помеху, и продолжал смотреть. На этот раз пристальный взгляд не звал, не гипнотизировал, а лишь всматривался, словно старался понять. А может быть, внушение не действовало на Шоорана, который почувствовал себя сильней обитателя бездны.

Они долго противостояли так, разделённые строчкой поребрика, один безмолвный и, несмотря на мельтешение рук, словно бы спо-

койный; второй кричащий, требующий чего-то. Сейчас Шооран мог быть самим собой, не опасаясь, что его заметят. К тому же Ёроол-Гуй казался необычно тихим лишь Шоорану. Гремел ломаемый камень, шумно плескалась влага — голоса илбэча не было слышно.

Потом Ёроол-Гуй втянул руки, закрыл глаза и исчез во вскользнувшемся далайне. Тогда Шооран сел на камень и молча, зло заплакал. Встреча с Ёроол-Гуем не дала ему ничего, гнусный бог отказался подтвердить его право менять мир.

* * *

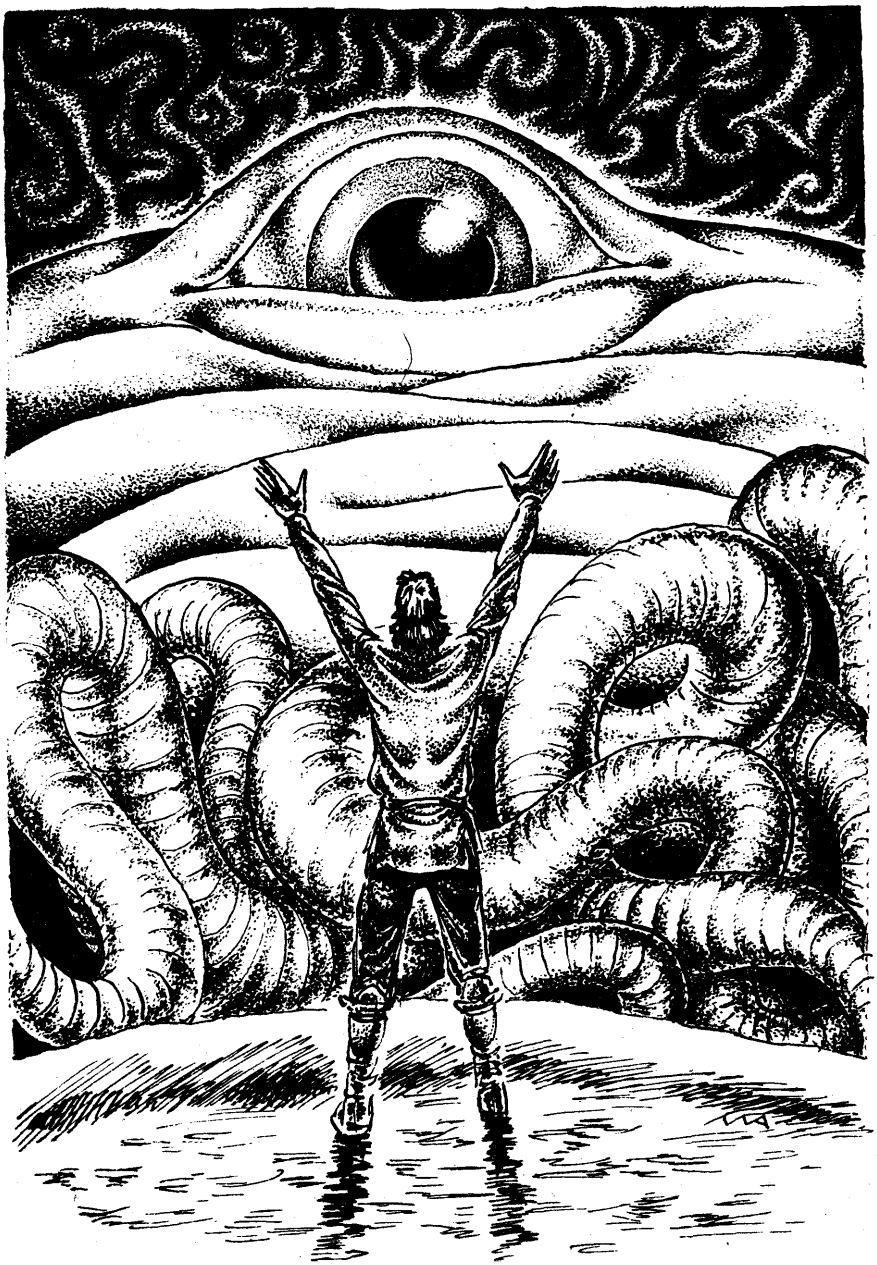
Через день Шооран успокоился и даже, вернувшись чуть не в самое логово Ёроол-Гуя, поставил вдоль узкого мыса три оройхона, расположив их шеренгой, чтобы посреди мыса появилась сухая земля. Сейчас у него было такое настроение, что казалось полезным ставить больше сухих областей.

Затем он откочевал поближе к материку добрых братьев, в места, освоенные Моэрталом. Прошёл область, где люди до сих пор не решались селиться в алдан-шаваре, называя его «могильником»; свернул на запад. Когда он путешествовал здесь в прошлый раз, вокруг шли бои, а теперь это был глубокий тыл, дюжина Турчина скорее всего превратилась в охранный отряд, и сам Турчин, давно ставший заслуженным, уважаемым воином, вновь живёт в светлых покоях, но уже благодаря собственным делам, а не имени предков. А его бывший сослуживец, когда-то учивший Турчина раскладывать кожаную колыбель, по-прежнему спит на мокром и должен скрываться от всего мира, кроме крошечной идиотки, счастье которой в том, что она неспособна понять, кто живёт рядом с ней.

Здесь Шооран вновь напомнил об илбэче, вторгшись островами в глубину залива, а затем заполнив впадину, оставленную ещё древними илбэчами. Не дожидаясь отклика населения и властей, перешёл дальше на запад, где ныне не было никакой власти.

Соваться на сухое там мог лишь самоубийца. После падения твердокаменного государства принудительной любви и узаконенного братства, на каждом оройхоне обосновался свой особый царёк или республика, отличающаяся от прошлых времён лишь немощью и особым изуверством. Никто там не стал жить ни лучше, ни сытнее, все как и прежде ненавидели чужаков, а сами старались кормиться за счёт более слабых соседей. Всякому было ясно, что существовать этим великим империям и свободным регионам до тех лишь пор, пока до них не дотянется Моэртал или поселения изгоев. Но пока они громко заявляли о себе под треск костяных досок и гудение раковин.

Зато организовать охранение на мокром ни одна из сторон не

могла, так что Шооран чувствовал себя вольготно. Трижды он повторял один и тот же приём, заполняя впадины побережья и не опасаясь, что его кто-то заметит. Ай, и без того тощая, окончательно исхудала от бесконечных переходов, но всюду шла вслед за Шооран, довольная собой и своей жизнью.

Шоорана больше не интересовало, кто и как будет жить на его оройхонах. Важным казалось иное: он наконец увидел конец работы и стремился закончить её во что бы то ни стало. Он тоже исхудал, в глазах появился лихорадочный блеск, борода напоминала клубок спутанного хитинового сора, а волосы, поредевшие ещё во время тюремного заключения, вылезали клочьями. Попав раз на умывающийся оройхон, Шооран увидел своё отражение в воде и не мог узнать себя. Но и тогда он всего лишь хмыкнул и поспешил дальше. Надо было переходить на новое место.

Один раз он встретил людей и в этих краях. Произошло это возле полуострова, выстроенного им во время прошлого путешествия. Там у него получилось два сухих участка, отделённых от прочей страны. Конечно, теперь на этих оройхонах обосновалась какая-то банда, объявившая себя могучим и непобедимым государством, а свои законы — лучшими в мире и обязательными для всех. Ни о чём таком Шооран не знал, он всего лишь хотел соединить те два оройхона с остальной страной. И когда в узком месте, далеко и от материка, и от сухих островов появились вооружённые люди, они застали Шоорана врасплох. В такой ситуации Шооран почёл за благо бежать, тем более, что шёл он налегке — Ай караулила сумки в двух оройхонах отсюда.

Кучка нелепо одетых и чем попало вооружённых людей с гиканьем кинулась за ним. Бегать по мокрому, где густая грязь и нойт захватывают и держат ноги, преследователи не умели, однако охотничий задор придавал им резвости. Шооран понял, что так просто они не отстанут, могут даже гнаться до самой стоянки. Не прерывая бега, он вырвал из-за пазухи хлыст и, не глядя, рубанул самого быстроногого. Погоня сразу увяла, через минуту Шооран был в безопасности.

К вечеру он вновь вернулся на старое место. На этот раз он был настороже и потому издали заметил людей. Они толпились на берегу возле уреза влаги, устанавливая длинный ряд крестов. В толпе были и цэрэги, и драные общинники, и даже пара не потерявших лоска старших братьев. Вскоре работа была закончена, на берегу выросла чёртова дюжина крестов. Макальника рядом не было, и потому Шооран, ничуть не тревожась, продолжал наблюдать из укрытия за странным представлением. То, что происходило перед ним, казалось мистерией на тему его пленения. Вскоре показалась процессия, ведущая не то пленников, не то актёров. Их тоже была дюжина и один. Одного за другим их привязывали к распяленным

крестовинам. Нестройный хор затянул на знакомый молитвенный мотив:

— Могучий наш господин, владыка вод, тверди и небесного тумана, непобедимый Ёроол-Гуй!..

«Древних-то песнопений Ёроол-Гую не знают, — подумал Шооран. — Вот уж действительно — дьяволопоклонники».

— ...Ты сподобил нас победить врага, ибо нет в мире бога, кроме тебя. Здесь твой обидчик и наш недруг — мерзкий илбэч, да будет проклято его имя во все века, покуда стоит далайн!

Дерзкая мысль пришла в голову Шоорану. Он изготовился, привычно ловя нужную ноту. Далайн вздулся бугром, валы пены пошли по поверхности. С берега рванулись крики.

— Он здесь! — доносилось из общей разноголосицы. — Скорее! Ну же!..

Разом качнувшись, кресты, вместе с привязанными к ним людьми кувырнулись в глубину. Это было так страшно и неожиданно, что Шооран сбился и потерял чувство далайна. Бугор опал, расходясь тяжёлыми кругами.

Толпа взорвалась воплями радости:

— Убили илбэча. Убили!..

Осторожно пятясь, Шооран отполз в сторону. Его, привычного ко всему, мутило от этой радости. Тем не менее, он не дал воли чувствам и ушёл из этих мест, так как не был уверен, что новоявленные почитатели Ёроол-Гуя не устроят в окрестностях облаву, когда узнают, что илбэч не только жив, но и бродит поблизости. Вскрывать эту общину следовало так, чтобы у любителей кровавых жертв не оставалось ни желания, ни возможности заниматься чем бы то ни было, кроме спасения собственных шкур.

Шооран снова шёл вдоль узкого северо-западного залива, который он так сильно укоротил три месяца назад. Там, где залив предельно сужался, можно было рассмотреть противоположный берег, суурь-тэсэги выстроенных оройхонов. Но куда сильнее о близости страны изгоев напоминали люди. То и дело на сухих землях встречались участки, обнесённые сплошными заборами, превращённые в крепости. Как правило, за этими оградами жило по нескольку семей, захвативших землю и называвших себя изгоями, хотя и внешний вид, и говор изобличали в них общинников. Мужчины в этих семьях, побывав в цэрэгах и посмотрев мир, больше всего на свете хотели иметь свою землю и ненавидели убогое равенство. Слово «общее» звучало в их устах как ругательство. Семьи объединялись вместе только для защиты от любителей чужого, что дюжинами шатались по безвластной округе. Прочее хозяйство они вели раздельно и не желали делиться ничем и ни с кем. Короче, это были негостеприимные места, где гораздо легче умереть, чем прокормиться.

Шооран не осуждал ни грабителей, ни яростных собственников,

хотя и те и другие были ему неприятны. Люди хотят жить, они не виноваты, что мир сорвался с цепи и меняется быстрее, чем успеваешь привыкнуть к нему.

В любом случае, эти края были готовы присоединиться к Ээтгону. За неделю Шооран создал девять оройхонов, обратив залив в жалкий закуток, ничего больше не разделяющий. Когда в округе появились отряды изгоев, Шооран вернулся к логову дьяволопоклонников и за одну ночь поставил три оройхона, которые разом открыли широкую дорогу в прежде труднодоступный район. Как и предвидел Шооран, оттуда немедленно была выслана погоня, которая вскоре натолкнулась на изгоев. Ночные пархи тут же доказали, что воевать они не разучились, так что на следующую ночь Шооран ставил привычную пару оройхонов, не опасаясь, что его изловят и принесут в жертву.

К концу месяца Шооран вынужден был отойти на восток. На западе оставалось не больше пяти мест, куда можно втиснуть оройхон, и в любой из этих точек мог караулить какой-нибудь безумец из числа разогнанных островитян. Но и на западе, где ширина далайна кое-где достигала восьми оройхонов, работать оказалось не так просто. Неожиданно за какой-то месяц мокрые земли наполнились людьми. Почти никто из них не собирал ставший никчемушным харвах: некогда знаменитая артиллерия братьев за последние месяцы пришла в упадок и чуть не до последнего татаца была продана противнику. Зато расцвела охота на прежде запрещённого шаварного зверя и сбор дьявольской чавги. Местами чешуйчатые клубни были выбраны так надёжно, что Ай ничего не могла добыть и путешественникам приходилось голодать. К тому же, то и дело встречались области, где и чавга, и обитатели шавара были выбраны вечно голодным Ёроол-Гуем. Ведь лишь в спокойные годы Многорукий выплывает изредка, а когда по земле ходит илбэч, его враг тоже не исчезает надолго.

И всё же Шооран упорно ставил один оройхон за другим. Теперь он старался выжидать несколько дней, а потом за одну ночь ставить два или три оройхона. При этом ему случалось забредать и в цивилизованные области, но у далайна войск Моэртала он не видел. Наконец народу на мокром стало так много, что Шооран встревожился не на шутку и решил узнать, в чём же дело. Достаточно было пройти три-четыре оройхона в глубь страны, и загадка разъяснилась сама собой. Вытоптанные поля лежали чёрными, словно в последний месяц года. Убогие всходы были пожраны до последнего ростка прежде чем успели набрать силу. Туйваны, и без того редкие в этой части мира, уродливо топорщили изломанные ветви с жалкой, наполовину облетевшей листвой. В обмелевших ручьях не было ни одного бовэра. А ведь с прошлого мягмара прошло едва полгода! Что же станет твориться здесь, когда начнётся сухой сезон? Хотя стоит ли

жалеть людей, которые даже теперь продолжают ходить прямиком через поле и питаться едва проклюнувшимися ростками, не давая им вырасти? Сейчас лучше позаботиться о том, чтобы поскорее убраться отсюда, пока соседи не выставили заставы вокруг голодных мест.

Вообще-то заставы уже были, но они ещё не стояли сплошным кольцом, и привычные к подобным делам Шооран и Ай легко проникли сквозь охранение, пройдя ночью по берегу далайна. При взгляде на эту пару — на карлицу, похожую на диковинного зверька и на худого, грязного и оборванного мужчину, молодого, но уже наполовину облысевшего, с кожей, покрытой болячками и мокнущей сыпью, никто не мог бы предположить, что перед ним величайший илбэч всех веков, который недавно превзошёл сказочного героя Вана. Скорее явственно вспоминалось, а вернее — ощущалось, почему цэрэги и благополучные землевладельцы кличут бродяг вонючками. Впрочем, Шоорана так никто не рискнул бы назвать: блеск в воспалённых глазах и оттопыренный край жанча, где скрывался режущий кнут, отбивали охоту к общению. Ведь никто не знал, что ус парха выдёргивается лишь в ответ на опасность, а любые оскорбления бродяга давно уже сносит молча и лишь усмехается, относя ругань на счёт проклятия Ёроол-Гуя. О своих заслугах Шооран старался не вспоминать, давно не считая выстроенные оройхоны, учитывая только те, что ещё предстояло построить, чтобы окончательно стереть далайн с лица земли.

Возле креста Тэнгэра Шооран пробыл недолго. Несколько дней они отъедались чавгой, которой здесь тоже было негусто, но всё же больше, чем в голодных местах. Сменять кость, хитин и раковины на хлеб Шоорану не удалось, владельцы земли, напуганные слухами о начавшемся у соседей голоде, с хлебом расставаться не хотели. Слегка подремонтировавшись, Шооран вновь взялся за работу. Строил ночами по три оройхона за раз, начиная полосу подальше от жилых мест, чтобы уменьшить опасность встречи с людьми. За относительно короткий срок соорудил полторы дюжины оройхонов и так же внезапно ушёл в земли вана. Здесь ещё не были знакомы с его новой тактикой, и Шооран сходу совершил несколько набегов на далайн, отняв у него ещё дюжину квадратов.

Из последнего набега Шооран вернулся совершенно разбитым. Вроде бы и далайн не сопротивлялся как прежде, и Ёроол-Гуя не было поблизости, но всё же едва хватило сил вернуться к стоянке, где ждала Ай. Шооран отмахнулся от предложенной чавги и повалился в заранее расставленную колыбель. Но и сон не шёл. Мешал свет разгорающихся облаков, ныли ноги, ломило в затылке. К полудню Шооран понял, что заболел. Через силу он поднялся и двинулся к сухим землям, надеясь добраться к огненной границе и отлежаться там, в иссушающей жаре аваров.

Шооран плохо представлял, сколько времени он проболел. Если бы не Ай, возможно, он и вовсе бы не поднялся. Уродинка, рискуя быть побитой, ежедневно делала длиннейшие переходы на мокрое и притаскивала ему чавгу, помогавшую не умереть от голода и жажды. Однажды даже принесла пойманного жирха. От запаха многоногой твари Шоорана стало рвать, и Ай, не настаивая больше, съела жирха сама. Но как бы то ни было, организм переборол болезнь, Шооран встал.

Возвращаясь, он внимательно присматривался к знакомым прежде местам. Теперь здесь не было такой страшной скученности, излишек населения ушёл к Моэрталу, в северные районы или страну изгоев. Поля стали значительно больше, но люди, как и прежде, не отличались приветливостью. Хотя на этот раз тому были основания: сюда тоже пришёл неурожай. Конечно, бедствие не шло ни в какое сравнение с тем, что творилось на другом конце мира, но впереди были ещё три месяца, которые предстояло прожить.

Шооран пытался предлагать имевшийся у него товар, но лишь один крестьянин согласился обменять набор игл из рыбьей кости на хлебец. При этом он проворчал, указывая на Ай:

— Счастье твоё, что ты с девчонкой...

— А что, — спросил Шооран, — ходил бы в одиночку — иглы были бы хуже? Ломкие или тупые?

— Не в том дело. В одиночку илбэч ходит, а с ним бы у меня разговор короткий был.

— Чем тебе илбэч не угодил? Он там где-то бродит, на мокром, а ты как тут родился, так и живёшь. Далайна, небось, и в мягмар не видал.

— Ви-идал... — протянул крестьянин. — Я всё видал. А ты видишь, что у нас делается? Вода уходит. Такой засухи прежде не бывало. Это всё илбэч — понастроил земли, вот воды на всех и не хватает.

— Скажешь тоже... — отмахнулся Шооран. — Засуха в конце каждого года бывает, или почти каждого.

— Какой же сейчас конец? До конца ещё жить и жить, а воды в ручьях едва по колено, и с туйванов цвет облетел. Илбэч это, точно говорю.

— Ну как знаешь, — не стал спорить Шооран, — хотя, кажется, тебе-то он немало пользы принёс. Вон, поле какое! Прежде-то меньше было.

— А урожай? — не уступал хозяин. — Землю дал, а воду отнимает. Остановить его надо, пока не поздно.

Измышления земледельца позабавили, но и встревожили Шоорана. В главном крестьянин был прав: прежде такого действительно не бывало. Каждому, умеющему видеть, ясно, что подходит голодное время. И как назло, это случается второй год подряд. А кого

винить в случившемся? Тэнгэр — высоко, Ёроол-Гуй — глубоко. Значит, виноват илбэч. И раз такие мысли возникли у одного человека, они быстро разойдутся по умам. Как бы изуверская община того берега не стала началом будущего движения врагов илбэча. И ещё... спасибо мужику, что он подсказал верный способ обезопасить себя. Ведь илбэч действительно ходит один, а их — двое.

Шооран догнал ушедшую вперёд Ай, потрепал её по волосам:

— Ты у меня умница.

Коротышка довольно проурчала что-то и погладила Шоорана по рукаву жанча.

* * *

Надо было спешить. Пока слухи и нежелательные толки не разошлись по всему миру, пока не началась правильная и планомерная охота за илбэчем, нужно было успеть сделать как можно больше.

Прежде всего Шооран задумал окончательно уничтожить западные заливы. Незачем им резать мир на куски. Ничего страшного не произойдёт, тем более, что один из заливов практически и не существует больше.

Шооран по приграничной полосе пошёл на запад. Слева от него дышали огнём авары, справа желтели сохнущие поля. Лишь в одном месте шапками вспенивалась свежая зелень — там был Царский оройхон. Туда целыми днями тянулись цепочки людей с бурдюками на плечах — поливать сады вана.

Выйти на оконечность залива, где можно было строить, Шоорану не пришлось. Возле Свободного оройхона он наткнулся на мощную охрану. Вряд ли она была поставлена ради илбэча, земли теперь хватало всем. Скорее всего, в преддверии грозящих испытаний ухудшались отношения между соседними странами.

Неудача не огорчила Шоорана. Он даже не попытался пройти через кордоны, а пошёл назад по побережью, ставя оройхоны там, где это было возможно. Чёртова дюжина оройхонов украсила его путь на восток. Там застав не было, очевидно, ван окончательно уверовал в преданность Моэртала. В юго-восточном углу Шооран прожил три недели. Пользуясь тем, что далайн был довольно близок к границе мира, Шооран поселился на пустой приаварной полосе, а днём ходил промышлять на мокрое. Время от времени он совершал ночные походы к материку вана, располагая новые оройхоны так, чтобы казалось, будто илбэч трудится на другом берегу. Ёроол-Гуя он не встречал, тот бушевал где-то в центральной части далайна, тоже сжавшейся до мизерных размеров. Когда стало трудно выбирать место для новых островов, Шооран нанёс подряд четыре мощ-

ных удара, от которых едва не надорвался, и превратил некогда крупный залив в тонкую и короткую кишку вроде тех, что оставались на западе.

Казалось, следующим шагом надо бы застроить оставшийся промежуток, но всё же Шооран ушёл. Уходя, он сам удивлялся своему поступку, недоумевая, почему ещё ни в одной части мира не покончил с далайном полностью, а оставляет какие-то крохи, чтобы ещё и ещё раз возвращаться к ним. Хотя можно было объяснить и по-другому: просто отброшенный далайн стал слишком далеко, и на дорогу к нему надо тратить целых два часа.

К центральной части далайна Шооран подходил осторожно. Недавняя болезнь и надрывная работа измотали его, и он не знал, выдержит ли, если Ёроол-Гуй разрушит недостроенный оройхон. Поэтому новые острова Шооран принялся ставить по одному, раскидывая их по разным местам, хотя этих мест было не так много. Наконец, осмелев, поставил три оройхона разом, в том месте, где почти год назад последний раз видел Многорукого. Ёроол-Гуй не появился и на этот раз. Более того, сборщицы чавги сказали, что несколько дней назад он объявился где-то на юго-востоке. Раздосадованный Шооран едва не кинулся вдогонку за беглым богом, но вовремя осознал абсурдность ситуации — ведь это Ёроол-Гуй должен гоняться за ним. Поэтому Шооран поставил ещё четыре оройхона, обративших грозное сердце далайна в жалкую лужицу, и лишь тогда тронулся в путь. До мягмара оставалось полтора месяца, и Шоорана тянуло домой, в страну изгоев, где можно было хотя бы месяц пожить по-человечески.

За прошедший год Моэртал ни на шаг не продвинулся вперёд. Дальновидный политик понимал, что одной воинской силой братские земли не освоить, а поток переселенцев из старых мест иссяк. Так что Моэртал счёл за благо перейти к обороне. В самом узком месте поперёк страны был насыпан защитный вал, тянущийся на шесть оройхонов, считая мокрые и огненные земли. Никаких проходов в костяном частоколе оставлено не было, тот, кто оказался западнее границы, проведённой завоевателем, мог жить или умирать по своему усмотрению. Проходя здесь в прошлый раз, Шооран видел странную возню с костью, но не придал ей значения, подумав, что нельзя же перегородить рогатками весь мир. Оказалось, что можно.

Шооран начал готовиться к штурму укреплений, стараясь нарастить берег и обойти преграду стороной. В первую ночь он установил три оройхона, но потом должен был спасаться от нагрянувшей облавы. Стало ясно, что Моэртал доволен достигнутым и больше илбэч ему не нужен. С трудом избежав опасности, Шооран сделал вид, что смирился, отошёл назад и даже сделал там оройхон, как бы показывая, что уходит. Но сам в тот же день прокрался обратно и проломил дорогу на ничейную землю.

Убегая от шума и воя труб, он едва не кричал от радости: только что поставленный оройхон разменял последнюю двойную дюжину ещё не построенных островов. Меньше двойной дюжины — год работы! Всего год, если опять не помешает какой-нибудь Боройгал. И всё же радость была так велика, что Шооран остановился, схватил на руки Ай, расцеловал её в обе щёки, приговаривая:

— Мы с тобой молодцы!

— Ага! — согласилась Ай и добавила сказанную уже когда-то фразу: — Здораво бижали!

* * *

Через день Шооран понял, в какую западню он сам себя загнал. Если три месяца назад в этих краях было трудно прожить, то сейчас наступил настоящий голод. В прошлом месяце земля не родила вообще ничего, и даже наыс в подземельях алдан-шавара почти перевёлся. Что-то добыть можно было лишь на мокром, и те люди, что оставались во владениях добрых братьев, скопились на побережье. До поры их спасало то, что Ёроол-Гуй редко заплывал в узкий пролив, ограничивавший страну. Но теперь, оттеснённый с востока, он начал появляться и здесь.

Шооран быстро сориентировался в обстановке и пошёл прямиком через обезлюдевшие сухие земли. Но и широчайший проход в землю изгоев оказался закрыт. Здесь не ставили непосильной задачи — выстроить защитный вал длиной в полторы дюжины оройхонов. Просто каждый земледелец окружал своё поле колючим забором и постоянно укреплял его, так что вал вырос сам по себе. Суровые жители приграничья захватили землю и защищали её от недавних соотечественников. К Ээтгону они присоединились всего несколько месяцев назад, плохо знали обычаи и порядки новой родины. Имя Шоорана ничего им не говорило, а вот проползти мимо их дозоров не смог бы и жирх, тем более, что на западе тоже свирепствовал голод.

В прежние времена Шооран прибегнул бы к проверенному способу: выстроил бы себе дорогу и пошёл, куда ему надо, прежде чем хоть кто-то успеет преградить путь. Но сузившийся далайн не позволял рвать себя, его можно было уничтожать только с оконечности заливов, а как раз туда было и не пройти.

В отчаянии Шооран поставил те полдюжины оройхонов, что ещё можно было вбить на разных участках берега. Оройхоны никуда не вели, зато их появление вызвало взрыв злобы у погибающих людей. Недавние святоши, покинутые добреньким Тэнгэром и вынужденные жить запретной чавгой, чуть не поголовно становились приверженцами Ёроол-Гуя и ненавидели илбэча со всем пылом горячих

неофитов. Лишь немногие продолжали веровать по-старому, самые фанатичные из них упорно держались в сухих краях. Про их общины рассказывали, что там царит людоедство, и в это было нетрудно поверить.

Конечно, можно дождаться мягмара, когда и напор голодных, и бдительность охраны ослабеют, но Шооран смотрел на Ай, прозрачную от долгого недоедания, и видел, что она до мягмара не дотянет. Не всякий день им удавалось найти хотя бы пару чавг.

Оставалось последнее: попытаться вернуться к Моэрталу. Залив в том месте расширялся до трёх оройхонов, и можно попробовать пробиться на волю, проскользнув между цэрэгами и Ёроол-Гуем. То, что Ёроол-Гуй скрывается именно там, ни для кого не было секретом — больше для великана нигде не было места. Не стоило сбрасывать со счетов и бродяг, скопившихся на берегу свыше всякого счёта. Но если бояться каждой опасности, то лучше сразу умереть со страху. Шооран решил рискнуть.

Ночная работа илбэча была знакома всем, и ревнители новой веры устраивали по ночам засады там, где ожидали появления чудотворца, поэтому первый оройхон Шооран поставил рано утром. Быстро перебежал вперёд, надеясь успеть создать второй участок, прежде чем начнётся кутерьма. Но едва начал работу, как почувствовал удар — в дело вмешался Ёроол-Гуй. Очевидно, опомнившийся бог решил не уступать так просто последний свободный клочок далайна.

Шооран ещё не успел втянуться в работу и удар перенёс относительно легко. Несколько секунд он выжидал, а когда Многорукий кинулся на один из оройхонов, спрыгнул с поребрика и побежал. Казалось, на этом приключение должно закончиться, но, едва Шооран появился на сухом, путь ему загородил какой-то человек.

— Куда? — крикнул он, замахиваясь гарпуном.

— Там Ёроол-Гуй!

— Сам слышу. Великий бог гневается. На тебя, подлый илбэч.

Отовсюду, привлечённые громоподобными шлепками Ёроол-Гуя, сбегались люди, не меньше дюжины человек уже были рядом и нельзя было ни бежать, ни даже убить непрошенного разоблачителя. Среди стекавшихся людей была и Ай, но она ничем не умела ему помочь. На секунду Шооран растерялся, но тут же понял, что бродяга ничего не мог видеть и просто бросается на первого попавшегося человека.

— Врё-ёшь! — распаляя себя, прохрипел Шооран. — Я знаю, это ты илбэч. Я давно за тобой слежу!

— Что?! — размахивая гарпуном, заорал незнакомец. — Да я!.. Да меня все знают! А ты кто?!

— И меня знают! — не сдавался Шооран. — Я вон с ней вдвоём

хожу, — использовал он свой главный козырь, — а ты — один! Значит, ты и есть илбэч!

— Да! Да! — закричала верная Ай.

Напряжение в толпе упало. Многие действительно знали самозваного сыщика, другим успел примелькаться Шооран, им было известно, что он действительно ходит не один. Но разойтись так просто люди не могли.

— Бей его! — крикнул кто-то.

И хотя неясно, кому были адресованы эти слова, бродяга немедленно кинулся на Шоорана. Тот отпрыгнул в сторону и выхватил хлыст. В глазах бродяги мелькнул испуг, но отступать было поздно — оружие обнажено, и уйти от поединка, значит, признать себя виновным. Очевидно, шооранов противник служил в цэрэгах не только последний год, но и раньше, когда солдат ещё учили приёмам боя, особенно против секущих хлыстов, которыми были вооружены кольчужники старейшин. В его руке мгновенно появился летучий кистень с увесистым гранитным желваком, добытым, вероятно, на кресте Тэнгэра в те времена, когда соседняя страна была захвачена братьями.

«Всё повторяется», — подумал Шооран, вспомнив свой первый поединок.

Если не считать орущих зрителей, всё действительно было очень похоже. Разница заключалась в том, что на этот раз Шооран хотел убивать. Он желал смерти этого человека, виновного в том, что не вовремя и глупо встал на пути. И ещё одно отличие — у Шоорана не было копья. Был только нож, по старой бродяжьей привычке скрытый в рукаве.

Кистень с жужжанием вращался на коротком ремне, но Шооран знал, что он может неожиданно вырасти, и тогда камень полетит словно из пращи. Прежде всего, надобно погасить его движение. Конец хлыста на мгновение словно слился с мягким ремнём, Шооран дёрнул хлыст на себя и сам прыгнул вперёд. Он не надеялся вырвать ремень из руки противника, хотел лишь не дать врагу отступить и замахнуться гарпуном. Бойцы столкнулись, ударившись грудью в грудь, и тогда Шооран пустил в ход нож. Опасаясь, что противник тоже носит кольчугу, Шооран ткнул клинком в основание шеи, туда, где ключица образовывала глубокую яму. Бродяга громко всхлипнул и, выронив гарпун, осел на землю.

— Га!.. — завопили в толпе. — Убили илбэча! Так его!..

Шооран наклонился, вытер и спрятал нож, поднял гарпун, потом начал стаскивать с убитого башмаки. Он победил в честном поединке и, значит, имел право раздеть побеждённого. Хотя полностью раздевать убитого не рекомендовалось, кое-что надо оставить зрителям. Кроме гарпуна и новых башмаков Шооран забрал кожаные охотничьи штаны, которые не пропускали к телу нойт, даже если

провалиться в него по грудь. Когда-то, раздевая убитого кольчужника, Шооран мысленно просил у него прощения. Сейчас, взяв необходимое, он кивнул зевакам: «Это ваше!» — отошёл в сторону и начал примерять высокие, до середины голени башмаки.

Толпа быстро расхватала вещи и одежду, всё до последнего клочка, подхватила нагой труп, потащила к поребрику, за которым копошились руки Ёроол-Гуя.

— Вот илбэч! Мы убили его! — вразнобой закричали голоса.

Тело раскачали и бросили через поребрик. Немедленно его обвили несколько рук и поволокли по камням к одному из малых ртов.

— Умер илбэч! — кричали люди фразу, которую последнее время принято стало кричать после всякого убийства. — Илбэча убили!

Шооран сидел, натянув на одну ногу чужой башмак. Боевой угар рассеялся, и он слушал крики в честь своей победы с иным чувством, чем минуту назад. Илбэча не убили, илбэч жив, а вот куда делся человек Шооран, где растратилась его душа? Осталась в тюремной камере или истёрлась по бесконечным оройхонам, очерствела и ожесточилась среди чёрствых и жестоких людей? Или её задавила великая идея, долг, превративший его из человека в илбэча? Тогда понятно, почему никто не может любить его. Проклятие Ёроол-Гуя здесь ни при чём, просто такой подвиг выше человеческих сил...

Узкая ладошка Ай легла на его плечо. Ай присела позади, прислонилась к его спине лбом. Шооран знал, что она делает так в минуту сильной усталости, но всё-таки было очень похоже, что его хотят утешить. Тем более, что уставать сегодня не с чего, весь день они провели на одном месте.

— Сейчас пойдём, — сказал Шооран и натянул второй башмак.

В прошлый раз башмаки убитого жали ему, а эти были впору, словно на него и сшиты.

Ай как всегда с готовностью вскочила, но вдруг покачнулась и, ухватившись за Шоорана, опустилась обратно.

— Никак, — сказала она. — Ноги устали.

Шооран глянул на тонкие, как тростинки хохиура, ноги Ай, перевёл взгляд на осунувшееся лицо. Сколько же дней она ничего не ела? Пять? Или, может быть, семь?

— Сиди здесь, — сказал он. — Я сейчас принесу еды.

Шооран осмотрел гарпуны: трофейный и свой, во время драки лежавший среди вещей, подумал и взял оба. Приготовил связку факелов, изготовленных из смолистого туйвана (только в этом дурацком краю людям могла прийти в голову мысль — жечь дерево!). Проверил экипировку, усмехнулся мрачно: судьба заставляет отрабатывать всё, даже чужие штаны — а потом направился к ближайшему из неразорённых мокрых оройхонов. Подошёл к зеву шавара, запалил драгоценный факел и, выставив его вперёд, шагнул в глу-

бокий нойт. Мелькнула мысль: Ёроол-Гуй рядом — вынырнет, запрёт в шаваре — и прощай илбэч. Но делать нечего: Ай, ослабевшая от голода, сидит возле узлов и терпеливо ждёт, когда он вернётся с добычей.

Ледяная мозглость охватила его со всех сторон, липко сгустилась на лице, даже факел словно притух и казался не так ярок. Первые камеры и проходы, обысканные охотниками вдоль и поперёк, Шооран миновал, не останавливаясь. Заблудиться он не боялся, за много лет привык ориентироваться в тёмных коридорах, а вот нойт, поднявшийся уже выше пояса, пугал его. Не страшно схватиться с видимым врагом, а сейчас Шоорана не оставляло ощущение, что зазубренные клешни тянутся к животу, готовясь распороть глухой жанч, смять кольчугу. Идти сквозь едкую кисельную густоту оказалось трудно, Шооран умолял пол подняться выше, но коридор, расширяясь и сужаясь самым причудливым образом, подниматься наверх не желал. Зато с одного из выступов стены, мягко всколыхнув смоляную недвижность нойта, скользнула неприметная тень. Скорее всего, это была тукка, Шооран не успел рассмотреть. Зверёк исчез в слизи быстрее, чем это можно представить. Шооран наугад ткнул гарпуном, хотя и понимал, что нырнувшего зверя ему не достать. Неожиданно остриё не встретило дна, так что потерявший равновесие Шооран едва не окунулся в нойт лицом. Впереди был скрытый жижей провал в нижний ярус. Обычно они встречались в пещерах, а этот расположился ровно посреди прохода.

Осторожно ощупывая путь, Шооран двинулся мимо провала. Получалось, что сбоку вполне можно пройти, если, конечно, выдержит камень. Но Шооран не успел вступить на узкий мостик. Что-то обхватило его ногу и сильно потянуло вглубь, к залитой нойтом яме. Шооран рванулся, ударил острогой — мимо! Невидимый хищник продолжал тянуть.

Одним гарпуном Шооран упёрся в противоположную стену, другим продолжал беспорядочно бить, стараясь поразить невидимую опасность. Лишь бы там был не уулгуй! Никто не знает, как бороться с бледным уулгуем, и потом... уулгуя нельзя есть... хотя сейчас об этом не стоит мечтать.

Очевидно, зверь понял, что Шоорана вниз не сдёрнуть, потому что хватка ослабела — хищник начал всплывать. Воспользовавшись мгновением, Шооран отскочил от провала, вновь натянув привязь. Нойт над ямой нехотя взволновался, оттуда уродливым цветком выперли четыре шипастые клешни. Две из них тут же скрылись, а верхняя пара осталась над поверхностью. Время от времени клешни нетерпеливо щёлкали, словно рехнувшийся музыкант бил в костяную доску. Гвааранз уверенно двигался вперёд, туго натянутый осязательный отросток вёл его точнее, чем крошечные глазки.

Как всегда в минуту гибельной опасности, сознание Шоорана

раздвоилось: какая-то часть продолжала бороться, уже не ради добычи, а за саму жизнь, и в то же время появился сторонний, словно ничем не рискующий, наблюдатель. Он с любопытством следил за происходящим, успевая оценить и предугадать ситуацию. «Теперь стоит поступить так...» — не торопясь, размышляло воспарившее сознание, и оставшееся внизу тело успевало поступить именно так, а тягучего времени хватало на всё, кроме страха и паники. Они придут потом, ежели ему удастся выбраться на волю.

Выждав, когда гвааранз приблизится, Шооран рванулся вперёд. Пружинящий ус помог ему, Шооран удачно миновал ждущие клешни и упал прямо на притопленную спину твари. От толчка гвааранз осел на дно, это спасло ноги Шоорана от бешено работающих плавательных перьев. И вновь Шооран успел хладнокровно обдумать ситуацию, подробно объяснить самому себе, что сейчас гвааранз стащит его со спины упругими осязательными усами, и что надо делать, чтобы этого не произошло. Прежде, чем обхватившие его вибриссы вновь напряглись, Шооран подтянулся к голове зверя, погрузив обе руки в нойт, нащупал бугорки ушедших под панцирь глаз и на две пяди вогнал в один из них оставшийся в левой руке гарпун. Теперь ему было за что держаться, и, выхватив нож, Шооран принялся наносить удары, стараясь поразить уцелевшие глаза и сочления вибрисс. Гвааранз заметался, клацая клешнями и растопырив острые перья. Движения его стали беспорядочными, ослабевший ус соскользнул с ноги Шоорана. Гвааранз замер.

Убедившись, что зверь мёртв, Шооран с трудом оторвался от панциря, нащупал ногой потонувшие в нойте усы и потащил тело, цепляющееся клешнями за неровности дна. Через несколько шагов увидел сбоку свет, свернул туда. Выбраться наружу через узкое отверстие под потолком оказалось невозможно, зато при свете Шооран сумел зажечь один из уцелевших факелов. Спалил сидящих на стенах зоггов, осмотрел добычу. Гвааранз был велик. Вряд ли его удастся вытащить наружу целиком. Обычно охотники обрубали мешающие клешни и, ухватив за усы, буксировали остальное к выходу. На усах гвааранза нет острой кромки, за них удобно тащить. Но Шоорану всего нужнее были именно клешни — только там есть съедобная, хотя и затхлая мякоть.

Шооран отделил клешни, перевязал их верёвкой, взвалил на спину, придерживая левой рукой. Попытался было перехватить той же рукой факел, чтобы правой волочить остальное, но понял, что сил не хватит. Да и бросать уцелевший гарпун тоже нельзя, мало ли кто может встретиться на обратном пути. Ну и пусть их... мясо он донесёт, а панцирь, ножи перьев и остальные богатства пусть достаются шаварным тварям. Переняв факел в правую руку, Шооран двинулся к выходу.

Ай ждала его на прежнем месте. Шооран бросил чадящий огарок факела, поднял мешок с вещами, сказал хрипло:

— Если можешь — идём.

Ай пошатываясь поплелась за ним. Они пришли на тот оройхон, что Шооран высушил сегодня утром. Странно, неужели это было лишь несколько часов назад? Шоорану казалось, что прошла вечность.

Оройхон лениво умывался. Вода выступала далеко не так обильно, как бывало прежде, но всё же её хватало. Шооран влез в русло будущего ручья, смывая зеленоватый нойт с одежды, саднящих рук, лица. Вымыл добытые клешни, провозившись несколько минут, расколо́л одну из них, извлёк бледное мясо. Протянул Ай:

— Ешь.

Какие-то люди, пришедшие сюда, чтобы вымыться и набрать воды, остановились, глядя на жующих голодными глазами, но Шооран молча достал скатанный хлыст и положил на самом виду. Гарпун не менее красноре́чиво лежал поперёк коленей, и люди отошли, ничего не сказав.

Шооран разделал оставшиеся клешни, нарезал мясо, чтобы оно обветрилось и не портилось так быстро. Потом повернулся к Ай:

— Ну как теперь дела? Получше?

— Харашо! — проскрипела уродинка. — Вкусна... Всигда такое принаси.

* * *

Вскоре они пробрались в земли Моэртала. Для этого Шоорану понадобилось поставить три оройхона, а потом бежать через родившуюся землю и прятаться в шаваре. Четыре часа он простоял в нойте, держа Ай на руках и отпихиваясь он наползающей зубастой мелочи, после чего пришлось ползти через заросли хохиура и вновь нырять в шавар. Таких обысков, что устроили пограничники, ему ещё не приходилось видеть. Очевидно, и здесь в свалившихся бедствиях люди начали винить илбэча. Лишь через день, отойдя от границы, они сумели затеряться в толпе земледельцев, выгнанных засухой на промысел в мокрые земли. До самого мягмара беглецы кочевали вместе с голодной толпой. О том, чтобы строить тут, Шооран и не помышлял, понимая, что Моэртал может устроить всеобщую проверку, и на этот раз бродяги будут помогать ему. Зато в первую же ночь после конца праздника, когда берег опустел, Шооран выстроил четыре оройхона. Он рискнул на такое, потому что за день до этого во время всеобщего, хотя и не больно весёлого гуляния глашатаи прокричали новый закон: отныне запрещалось находиться на мокром в одиночку. Шооран благодарил предусмотрительную

судьбу за то, что она подарила ему Ай. Облавы прошли как на мокром, так и на сухом, но хватали только одиночек, и пара бродяг благополучно вышла из опасной зоны.

В стране вана облав не было, но и здесь народ говорил, что стало слишком много земли и воды на всех не хватает. Мягмар и в самом деле случился не обильным, а это значит, что в конце года снова будет засуха. Теперь Шооран и сам видел, что дело не обошлось без его помощи. Значит, действительно, господь поскупился, создавая мир, и илбэч добавляет к нему лишь землю, но не воду. Так что люди будут погибать как и прежде, но уже не от тесноты, а от голода. Что ж, пусть будет так. Но прежде он сотрёт само воспоминание о далайне.

Пользуясь безлюдьем берегов в первую неделю после мягмара, Шооран совершил рейд вдоль берегов вана и скрылся в краю изгоев. Здесь уже привыкли, что сказочник появляется вскоре после мягмара, и никто не удивился его приходу.

Шооран и Ай шли по знакомым местам, по единственному во всей ойкумене куску земли, где их ждали. Выровненная, крепко утоптанная тропа проходила по вершине поребрика, справа и слева изгороди щетинились рёбрами погибших рыб, но пешеходам ничто не угрожало — гладкий костяной поручень спасал руки и одежду. Поручень был поставлен Шооранoм ещё в те времена, когда он жил здесь. С тех пор многие оройхоны украсились удобными дорогами, и, если бы не голод последних лет, их было бы ещё больше. Но сейчас голод кончился, пушистые кисти цветущей хлебной травы просовывались даже внутрь оград, а на шестилетних туйванах свежей листвы было не разглядеть из-за кумача лепестков. Наступал первый сытый месяц, и путешественники шли в гости к Тамгай. Тяжёлая набухшая обувь — в руках, босые ноги отдыхают, касаясь тёплого камня, а язык уже ощущает вкус наыса, которым их будут кормить, потому что первого хлеба ждать ещё целую неделю.

И тут Ай остановилась и села на обочину, спустив ноги с поребрика.

— Я ни пайду.

— В чём дело? Что-то случилось?

Шооран обвёл взглядом окрестности, высматривая, что напугало Ай. Да нет, всё в порядке... хотя... ведь отсюда уже должна быть видна палатка. Вон разбитый тэсэг, и туйван на его верхушке зацвёл, но из-за камней не выглядывает синеватый полог из рыбьей кожи... Может быть, Тамгай переставила палатку?

— Я сейчас! — сказал Шооран, опустил на дорогу вещи и побежал.

Палатки не было. Исчезла и тонкая, в один прут оградка, отделявшая поле Тамгай от соседнего участка, и Порхоэн, хозяин того

поля, возился подле туйвана. Увидав Шоорана, Порхоэн выпрямился и, не дожидаясь вопросов, сказал:

— Нет их. Умерли. Голод был страшный, вот мальчишка и не выдержал. А она, должно полагать, в далайне. Сам посуди, как ей без сына жить? Земля, вот, мне досталась. Земли теперь много, да не кормит она.

Шооран молча слушал, неосознанно кивая головой, потом повернулся, побрёл к ждущей на дороге Ай. Нигде не задерживаясь, они миновали сухие земли. Шооран молчал, и Ай не требовала объяснений. Лишь когда они остановились, чтобы обуться на пороге мокрых земель, Шооран произнёс:

— Это Ёроол-Гуй, — и Ай кивнула согласно.

А ведь на самом деле это не Ёроол-Гуй, а проклятие илбэча. Легко рассуждать, что люди будут умирать как и прежде, но только от других причин. Нет ничего обыденней смерти, гибель посторонних незаметна, с ней не трудно примириться, её легко планировать. Но илбэч должен знать, что первыми будут гибнуть его близкие. Благодарение судьбе, что живая Яавдай приносит ему больше мук, чем могла бы причинить её смерть! Проклятие бьёт больно, но уж зато теперь ему нечего терять!

Шооран мрачно усмехнулся. Сколько раз он говорил себе эту фразу, но судьба всякий раз находила, как уязвить его. Значит, найдётся что терять и впредь. А пока будем мстить за прошедшее и будущее.

* * *

Отсюда легко было подойти к оконечности залива, куда он не мог добраться с той стороны. Три ночи Шооран работал, ставя по четыре оройхона за раз, а днём скрывался на только что выстроенных оройхонах. Первые сутки, пока нойт не затянул шавар, там можно было легко спрятаться. Если кто-то и обыскивал новые земли, то в нижний ярус шавара он не совался. Всё это время Ай была рядом с Шоораном. Покорно ждала, отвернувшись, послушно бежала, по приказу пряталась, хотя до судорог боялась шавара.

Что делалось за спиной, Шооран старался не знать. Разумеется, там рушилась с трудом созданная граница, вновь из диких земель открывался путь в страну изгоев. Шоорана беспокоили только две вещи: как бы не попасть ненароком на глаза людям и не встретиться во время днёвки с Ёроол-Гуем, которому тоже вход сюда не заказан.

Расправившись с северо-западным заливом, Шооран пересёк страну, вбил три оройхона в случайно уцелевший боковой заливчик, а затем собрался на юг. Но прежде надо было немного поправиться с хозяйством, и Шооран, настроив суваг, вышел к людям. Два дня он

ремонтировался, готовясь к новым походам, а вечерами пел, собирая не слишком обильное подаяние. Всего на отдых Шооран предполагал отвести не больше недели. Пока голод отступил и люди сыты, надо как можно больше строить. Потом, когда болота переполнятся толпами истощавших людей, там уже не развернёшься.

Но на утро третьего дня возле временного лагеря появилось полдюжины воинов.

— Вы оба пойдёте с нами, — сказал командир, глядя мимо Шоорана.

— Я сказитель! — возмутился Шооран. — Ээтгон разрешил мне свободно ходить по всей стране, в том числе и по мокрым местам. К тому же, — вспомнил он, — сегодня общий день, на мокрое могут выходить все.

— Ты видно с алдан-тэсэга свалился, — фыркнул командир. — Дни илбэча давно отменены. Кто их будет соблюдать, когда голод? А правитель Ээтгон как раз и приказал разыскать тебя.

— Я не пойду, — сказал Шооран и сел на склизкий камень. — Если правитель возжелал послушать мои истории, он не должен бояться промочить ноги.

Солдаты растерялись. С полминуты они переминались с ноги на ногу, не зная, что делать, потом командир послал одного из воинов с донесением. Шооран, орудуя костяной иглой, починял прохудившийся жанч. Через полчаса прибежал запыхавшийся гонец, прошептал что-то на ухо старшему. Командир недоумённо пожал плечами, но ничего не сказал. Шооран продолжал рукодельничать.

И он добился своего: из-за тэсэгов показался Ээтгон.

Уже давно молодой правитель не появлялся на людях без охраны, но сюда он пришёл один, телохранители остались возле пореб-рика. Ээтгон был одет в цамц из соломенной пряжи и такие же тонкие, пряденные штаны. Башмаки с шипами, взятые, вероятно, у кого-то из солдат, нелепо смотрелись на его ногах. Сделав знак цэрэгам, чтобы те удалились, Ээтгон присел на корточки напротив Шоорана.

— Здравствуй, сияющий Ээтгон, — произнёс сказитель.

— Здравствуй, — серьёзно ответил Ээтгон. — Я хотел говорить с тобой.

— Говори.

Но Ээтгон молчал, и Шооран вернулся к рукоделью. Он успел накрепко заштопать последнюю дыру, когда Ээтгон медленно проговорил:

— Ты, должно быть, последний настоящий бродяга, для которого нет жизни на сухом...

— Почему же? — не согласился Шооран. — Есть ещё неисправимые. Хотя их немного.

— И среди них — илбэч, — заключил Ээтгон. Он помолчал и добавил: — Я хотел говорить с илбэчем.

— Ничем не могу помочь.

— Можешь. Ты наверняка встречался с ним. Если он человек, то он сидел среди охотников и бродяг, слушая сказки о Ване. И вы ещё не раз встретитесь, ведь вы оба ходите по мокрому, а мокрых земель осталось так мало. Значит, он услышит всё, что ты скажешь ему. Так передай: пусть он перестанет строить. Людям больше не нужна земля, им нужен далайн.

— Вместе с Ёроол-Гуем?

— Ёроол-Гуй — неизбежное зло. Но Многорукий — это далайн, а без него нам не прожить. Можно одеваться в солому и шерсть бовэра, можно обойтись без чавги и научиться обрабатывать кожу, не вымачивая её в нойте. Мы научимся делать инструмент из костей умерших родителей и забудем, что такое хитин и рыбий клей. Но мы не сможем существовать без воды.

— Ты, должно быть, пересох, живя в алдан-шаваре, и забыл, что в далайне нет воды. Я её доставал только на сухих землях.

— И всё-таки это так. Хотя влага далайна мало похожа на воду, но вода заключена в ней. Просачиваясь через поры камня, влага очищается и выступает на сухих оройхонах чистой водой. А нечистая часть превращается в нойт и выходит на мокром. Так полагают мудрецы, и в этом есть резон. Иначе как объяснить, почему во время мягмара, когда вскипает далайн, источники наполняются водой?

— Я вижу, ты обзавёлся придворными мудрецами? — заметил Шооран. — Прежде ты смеялся над ними. Я думаю, мудрецы говорят то, что ты хочешь от них услышать, ведь их хлеб в твоей руке. Измыслить можно всё, что угодно. Может быть, наоборот, мягмар происходит оттого, что пришла вода.

— Это не измышления... — Ээтгон покачал головой. — Сейчас многие полагают, что засуха происходит оттого, что земли стало много, а воды не прибавилось. Это не так. Мудрецы не зря едят хлеб, они сосчитали — воды стало меньше. Дюжину лет назад — ты должен это помнить — таких засух не случалось. Тогда далайн был огромен, занимал пространство на четыре с половиной двойных дюжин оройхонов, а сухих оройхонов насчитывалось только четыре двойных дюжины. Вот воды и хватало. Но с тех пор суша выросла вдвое, а далайн усох в шесть раз. Сегодня каждый новый оройхон несёт беду. Ещё немного, и вода не достанется не только полям, но и людям.

— Это правда? — прошептал Шооран.

— Да. Следующая засуха будет ещё страшнее, потому что один из четырёх заливов высушен полностью, да и от остальных осталось одно название. — Ээтгон потёр переносицу и остро взглянул на Шоорана. — Я впервые не знаю, что делать. Я не знаю, известно ли

правителям других стран то, что я рассказал тебе, не знаю, надо ли сообщать им об этом. Не знаю, говорить ли народу правду или держать его в неведении целый год. Мне неведомо, о чём думает и что собирается делать илбэч. Возможно, у него свои резоны и ему наплевать на людей. Но мне-то на них не наплевать! Я не могу убить илбэча, ведь тогда рано или поздно появится новый и всё начнётся сначала. Мне надо, чтобы этот илбэч перестал строить. Тогда, может быть, что-то удастся спасти.

— Я... — сказал Шооран. — Я обещаю. Я не знал... Но я пройду по всему побережью. Сначала здесь, потом у вана, у Моэртала, а если потребуется, то и в диких землях. Илбэч услышит. Я обещаю... Новых оройхонов не будет.

— А говорить ли людям правду — решишь ты! — закончил Ээтгон. — Всё-таки мы оба учились у Чаарлаха, но он всегда выделял тебя.

* * *

Так кончается жизнь. Однажды оказывается, что всё, тобой сделанное, не просто бесполезно, но наполнено злом. Твоя любовь убивает, забота несёт гибель. Твои хлопоты смертельны, и сам ты страшнее, чем дюжина многоруких дьяволов. И вот, когда жизнь кончилась, последний, открытый для всех выход оборачивается тупиком. Далайн не примет тебя, и шавар для тебя закрыт, ибо в момент твоей смерти родится новый илбэч. Спасибо мудрому Тэнгэру, он предусмотрел всё. Судьба заставит тебя существовать сегодня, завтра, и когда начнётся голод, и вернётся тщедушный мягмар, и ещё много дюжин лет.

Шооран и Ай кочевали во владениях Моэртала. Когда год лишь клонился к середине, здесь было проще прокормиться. Во-первых, у рачительного Моэртала и подданные жили побогаче, а во-вторых, здесь оставался последний значительный клочок далайна, и бродяги боялись Ёроол-Гуя. Два других залива представляли собой длинные ленты шириной в один оройхон, а здесь далайн расширялся до трёх оройхонов. Загнанный бог действительно укрылся здесь, но в последнее время он выныривал редко, и чавга на берегах росла без помех. Но теперь, когда год близился к завершению, побережье переполнилось гибнущими людьми. Ээтгон оказался прав — прежние засухи не шли ни в какое сравнение с нынешней. Уже три месяца не было урожая, а недавно прошёл слух, что родники у подножия суурь-тэсэгов высохли. Трудно сказать, чем бы это кончилось, если бы Моэртал не организовал выдачу воды. Дюжина цэрэгов с полными бурдюками выходила к поребрику каждого мокрого оройхона и безданно наливала воду подошедшим. Немедленно образовались очере-

ди. Порядок в них поддерживался самими бродягами, нарушителей вышвыривали вон, а чаще — просто убивали. Цэрэги в эти схватки не вмешивались.

На юге, где одонты вана вздумали по старой привычке продавать воду, вспыхнул бунт, вскоре переросший во всеобщую резню. На севере тоже было неспокойно. В диких землях, оставшихся на развалинах империи братьев, некому было запасать хлеб и воду. Тамошних жителей первыми ударило несчастье, и, не видя иного выхода, они пошли на штурм костяной стены. Их встретили удары пик и залпы татацев. Моэртал недаром скупил у братьев всю их артиллерию. Война голодных превратилась в жуткое побоище, и вновь шавар захлёбывался, будучи не в силах пожрать столько тел сразу. Что творилось в земле изгоев, никто толком не знал, но Шооран был уверен, что Ээтгон успел подготовиться к чёрным дням, запас и хлеб, и воду, и укрепил границу, опрометчиво стёртую невежественной злобой илбэча. Вероятно, и там раздаётся заранее запасённая вода, а может, даже по крохам выделяется хлеб, взятый в начале года в виде налогов.

Моэртал хлеба не выдавал, позволяя тем из подданных, кто не помыслил о себе заранее, погибать от голода. Чавга не могла прокормить всех, люди слабели и мёрли, словно зогги от свежей воды. Среди бродяг появились случаи людоедства.

В этой круговерти бывший илбэч со своей подругой жили лучше многих. Ай умела с первого взгляда определить, прячется ли под слоем смешанного с грязью нойта чавга, или всё вокруг недавно перекопано, и новые клубни появятся лишь через две недели. Шооран стал охотником, удачливо бил жирха и, случалось, приносил тукку или небольшого парха. Крупные хищники теперь почти не встречались в шаваре, им не давал вырасти Ёроол-Гуй, так что самую большую опасность представляли зогги. Их легко выжечь факелом, но тогда можно сразу распрощаться с надеждой на приличную добычу: тукка панически боится огня.

Но так или иначе, профессиональным бродягам на мокром всегда легче, чем случайным людям.

На эту ночь Шооран увёл Ай с мокрых мест на приграничную полосу. Намедни ему удалось взять в шаваре парха, и теперь надо было разбираться с навалившимся изобилием. Чтобы мясо не протухло, его следовало прожарить до хруста, а это можно сделать лишь на аваре.

Ай с плоской костью в руке присматривала за шипящими на камне кусками, Шооран резал мясо на тонкие ломти и думал. Вспоминал жутковатую сцену, что наблюдал сегодня утром. Они тогда шли вдоль далайна, высматривая, не найдётся ли что-нибудь полезное для их походного хозяйства. Умирающий далайн ничуть не отличался от далайна великого, с тем же пренебрежением он вышвы-

ривал на берег населявшую его мразь. Людей на берегу почти не было, и Шооран невольно обратил внимание на одинокую фигуру, разделывающую неподалёку от кромки прибоя рыбу. Это была обычная, никчемная рыба, каким даже названий не придумывают за полной ненадобностью. Её плавники не годились ни на крючки, ни на иглы, чешуя не отличалась от всякой иной чешуи, и вообще, было неясно, что могло заинтересовать добытчика в этой твари. Лишь подойдя поближе, Шооран понял: человек ест. Он отрезал от растерзанного бока рыбы куски розоватого, сочащегося жидкой кровью мяса и тут же, давясь и чавкая, пожирал их.

— Зачем? — невольно вырвалось у Шоорана.

Человек поднял мутный взор и невнятно произнёс, кривя наполовину парализованный рот:

— Вкусно. Только рот колет, губы как чужие. А так вкуснятина, никогда такого не едал. Что же, одному Ёроол-Гую сладко кушать? — и он снова погрузил почти уже непослушные руки в чрево добычи.

Такое случалось всё чаще: изголодавшиеся люди набрасывались на валяющуюся вдоль берега рыбу, желая хотя бы умереть сытыми. Многие из них успевали рассказать о чудных видениях, что их посещали, и о дивном вкусе отравы. Эти рассказы передавались из уст в уста, и волна самоубийств росла с каждым днём.

Тогда у них ещё не было парха, и Ай, проходя мимо рыбоеда, сглотнула, завистливо глядя на него. Шооран поспешил увести Ай. Через несколько шагов он оглянулся. Рыбоед лежал возле освежёванной туши, пытаясь скрюченной рукой вырвать хотя бы ещё один кусок. Конвульсивные движения становились всё реже и бессмысленней.

Теперь Шооран размышлял, а не создадут ли массовые самоубийства новую религию. Уж больно привлекательна такая кончина для изголодавшегося человека. Тогда берег опустеет быстрее, чем можно надеяться.

— Скоро мягмар, — произнёс Шооран задумчиво, — как вода появится, пойдём в дикие земли. Там, считай, никого не останется. Огородим большой участок поближе к далайну. Соседей подберём хороших, я знаю таких. Алдан-шавар закроем, будем там хлеб хранить. Наыса насушить можно много. А воду в бурдюках хранить, как вино. Авхая бы промыслить, из него бурдюк хороший будет.

— Ага, — подтвердила Ай.

— Моэртал воду в ямах хранит. Заранее выдолбил и налил. Запасливый он. Говорят, у него там и бовэры живут. Нам тоже надо будет так сделать. Выдолбим ванну, как для макания ухэров, просмолим, чтобы вода не ушла, и отведём туда ручей.

— Ага.

— Весной, глядишь, и у нас бовэры заведутся, а нет — так у

Моэртала купим пару и сами разведём. Соседей только надо подобрать, какие и работать умеют и за себя постоять. Я кое-кого уже присмотрел. Вот заживём — и с хлебом, и в водой, и с мясом.

— Ага! — согласилась Ай.

За последний год уродинка сильно изменилась, хотя ничуть не выросла. Зато она стала чаще и осмысленней говорить, а ела всё, не отвергая сухих произрастаний. Когда жизнь наладится, она будет хорошей помощницей. Вот и сейчас, беседуя с Шооpаном, Ай не забывала переворачивать подсохшие ломтики.

Пяток человек, хорошо одетых, но измождённых до крайности, остановились неподалёку, пристально глядя на шипящее на камне мясо. Люди были вооружены, но уже по тому, как они держали гарпуны и копья, было ясно, что это не охотники и не цэрэги, а обычные крестьяне, согнанные голодом с бесполезной земли.

— Гля!.. — сказал один. — Мясо!

Второй, стаскивая на ходу новенький жанч, шагнул к Шоорану.

— Слушай, парень, продай? Ну хоть чуть-чуть... У тебя же много.

Шооран молча покачал головой и, чтобы сразу положить конец неприятной сцене, извлёк на свет хлыст. Тонкий ус словно сам собой развернулся и задрожал тонко посвистывая. Обычно при этом всякий нежелательный разговор немедленно прекращался, но сейчас, верно, нервы у мужчины не выдержали, и он вместо того, чтобы поскорее отойти, лишь отступил на шаг и закричал, размахивая копьём, словно палкой:

— Сволочь! Мразь вонючая! Зажрались на нашей крови, мясо впрок готовите, а ты помирай! Да?!

— Что ты?.. Оставь... — дёргал его за рукав пожилой крестьянин, но тот, что с копьём вырвал руку и с криком: «Га-ады!..» — кинулся на Ай, которая спешно запихивала в торбу последние куски.

Ай проворно отпрыгнула, но сзади оказался жгущий авар. Ай метнулась в сторону, и в этот миг крестьянин неумело, словно сноп соломы насаживал на вилы, ткнул её копьём.

— Не-е-ет!.. — вопль сам вырвался из груди Шоорана.

Хлыст перечеркнул нападавшего, рванулся, расплёскивая обрывки праздничного жанча, ярко спрыснутые кровью, и рухнул на второго мужика, замершего, словно изваяние, и даже не пытавшегося защищаться. Пятеро людей были изрублены прежде чем успели хоть что-то предпринять для своего спасения, лишь пожилой миротворец успел крикнуть: «Не надо!» — то ли Шоорану, то ли ещё своему приятелю.

Шооран нагнулся к упавшей Ай, отнёс в сторону от авара, уложил, распахнул жанч, чтобы осмотреть рану. Отёк ещё не появился, рана на тщедушном тельце, в котором не было ничего женского, ка-

залась ссадиной, даже не слишком глубокой, но Шооран видел, как пузырится при дыхании кровь, значит, каменный наконечник задел лёгкое. Шооран встряхнул флягу. Промыть рану? Но Ай захочет пить, а воды больше нет. Хотя...

Шооран подбежал к убитым. У старика нашлась почти полная фляга. Когда Шооран вернулся, Ай лежала, раскрыв глаза.

— Потерпи, — сказал Шооран. — Я тебя вылечу.

— Не-е, — едва слышно выдохнула Ай, и кровь тут же окрасила бесцветные губы. — Я умру. Но это ничего, ты ведь не любишь меня.

— Я тебя люблю, — запоздало произнёс Шооран.

— Не... Ты так придумал, потому что тебе некого любить.

Ай закрыла глаза.

Шооран промыл рану, наложил чистую повязку и сидел рядом с Ай, отирая с губ выступающую кровь, до тех пор пока она не перестала течь.

* * *

Ждущий мягмара далайн был непривычно тих. Шооран подошёл к самому краю, опустился перед бездной на колени. Разжал руки...

— ...Тебе отдаю я лучшую из женщин...

Потом долго стоял с поникшей головой, пока случайный бугор не обдал его липкой влагой. Выброшенный ылык впился в полу жанча, дёргая суставчатым телом. Лишь тогда Шооран поднялся.

— За что? — спросил он. — Я же отказался...

Новый бугор выплеснул к его ногам клочья хитинового волоса и уродливых стеклянистых существ. Существа беспомощно дёргали ломкими ногами, пихая друг друга.

— Говоришь, это не ты? — крикнул Шооран в далайн. — Это вы вместе!

Он быстро пошёл прочь, движением хлыста проламывая просеку в зарослях косо растущего хохиура. Он искал людей. Те, что убили Ай — сами мертвы, но есть и другие, и они ничем не отличаются от тех... Дрожащая от нетерпения рука физически ощущала, как хлыст передаёт ей мягкое сопротивление рассекаемой человеческой плоти. Какая-то женщина, в одиночку ковырявшая чавгу, увидела Шоорана и, охнув, поспешила прочь. Шооран дёрнулся было за ней, но вдруг остановился.

— Ничего... — процедил он. — Я расплачусь со всеми разом. Вы отняли у меня Ай, теперь мне действительно нечего терять.

Шооран осмотрел своё снаряжение, с удивлением обнаружил за спиной мешок, а в нём нашёл прибранное Ай мясо и чужую флягу.

Запасов должно хватить до мягмара, а там он позаботится, чтобы это был последний мягмар.

Ночью в далайне возникло шесть оройхонов.

Весь день озверевшие цэрэги уничтожали всех, кто казался хоть немного подозрительным. Обнищавшие земледельцы помогали им, избивая друг друга. В несколько часов мокрые оройхоны опустели, на болотах остались лишь отряды цэрэгов. И всё же на следующую ночь появилось ещё три оройхона, а потом ещё три. Они появлялись прямо на глазах у мечущейся стражи, которая тщетно пыталась открыть илбэча.

Днём Шооран прятался в пустых шаварах только что построенных оройхонов, ночью выползал к берегу и, накрывшись костяным панцирем бронированной рыбы, работал. Он работал лёжа у самого уреза влаги, которая обдавала его с ног до головы, а однажды кто-то из пробегавших цэрэгов даже споткнулся о его убежище.

Ёроол-Гуя Шооран во внимание не принимал. Откуда-то пришла уверенность, что ход жизни переломился, и теперь не Многорукий охотится за ним, а он травит загнанного бога.

И всё же долго так продолжаться не могло, и Шооран испытал облегчение, когда во время очередной днёвки увидел, что нойт в пустом шаваре прибывает на глазах. Наверху наступил мягмар. Шооран выполз наружу и легко затерялся в оборванной и грязной толпе, привычно потащившей с берега кость и хитин. Шооран шёл вместе со всеми, волоча на спине сослужившую добрую службу костяную скорлупу.

На сухом, когда толпа рассеялась, Шооран помылся в пробудившемся ручье, привёл в порядок одежду и, бросив ненужную кость — такую всегда можно подобрать на берегу — отправился к землям вана, где не ждал таких слаженных и всеобщих облав.

Облавы действительно оказались не страшными, очевидно, каждая из сторон полагала, что илбэч орудует с противоположного берега, а может быть, властители просто не сумели договориться о совместных действиях и посылали солдат больше для очистки совести. Так что Шооран, когда закончился мягмар, легко мог ставить по три, а то и по четыре оройхона в ночь. Он забыл о времени, не вёл счёт оройхонам и, лишь когда далайн не послушал его, понял, что ещё один залив перестал существовать, и значит, вновь надо возвращаться к Моэрталу или идти через весь мир, где возле владений Ээтгона находится другой конец узкого канала, когда-то занимавшего полвселенной. Теперь далайн нигде не расширялся хотя бы до двух оройхонов, и где-то там, в слишком узких для него трещинах, беспомощно метался ослабевший Ёроол-Гуй.

За три недели спокойствие не успело сойти к Моэрталу, мокрые оройхоны были переполнены войсками, хотя они всё нужней были в других местах, а среди самих цэрэгов не утихали толки, что неуло-

вимый илбэч и не человек вовсе, а злобный дух шавара, и встреча с ним несёт гибель не илбэчу, а тому, кто ловит его.

Шооран, сам служивший у Моэртала, преотлично знал, как расставляются дозоры и где прячутся секреты, так что сумел, исползав на пузе полоройхона, пробраться к далайну. Последний секрет обойти не удалось, и Шооран снял его, хладнокровно зарезав двоих цэрэгов.

Словно оправдываясь перед самим собой за лишние убийства, Шооран принялся поспешно строить. Истерика первых дней прошла, Шоорану уже не хотелось убивать своими руками, зато появилось спокойное убеждение, что лучше всеобщая гибель, чем такая жизнь. И Шооран строил, расчётливо экономя силы, чтобы их хватило до самого конца. Вопль ужаса, разнёсшийся по окрестностям, когда стало ясно, что никакие предосторожности не уберегли далайн от илбэча, сменился разбродом. Кто-то кинулся запасать воду и снимать недозревший хлеб первого урожая, другие пребывали в прострации, третьи продолжали ловить илбэча, но правильной осады уже не было.

Шооран по-прежнему скрывался в нижних ярусах свежевыстроенных островов. Там его никто не пытался искать, слишком прочно впечаталось в разум людей представление, что в шаваре человек жить не может. Наружу Шооран выходил лишь в полной темноте. Сначала, пока сгущались сумерки, подолгу ожидал у выхода, высматривая, нет ли караулов, а если они есть, то где стоят. Теперь он, боясь надорваться прежде времени, строил за ночь один-два оройхона, на зато делал это каждую ночь. Он понимал, что стоит однажды не выйти наружу, и его убежище окажется залитым нойтом.

Когда у него кончалась вода и пища, он, поставив остров, пробирался на один из боковых оройхонов, ставших сухими, и ждал воды. На то, чтобы вымыть сухую землю, воды ещё хватало, хотя её появление ничуть не напоминало прежние потопы. Шооран наполнял обе фляги — свою и чужую, легко забивал пару одуревших от пресной воды тукк и переползал обратно — прятаться и готовить миру гибель. Людей для него не существовало, были лишь фигуры цэрэгов, порой мелькавшие в смотровых окошках, когда Шооран оглядывал перед выходом местность. О том, что делается в населённых местах, Шооран не знал и старался об этом не думать.

* * *

Шавар, ещё не залитый нойтом, конечно, сух, и в нём не трудно пройти до самых глубин, но всё же у него мало сходства с алдан-шаваром жилых земель. В алдан-шаваре царит вечный, хотя и при-

зрачный день, здесь же — ночь, которую нельзя назвать вечной только потому, что через сутки шавар затянет липкой мерзостью, в которой утонет само понятие света и тьмы. Но пока, что бы ни делалось наверху, в нижнем ярусе — ночь.

Шооран проснулся в неурочный час. Шестым чувством он угадывал, что на воле полдень и выходить нельзя. Приподнявшись на ложе, Шооран всматривался и вслушивался, стараясь определить, что его разбудило. От напряжения перед глазами поплыли цветные разводы, они кружились, смешиваясь и уплотняясь, образуя фигуры, и вскоре из темноты на Шоорана глядел чёрный уулгуй, с которым илбэч так давно не виделся.

«Я сплю», — успокоенно подумал Шооран и закрыл глаза.

Несколько минут он лежал, вслушиваясь в собственное ровное дыхание, потом глаза сами собой разлепились. Уулгуй продолжал смотреть.

— Зачем ты убиваешь далайн? — спросил уулгуй.

— Какое тебе дело до далайна? — вопросом на вопрос ответил илбэч. — Ты давно умер, тебя нет нигде, кроме моей памяти, и раз мне не нужен далайн, значит, его судьба не должна волновать и тебя.

Уулгуй покачал головой.

— Ты ошибаешься. Я не умер и никогда не умру, хотя ты и пытаешься убить меня. И я спрашиваю: зачем?

— Так ты... — Шооран судорожно глотнул, не в силах выговорить имя, — ...ты — Многорукий?.. ты бог далайна?

— Не всё ли равно, кто я? Может быть, я и в самом деле только эхо твоих мыслей, возвращённое пустым шаваром. Но мои вопросы от этого не меняются. Посмотри, что ты сделал с миром! Я устроил вселенную, дав ей закон и порядок. Всему были положены границы — даже мне, и большинство людей жило, не зная страха шавара.

— Ты положил границы не только шавару, но и людям. Твои правила, границы и авары сковали их. Я был в тюрьме и знаю: лучше вообще не жить, чем жить в темнице.

— Ты был наказан, сидел среди собственного кала и жрал тухлятину, а я давал людям столько хлеба, мяса и вина, сколько могла принести земля. Не я виновен, что вам было мало этого.

— Я жил в алдан-шаваре и ел хлеб и мясо, сколько мог вместить. Но я был заперт. Не только моим делам, но и словам была положена граница, братья решали за меня, когда мне надо рисковать, а когда пребывать в неге. Я сполна хлебнул сладкой жизни и знаю: лучше вообще не жить, чем жить так.

— Это твои слова, но что скажут остальные люди, захотят ли они пропадать по чужой указке? Ведь даже каторжники разбежались не все. Кто дал тебе право решать за других — жить им или умирать?

— Люди, ставшие бовэрами, недостойны жалости. Мне нет до них дела.

— Я вижу, добрый илбэч, ты ещё страшней, чем я. Думающий, как ты, может и победить, а если бы люди пережили тебя, то ты остался бы в их памяти великим богом. Тогда нас стало бы трое: старик, сделавший всё и не делающий ничего, я — его тень и истинная суть, и ты — предвечный и единосущный сын и вместе с тем — лучшее из творений, пришедший во имя любви и убивший мир. Жаль, некому будет полюбоваться на такую троицу. Но запомни, илбэч, я сделаю всё, чтобы этого не случилось. Я долго уходил от тебя, дальше отступать некуда.

Тяжёлый удар прилетел извне в самые глубины шавара. Шооран вскочил, стряхивая остатки сна. Звук был слишком и безнадёжно знаком: на оройхон выходил Ёроол-Гуй. А потерявший бдительность илбэч спал в самой глубине шавара!

Не было времени думать, что это конец, что спасение немыслимо и любые попытки — бесполезны. Шооран побежал, спотыкаясь о неровности необработанного пола и ударяясь о выступы стен. Он благополучно выбрался в верхний ярус, хотя это не имело никакого значения, у Многорукого было достаточно времени, чтобы занять весь оройхон.

Шооран давно потерял ориентировку, бежать приходилось наугад, выставив вперёд руки, чтобы не раскроить себе голову. Такое передвижение напоминало не бег, а смешные подпрыгивания. Хотя смеяться не стоило — снаружи доносилась привычная какофония разрушения: плеск влаги, скрип, скрежет и треск ломаемого камня.

Красный, почти невидимый в темноте отблеск обозначил стену. Там мог быть выход, и Шооран, не раздумывая, свернул туда. Он очутился в одном из залов с окнами под потолком. Вечерний свет нехотя рассеивал здесь тьму, кровавил нагромождение пористых глыб на полу. Одно из окошек было достаточно широким, чтобы мог пролезть человек. Шооран вскочил на кучу камня, прыгнул, раскровянив руки, вцепился в края лаза. Ему удалось заклиниться в узком отверстии, перехватить руки и наконец, изодравшись об острые края и распоров жанч, выдраться наружу.

Он очутился на вершине одного из суурь-тэсэгов. Близился вечер, небесный туман переливался всеми оттенками карминового, алого, рыжего и бордового. Наступала та минута, когда мир кажется залитым кровью. Всё это отложилось в памяти за то мгновение, пока Шооран оглядывался, выбирая, куда бежать дальше. Ёроол-Гуй был совсем близко, но ещё не достиг этого, крайнего из суурь-тэсэгов. Шооран не удивился медлительности противника, как не поразился и тому, что вообще сумел вылезти из-под земли. Если он останется жив, у него будет время призадуматься на досуге. Шооран не оценивал ситуации, ни о чём не думал, он просто обнаружил се-

бя бегущим по склону, и ноги сами выбирали направление: прочь от ползущего Ёроол-Гуя и, по возможности, вдево, где проходит спасительный поребрик. Земля, не успевшая осклизнуть нойтом, удобно ложилась под ноги, ни один валун не подвернулся под стопой, никакая ямка не заставила споткнуться.

«Убегу!» — запела радостная мысль.

Поребрик приближался с каждым шагом, а Ёроол-Гуй двигался непривычно медленно и словно вслепую. Одним прыжком Шооран перемахнул поребрик, поскользнулся на нойте, которого здесь хватало с избытком, упал, но тут же вскочил и закричал ликующе:

— Что, гадёныш, не вышло?!

Потом он замер и попятился. То, что он увидел, нарушало все законы, вросшие в плоть за две дюжины лет, что прожил он на свете. Ёроол-Гуй полз по двум оройхонам сразу, не обращая внимания на прежде неприступный поребрик. Так же переливалось тело, взлетали и падали щупальца рук, хлюпал нойт и плакал камень.

Происходящее напоминало дурной сон, и, словно во сне, Шооран побежал. От былого воодушевления не осталось и следа, но всё же он бежал старательно и быстро, как бегал множество раз до того. Ёроол-Гуй полз следом, медленно, очень медленно, но всё же быстрее, чем может бежать человек. Новый поребрик появился почти сразу, оройхон, по которому метался Шооран, выходил на далайн углом, и поребрики были близки. Шооран ничуть не удивился, что Ёроол-Гуй был и здесь. За четверть часа мир вместе со всеми привычными законами полетел кувырком.

Ёроол-Гуй двигался рывками, очевидно, и ему непросто давалось происходящее. Иногда он замирал, и тогда Шооран увеличивал дистанцию, но затем преследователь выстреливал вслед беглецу несколько рук разом и сокращал расстояние. Один раз гибкая рука шумно упала впереди, преградила дорогу, растопырив липкие пальцы, каждый из которых был похож на многоногого жирха, но Шооран, метнувшись с полуразрушенного тэсэга, сумел перескочить её, на задев отростков.

Никчемной помехой замаячил впереди поребрик, Шооран, не глядя, перелетел его и побежал дальше, уверенный, что Ёроол-Гуй не остановится и здесь. Путь ему преградил чёрный, шелушащийся окалиной камень. В лицо пахнуло жаром. И хотя трезвое сознание услужливо шепнуло, что дальше дороги нет, Шооран вспрыгнул на авар, и лишь боль от ожогов заставила его отступить.

Последний поребрик Ёроол-Гуй не перешёл. Очевидно, и сейчас он не мог удаляться от далайна больше чем на один оройхон. В набегающей тьме нервно плясали бесконечные руки, плоть собиралась в хлюпкие холмы, плохо различимые в этот час.

Шооран подошёл на шаг ближе, хотя к самому поребрику выйти не осмелился. Почему-то он был уверен, что сейчас Ёроол-Гуй вы-

таращится на него главными глазами, но ничего подобного не произошло, бог, продолжая слепо шарить руками, повлёкся прочь.

Лишь теперь «трезвое» сознание смогло отвлечься на посторонние мысли.

«Откуда здесь авары?» — запоздало подумал Шооран.

Пока позволял свет, он огляделся. Оройхон, куда он попал, был знаком ему, хотя за последние годы разительно изменился. Но всё же случайно уцелевшие детали, мелкие подробности позволяли узнать его. Вот выступ на поребрике, похожий на косо торчащий зуб. Вот оставшийся прежним большой авар, прозванный «Дымным жирхом».

Шооран стоял на сухой полосе. Погружающийся в ночь оройхон перед ним когда-то назывался Свободным.

Сухая полоса была пустынна. За последние годы люди пресытились сухостью, теперь здесь никто не жил, тем более, что много лет кряду по этому месту проходила граница.

Шооран огляделся. Где-то поблизости прежде стояла их палатка. Здесь ничего нельзя было оставлять без присмотра, поэтому даже навес на день скатывался и уносился с собой. Но шесть колышков, на которых навес держался, считались домом. Теперь эти костяшки, конечно, не найти. А вон там, возле холодного тэсэга, жил Борой-гал. Однажды он вбил в верхушку тэсэга огромную зазубренную кость. Может быть, задумал что-то строить, но трудолюбия хватило лишь на один столб, а может быть, просто желал похвастать своей могучестью. Костяга так и осталась торчать из камня. Когда Борой-гала не было поблизости, мальчишки влезали на тэсэг, старались качнуть столб, а потом хвастались, что это почти удалось. Кость и сейчас торчит там: нелепый признак того, что здесь жили люди.

Шооран поднялся на тэсэг, обхватил кость руками, качнул несколько раз и одним рывком вытащил. Бросил глухо стукнувшую кость, сел, свесив ноги с тэсэга.

Но как всё-таки он очутился здесь? Ведь он начинал строить с самого дальнего конца узкого далайна. Сколько же времени он провёл один, и что творится за пределами этого пустого куска суши? Впрочем, бог с этим, главное, что он дошёл сюда, и от всего необъятного далайна остался ничтожный клочок, который можно прихлопнуть одним ударом. Вернее, можно было бы прихлопнуть, если бы там не скрывался Ёроол-Гуй.

«Берегись, если прежде в далайне не останется места для тебя!» — возгласил некогда старик Тэнгэр. Шооран помнил эти слова и надеялся, что, когда далайн начнёт иссякать, исчезнет и Ёроол-Гуй. События последних месяцев, казалось, подтверждали это. Но вот от далайна остался последний квадрат, а Многорукий цел и даже обрёл новые свойства.

А если бросить это дело, оставить всё как есть? Конечно, Ёроол-

Гую стало тесно плавать, но ведь глубина далайна не измерена и, значит, в нём хватит места. Человечество тоже не погибнет. Те дюжины людей, что переживут смуту, наладят иное существование. Они будут жаться на нескольких оройхонах вокруг пятна животворной слизи и восхищённо любить благодетельного Ёроол-Гуя. Весь остальной мир превратится в пустыню, лишь в первый месяц после мягмара там будет слабо сочиться вода. А когда люди вновь расплодятся сверх возможного, новые изгои будут уходить не на мокрое, а скрываться в пустыне. Во всяком случае, там будет много места, и для всякого найдётся свой алдан-шавар. Разбойники станут отнимать воду у караванов, идущих на крест Тэнгэра за камнем, или совершать набеги на жилые земли. Цэрэги начнут неутомимо преследовать бродяг; для охраны сохнущих полей потребуются татацы, на восьми мокрых оройхонах опять начнут скрести рыжий харвах, а здесь, на бывшей Свободной земле устроят каторжные мастерские.

Всё будет как прежде, только мельче и поганей. Он не желает прозябать в таком мире, и что бы ни твердили жаждущие спасения, так жить он им не позволит. Словно бродяга Мозолистая Пятка, он не может остановиться, а должен всё время идти вперёд. Пусть никто кроме сказочника не верит, что бродяга пробил стену, но сказочник должен верить, иначе не стоило начинать рассказ.

Смешно, до самого конца почти никто не мог заподозрить его, ведь он сказочник, а сказочник обязан быть добрым! Вот Чаарлаха подозревали. Но тогда илбэча считали благодетелем, а сейчас его именем проклинают. Жаль, что доброта не имеет никакого отношения к происходящему. Путь должен быть пройден до конца в любом случае. Это и есть главное проклятие илбэча. Он не остановится и никогда не увидит унылого мира, какой воображал только что. Пусть тот мир, если сумеет, появляется после смерти последнего чудотворца. Утром он пойдёт строить.

* * *

К далайну Шооран вышел до света. Ёроол-Гуй затих, убравшись в глубину, и Шооран двинулся в путь, опасаясь, что на сухой полосе его может обнаружить патруль, если, конечно, они сохранились в рухнувшем мире.

Далайн, словно в начале веков, продолжал свой размеренный танец. Противоположный берег был почти неразличим в дымке, и, если прищурить глаза, можно внушить себе, что мир ещё не начинал меняться, а ты — первый илбэч, готовящийся творить землю под любопытными взглядами дурня Бовэра.

Шооран глубоко вздохнул, собираясь с силами.

Надо строить. Как?.. На голове у Ёроол-Гуя? И всё же, строить надо. А если он погибнет, то пусть скучный мир завтрашнего дня появляется без него.

С первого мысленного усилия Шооран почувствовал сопротивление, словно он пытался перегородить далайн, разрезав его на части. Но что-то в этом сопротивлении подсказывало Шоорану, что оно не бесконечно. Далайн вздулся, влага заметалась, взлетая клочьями пены, стараясь уйти из-под сжимающей её воли строителя. Шооран не отпускал. Должно быть, со стороны это выглядело до ужаса нелепо: человеческая песчинка корячилась на краю бездны, надсаживаясь в безмолвном крике, словно поднимая неизмеримую тяжесть, хотя в руках у неё ничего не было. Зато впереди начали возникать искажённые очертания суурь-тэсэгов.

И немедленно Шооран почувствовал ответный удар. Шооран ждал этого удара и только потому не был раздавлен. Удары всё более мощные сыпались один за другим, Шооран дёргался, словно его била падучая, хрипел, брызгая кровью, выступившей из-под сжатых зубов, но работы не бросал. Он не пытался защищаться от атак беснующегося внизу Ёроол-Гуя, стремясь лишь сохранить выстроенный призрак.

На мгновение силы борцов пришли в равновесие, затем чудовищный бог проломил тонкую окаменевшую корку и устремился к берегу.

Шооран не побежал. Он продолжал строить, если можно назвать строительством бессмысленное сжигание самого себя перед лицом куда более могучего разрушения.

Разрывая себя о тонущий и вновь возникающий камень, Ёроол-Гуй тянулся к илбэчу. Их разделяло не больше дюжины шагов, справа и слева хищные руки уже легли на оройхон, словно бог хотел обнять строителя, прижать его к себе всеми руками. Кольцо сдвигалось, но всё же Ёроол-Гуй не мог окончательно сжать его. Илбэч не делал ничего для своего спасения, он атаковал сам, и это сберегало его верней всякой защиты. Руки, готовые раздавить илбэча, срывались в наплывающий камень, и всё больше их не выныривало обратно. С громовым треском обрушилась часть берега, и тут же всё бушующее пространство разом затвердело, Ёроол-Гуй исчез под изломанными пластами камня.

Какое-то время Шооран не помнил себя, лишь потом обнаружил, что сидит на том самом месте, где стоял утром, но облака над головой сияют слепящим полуденным светом. Шооран смотрел туда, где прежде простирался далайн. Никакого оройхона там не было: ни суурь-тэсэгов, расположенных через равные промежутки, ни вычерченно-ровных поребриков, а только уродливое нагромождение камня, вспоротого страшной агонией мира. Человек затерялся бы в этом хаосе, словно зогг в чешуе парха.

Шооран сидел, ни о чём не думая, ни о чём не беспокоясь. Сидел так впервые за много лет. Он заслужил это право — его труд и труд многих поколений илбэчей — закончен.

В стороне раздались голоса, шум.

Надо же, кто-то ещё жив, и в нём осталось достаточно любопытства, чтобы пойти взглянуть на могилу Ёроол-Гуя. Ну что ж, пусть идёт.

Шооран не встал с камня, даже не переменил позы, лишь запахнул поплотнее жанч. Пусть пришедшие видят всё, что здесь было — больше он прятаться не станет.

Отряд в две дюжины цэрэгов пробирался вдоль перепаханного катаклизмом места. Заметив Шоорана, воины быстро перестроились полукругом, выставив нацеленные копья. Шооран глянул в лицо предводителю. Это был Ээтгон. Ну конечно, кто ещё мог сохранить хоть какой-то порядок в той круговерти, что бушует сейчас на ороЙхонах.

— Здравствуй, брат, — сказал Шооран.

— Здравствуй... илбэч, — произнёс Ээтгон, чуть помедлив. — Ты всё-таки сделал по-своему. А я надеялся, что уговорил тебя тогда.

— Так ты знал?

— Кто мог знать? Я догадывался. Это мог быть ты или дурочка Ай. Больше некому. Вы появлялись, и начинала рождаться земля. Уходили — и возвращалась тишина. Надо быть слепцом, чтобы не заметить этого. Или вы думаете, я не знал, что творится в моей стране? Я давно решил для себя, что илбэч — один из вас.

— Ты прав, это я был илбэчем, — сказал Шооран спокойно. — И что ты намерен предпринять теперь? Прикажешь меня казнить? Казни, мне всё равно. Мне безразлично, осталось ли в силе проклятие Многорукого или рассыпалось вместе с ним. Я сделал своё дело, теперь мне безразлично всё. Дальше решаешь ты.

— Я ещё не знаю, что делать с тобой, — задумчиво произнёс Ээтгон, — но отсюда ты пойдёшь вместе со мной. Отдай оружие.

Шооран пожал плечами и показал пустые руки.

— Всё там, — кивнул он в сторону развалин.

— Тогда идём, — Ээтгон повернулся, уверенный, что Шооран и без принуждения последует за ним.

— Великий Тэнгэр, что это? — воскликнул один из солдат.

Мир озарился всполохами. Небесный туман, всегда спокойный, пришёл в движение, заволновался, словно испарения далайна, когда ветром мягмара их заносит в сухие края. Светящиеся разводы заполонили небо, в одну минуту можно было наблюдать желтизну утра, серебро дня и багрец вечера. Краски сливались, перемешиваясь и вновь разъединяясь. Отсветы бродили по задранным кверху лицам.

— Смотри!.. — прохрипел Ээтгон. — Что это? Отвечай! Это же твоих рук дело, ты должен знать! Ты знал, да? Отвечай!

Шооран молча покачал головой.

— Если... если что-то случится, — сдавлено произнёс Ээтгон, — ты умрёшь первый.

— Что-то уже случается.

Небесный туман начал меркнуть. Разводы мутнели, гася друг друга. Но темнее не становилось, откуда-то просачивался другой свет, не слепящий, но позволяющий видеть не хуже, чем днём. Потом над оройхонами прошёл порыв ветра, словно на миг вернулся мягмар, и клочья вечного тумана потащило куда-то вбок. Мгновение облачная пелена сопротивлялась, затем небо лопнуло и сквозь рваные дыры проглянуло иное небо, светло-серое, под стать спокойному свету, льющемуся оттуда.

Все головы были задраны в зенит, поэтому бегущего гонца заметили, когда он был совсем рядом.

— Повелитель! — крикнул он, задыхаясь. — Стена Тэнгэра — упала!

* * *

Водяная пыль, что в течение последних суток почти непрестанно сыпалась с нового неба, сменилась частыми крупными каплями, и авары закурились влажным паром. Теперь всякому было ясно, что раскалённые прежде камни хотя и медленно, но остывают, и костяная дорога, которую приказал строить Ээтгон, скоро будет не нужна.

Ээтгон, так и не сменивший грубого наряда, в каком ходят по мокрым землям, стоял в клубах густого пара. Струйки воды стекали по коже жанча. Шооран, остающийся в странном положении наполовину пленника, наполовину — опасного божества, стоял позади.

— Во всяком случае, от жажды не умрём, — сказал Ээтгон, сгоняя с лица воду. — Ванны переполнены, скоро придётся спускать излишки в ручьи. Бовэры будут довольны.

— У тебя и бовэры остались? — спросил Шооран, вспомнив умершего от голода тёзку.

— У меня всё осталось.

Что ж, так и поступает рачительный хозяин. Без бовэров худо придётся всем, а детей можно нарожать новых.

В тумане обрисовалась приближающаяся фигура.

— Дошли до конца! — раздался голос. — Только там обрыв!

— Не думай, что пойдёшь первым, — предупредил Ээтгон. — Только вместе со мной. Я не знаю, что ты там приготовил для нас.

Пропустив вперёд троих солдат, он кивнул Шоорану, а затем сам шагнул на костяной мостик.

Настил, скользкий от падающей воды, пружинил под ногами. Местами кость успела обуглиться, там идти было легче, хотя приходилось следить, чтобы подгоревшая опора не обломилась под ногой. Шаг за шагом группа преодолевала прежде недоступное пространство. Через полчаса они выбрались на застеленную площадку, где уже стояло несколько человек.

— Ух ты!.. — выдохнул кто-то из вновь пришедших.

Неизмеримо огромный простор открывался перед ними. Земля простиралась на множество оройхонов. Конец её терялся в недоступной взгляду дали. Но прямо перед ногами оройхон, на котором они стояли, вертикально обрывался вниз. Глубину провала было невозможно измерить, глаз отказывался оценивать такую высоту. Шооран почувствовал, как его против воли качнуло к обрыву, и поспешил перевести взгляд на более отдалённые предметы. Там росли деревья и причудливо извивался ручей.

Шооран недоумённо потряс головой. Если эти деревья ростом хотя бы в половину взрослого туйвана, то значит ручей расплескался в ширину на двойную дюжину шагов. А длину его не стоило и представлять. Да какой же оройхон вместит подобное! Или это далайн нижнего мира? И вообще, внизу не замечалось никакого порядка, не было ни одного прямого угла, ни единой ровной линии. Всё изогнуто, прихотливо, свободно. Вряд ли там есть квадратные оройхоны.

Дождь прекратился, высокое небо, недавно темное, вновь посветлело, затем в облаках образовалась прореха, и через неё глянуло третье за последнее время небо: блестящее, чудесно-голубое и чистое, словно лучший жемчуг маминого ожерелья.

— Что ты скажешь на это? — спросил Ээтгон.

— Я не знаю, что ждёт нас внизу, — сказал Шооран, — но это наш мир.

— А где алдан-тэсэг? Куда делся Тэнгэр?

— Какое нам дело до Тэнгэра? Он должен был сам подумать о своей бессмертной жизни. У него было для этого достаточно времени. А нам надо думать о себе.

* * *

— ...это было твоё последнее слово, — молвил Тэнгэр, — и пусть будет по-твоему. Но берегись, если прежде в далайне не останется места для тебя!

И поскольку это действительно были последние слова, то Ёроол-Гуй молча канул в глубине далайна и с тех пор не издал ни звука. Но если бы он мог говорить, то сказал бы:

— Ты хочешь меня уничтожить, о Тэнгэр! Но подумал ли ты, что вместе со мной ты разом уничтожаешь половину вечного времени и половину бесконечности, их обратную, тёмную сторону? Сможет ли твоя светлая сторона существовать без меня, и на чём будет стоять алдан-тэсэг, если не станет моей бездны?

Однако, последнее слово — есть последнее слово, так что эти мысли не были произнесены, и ни один сказитель ничего не поведал о них собравшимся послушать его в красный вечерний час.

ГЛАВА 12

Чтобы достать дно обрыва, пришлось собрать верёвки с нескольких оройхонов. Доброволец из бывших цэрэгов, служивших на угловых оройхонах, обвязался верёвкой и был спущен вниз. Через несколько минут его подняли обратно.

Чего только не передумал Шооран за эти несколько минут. То ему представлялись райские пажити, о каких проповедовали братья, то казалось, что внизу вообще невозможно жить и каждый ступивший туда немедленно скончается. Действительность оказалась проще и странней. Разведчик благополучно вернулся, сообщив, что внизу настоящая земля наподобие креста Тэнгэра. Он привёз несколько прочных камушков и пучок травы. Трава удивила всех: она была нежной, как хлебные всходы, и бесплодной, как хохиур. Зато камням люди обрадовались, и скоро по натянутым верёвкам вверх и вниз заскользили разведчики. Одно за другим пошли к правителю Ээтгону донесения.

Первая группа разведчиков вышла к реке. Река действительно оказалась непредставимых размеров и величиной напоминала далайн. Хотя в ней была не мутная влага, а чистая на вид вода, люди не решились эту воду попробовать, потому что там плавали рыбы.

Второй отряд следопытов обнаружил на поляне зверей. Они не походили на многоногих шаварных тварей, скорее уж напоминали бовэров, поскольку были покрыты шерстью. Но когда охотники хотели подойти и заколоть на пробу одно животное, те умчались быстрее тукки. Зато потом другой зверь сам напал на людей. Он вышел из зарослей спутанных низкорослых деревьев и, гневно взрыкивая, бросился навстречу охотникам. Почуяв опасность, люди остановились, а зверь, не видя угрозы в незнакомых созданиях, прыгнул. Охотники, привыкшие иметь дело с пархом, легко уклонились от прыжка, и тут же три копья пробили шкуру хищника. Туша зверя была поднята наверх среди прочих трофеев. Ээтгон, окружённый военачальниками, осмотрел распростёртое тело, с которого даже смерть не сумела стереть опасной силы, коснулся рукой оскаленных

клыков, длинных и острых, каких ни у кого на оройхонах не бывало, а только в далайне, у рыб. Произнёс задумчиво:

— Значит, на алдан-тэсэге жизнь тоже не украшена лепестками. — А потом приказал рубить и поднимать наверх стволы деревьев.

— Будем строить большой подъёмник, — сказал он, хотя никто не требовал у правителя объяснений.

* * *

Черепная коробка маараха, напоминающая огромное корыто, покачивалась на скрученных канатах. Пока эта кость лежала на земле, она представлялась неизбывно прочной и тяжёлой. Но теперь, повисшая над вертикальным обрывом... Казалось невозможным довериться этой утлой люльке.

Двое воинов уже стояли на зыбкой площадке, готовые подхватить следующих. Ээтгон, сохраняя на лице застывшее равнодушие и не обращая внимания на протянутые цэрэгами руки, шагнул в люльку подъёмника. Но Шооран заметил, что шаг получился много шире, чем нужно. Затем и сам Шооран, стараясь не смотреть вниз, сделал шаг на качнувшийся плотик.

Заскрипели верёвки, мимо поплыла изгрызенная временем стена. Шооран старательно смотрел только на неё, не пытаясь разглядывать с головокружительной и ненадёжной высоты постепенно приближающуюся землю. У него было ощущение, что всё это происходит не с ним. Слишком долго он рассказывал людям сказки, и вот одна из них властно начала сбываться, и бывший илбэч уже ничего не может сделать, как только смотреть и слушать, что будет дальше.

Внизу земля поражала размерами ещё больше, чем сверху. Расстояния здесь можно было измерять не иначе, чем оройхонами. Вершины деревьев уходили на такую высоту, что все роскошные эпитеты, придуманные для старых туйванов, казались теперь кукольными. Случайные камни равнялись с суурь-тэсэгами, а чтобы выйти к реке, пришлось лезть через холм, который возвышался, словно вставший дыбом оройхон упрямого илбэча. И нигде никакой еды, лишь на кустах, скопившихся в болотистой низинке, рдели мелкие ягоды. Один из разведчиков сказал, что ягоды съедобны, хотя и сильно горчат. Ээтгон сорвал ягодку, разжевал и, согласно кивнув, сплюнул.

Река застыла в сонной истоме. Глубокая вода казалась зеленоватой, словно тело Ёроол-Гуя. На мелких местах, где она была прозрачна, плавали рыбы. Они были крошечные, величиной с детский мизинчик, но тёмная глубина могла скрывать и настоящих гигантов.

— Рыбы не кусаются, — пояснил сопровождающий, — а вот эти, —

он указал на существо, парящее в воздухе над рекой, — вот эти звери рыб едят. А все остальные звери из реки пьют. Мы пили из источника неподалёку. Там рыб нет и вода хорошая. Но её мало.

— Если вода отравлена, нам придётся туго, — проговорил Ээтгон.

Шооран наклонился, зачерпнул в пригоршни воды и двумя большими глотками выпил её. Вода была тёплой, чуть затхлой, словно в ручье, обмелевшем накануне мягмара, и сытно пахла речной травой.

— Стой! — запоздало крикнул Ээтгон.

— Отличная вода, — сказал Шооран.

— Рыба тоже сначала кажется отличной, — произнёс кто-то из стоящих сзади.

— Всё равно мы без этой воды не проживём, и кому-то надо пробовать, — сказал Шооран.

— Но не тебе! — оборвал Ээтгон и тут же, повернувшись к свите, спокойным голосом отдал распоряжение: — Если он останется жив, спустите вниз пару бовэров, посмотреть, как они тут приживутся. Только сначала заливчик небольшой огородите, чтобы не уплыли и рыбы чтоб к ним не пролезли.

Правитель в окружении свиты двинулся дальше. Шооран шёл вместе со всеми, прислушиваясь к своим ощущениям, ожидая признаков приближающегося отравления. Былая уверенность, что вода хорошая, покинула его, но не было и страха. Шооран лишь пытался понять, почему он так безрассудно взялся разрешить спор о воде. Ответ пришёл сам собой: просто-напросто илбэч Шооран больше никому не нужен. Он сделал своё дело, и сейчас его охраняют и берегут просто на всякий случай. А действуют и живут — другие. Другие спускают вниз людей и ставят палатки, потому что ночи здесь холодные. Отряды разведчиков уходят всё дальше в глубь страны, и пройдённый путь измеряется уже не оройхонами, а далайнами. Охотники изобрели способ бить быстроногих зверей и принесли первую добычу. Кто-то другой будет устраивать затоны для бовэров. Ээтгон выслушивает донесения и распоряжается, словно всю жизнь прожил здесь, всё вокруг знает и давно привык к подобным масштабу и размаху. Дело нашлось всем, но единственное, что может Шооран, это первым зачерпнуть воду.

Свита вышла на поле, заросшее высокой, как хохиур, травой. Каждый сорвал и растеребил по пустому, лишённому зёрен колоску. Они-то знали, что охотники не смогут прокормить скопившуюся наверху массу народа. Нужен хлеб. Коренастый общинник предложил вырвать всю эту траву и засадить землю принесёнными сверху ростками хлебной травы. На огороженных землях бывшие общинники засаживали таким образом вытоптанные прежде участки. Дождавшись благословляющего кивка, общинник немедленно ушёл.

Шооран протиснулся к Ээтгону, коснулся локтя. Правитель обернулся.

— В чём дело? Отравился?

— Нет, вода прекрасная. Только... — Шооран запнулся, — зачем я здесь? И охранник за спиной. Я ведь теперь никто. Отпустил бы ты меня к разведчикам или охотникам. А?..

— Не-ет... — раздумчиво протянул Ээтгон. — Один Тэнгэр знает, что нас ждёт, так что тебя лучше иметь под рукой. А хочешь работать — иди вон к нему, рыхлить землю, — Ээтгон указал на удаляющегося общинника.

— Спасибо! — крикнул Шооран и побежал вдогонку за крестьянином.

* * *

Владыка вселенной, великий ван пребывал в растерянности. Последние месяцы словно сама судьба ополчилась против него. Один неурожай следовал за другим, поселяне разбегались, налоги прекратили поступать, мирные прежде места тлели неповиновением и открытым бунтом. Даже вернейшие из верных — цэрэги личной охраны — стали плохо исполнять приказы, едва оскудели житницы и винные погреба. Они не сумели ни изловить илбэча, ни сберечь далайн. То, что ненавистный и пугающий далайн оказался единственным источником жизни и от его нечистых движений зависел приход воды, сама мысль об этом тоже стала немалым ударом по устоявшемуся порядку. Кто будет почитать власть, когда мир вывернулся наизнанку?

А потом пришло известие, что далайн погиб, авары потухли, и стена Тэнгэра — пала.

— Ложь! — закричал ван, не дослушав. — Не верю! — И тут же, опровергая самого себя, приказал: — Выставить охрану вдоль сухой полосы, к аварам никого не подпускать. Чтоб ни одна живая душа...

Остатком меркнущего рассудка он осознавал, что никаких войск не хватит, чтобы оцепить весь мир, но единственная трезвая мысль уже не могла остановить его, он кричал, отдавая бессмысленные повеления и приказывая разом Тэнгэру и Ёроол-Гую. Что было потом, престарелый монарх не запомнил. Очнулся он в своей спальне от того, что небывало яркий, ослепляющий луч света пробил тонкие занавески и коснулся глаз. Ван что есть сил зажмурил глаза, закрыл их руками, но и тогда чужое сияние проникло к нему.

— Что это? — закричал ван.

Он ни секунды не сомневался, что ожидающие поблизости слуги ответят ему, всё объяснят, а в случае приказания затушат слепящий

источник. И действительно, ван услышал ответ. Старческий голос произнёс:

— Это новое небо, ваше величество. Небесного тумана больше нет, а этот огонь светит вместо облаков.

Государь с трудом разлепил непослушные глаза и сквозь радужные разводы разглядел одного из своих кухонных прислужников, разжигавших огонь.

— Почему ты здесь? — вопросил ван. — Где спальничьи?

— Нету, — ответил старик. — Разбежались.

— Как разбежались?! Куда?! — вознегодовал самодержец.

— Не знаю. Сначала были беспорядки, а потом прошёл слух, что Моэртал спускает людей со стены и что жизнь внизу слаще туйвана. Так что, наверное, все ушли на восток. Или сами спустились. Авары-то остыли, на них теперь и похлёбки не разогреешь. Вот все и разбежались. Сначала бунтовщики ушли, а потом и стража. Уходили целыми отрядами, будто бы на разведку. И каждый тащил, что только мог. Тут не только одонты, тут каждый дюженник распоряжался. Особенно главный баргэд Талаар, он чуть не весь дворец уволок.

— Что?! — услышав имя государственного казначея, ван подскочил. — Одеваться немедленно!

— А что одевать? — спросил старик, но ван уже поднялся и побежал из спальни как был, в одной ночной сорочке.

Многопудовая дверь, ведущая в подземелья, была аккуратно притворена, но связки факелов, стоявшие возле двери, изрядно поредели. Видно было, что в сокровищницу ходили часто, а о порядке заботились мало, хотя ни снаружи, ни внутри не было никаких следов разгрома. Сокровищницу грабили не торопясь и со знанием дела. Исчезло оружие и драгоценные наряды. Унесено всё самое ценное. Остались лишь тяжёлые сундуки, которые невозможно поднять, да груды мелкого неокатанного жемчуга, что ещё не скоро потребуется для жизни за стеной.

Постанывая от ужаса, ван прошёл в один из боковых залов. Здесь должен быть тайник, о котором не знал даже Талаар. Там самые лучшие, любимые украшения, там новая, недавно обработанная косторезами корона, которую прислал Моэртал. Ван заскрежетал зубами от бессилия и обиды. Он так верил Моэрталу, особенно после того, как тот прислал корону! И всё-таки Моэртал предал. И все предали. Бросили богоданного государя!

Очевидно, у разбойника-казначея было не так много времени, и хотя он догадывался, что тайник должен быть, но найти его не сумел. Ван переоделся в блистающий наряд, увенчался короной. Постукивая витым посохом, вышел из сокровищницы. Кухонный служитель, привыкший видеть господина в затрапезе, взглянув на парадное великолепие, задрожал и пал на карачки. Поклонение ста-

рика, словно капля свежей воды, пролилось на омертвевшее сердце вана. Государь кивком велел слуге подняться и следовать за ним.

Трапезная тоже была разворована. Исчезло даже мелкоузорчатое кресло, на котором ван восседал во время пиров. Ван опустился на жесткую костяную скамью и сказал:

— Я голоден.

— Кладовые разбиты, — сообщил старик, — хотя кое-что сохранилось. Только, — испуганно продолжил он, — я же не повар, особенно перед вами. Я никогда не касался провизии, лишь разжигал огонь. И у меня не было времени готовить... — Старик замолчал и невпопад добавил: — Да пребудут ваши ноги вечно сухими.

— Ничего, — сказал ван. — Готовить научишься потом. Неси, что есть.

Старик, кланяясь, вышел. Ван остался один. Смутным взором обводил он оголившиеся стены, стараясь не замечать смущающей голубизны за окнами. В душе было пусто, словно в ограбленном зале. Обычно в это время ван выслушивал доклады, принимал решения, отдавал важные приказания. Казалось, если с ним что-нибудь случится, остановится сама жизнь. И вот, несколько дней болезни, и жизнь остановилась, вернее, сбежала вместе с вороватым казначеем, и оказалось, что ван не нужен миру, его существование хизнуло в один миг. Остаётся сидеть, сурово оглядывая пустой зал, и ждать, пока тебе принесут поесть.

Зря он не пошёл на поварню сам. Там было бы не так одиноко. Старик развёл бы огонь, а он приготовил бы себе ароматную рассыпчатую кашу с толчёной корой туйвана и ростками хлебной травы. Как странно — тайная привязанность, которой он всю жизнь стеснялся как чего-то стыдного, унижающего его величие, осталась единственным, что не предало его. В самом деле, напрасно он не взялся за стряпню. Сыграл в величие и теперь будет давиться заквашенной размазнёй, какой лакомятся простолюдины.

В соседнем зале раздался шум, послышалось невнятное восклицание, звонко ударили костяные створки дверей.

— Эгей! Что там? — позвал ван.

Он вдруг подумал, что за три дюжины лет, которые старый слуга разжигает ему огонь, он не удосужился узнать его имени и теперь даже не может позвать единственного оставшегося рядом человека.

Двери распахнулись, в зал ввалился огромного роста мужчина. В руке он сжимал обоюдоострый тесак — знак власти одонта. Безумный взгляд упрятанных под бровями глаз ожёг вана.

— Ты кто такой? — на выдохе спросил незнакомец.

Ван выпрямился и стукнул в пол посохом.

— А!.. — догадался вошедший. — Ты и есть ван? Это о тебе столько всего рассказывают? Да мне одного ногтя хватит, чтобы тебя в нойт растереть. А я-то думал, ты бог знает какой богатырь...

— Кто таков? — гневно спросил ван. — Как ты посмел ворваться сюда?

— Я? — щербато осклабился громила. — Моё имя — Боройгал. Я верный слуга вашего величества, хотя вы, скорее всего, и не слыхали обо мне. Ещё бы, таких, как я, у вас многие дюжины. Я был ушами вана на Свободном оройхоне, я служил вам, живя на угловых землях у Хооргона. Я оставался верен вану, даже когда Суварг назначил меня одонтом! Вот!.. — Боройгал взмахнул тесаком, и ван с дрожью заметил, что лезвие испачкано в крови. — Я всю жизнь был ухом вана, — Боройгал уже кричал, — а ты и не слышал обо мне!

Ван собрал остатки мужества и, стараясь выглядеть грозным, проговорил:

— Я не знаю, кто ты такой, но если ты немедленно не уберёшься, я прикажу тебя казнить!

— Позовёшь стражу! — сквозь хохот выкрикнул Боройгал. — Видел я твою стражу — дедуля с кашкой!.. — Боройгал скорчил плаксивую мину и пропищал: — Остановись, нечестивец, ибо там ожидает великий ван! Я такую стражу в шаваре видал! Может, ты ещё и палача позовёшь? — Негодяй вплотную приблизил зловонное дыхание к лицу государя. — Так я и есть палач вашей сухости. Последние годы я служил вам на западных землях при одонте Юхаазе. Но больше я никому не служу, понял ты, слизняк!

От внезапного толчка ван сел на скамью, цепкие, словно у Ёроол-Гуя, пальцы убийцы обхватили его горло. Бросив мешающий тесак, Боройгал сорвал с головы монарха волнистый обруч короны.

— Теперь я буду ваном, потому что ты не смог! Ты не поймал илбэча! Я всю жизнь карабкался наверх, зубами цеплялся, чтобы вылезти из нойта, но едва я добивался хоть чего-то, как илбэч менял мир, и я снова оказывался в грязи. А ты сидел во дворце и ничего не делал! Да если бы у меня было столько власти и солдат, я поймал бы его в две недели! Если бы я просто хоть раз встретил его лицом к лицу, уж я бы узнал его!..

«Какая у него маленькая голова, — судорожно подумал ван, — даже новая корона будет ему велика...»

Жёсткие пальцы на горле сжались, ван задёргался, стараясь слабеющими руками освободить сдавленную шею, заперхал, перед глазами поплыл кровавый туман...

* * *

Два месяца Шооран проработал вместе с земледельцами. Они расчищали участки, сначала вручную, потом догадались выжигать кусты и сорную траву, а землю рыхлить костяными мотыгами. Бе-

режно высаживали в подготовленную землю принесённые сверху корневища и через месяц получили первый урожай. Он был невелик, одно поле не могло прокормить всю прорву народа, но это был знак надежды, и вскоре берег реки был разбит на привычные, милые взгляду квадраты полей.

Бовэры тоже прижились в огороженных бассейнах, хотя речных водорослей им не хватало, и их приходилось подкармливать свежей травой и сеном. Толпы людей распугали в окрестностях дичь, так что охотники уходили в поисках добычи всё дальше от поселений. Зато в лесу прямо под открытым небом высыпала масса наыса. При виде знакомой пищи люди забыли осторожность, и многие поплатились жизнью за чрезмерную доверчивость. Зато уцелевшие научились отличать, какие грибы можно есть, а какие следует обходить стороной.

За эти два месяца сверху было спущено всё, что можно сдвинуть с места. Даже молодые туйваны были выкопаны и пересажены на новую почву.

Жизнь налаживалась, и единственный человек, который не нашёл себе места, был Шооран. Кажется, он состоял при деле, работал как и все, но каждый взгляд, любое слово окружающих давали ему понять, что он не такой. Шоорана боялись, а когда случались несчастья, как, например, в случае с грибами, Шооран чувствовал сгущающуюся вокруг ненависть. В такие минуты лишь страх защищал его от недоброжелательства толпы. Была здесь какая-то глубокая, но закономерная несправедливость — все удачи в новом мире люди приписывали своей силе, уму, ловкости; в бедах — винили илбэча, вытолкавшего их сюда.

Дважды за это время о Шооране вспоминали власти. Один раз — почти сразу, когда ещё не был засажен первый участок. Тогда Шоорана вызвали в ставку, напялили на него до нелепости пышный наряд и вместе с огромным посольством направили в обход бывшего далайна, на восток, где разведчики встретили ещё одну колонию людей.

Когда обвалилась стена и потухли авары, многие бросились пытать счастья за очерченной границей. С обрыва спускались бунтовщики и цэрэги, выжившие сектанты-общинники и ещё неведомо кто. Спускались в одиночку и группами, оставляя на стене верёвки для подъёма или навсегда отрезая себе путь назад. Часть этих людей выходила к посёлкам, основанным Ээтгоном, и присоединялась к ним, принимая законы страны изгоев, многие гибли, не умея приспособиться. Кое-кто выживал, но, не имея достаточно средств, вёл существование, мало отличное от жизни диких зверей. Всех этих людей нельзя было сбрасывать со счетов, но и серьёзной проблемы они не представляли. А теперь выяснилось, что на дальнем, самом засушливом конце мира одонт Моэртал сумел сохранить государство и организовал исход уцелевших на иные земли.

Результаты переговоров Шоорана не волновали. В конце концов — земля теперь большая, как-нибудь её поделят. Если Ээтгон считает, что присутствие в его стане илбэча может принести какие-то выгоды, то Шооран не станет возражать и будет послушно принимать важные позы. Больше от него не может требовать никто.

В свите Моэртала Шооран увидел несколько знакомых лиц. Особенно порадовала встреча с Турчином. Бывший сослуживец щеголял уже в достоинстве одонта, хотя, конечно, никакого управления Моэртал ему не доверял. Просто Турчин добросовестно служил, успешно командовал двойной дюжиной солдат, и Моэртал, не затрудняясь подысканием иных званий, вручил ему костяной тесак. Шоорана Турчин в очередной раз не узнал, смотрел на него с опасливым восхищением и приблизиться не решался.

Зато Моэртал сразу подошёл к илбэчу и, уважительно обратившись на «вы», но не изменяя привычной утвердительной манере, спросил:

— Мы уже встречались прежде. Ваше лицо мне знакомо.

— Я служил у благородного одонта цэрэгом, — напомнил Шооран, — а потом выпустил из тюрьмы сказителя Чаарлаха и дезертировал сам.

— Это я хорошо помню, — сказал Моэртал. — Значит, старый пройдоха всё-таки знал, кто илбэч. Вот почему он вёл себя так дерзко.

— Он ничего не знал, — возразил Шооран. — Он вёл себя храбро, потому что был бесстрашен.

Этой короткой беседой и ограничилось участие Шоорана в государственных делах. Через день он отправился обратно, рыхлить приречный перегной.

Второй раз Шоорана потребовали для дальней экспедиции. Скороход, прибежавший на поле, задыхаясь, сообщил:

— Ээтгон зовёт к себе. Охотники нашли алдан-тэсэг!

Отряд вёл сам Ээтгон. За два месяца жизнь в колонии наладилась, и повелитель не боялся оставить подданных одних. Путь оказался неожиданно долгим, хотя алдан-тэсэг они увидели на восьмой день путешествия. Он огромным светлым куполом возвышался над лиловеющей линией горизонта. Казалось, до него можно дойти за несколько часов, от силы, за день, но проходили сутки за сутками, а исследователи никак не могли добраться к подножию.

Четыре дня они пробивались через мокрую буреломную чащобу, мучительно преодолевая темноводные, кишащие рыбами речки. Потом лес поредел, и за некрутым каменистым кряжем открылись безграничные поля, поросшие высокой, несъедобной травой. Верхушка алдан-тэсэга всё так же торчала из-за края земли, дразня взгляд обманчивой близостью.

Среди путешественников пошли разговоры, что таинственной вершины вообще нельзя достигнуть. И даже те, кто не был суеверен, опасались, что, уйдя на такое огромное расстояние, они не сумеют вернуться назад. В отряде началось брожение, и наконец даже непреклонный Ээтгон объявил, что если за два дня они не добьются успеха, то повернут обратно. Приунывшие было первопроходцы повеселели и пошли спорей, тем более, что к вечеру первого дня стало ясно, что пик действительно недалёк.

Вблизи алдан-тэсэг уже не походил на гору. Это была стена, ровная и прямая. Она появлялась из-за горизонта и уходила туда же. Она была так высока, что казалось, будто она нависает над головой, загибаясь к зениту. Если бы люди прежде не видели гору издали, они могли бы решить, что перед ними новая стена Тэнгэра, огораживающая этот, более обширный, но тоже ограниченный мир. Стена стояла неприступно, в плотном камне не было ни единой выбоины, трещины.

Остаток дня экспедиция продвигалась вдоль стены, к тому его краю, который при подходе казался ближе. К вечеру они увидели этот край. Стена не кончалась здесь, и её нельзя было обойти. Она поворачивала под совершенно правильным прямым углом и уходила за горизонт, обрезая степь.

Шооран подошёл к стене, ощутил под руками глубинный холод камня. Стена высилась, нелепая, не соотносящаяся с этим вычурным, не терпящим ровных линий миром. Такого здесь не должно быть, прямые углы он видел лишь наверху в прошлой жизни. Пальцы, прижатые к камню, заледенели, преграда словно излучала холод.

— Я знаю, что это, — сказал Шооран. — Это не алдан-тэсэг, это далайн. Только здесь стена ещё не упала, поэтому он такой высокий.

— И что нам с ним делать? — спросил Ээтгон.

— Ничего. Идти домой.

* * *

В первом же посёлке, куда после двухнедельных блужданий вышла экспедиция, им сообщили неприятные новости. В одну ночь все подъёмники, ведущие на вершину далайна, были испорчены. Подъёмников насчитывалось несколько дюжин, и кто-то немало постарался, подпиливая столбы и перерезая волосяные тросы. Теперь наверх стало не попасть. Хотя ничего особо ценного там и не оставалось, только запасы кости и хитина, ставшего бесполезным после того, как исчез нойт.

Диверсию Ээтгон приписал людям Моэртала и, ругнувшись про

себя, махнул рукой на залежи трухлявой кости. Гораздо больше встревожило его другое сообщение.

Ещё в дороге путешественники заметили, что ночи стали непривычно холодными, словно мертвящая влага далайна подступила к земле. Трава по утрам серебрилась белым налётом, с деревьев осыпались пожухлые листья. Дома эти погодные неурядицы обернулись бедой: хлеб третьего урожая, под который были расчищены изрядные делянки, не вырос. В посёлках, разбросанных вдоль реки, царило уныние, грозящее в любую минуту беспричинно перейти в возмущение.

Ээтгон вернулся как нельзя кстати. Он сходу взял управление в свои руки, метался от деревень земледельцев к стойбищам охотников, опять, как год назад, устраивал склады припасов. Увидев где-нибудь хитрую придумку, немедленно сообщал о ней всем, советуя поступать так же. Люди переселялись из продуваемых кожаных палаток в землянки, мгновенно прозванные шаварчиками. Все, кто мог, заготавливали горькую ягоду, копали съедобные коренья, которых уже немало было известно, сушили грибы, вялили и квасили мясо. А вечерами, собравшись вместе, грели руки над огнём и ругали тяжёлую жизнь и илбэча, который подстроил им такое.

Шоорана ненавидели и боялись. Боялись, впрочем, больше. Говорили, что один его взгляд может заставить человека окаменеть. Лёд, которым по утрам начинали подёргиваться заводи, тоже был создан илбэчем, ненавидящим воду и желающим всё превратить в камень. И холод был наслан им, и ещё многое иное...

При Шооране эти разговоры затихали, но взгляды-то не спрячешь и страх тоже не сунешь в мешок. Разговаривая с ним, люди замирали и цедили слова, словно воду за неделю до мягмара. А когда однажды Шооран вздумал выйти к людям с новым, из здешней кости сделанным сувагом, люди разбежались, а несколько оставшихся сидели, затвердев лицом, и не слушали, а пережидали напасть.

Больше Шооран на людях не пел и вообще старался не показываться им на глаза. Прекратил даже бессмысленную работу на поле, сидел в отрытом шаварчике у очага и мрачно думал о бренном. Землянка илбэча, вырытая первой, стояла особняком, остальные сочли за благо поселиться в стороне.

Однажды вечером двойной полог, закрывавший вход, качнулся, и в землянке появился Ээтгон. Он был один, охрана, очевидно, ожидала где-то неподалёку. Ээтгон присел у очага, жестом, ставшим уже традиционным, погрел над ним пальцы.

— Вот, значит, как ты живёшь...

Шооран молча кивнул.

— Знаешь, что о тебе рассказывают?

— Догадываюсь.

— И что собираешься делать?

— Ничего.

— Легко тебе. Ты своё дело сделал и можешь опустить руки. А я не могу. — Ээтгон резким движением поднял голову и проговорил, глядя в глаза Шоорану: — Люди судачат, что надо сжечь тебя вместе с твоим шаварчиком, и тогда холода прекратятся.

— Пусть жгут, — согласился Шооран.

— Нет! — Ээтгон повысил голос. — Здесь не земля старейшин — человеческих жертв не будет! Кроме того, никто не знает, что случится потом. Ты ещё можешь пригодиться... этим же людям.

— Ты рачительный хозяин.

— Вот что, — не слушая продолжил Ээтгон, — собирайся и уходи. Ты сильный, ты выживешь и один, а у нас тебе нельзя оставаться. Скажи только, где тебя искать... в случае чего.

— Вниз по реке. Помнишь, когда ходили к алдан-тэсэгу, переправлялись через ручей возле полосатых скал? Там распадок красивый. Я ещё сказал, что там было бы удобно жить.

— Вот и хорошо, — Ээтгон поднялся. — Иди туда. Завтра вечером тебя уже не должно быть здесь.

* * *

Лесная речка неторопливо пробиралась меж валунов, загромоздивших русло. В тех местах, где колючие смолистые деревья вплотную подошли к воде, она казалась чёрной и почти неподвижной, но на камнях гладко струилась, и там было видно, какая она прозрачная и чистая.

Шооран сидел на берегу, смотрел в воду. День был ясный, тёплый, какие нечасто выпадали теперь. Такой день полезно употребить на дюжину неотложных дел. Возле переката, где лес отступил от реки, поднимается сухой песчаный холм, в котором удобно вырыть убежище. На том берегу тянутся заросли высокой травы, похожей на хохиур, но с бархатистыми тёмно-коричневыми шишками вместо метёлок. Из высушенных и перемолотых корней этой травы можно печь лепёшки, и они будут почти как настоящие. А в лесу ещё есть грибы, хотя ночные заморозки изрядно поубавили их. Короче, человеку, пришедшему сюда на житьё, есть чем заняться.

Шооран праздно сидел на полого уходящем в воду камне и смотрел на стайки плавающих у самого дна мальков. У ног Шоорана лежала большая мёртвая рыба. Когда Шооран только вышел сюда, рыба уже валялась на камнях, а вокруг суетился остромордый зверёк, старательно выгрызавший внутренности у своей добычи. Увидев человека, рыбоед беззвучно скользнул в воду, оставив рыбу Шоорану. И вот Шооран сидит, не глядя на смертоносный подарок, а уложенные в торбы вещи ненужной грудкой валяются позади.

Когда-то он уже уходил от людей, когда его прогнали на верную смерть. Тогда он унёс с собой лишь мамино ожерелье — единственную вещь, которую он сохранил до сих пор. Сейчас его выгнали вновь, но на этот раз он волочил на спине преогромные тюки, словно притащенное добро может помочь ему. Словно он пришёл сюда жить... Смешно... Новый мир, красивый и жестокий, сам подсказывает путь последнему чудотворцу, положив к его ногам рыбу.

Шооран поднялся, в несколько минут набрал кучу хвороста, высек искру на пучок сухой травы. Огонь жадно охватил ветки. Удивительно, до чего быстро люди привыкли жечь дерево! Когда ветки прогорели, Шооран достал из котомки котелок, расправил его, зачерпнул воды, осторожно поставил на угли.

Такие котелки делались из растворённого хитина. Хитин разводили в горячем нойте, и на секунду окунали в него выточенную в виде котелка и смазанную скользким жирковым салом кость. А потом опускали кость в воду. Всё, как при макании ухэров, только операцию повторяли один-два раза, после чего снимали с болванки шуршащую плёнку готового котелка. Его можно было сложить или свернуть в трубочку, но воду он держал прекрасно и, наполненный водой, не прогорал даже на самом горячем аваре. Теперь такой посудины, конечно, не сделать, а однажды порванный котелок можно смело выбрасывать. Этот котелок был у Шоорана последним, и Шооран берёг его, хотя и видел, насколько это бессмысленно, особенно сейчас.

Когда вода закипела, Шооран осторожно поднял рыбу, промыл в ручье разгрызенное брюхо и опустил тушку в кипяток. Бледное рыбье мясцо мгновенно побелело, вода стала мутной, и от котелка дразняще потянуло вкусным запахом. Шооран вытащил разваренную, исходящую паром рыбу, уложил на лист лопушка, стал ждать, пока немного остынет. К чему спешить? Съесть свою рыбу он успеет. Жизнь он прожил впопыхах, так хотя бы умереть надо не торопясь.

Шооран расстелил постель, улёгся и, подтянув поближе импровизированное блюдо, отломил от рыбы первый кусочек. Действительно, было вкусно, хотя и не так, как представлялось порой. Шооран до крошки доел рыбу, не дожидаясь судорог, свернулся в комок и закрыл глаза.

На душе было спокойно.

* * *

Солнечный луч раздробился на ресницах, брызнув дюжиной микроскопических радуг. Шооран чихнул и проснулся. Вокруг праздновало утро. Догоревший костёр седел остывшей золой.

Шооран недоуменно огляделся, задержал взгляд на обсосанных рыбьих косточках и нервически рассмеялся. Большой мир в очередной раз оказался не таким, как он думал. Здесь не мудрено отравиться наысом, зато рыбу можно есть без опаски! Кто бы мог додуматься до такого! Значит, судьба. Будем жить дальше. А остальные люди пусть живут сами по себе, как могут и умеют.

Шооран встал, вытащил из-под кучи барахла костяную лопатку и пошёл к обрыву, рыть себе дом.

* * *

Вы, те, у кого прочная крыша над головой и жаркий огонь в очаге, кто ест горячее мясо и слушает сказителя, вспомните в эту минуту о тех, кто голоден и замерзает в пути. Вспоминайте и слушайте о древних временах, о веке счастья, когда люди не знали, что такое голод, холод и болезни. Мир в те счастливые времена был молод и мал, но люди ни в чём не знали недостатка. Хлеб родился сам, реки текли вином, и на земле не бывало зимы.

В ту пору миром правил древний Ёроол-Гуй. Дни и ночи проводил он в заботах о людях, украшая их землю и преумножая богатства. Бесчисленными своими руками совершал он всю тяжкую и грязную работу, так что людям оставалось лишь радоваться и праздновать каждый день. И если одному из людей недоставало чего-то для счастья, он приходил к далайну, где жил заботливый бог, и восклицал: «О отец мой, Ёроол-Гуй! Радость исчезла с моего лица!» — и тогда Ёроол-Гуй всплывал и молча делал так, чтобы никто не видел недостатка даже в самых редкостных вещах. Единственное, в чём знавали люди затруднение: что бы ещё пожелать?

Но недаром говорится: была бы сырость, а гниль сама заведётся. Жили между людей злые духи — шоораны. Не было им ни сна, ни покоя, пока не навредят кому-нибудь. Пакостили шоораны как только могли, да не много успевали, ведь каждого человека охраняла рука могучего Ёроол-Гуя. И оттого исходили шоораны злобой на доброго бога.

Среди всех шооранов самым хитрым был один по имени Илбэч. Он созвал своих братьев и сказал им:

— Никогда нам не сотворить настоящего зла, покуда жив бессмертный Ёроол-Гуй. Пойдём, завалим камнями бездонный далайн, убьём Ёроол-Гуя, и жизнь свернётся с правильного пути.

Шоораны тучей ринулись к далайну, но могучий Ёроол-Гуй встал им навстречу, и злые бесы обратились в бегство, а многие были побиты и не вернулись домой.

Тогда кровожадный шооран Илбэч собрал уцелевших и сказал иные слова:

— Никогда нам, злым шооранам, не побороть сильного Ёроол-Гуя, но мы можем справиться с ним коварством. Пусть люди сами завалят камнями бездонный далайн.

И вот злобные шоораны пошли к людям.

— Ёроол-Гуй обманывает вас, — говорили они. — Он даёт вам то, что похуже, и кормит отбросами. Зачем ждать, пока немой урод подарит вам что-нибудь, не лучше ли пойти и самим забрать все богатства далайна?..

Так нашёптывали они много дней, и люди стали прислушиваться к коварным речам и говорить:

— Ёроол-Гуй не любит нас, он прячет сокровища от людских глаз. Пойдём, засыплем далайн и станем хозяевами всего!

И однажды ночью обманутые люди пришли к далайну и скинули в него большие камни, чтобы многорукий Ёроол-Гуй не мог всплыть. Они бросали камни, пока вместо бездонного далайна не выросла каменная гора. А шоораны ходили между работающими и хвалили их, но в душе смеялись над простецами.

И когда люди убили бога, наступило царство зла, и лишь в легендах сохранилась память о той поре, когда хлеб рос сам, а море само выносило на берег сокровища глубин. Ныне всякое добро даётся непосильным трудом, и лишь злу живётся привольно. Но люди знают, что в недрах земли спит заваленный камнями бессмертный Ёроол-Гуй. Когда-нибудь он проснётся, встанет над миром, покарает гнусных шооранов, а людей простит, ибо не ведали, что творят.

И на землю вернётся золотой век.

ГЛАВА 13

Приближались осенние дни. Последний урожай, пусть и не очень богатый, был снят, вино из лесной ягоды перебродило и радовало глаз оттенками красного, лилового, золотистого цветов. Из леса тащили орехи и грибы; на болоте в дополнение к хлебу копали мучной корень. Подросших бовэров ещё не начинали колоть, но охота на дикого зверя была удачной, и мяса хватало. К тому же в этом году дали первые плоды долго болевшие туйваны, и люди вновь вспомнили вкус сластей.

Приближалось время свадеб.

Первыми играли свадьбы посёлки Нижнего Поречья. Молодой удачливый охотник Ёртоон брал в жёны юную красавицу Бутай. Девушка жила вдвоём с матерью и была бедна, хотя кто теперь может сказать: беден человек или богат? Земли вокруг сколько угодно: хватило сил расчистить и засадить поле — вот ты и богач. А жемчуг, что сохранился у некоторых — он для красоты, а не для богат-

ства. В хорошую пору он поднимается в цене, а в голод — сам ешь свой жемчуг. Былые сокровища — что-то вроде ухэров, стоящих на деревенской площади, старых, растрескавшихся под дождями. Эти ухэры уже никогда не выстрелят: нет нойта, хитин больше не в ходу, да и харвах не из чего готовить, так что молодёжь лишь из сказок знает об огненной пальбе.

Совсем иное дело — вещи из редкой кости, какой не встретишь в новые времена. Только у кого они есть? Если что и было, то осталось наверху, попрятанное в тайники и укромные углы.

Поэтому никто не называл брак Ёртоона неравным, хотя старики и шептались, что не дело, когда у невесты нет ни перламутровой подвески, ни иного украшения из «старых» дней. Но все громкие поздравления и заушные перешёптывания разом стихли, когда в разгар праздника на площади перед накрытыми столами появилась знакомая всем фигура илбэча.

Жил колдун далеко отсюда, чуть не у самой Белой вершины, в местах, куда люди без надобности не хаживали. В посёлках появлялся редко, только для того, чтобы сменять на хлеб ножи, которые он вытачивал у себя из полосок сланца. Ножи были замечательны, но мало кто осмеливался пользоваться тем, что изготовил илбэч. Ножи брали и хранили словно опасный амулет, не смея ни выбросить, ни использовать по назначению. Зато подарки илбэча, от которых тоже не можно было отнекаться, приносили либо долгое счастье, либо скорую смерть. Потому и замерли пирующие, увидев идущего чудодея.

Шооран подошёл к невесте.

— Я принёс тебе подарок, — сказал он.

Шооран извлёк из-за пазухи свёрток, развернул туго шуршащую берёсту и протянул испуганной девушке два слепящих белизной костяных полумесяца. Немного оставалось в мире людей, видавших прежде подобное сокровище, но все, даже самые молодые, понимали, что это вещь редкостная даже для прежней жизни, и значит теперь у неё нет цены. Ведь это не жемчуг, который весь одинаков.

— Эти заколки принадлежали твоей бабке, — сказал Шооран, — ей пришлось продать их, чтобы прокормить твоего отца. Я добыл их из сокровищницы Хооргона полторы дюжины лет назад. Но уже тогда я знал, что это чужая вещь, и её надо отдать тебе.

Шооран говорил, не глядя на Яавдай, замершую рядом с дочерью, но знал, что она слышит и понимает второй смысл его слов. Теперь, когда она знает, кем он был, многое предстаёт для неё в новом свете. Многое, но не всё. Главное осталось прежним — он здесь не нужен.

Шооран быстро договорил свою речь, сам не зная, что это: запоздалая месть или ненужная мольба о прощении, ещё раз покло-

нился, подошёл к столу, зачерпнул из дощатой кадушки шипучего напитка, отломил румяную корочку пирога, поклонился третий раз и быстро ушёл.

Сельчане перевели дух: илбэч, явившийся на праздник, пил и ел, а это добрый признак.

* * *

Последние годы Шооран жил на самой границе со степью. Его дом, уже не земляная нора, а срубленный из брёвен балаган, стоял среди сглаженных временем скал, сразу за которыми лес редел, открывая ковыльный простор. Шооран не часто выходил туда; в одиночку он не мог охотиться на степных копытных зверей, а больше делать в степи было нечего. Главное же, там было невозможно скрыться от вида маячащего над горизонтом алдан-тэсэга.

Белая гора неудержимо притягивала его и вместе с тем раздражала. Как и сам илбэч, она была не такая, для неё не было здесь места, но всё же она поднималась гордая и безразличная, видимая отовсюду. Шооран ненавидел это монументальное напоминание о прошлом и всё же словно случайно откочёвывал всё ближе к алдан-тэсэгу. На третий год своего отшельничества он даже устроил ещё одну экспедицию к нему, на этот раз в одиночку. За четыре дня он обошёл гору кругом, приблизительно оценив её размеры. Первое впечатление не обмануло, стена действительно огораживала площадь, равную далайну. Но если это так, то кому понадобился этот чудовищный гнойный волдырь? Неужели всё-таки Тэнгэру?

Вернувшись из лесного посёлка, Шооран несколько дней прожил ничего не делая, если, конечно, можно назвать ничегонеделанием судорожные метания очумевшего от одиночества человека. Казалось бы, за дюжину лет он свыкся с отшельничеством — ан нет. Нестерпимо хотелось людей, хотелось быть нужным.

Молва приписывала ему бесконечные годы, его путали с безумным илбэчем и даже Ваном, хотя его жизнь прошла на виду, и многие дюжины людей знали его. Для всего мира он был колдуном и чудовищем. Он потерял даже имя, в тех случаях, когда не было возможности уйти, люди называли его Илбэч.

А он — обычный человек. Он давно истратил свои чудесные способности и хочет просто жить. Ведь он ещё не стар — три дюжины — не такой уж большой возраст. Душа и тело бунтуют против пустыннической жизни, и приходится изнурять их сверх меры, выдумывая изощрённые труды и занятия только для того, чтобы не сойти с ума.

Но на этот раз никакая привычная работа не могла отвлечь его. Пополнять заложенные на зиму запасы казалось бессмысленным, зажатый в древесном расщепе нож, который предстояло отполировать, вызывал чувство отвращения. Насчёт своего состояния Шооран не об-

манывался. Он слишком долго ждал вчерашнего дня, готовился, на разные лады представляя, что он скажет и что произойдёт потом. А произошло единственное, что могло случиться — люди испугались. Все, даже Яавдай. И теперь обманутые ожидания сжигают грудь.

Шооран быстро собрался, взял пару острог. Рыба Шоорану была не нужна, за лето он насушил и наквасил её достаточно много. К тому же не так сложно достать рыбу зимой из-подо льда. И всё же Шооран решил пройти вниз по реке и постараться выловить одну из огромных рыб, что встречались там. Шооран не очень представлял, как взять великанскую рыбину в одиночку, и надеялся, что эта задача отвлечёт его от тягостных мыслей.

А в деревнях до сих пор никто рыбы не ест, даже во время весенних голодовок. Считают её смертельной, и то, что илбэч пожирает рыбу и остаётся жив, ещё больше убеждает людей в его сверхъестественной сущности. Теперь никто не осмеливается не то что поднять на него руку, но и сказать в глаза хоть одно противное слово. Иное дело — за спиной. Можно представить, что говорят там.

Как это случилось, Шооран до сих пор не мог понять. Просто когда после первой самой страшной зимы он вышел в изрядно обезлюдевшие посёлки, то увидел в глазах уцелевших ненависть, смешанную с животным ужасом. С тех пор, хотя зимы стали привычны и не страшны людям, человеческое отношение к илбэчу не вернулось. Может быть, это произошло просто потому, что Ёроол-Гуй умер, а людям надо кого-то бояться.

К вечеру Шооран понял, что идёт не к реке. Ноги сами выводили его к белым стенам алдан-тэсэга. Шооран не понимал, зачем он туда идёт, но, послушный внутреннему зову, шагал всё целеустремлённей и быстрее, словно боялся опоздать на свидание. И лишь когда стены, скрывающие чужой далайн, нависли над ним, Шооран ощутил усталость и покорное разочарование. Зачем бежал? Кому это было нужно?

Шооран прислонился лбом к леденящей поверхности. Закрыл глаза. Ему казалось, он слышит плеск влаги. Или это загустевшая от напряжения кровь стучит в висках?

Шооран открыл глаза, прислушался. Стук не исчез, он раздавался на самом деле, но шёл, конечно, не сквозь стену, а откуда-то со стороны. Странный звук, не похожий на привычные природные шумы. Так упорно и размеренно может действовать только разум.

Шооран двинулся на звук.

Человек стоял возле стены и долбил её огромным каменным молотом. Человек был стар, одет в немыслимое рваньё и грязен, словно изгой, вынужденный мыться соком чавги. Спутанные седоватые волосы скрывали лоб, смыкаясь с кустистыми бровями, из-под которых экстатически сверкали безумные глаза. Не менее диким был и инструмент безумца. Собственно говоря, это был острый, никак не

обработанный камень, грубо прикрученный к деревянной рукояти. Второй, запасной молот лежал неподалёку возле брошенного на землю мешка.

Было невозможно понять, что заставляет человека заниматься явно бессмысленным делом. Кувалда глухо тукала по стене, легко гасившей её движения, от каждого удара вниз сыпалась щепотка пыли. Продолбленное углубление было так ничтожно, что, раз отойдя в сторону, его не удалось бы потом найти. И всё же человек упорно старался возле громады, не замечавшей его усилий.

— Эгей! — окликнул Шооран. — Ты кто? Что ты здесь делаешь?

Казалось, старик не был ни удивлён, ни испуган, что его застали врасплох. Он опустил к ноге своё долбило и хрипло ответил, глядя поверх головы Шоорана:

— Я вечносухой повелитель мира, сияющий ван!

— А ведь я знаю тебя, — сказал Шооран. — Ты Боройгал, палач с угловых оройхонов.

* * *

Воцарившись в гордом одиночестве на верхушке каменного куба, в который обратился далайн, Боройгал медленно дичал. Дворец вана, в котором поселился палач, ветшал на глазах. Кровля не была рассчитана на действие снега и дождя. Кожа, которой была застелена крыша, коробилась и трещала. Алдан-шавар заливало водой, в смотровые бойницы наносило снег, в нижнем ярусе установилась плотная тьма. И повсюду было ужасно холодно. Боройгал кутался в мех белых царских бовэров и рубил на дрова узловатые стволы облысевших туйванов.

Весной свалилась новая напасть. Мелкие зверюшки, что-то вроде зоггов, но с прозрачными крылышками во множестве поползли снизу и в один месяц источили в труху припасы из дворцовых закромов, оставив Боройгала ни с чем. А ведь он полагал, что еды ему хватит до конца жизни. Пришлось вернуться на ожившие поля и выбирать из зарослей сорной низовой травы случайно выжившие хлебные гроздья. Но и эти растения быстро выродились без ухода, и тогда Боройгал приспособился ловить сетью пернатых существ, облюбовавших неприступную вершину, и собирать яйца в гнёздах, которых появилось повсюду невероятное количество.

Но всего сильнее изводила Боройгала жуткая догадка, что его мучения напрасны. Люди, оставшиеся внизу, и не думали пропадать и идти на поклон к новому владыке. Конечно, в первый день после того, как Боройгал подрубил столбы и перерезал тросы у подъёмников, люди волновались, бегали внизу, а заметив над обрывом красующегося Боройгала, принимались махать руками и кричать, чтобы он спустил им верёвку. Боройгал злобно смеялся в ответ и плевал с

высоты на фигурки людей, ползающие, словно зогги, по спине осуждённого. Но тем и кончился краткий миг могущества. Люди быстро успокоились, перестали обращать внимание на неприступный далайн и занялись другими делами. Этого Боройгал понять не мог и исходил желчью, строя планы мести всему миру.

По весне изнемогший палач сделал вылазку. Спустился с той стороны, где к стене примыкало топкое болото и где никто не обнаружил бы спущенной лестницы. Возле одного из посёлков Боройгал выследил женщину, занятую копкой корней. Палач силой овладел ею, а потом устроил строгий допрос. Так он узнал о Шооране, об алдан-тэсэге, стоящем за лесами, и, главное, о том, что никто не собирается возвращаться на старые места.

Сначала Боройгал хотел затащить женщину к себе, чтобы было, наконец, кому ухаживать за ним, но потом испугался, что та сбежит и выдаст место, где он устроил спуск. Боройгал разбил пленнице голову и сбросил тело в реку — рыбам.

С того времени царственный Боройгал жил иной мечтой. Все мысли сосредоточились на втором далайне, стоящем где-то за краем земли, так далеко, что и с высоты не увидать.

С ослепительной яркостью представлялось, как падает его стена и едкая влага льётся неудержимыми каскадами, затопляя ненавистную низовую жизнь. Далайн бездонен, его злой влаги хватит на всех. Напрасно людишки будут прятаться и искать спасения на холмах, месть Ёроол-Гуя настигнет их. Всё утонет, покроется жидким ядом, и только незыблемые оройхоны, его владения, останутся среди безбрежного — на этот раз действительно безбрежного! — далайна. Люди будут ползать у его ног, захлёбываясь нойтом, моля о пощаде и обещая покорность. Но он... он будет поднимать наверх только молодых девиц, которых ему так не хватает. Не надо ему ни слуг, ни телохранителей, ни баргэдов — среди них обязательно отыщется предатель. Всё будут делать бабы, он-то знает, что они справятся с работой не хуже мужиков. Зато как они станут беречь его, как преданно любить, ведь он останется единственным мужчиной на всех оройхонах. Остальные захлебнутся чёрной жижей, их плоть разъедят ылькы, их станет жрать уулгуй, и маарах начнёт глотать их дюжинами. А дольше всех будет корчиться богомерзкий илбэч. О, он не умрёт так сразу! Грозный Ёроол-Гуй сам выплывет из пучины, чтобы покарать оскорбителя. И никогда больше мир не осквернится подобной мерзостью. Богоданный владыка, сияющий Боройгал, да не узнают его ноги сырости, будет сам следить за этим. Всякий, на кого падёт подозрение, что он может стать илбэчем, немедленно отправится в далайн.

Боройгал принялся ждать. Он отлично умел это — ждать, ничего не делая. Однако год проходил за годом, а жизнь не менялась. Закостеневший в ненависти Боройгал старел и постепенно терял остатки разу-

ма. Наконец он понял, что, сидя на тэсэге, счастья не дождёшься. Оставалось идти освобождать далайн, который ленится сам вырваться на свободу. Продолбить в стене дырку, совсем небольшую, чтобы успеть отскочить и вовремя удрать... а там влагу уже не остановишь...

Главное — продолбить дыру и отпрыгнуть...

* * *

— Ты Боройгал, палач с угловых оройхонов, — произнёс Шооран, с усмешкой глядя на выходца из полузабытого прошлого.

— Ага-а!.. — протянул Боройгал. Он тоже узнал Шоорана. — Сказочник! Выжил, паскуда...

— Выжил, — согласился Шооран, улыбаясь во всю ширь.

Боройгал поднял своё убийственное орудие и, косолапо ступая, двинулся на Шоорана. Шооран продолжал стоять, хотя в руках у него не было ничего кроме тонкого прута — снимать с веток развешанную повсюду паутину. Паутина в нижнем мире не таила никакой опасности, но многолетняя привычка заставляла сторониться её липких прикосновений.

Шумно хакнув, Боройгал ударил. Шооран легко уклонился от удара и наотмашь стеганул палача лозой по лицу.

— Я же говорил: не умеешь драться.

Раз за разом Боройгал кидался на противника, который был на полголовы ниже его и, казалось, не желал трогаться с места, но каждый раз острый камень рассекал воздух, а свистящая в руках Шоорана розга полосовала щёки, стегала по глазам, кровянила губы.

Тяжело дыша, Боройгал остановился. Шооран улыбаясь смотрел на него.

— Ненавижу... — прохрипел Боройгал. — Жаль, я не удавил тебя сразу, тогда. Ты, и ещё илбэч, вы сломали мою жизнь, вы всё перепортили... Ненавижу вас обоих!

— Вас одного, — поправил Шооран. — Я и есть илбэч.

Боройгал выронил молот, попятился. Споткнулся о свой мешок, упал на спину. Дрыгнув ногами, перевернулся и побежал на четвереньках, подвывая от ужаса дребезжащим тонким фальцетом.

Шооран стоял, опустив прут, и улыбался. Потом его пальцы разжались, хворостина выпала, косо перечеркнув валяющееся кайло.

Отвернувшись, Шооран подошёл к стене, положил ладони на истюканную поверхность. Холод близкого далайна обжёг пальцы. Шооран долго стоял так, но руки не мёрзли, бессмысленный, не нужный здесь огонь илбэча не давал им заледенеть. С безысходной ясностью Шооран понял, почему не может найти покоя. Не в том дело, что его гонят люди, он гонит себя сам. Он не может жить без ненавистного далайна, без ядовитой влаги, стылой бездны и дыма жгучих аваров. Нельзя прожившему жизнь в борьбе лишаться врага. Он со-

здал новый мир, но ему нет в нём места. В этом он схож с рехнувшимся Боройгалом.

Совсем рядом, в нескольких шагах — далайн. Но на пути стена, и её не проковырять даже самым твёрдым камнем.

Шооран вжался лицом в стену. Огонь горел в груди, отдаваясь толчками пульса. Задержав дыхание, Шооран сделал медленный, заворожённый шаг, потом второй. Глаза были широко раскрыты, но ослепли, запечатанные камнем. Он шёл, не зная, как это получается, и неподатливый камень расступался перед ним. Позади осталось брошенное, сползающее по стене тело, но огонь и крошечное опалённое «я» продолжали идти. Он рвался вперёд вслепую, не загадывая о результате, как действовал всегда, мучаясь и не зная, к чему приведут его шаги.

И он вышел к свету, разом осознав, как исчезло и сопротивление, и опора под ногами. Он упал, успев заметить в краткий миг падения полог небесного тумана, излучающего дневной свет, надвигающуюся жирно-блестящую поверхность далайна и где-то в безнадёжном далеке одинокое пятно земли.

В следующее мгновение влага сомкнулась над ним. Пытаясь спастись, он вскинул руки — бессчётные дюжины рук с присосками, роговыми когтями или бахромой гибких пальцев. Рывок множества рук вынес его в воздух, и он снова увидел туман в небе и сиротливое скрещение оройхонов вдалеке. И последним движением, пока сознание еще не растворилось в слишком большом и чересчур самостоятельном теле, он бросил пылавший огонь на далёкую землю, копошащимся точкам людей, не выбирая, кому из них достанется пламя. Затем, сдавшись бессмысленной, бьющей через край силе, нырнул.

* * *

Он уходил вниз в бесконечную глубину, парил, пробивая пласты загустевшей влаги, кажущейся дымкой или прозрачными облаками, вроде тех, что пролетают за стенами далайна. Всё вокруг принадлежало ему: руки сами хватали еду, питая резвящееся тело.

Пищей служило всё — и едва трепыхающаяся мелочь, и существа покрупнее, жалко пытающиеся защищаться и даже атаковать. Это сопротивление доставляло ему радость, и он, чутьём угадывая вертикаль в лишённом сторон мире, стремился всё глубже, туда, где в сиреневом сумраке проплывали светящиеся монстры, превосходившие его размерами, покрытые тугой бронёй и способные единым зубом состричь любую из рук. Он кидался на этих зверей и, теряя в схватке куски плоти, тащил наверх, поднимаясь, пока движения глубоководных уродов не замедлялись, а панцирь не трескался. Тогда он, ликуя, пожирал взрывающееся изнутри мясо. А потом вновь падал в бездну или поднимался наверх, где на твёрдых кусках камня ждала иная пища — мелкая и сухая.

Он не мог и не желал замечать, сколько времени продолжалась эта жизнь. Кипение радости заглушало любое иное чувство, лишь в каком-то уголке — не тела, а самого естества ютилось нечто, замершее от холода и безысходности. Этот комок давно не осознавал себя и помнил лишь о том, что прежде ему было тепло, у него был огонь, который он потерял, отдал кому-то чужому. Но стоило ли беспокоиться о такой мелочи, как жалкая крупица души? Радость была больше.

Он парил в ласковых струях, наслаждаясь покоем, когда пронзительный удар рассёк вселенную. Боль скрутила его, швырнув в глубину, удары шли волнами один за другим, и он заметался, не понимая, где прячется этот чудовищный, доселе не бывалый враг. Мучение кончилось, и лишь тогда он осознал, что противник бил сверху. Вытянувшись упругой стрелой, он понёсся к свету. По дороге его настиг новый удар, но он уже знал, кто посягнул на него, и не замедлил движения. Но всё же опоздал и выбросился в воздух, когда всё стихло.

Мир оставался прежним, лишь кучка оройхонов изменилась, скособочившись двумя новыми островами.

Определив опасность, он ринулся в бой. Руки привычно добывали пищу, волокли попискивающую сухопутную мелочь, но сам он искал того, кто осмелился ударить.

Крошечная фигурка стояла перед ним. Она была бы неотличима от прочих съеденных или спасшихся козявок, но в её руках светилось пламя. При виде огня ледяная крупинка, когда-то звавшаяся Шооораном, ожила и потянулась вперёд.

— Отдай! — немо просил он. — Это мой огонь. Мне плохо и холодно без него. Отдай! Я не трону тебя, я никого больше не трону, я уйду в бездну и не вернусь оттуда никогда, только отдай огонь!

Он тянулся к огню, обещая, чего заведомо не мог выполнить. Тьмы его рук напряглись до предела, дюжины сердец судорожно бились, перегоняя кровь и всасывая живительную влагу далайна, весь он превратился в единый порыв, но жёсткая и невидимая граница останавливала его, не пуская дальше.

— Отдай! — молил он, а крошечный неуязвимый человек стоял у самого поребрика, смеялся над беспомощным богом, и в руках человека горел огонь.

* * *

Так было, но лишь бессмертные знают, как было на самом деле. Вот только одного из них нет ни по ту, ни по эту сторону стены, другой же с баснословных времён не произнёс ни слова, ибо вечная правда слишком тяжела даже для вечного.

ГЛАЗА НА ЗАТЫЛКЕ ИЛИ ЧТО ВПЕРЕДИ?

Представьте себе: оспаривая в очередной раз шахматную корону, Каспаров выиграл у Карпова. Нет ничего проще, не так ли? Впрочем, и обратную ситуацию вообразить ничуть не сложнее. Но вот вопрос: кто победит в партии, которую чемпион мира играет сам с собой? Не знаю, правда, находят ли время для подобных экзерсисов гроссмейстеры, или они окончательно перешли на общение с компьютерами; но простые смертные нередко коротают время как раз таким образом, поочередно двигая то черные, то белые фигуры...

Сей вопрос, замечу, вовсе не относится к числу схоластических — вроде рассуждений о точном количестве ангелов, способных разместиться на острие швейной иглы производства фабрики «Красный Октябрь». Смею заверить, он имеет непосредственное отношение к той книге, что держите вы сейчас в руках. Ибо в основе фабулы фантастического романа Святослава Логинова «Многорукий бог далайна» лежит именно такая игра с самим собой.

Вообще-то включение игры в ткань художественного произведения — не такая редкость в практике мировой литературы. «Приключения Алисы в Стране Чудес» Льюиса Кэрролла построены на карточной партии, а его же «Зазеркалье» — на шахматной; та же древняя игра определяет, например, действия героев «Кварталов шахматного города» Джона Браннера. Можно вспомнить книги, построенные на игре в кости, в трик-трак, а в последнее время — как правило, в западной литературе, — на компьютерных играх.

Однако, невзирая на бесчисленное множество и неисчислимое разнообразие игр, придуманных человечеством, всегда находятся люди, кого ни одна из существующих не устраивает, и они измышляют новые. Последнее чаще всего случается в детстве. Процесс зарождения и разрастания такой игры описал в своем «Высоком замке» Станислав Лем, вспоминая, как мальчишкой выстраивал неимоверно сложную административно-бюрократическую систему, понятную ему одному. Изо дня в день юный Лем часами творил какие-то мандаты, дающие право на получение удостоверения, с помощью которого...

Каюсь, даже перечитав эти страницы несколько раз, я не смог до конца уяснить кафкианской природы лемовской игры.

По сравнению с ней игра, придуманная в отроческие годы Славой Логиновым, кажется простой до примитивности. Сказано не в охулку: уж на что, казалось бы, бесхитростен, но как увлекателен и поистине бессмертен классический «морской бой»! По собственному логиновскому признанию, едва ли не во всех его школьных тетрадях последние страницы были исчерканы прямоугольниками, в клетчатой глубине которых обитали таинственные чудовища; спасаясь от них, человек должен был по особой системе выстраивать острова безопасности, вырабатывая некую стратегию — примерно так, как строятся «крепости» при игре в го. Вот только творец этого «прадалайна» в те времена и понятия не имел, что тридцать лет спустя страницы, отнюдь не украшавшие тетради, переродятся в увлекательный фантастический мир. И вообще, он мысли не допускал, что когда-нибудь сам станет писателем.

Хотя все в семье были физиками, он почему-то увлекся химией. Увлекся серьезно — даже занял призовое место на Всесоюзной школьной олимпиаде. И вполне закономерно поступил после этого на химический факультет Ленинградского Университета. Правда, карьера химика не задалась. По окончании университета Святослав переменил немало мест. Работал в Институте прикладной химии, куда был распределен и откуда ухитрился уволиться до истечения положенного молодому специалисту обязательного срока, причем организовать это оказалось делом непростым и само по себе способно послужить сюжетом рассказа — если не фантастического, то уж сатирического наверняка. Значится в его послужном списке и Институт антибиотиков. Потом был завод, за ним СКБ счетных машин... Два года он работал грузчиком, затем преподавал химию в школе, а уж в перестроечные времена сменил несколько редакторских кресел в возникавших и незамедлительно лопавшихся издательствах. Можно выдумать немало теорий, чтобы объяснить эти весьма неожиданные порой вольты и кульбиты. А можно рассматривать их просто как цепочку случайностей. Но мне кажется — не знаю, согласится ли с этим утверждением сам Святослав Владимирович, — что на самом деле причина была одна. Осознанно или подсознательно, однако Логинов всегда стремился к своему естественному состоянию — писательскому. Но по той причине, что в отечестве нашем хлеб литератора ни в какие времена легким не был, достигнуть этого ему удалось лишь к сорока годам.

А ведь если вдуматься — заложено-то было стремление к сочинительству изначально.

Сколько помнит себя Святослав, он всегда что-нибудь сочинял. Сперва это были детские истории — естественно, устные, придумы-

ваемые не столько для окружающих, сколько чтобы потешить собственную душу. Потом пришло запойное книгочейство — с четко выраженным интересом к НФ. Существуй в середине шестидесятых клубы любителей фантастики — он, несомненно, стал бы ярым фэном. Но без того Слава как на службу являлся в книжные магазины, ловя новинки и подбирая букинистические издания — именно теми подростковыми годами заложено было неплохое знание жанра. Добавьте к этому и везение — хорошую учительницу литературы, которая чуть не еженедельно заставляла своих школяров писать сочинения на самые невероятные темы. Не удивительно, что в конце концов одно из таких школьных опусов (правда, написанный уже по инерции, после школы, в 1969 году) оказался первым логиновским рассказом. Еще не пригодным, само собой, для предъявления граду и миру, но все-таки — рассказом.

А потом, на двадцать третьем году жизни, опять-таки в силу неизбежной случайности Слава Логинов попал в Дом писателя и прямехонько угодил на заседание только-только организованного семинара молодых фантастов, которым взялся руководить Борис Стругацкий. Может быть, то было не самое первое занятие, но один факт мы оба помним точно: тогда одновременно впервые появились там Вячеслав Рыбаков и Святослав Логинов, а обсуждался рассказ молоденького Бориса Штерна «Чья планета?», ставший сегодня чуть ли не классикой жанра...

Писал Логинов в те поры даже не рассказы, а миниатюры: самая большая укладывалась в две-три машинописных страницы, а порою и на одной их умещалось едва не полдюжины. Первая из них год спустя была опубликована журналом «Уральский следопыт»: в очередной приезд в Питер тамошнего редактора, безвременно ушедшего от нас великого знатока и подвижника НФ Виталия Бугрова я в числе прочих подсунул ему и подборку логиновских рукописей. Начало было хорошее — да время тяжкое. Бум фантастики первой половины шестидесятых давно превратился в сладкий миф о золотом веке; публиковалась НФ едва-едва; журналы, ее печатавшие, можно было перечесть по пальцам. Так и вышло, что следующий рассказ Логинова вышел ни много, ни мало — через шесть лет. А первой книжки «Быль о сказочном звере», куда вошли всего шесть рассказов — Святославу пришлось дожидаться до девяностого года! Правда, почти сразу увидел свет второй сборник рассказов, побольше — «Если ты один». Две книги в год — неплохой старт, вот только лет бы на десять пораньше...

Мало-помалу логиновские миниатюры переросли в более полнообъемные рассказы. Причем не только фантастические. В поисках литературного заработка Логинов как-то подрядился написать рассказ об истории научного открытия. Правда, появился он не в журнале «Костер», его заказавшем, а пять лет спустя и под видом очерка в сборнике «Хочу все знать». Но дело было сделано — Логинов ув-

лекся историко-биографическим жанром. Помимо серии рассказов он написал две повести — о Мигеле Сервете и о Николае Соколове. Отсюда — естественный шаг к исторической фантастике, разновидности, нечасто встречающейся и, на мой взгляд, весьма привлекательной и увлекательной.

В отличие от иных фантастов, которые обращались к этому жанру, пользуются исключительно тем обстоятельством, что читатели, как правило, знают историю ничуть не лучше них, а потому могут проглотить любые квазиисторические построения и, не моргнув глазом, поверить в самые нелепые анахронизмы, Логинов в своих описаниях всегда достоверен и точен — не в ущерб фантазии, разумеется. Правда, достоверность эта дается дорогой ценой. Я знаю лишь одного человека, работающего в такой же манере — исследователя отечественной НФ, моего друга и — временами — соавтора Анатолия Бритикова. Как-то раз я заметил у него в гараже здоровенную связку бумаг — этак по колено высотой. Неужто, думаю, увлекся Бритиков сбором макулатуры? Было тогда такое — дефицитные книги в обмен на макулатуру... Ан нет. «Это, Андрей, я конспектировал материалы для статьи...» А статья — страниц двадцать, не больше. Так и Логинов — недавно он мне признался, что для небольшой повести «Яблочко от яблоньки» ему пришлось проштудировать больше двух сотен книг. Такая въедливость может показаться непомерно расточительной. Однако на деле она себя окупает, позволяя автору по-настоящему вжиться в творимый воображением мир. И результат достаточно красноречив.

Впрочем, знает этот метод и исключения. Вот, например, «Многорукий бог далайна» был создан исключительно при помощи двухтомного монгольско-русского словаря. Если не считать авторских ума, души, таланта...

Роман не случайно посвящен Андрею Николаеву. Без этого подвижника НФ, тогдашнего издателя любительского журнала — фэнтина — «Сизиф», не явился бы на свет «Многорукий бог». Ведь, хотя Логинов, преодолевая колоссальное внутреннее сопротивление, сумел от миниатюр перейти к рассказам, а от рассказов к повестям, однако дальнейшее расширение повествовательного пространства представлялось ему и невозможным, и ненужным. Однако Николаев с завидным упорством убеждал, доказывал, требовал, — апеллируя к нереализованным авторским потенциям и агоническим стонам страдающих без современных отечественных романов читателей. Логинов мужественно сопротивлялся, но в конце концов капитулировал и обещал попробовать. В результате за два лета — 1991 и 1992 годов, — которые он по обыкновению проводил на Псковщине в деревушке с угро-финским названием Зерема, робкий замысел превратился в рукопись лежащей перед вами книги. Правда, Андрея Николаева в Зереме не было, но

его функции с успехом выполнял Логинов-самый-младший — Денис. В одиннадцать-двенадцать лет самое время исчезать на весь день, чтобы предаваться нехитрым загородным радостям. Денис же отдыхал преимущественно по хозяйству и кухарничал, чтобы отец в это время строчил, сидя на чердаке, но зато вечером читал вслух очередные несколько страниц... Так и вспоминается каноническая история о Стивенсоне, ежевечерне читавшем четырнадцатилетнему пасынку Ллойду очередную главу «Острова Сокровищ». Жаль постеснялся Святослав Владимирович поставить в посвящении имя сына рядом с Николаевым — что ж, вот я и сделал это за него.

Таковы были внешние обстоятельства рождения романа. Теперь несколько слов об инструментах, с помощью которых он создавался. Я уже упоминал оба — детскую игру собственного сочинения и двухтомный монгольско-русский словарь. Об игре распространяться не приходится — суть ее становится ясна по мере чтения. Стоит упомянуть лишь одно обстоятельство: игра в романе не просто первотолчок, направивший авторское воображение. И даже не только система, управляющая движениями героев и развитием фабулы. Это еще и оправдание откровенной ирреальности мира. Такой мир — классическое «Земля имеет форму чемодана» — в принципе невозможен. Но откровенно игровая условность заставляет принять его как данность. Противоречия перестают быть врагом писателя. Изображай он некую планету, вращающуюся вокруг Ипсилона Индейца, подобные нестыковки оказались бы губительными, привели бы к потери читательского доверия. Такое случается сплошь и рядом. А здесь — нет. Ибо в мире далайна возможно все, что изначально оговорено его правилами.

Теперь — о словаре. Общеизвестно, что труднее всего писателям дается измышление искусственного, фантастического языка. Язык в принципе не может быть продуктом индивидуального творчества — его способен создать лишь народ. И те романисты, кто создает собственный мир, заселяет его и наделяет обитателей речью, неизбежно с этой проблемой сталкивается. Проще всего заставить персонажи говорить на родном языке писателя. Большинство фантастов именно так и поступает. Сложнее — придумывать имена, термины, топонимы... Тут обычно приходится обращаться к какому-нибудь не слишком известному потенциальным читателям живому языку. Фрэнк Герберт в «Дюне» использовал для этой цели йеменский диалект арабского, у братьев Стругацких отчетливо прослеживаются вкрапления японского в «Попытке к бегству» и венгерского — в «Обитаемом острове»... Святослав Логинов остановил выбор на монгольском. То есть намеревался он воспользоваться чукотским — там, мол, буквы «ы» много — да словаря не достал. Тут ему и подсунули тот самый, двухтомный... В монгольском «ы» не густо, зато много буквы «ё», к которой Логинов испытывает прямо-таки мистическую

страсть. Впрочем, вам я вооружаться словарем не советую. Хотя в отдельных случаях слова чужого языка использовались Логиновым в их прямом или ассоциативном значении (Тэнгэр — бог; цэрэг — солдат, воин; ван — феодал; а далайн — взморье), но по большей части писатель использовал монгольские слова, ориентируясь исключительно на фонетику. Понадобилось красиво звучащее имя — вот и словечко симпатичное нашлось :«жужигчин»; а что оно в переводе означает «актер» — значения не имеет.

Так с помощью двух помянутых инструментов был создан фантастический мир романа. Теперь пришел черед поразобраться с населяющими его людьми.

Разумеется, в мои намерения не входит даже пытаться всесторонне проанализировать заложенные в романе концепции и идеи. Как и всякое хорошее художественное произведение, «Многорукий бог» слишком многопланов и неоднозначен. И потому я скажу лишь о том, что показалось наиболее интересным и значительным мне самому. Разумеется, у любого из вас может сложиться на сей счет совершенно иное мнение.

Подобно тому, как четыре возносящихся в туманное поднебесье стены замыкают прямоугольный мир далайна, духовно-интеллектуальное пространство романа тоже определяется, на мой взгляд, четырьмя главными идеями. Внутри него могут возникать и гибнуть оройхоны множества иных мыслей, соображений, постулатов и концепций, но четыре краеугольных остаются незыблемыми.

Первая из них — проблема самоидентификации личности. С нею на протяжении жизни неоднократно сталкивается каждый из нас, определяя собственное положение относительно всего остального мира. Проблема эта из породы вечных, и потому о ней написано в мировой литературе не меньше, чем, скажем, о любви. Всякий уважающий себя писатель стремится сказать о ней свое слово. Не избежал общей участи и Святослав Логинов.

Самоидентификация многоэтапна — это своего рода период духовной линьки человека. В детстве она формулируется просто: «Я — ребенок, младший член семьи, средоточие мира». Позже возникают иные прочие. «Я — с этой улицы»; «Я — представитель этого народа»; «Я — исповедую эту веру»; «Я — последователь этой идеи». Какая-то из линек для каждого из нас становится последней — новая кожа прирастает окончательно и больше не меняется; не всем, увы, дано пройти мучительный зачастую процесс до последней стадии, на которой приходит формулировка «Я — человек» — с ее неизбежным приматом общечеловеческих ценностей. Многие останавливаются гораздо раньше. При этом нельзя забывать, что самоидентификация всегда подразумевает два отношения к окружающему:

приятие и отторжение. «Я с этой улицы — а ты по ней не ходи»; «Я правоверный — а вы неверные»... И потому духовное удовлетворение, даруемое осознанием общности, неизбежно оттеняется — в крайних проявлениях национализмом, шовинизмом, фундаментализмом. И даже высшее определение, вроде бы подразумевающее всеобщность и отсутствие объектов отторжения, не гарантирует от таких проявлений, например, при встрече со внеземным разумом — фантасты писали об этом уже тысячи раз...

Среди прочих существует и самоидентификация: «Я — творец». Именно к ней приходит герой логиновского романа. И вместе с ней является вторая идея, также относящаяся к разряду вечных.

Логиновский герой одинок по определению — таковы правила игры; это задано — как прямоугольность далайна. Логинов признавался мне, что обрек своего Шоорана на одиночество и анонимность (о последней мы еще поговорим) едва ли не случайно — проклятие Ёроол-Гуя он ввел в роман, не преследуя каких-нибудь глубинных целей, а просто ради оживления и усложнения игры. Субъективно, возможно, так и было. Но на деле за этим стоит вечная проблема одиночества творца. Подчеркиваю, речь идет не об исключительности. Просто творчество — процесс глубоко интимный, акт творения в принципе не может быть прилюдным. Даже автор, публично демонстрирующий свой талант, по сути, творит вовсе не на сцене — здесь происходит лишь явление граду и миру итога долгого процесса; само же создание образа протекает, насколько я понимаю, за кулисами и в глубине ума и души. Потому вполне естественно, что

...одиночество — расплата
За узкий луч своей тропы:
Поэты ходят по канату,
А он не выдержит толпы.

Однако наряду с неизбежным одиночеством Логинов наградил своего Шоорана еще и анонимностью, а вот она противоестественна и нестерпима для творца. Создатель произведения, автор открытия, изобретатель — для любого из них имя есть и будет «слаще меда и вина». Рукопись можно не только продать, но и подарить. А вот отказаться от имени... И потому совсем не удивительно, что илбэч Логинова — личность с порушенной психикой. Проклятие Ёроол-Гуя достигает цели, разрушая душу творца.

Именно потому — и это третий из основополагающих тезисов романа — творец не может обрести нравственного ориентира. Безусловно, добро и зло — понятия относительные; в разных обществах, развивавшихся в несхожих условиях, они могут сказаться полярно противоположными. И даже в пределах одного общества с едиными культурными традициями и духовными ценностями добро и зло в чистом виде абстрактны, как монополь Дирака и лесковский «один

конец палки». Недаром говорил Гете о вечной силе, что, «стремясь ко злу, свершает благо», а другой поэт полутора веками позже утверждал:

Стремясь к добру, вершим мы вечно зло,
А если нет — нам просто повезло.

Впрочем, стремление ко злу — абстракция, условность, литературный прием. На самом деле в человеческой истории никто и никогда ко злу, насколько я могу представить, сознательно не стремился. Самые страшные преступления совершались людьми, жаждавшими облагодетельствовать свой клан, народ, человечество... И в полном соответствии с этим каждый из героев и персонажей «Многорукого бога» стремится к добру, каким его понимает, а все конфликты и противоречия являются следствием терминологических расхождений. Оно и не удивительно. Вопрос: «Что есть Добро?» — столь же извечен и риторичен, как библейское: «Что есть истина?»

Нравственные полюса, как и магнитные, тяготеют друг к другу, и это делает естественным, логичным и даже ожидаемым финальное превращение Шоорана в своего противника и антипода, как тот, в свою очередь, является невольным порождением вечного старца Тэнгэра. Иначе и быть не могло — слишком уж много раз случалось такое в человеческой истории.

Единого, универсального решения вопроса о взаимоотношениях добра и зла нет и быть не может. Каждому приходится решать его для себя. А разведя полюса, задаться вопросом, который у Логинова звучит так: «Если по правую руку у меня будет добро, а по левую зло, то что окажется перед моими глазами и что за моей спиной?» Собственно, в поисках своего субъективного ответа и написан, по-моему, роман. Правда, с выводом его мне согласиться трудно. Логиновский человек, просветлев лицом, восклицает: «Я понял! Впереди будет жизнь, а за спиной — мертвая вечность. Но у меня нет глаз на затылке, поэтому я буду смотреть вперед». С точки зрения анатомической придраться тут не к чему — глаз на затылке и впрямь не существует. Но если их не заменяет разум, превращающий мертвую вечность в живую историю, то впереди можно увидеть не жизнь, а тонущий в тумане лабиринт. И там уже не поймешь, ни где лево, ни где право. Так что без глаз на затылке все-таки не обойтись. И у самого Святослава Логинова они, несомненно, имеются — в противном случае вы не читали бы теперь этого романа.

Наконец, четвертую из идей, замыкающих мир далайна, я назвал бы мальтузианской. Увы, даже «Философский словарь» самых перестроечных лет трактует учение Мальтуса как «антинаучную социологическую доктрину, исходящую из ложной системы взглядов». Однако течение истории неумолимо подводит к выводу о правоте автора «Опыта закона о народонаселении» — причем справедливость его сегодня куда более очевидна, чем двести лет назад. «Ма-

каный молча вздыхал, слушая указы свежеиспеченных властей. Сейчас, когда земли в достатке, все это имеет смысл, но через два-три поколения добрые начинания выродятся во что-то страшное, и как бы новорожденное государство не затмило бессмысленностью и жестокостью все прочие страны далайна». Рассуждения Маканого — а значит, и автора — как нельзя лучше сопрягаются с нашим историческим опытом. Да вот беда: стены далайна могут рухнуть, для этого очередному илбэчу надо лишь возвести последний оройхон. Таковы правила игры. И тогда откроются бескрайние (ли?) пространства Нижнего Мира. Однако у Земли стен нет. Нематериальные же стены, как известно, самые несокрушимые...

Впрочем, и с далайном все не столь уж однозначно.

На первый взгляд концовка «Многорукого бога» полностью замыкает и завершает композицию романа. Однако на самом деле финал этот относится к числу открытых. Ограничиваясь психологическими аспектами, можно сказать, что большинству писателей свойственна естественная тяга не сжигать кораблей, стремление сохранить себе возможность вернуться в однажды измышленный мир.

Таков финал «Гиперболоида инженера Гарина» Алексея Толстого — не в том варианте, что прошествовал по Собраниям сочинений, первоначальный, 1926-1933 годов. Гарин там становится-таки всемирным диктатором, но занятие это ему быстро приедается, он сует в карман свое последнее изобретение, — карманный гиперболоид и... «Так кончилась одна из авантюр инженера Петра Гарина». Вариант этот был настолько мил толстовской душе, что, переделывая книгу, дабы привести ее в соответствие с духом времени, он не захотел придумывать новой концовки, а нарочито прицепил финал, позаимствованный из «Королей и капусты» О'Генри. Или вспомните великолепное завершение «Улялаевщины» Сельвинского — тоже просуществовавшее лишь до издания 1937 года. Там, после гибели героя, шла однострочная последняя глава: «Но говорят, что это был не Улялаев...»

Держу пари, что Логинову тоже хотелось, пусть неосознанно, оставить открытой дверь в мир далайна. Думаю, как-нибудь летом удалившись в свою Зерему, он вновь -- хоть и по-иному уже — примется творить главы-оройхоны второго тома. Следовательно, у нас с вами есть шанс познакомиться в будущем с продолжением «Многорукого бога».

Что ж, поживем — увидим.

АНДРЕЙ БАЛАБУХА.

СОДЕРЖАНИЕ

МНОГОРУКИЙ БОГ ДАЛАЙНА. Роман. 5

А. Балабуха. Глаза на затылке или Что впереди? 375

Литературно-художественное издание

ЛОГИНОВ
Святослав Владимирович

Избранные произведения

Том 1

МНОГОРУКИЙ БОГ ДАЛАЙНА

Роман

Редактор **Н. В. Резанова**
Технический редактор **Г. В. Стачева**
Корректор **И. С. Пигулевская**
Компьютерная верстка **Е. И. Костюрина**

Подписано к печати 16.11.94. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бумага книжно-журнальная и газетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 22,32. Уч.-изд. л. 25,1. Усл. кр.-отт. 23,72. Тираж 25000 экз. Заказ 3287. С 024.

Набрано и подготовлено к печати в издательстве «Флокс»,
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Отпечатано в типографии ГИПП «Нижполиграф»,
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Святослав ЛОГИНОВ